

Икан Гультрэ

Тень. Своя судьба

Я — Тень. Не та, что молча стелется по земле, следуя за Хозяином и безропотно повторяя все его движения, но разница, в сущности, невелика. У меня нет собственного имени, облика и судьбы. Но это не значит, что нет собственных чувств и желаний. Это не значит, что я не мечтаю обрести то, чего меня лишили.

Икан Гультрэ

Тень. Своя судьба

Часть I. ШКОЛА ТЕНИ

— *Вставай! Пора!*

Голос ввинчивался в сознание, отравляя пространство сна и оставляя лишь одно желание — спрятаться, укрыться от него.

Я перевернулась на живот и зарылась лицом в подушку, натягивая на голову одеяло.

Вообще-то я приучена вставать с постели по первому сигналу. Но именно сегодня одолевало желание пробурчать-пронуть сиплым спросонья голосом: "Ну-у, нянюшка... еще капельку".

"Нянюшка" — это было из другой жизни. Из глубокого детства, память о котором подернулась непроницаемой пеленой. И та, что пришла сейчас за мной — не нянюшка вовсе. Она — мой персональный кошмар, во сне и наяву, с самого своего появления в моей жизни.

Дама Релута, директриса воспитательного дома для девочек, пыхтя и отдуваясь, волокла меня за руку по коридору. Иногда, сделав несколько быстрых шагов, мне удавалось поравняться с ней, но чаще я отставала, плелась за директрисой, загребая ногами, и пялилась на ее пышный зад, колыхавшийся под складками юбки. Это зрелище меня завораживало, оно олицетворяло могущество и власть директрисы. Даму Релуту у нас боялись — наказания, которые она придумывала за детские провинности, свидетельствовали об изощренной фантазии. Даже воспитатели старались покрывать наши шалости, чтобы лишней раз не дать ей возможность эту фантазию проявить.

Я не боялась, хотя и мне доставалось не меньше, чем другим. Просто дама была частью моего мира, незыблемым символом уютной жизни, одним из якорей, приковывавших меня к реальности и не позволявших окончательно погрузиться в мечты и смутные воспоминания.

Директриса открыла дверь своего кабинета и втокнула меня внутрь. Там, в кресле для посетителей, сидела ОНА. У нее были жесткие черты лица, словно высеченного из слоистого камня, смуглая кожа и темные, почти черные глаза, взгляд которых сразу захватил меня в плен.

— Вот, — выдохнула дама Релута, — всё как вы заказывали — и возраст, и умственное развитие, и внешние данные.

— Родственные связи? — гостья спрашивала у директрисы, но смотреть продолжала на меня.

— Нашли три года назад под дверью воспитательного дома. Девочка сказала, что привела ее нянька. О себе она ничего не помнила, даже имени. Мы назвали ее...

— Меня не интересует, как вы ее назвали! — пресекла гостья пространные объяснения директрисы.

Так я лишилась одного из своих якорей — имени. Но дама Релута ошибалась — кое-что я все-таки помнила. Воспоминания были не слишком ясными, словно подернутыми

туманной дымкой, но иногда из этого тумана проступали лица и даже целые сцены. Имен и названий у этих видений не было, но русоволосую женщину с мягким, округлым лицом и ясными голубыми глазами я решила считать своей мамой, потому что мне нравилось, как она улыбалась и смотрела на меня. А суровый мужчина с тяжелым взглядом, который смягчался, стоило в поле зрения появиться мне или этой женщине, был, конечно, отцом.

Няньки в той жизни не было. Она появилась позже и что-то сделала со мной, отчего прежняя жизнь обратилась туманным сном, утратив четкие очертания. И после привела меня сюда и оставила на крыльце со словами: "Так будет лучше".

— Магический дар? — спрашивала меж тем гостя.

— Отсутствует, — докладывала директриса, — проверяли дважды — при поступлении, а потом еще раз, год назад

— Подходит, — коротко отозвалась гостя, — а теперь оставьте нас одних.

И директриса — могущественная, незыблемая дама Релута, которой все так боялись, — съежилась и уступила свои владения другой женщине — более сильной и властной, которой она сама опасалась.

— Подойди, — скомандовала новая хозяйка кабинета, едва за директрисой затворилась дверь.

Я осторожно приблизилась. Эта женщина, в отличие от дамы Релуты, действительно пугала меня. Было в ней что-то, заставлявшее мою душу трепетать и сжиматься.

Женщина поднялась, обошла меня кругом, внимательно разглядывая и хмыкая, затем плеснула в стакан воды из графина и туда же накапала янтарного цвета жидкости из пузырька, который она извлекла непонятно откуда.

— Пей! — она протянула мне стакан.

Возражать я не посмела, выпила.

Женщина пристально уставилась на меня. Мне показалось, что ничего не изменилось. Просто в какой-то момент стало вдруг все равно, что со мной будет дальше. И страшно больше не было, только как-то неправильно, словно я очутилась в неполюженном месте, а как из него уйти — не знаю. Только это и вызывало смутное беспокойство.

— Разденься!

Я послушно стянула с себя приютское платье, оставшись в ветхих панталончиках.

— Повернись ко мне спиной! — снова скомандовала женщина. — А теперь стой и не двигайся.

Стоять голышом было холодновато, и это на какое-то время привело меня в чувство, заставив вновь испытать страх, но когда моей спины коснулось что-то мягкое и влажное, все остальное сразу утратило значение. Страшная женщина рисовала на моей спине причудливые узоры, и только это было важным и составляло всю мою жизнь — я существовала лишь в месте соприкосновения кисти с телом, больше нигде.

А потом она убрала кисть, а когда я всхлипнула, ощутив потерю, наклонилась и шепнула мне в ухо:

— А теперь повторяй за мной: отдаю себя тени, имя свое — древним богам, послушание свое — Бьярте Солнум, магу и алхимику.

Я повторила, и тогда она вновь коснулась кистью моей кожи, завершив узор последним завитком.

Я была уверена, что после этого она заберет меня с собой — я ведь обещала ей свое послушание, — но дама Релута, которая за дверью ожидала дозволения войти, вновь отвела

меня в жилой корпус. Правда, в общую спальню я не вернулась — меня поселили в отдельной каморке, рядом с комнатами ночных нянь.

Уже лежа в постели, я пыталась обдумать произошедшее, но мысли в голове путались, ускользали, не позволяя себя поймать, а я теряла равновесие и всё падала, падала в пугающую черноту сна. Я знала, что сплю, догадывалась, что за пределами окружающей меня тьмы где-то должен быть свет, но выйти к нему не получалось, как и проснуться. Я пыталась вызвать в памяти образ, который меня всегда успокаивал — лицо женщины, что считала своей матерью, но видение, которое я так старательно ткала, расплзлось, стоило мне самую малость ослабить внимание. Хотелось плакать, но глаза мои оставались сухими. Только и оставалось, что пялиться в темноту — в надежде, что она когда-нибудь кончится.

А утром я проснулась больной. Спина пылала, будто узор вчерашний не кистью рисовали, а выжигали огнем, все тело била крупная дрожь, голова раскалывалась от боли, а в глаза словно песку насыпали. Терпеть боль я тогда еще не умела, а потому лежала и тихонько хныкала, но никто ко мне не приходил.

Потом меня вдруг осенило, что дежурная нянька, видать, просто не знает, что я здесь, и надо ее позвать. Сползти с постели стоило мне невероятных усилий, но до двери я так и не дошла — потеряла сознание.

Не знаю, кто нашел меня, но в следующий раз я очнулась снова в постели, а у изголовья сидела няня Тиса — средних лет женщина (мне она тогда казалась почти старухой) с обветренным лицом и шершавыми руками, которыми она время от времени меняла влажную тряпицу у меня на лбу.

— Изверги, — бормотала няня, глядя куда-то мимо меня, — сказали, лекаря звать не надо. Само пройдет, мол.

Болела я еще два дня, а на третий поднялась и на дрожащих ногах дошла до уборной.

Няни в комнате не было, однако на тумбочке у кровати стояла тарелка с остывшим завтраком. Выглядел он не слишком аппетитно, но желудок урчал от голода, и мне пришлось запихнуть в себя склизкую кашу, а когда тарелка опустела, я устроилась на кровати, закутавшись в одеяло, и задумалась.

Чувствовала я себя престранно: вроде ничего не болело, но тело казалось чужим, непослушным, тяжелая голова клонилась к подушке.

Обед я проспала, а к ужину, так никого и не дождавшись, доковыляла до столовой. Соседки по столу не обратили на меня внимания, даже не спросили о том, где я была. С одной стороны, мне это было на руку — дружбы особой я ни с кем не водила и общаться не жаждала; с другой — странно все-таки... будто я и не исчезала никуда и не появилась снова. Словно меня и не было никогда. Мне показалось, что события последних дней окончательно отделили меня от других детей. У меня теперь будет другая жизнь. Я не очень себе представляла, какая именно, но точно другая.

Однако после ужина я почувствовала некоторую растерянность, потому что не знала, куда мне теперь идти — возвращаться в общую спальню или в каморку, где я провела эти дни. Но все решилось само собой: как выяснилось, в спальне меня никто не ждал, с моей кровати сняли постельное белье, а из тумбочки исчезли все мелочи, составлявшие радости девчоночьей жизни — самодельная тряпичная куколка, праздничная синяя лента для волос, прозрачный камушек, представлявшийся мне драгоценным... Потеря меня почему-то не огорчила — все это, казалось, принадлежало другой девочке, которая была ДО ТОГО, приютской сироте с чужим именем, а у меня с некоторых пор имени не было вовсе, ни

своего, ни чужого.

Я вернулась в каморку, поскучала немного и легла спать, чтобы наутро обнаружить, что обо мне все забыли. Никто не пришел меня будить — я сама проснулась еще до рассвета, сходила на завтрак, не без удивления обнаружив, что тарелку с кашей на мое обычное место все-таки поставили, молча проглотила свою порцию и поплелась на занятие.

Урок письма я честно проскучала: наставница повторяла простейшие темы для тугодумов, и выдержать это занятие оказалось непросто. На уроке счета я ожила и даже тянула руку, желая ответить на вопрос наставницы, но та опрашивала кого угодно, кроме меня. Это было немного обидно, потому что учиться мне все-таки нравилось, особенно тому, что у меня хорошо получалось. Вот уроки рукоделия были мне в тягость, и я с раздражением ковыряла иглой натянутую на пальцы ткань, пока не обнаружила, что и здесь наставница обходит меня своим вниманием. Словно меня и вовсе нет в классной комнате. Интересно, а если... Я отложила свою кривую вышивку, поднялась и неспешно прошествовала к выходу. Никто не окликнул меня. Никто даже не посмотрел мне вслед. Маленькая девочка с чужим именем действительно перестала существовать.

Это было странно, непонятно, но по некотором размышлении я увидела для себя выгоды в новом положении: можно было ходить только на те уроки, которые интересны, не бояться наказания за прогулы или нерадивость... И даже книжку в скудной уютной библиотеке я взяла с той полки, куда малявки вроде меня не допускались. И никто даже слова не сказал.

Книжка оказалась на диво скучной, но я все равно дочитала ее до конца и немножко гордилась этим подвигом. Только похвастаться было некому.

Я уже начала входить во вкус беззаботной жизни, когда ей внезапно пришел конец: за мной снова явилась Она и на этот раз все-таки увела меня из воспитательного дома. Я ни о чем и ни о ком не жалела, позволив двери в прошлое закрыться за моей спиной. За прошедшие дни я успела привыкнуть, что уже существую отдельно от этого мирка, не являясь больше его частью.

Мы долго ехали в карете, и я периодически задремывала под перестук копыт, потом просыпалась и, пользуясь тем, что моя спутница погружена в чтение, с удовольствием глазела в окошко.

Прибыли мы к вечеру, я успела изрядно утомиться — и долгим сидением в карете, и избытком впечатлений, а потому, когда Бьярта Солнум привела меня в комнату и объявила, что здесь я теперь буду жить, только кивнула покорно и упала на кровать, не раздеваясь, едва за хозяйкой закрылась дверь.

Свое новое жилище я рассмотрела только утром. Комната, как я теперь понимаю, была невелика и обставлена довольно скромно, однако по сравнению с каморкой в воспитательном доме, не говоря уж об общей спальне, которую я делила с пятнадцатью другими девочками, она показалась мне настоящими хоромами, достойными принцессы.

А может, думалось мне, я и есть принцесса? Меня потеряли во младенчестве, а теперь нашли и вот-вот вернут родителям? Всякая девочка из сиротского приюта мечтает о подобном, а у меня с недавних пор появились основания верить в собственную исключительность.

Во-первых, меня теперь кормили. Нет, я и прежде не голодала, но уютная еда не шла ни в какое сравнение с тем, что подавалось на стол в доме Бьярты Солнум. Правда, к еде прилагалось множество столовых приборов, которыми я не умела пользоваться, а хозяйка

требовала неукоснительного соблюдения правил этикета, но меня это не слишком тяготило: я была наблюдательна, быстро перенимала новые навыки, и по рукам мне досталось всего пару раз, в самом начале.

Во-вторых, на третий день пребывания в новом доме молчаливая служанка принесла и сгрузила на мою постель ворох нарядов. Большею частью это была довольно скромная одежда, в основном, штаны и рубахи, но нашлось и несколько платьев — таких прекрасных, что у меня глаза загорелись от восторга. И конечно, я не преминула надеть одно из них, чтобы спуститься к обеду.

Бьярта Солнум уже сидела за столом. Я широко улыбнулась ей, покружилась, демонстрируя свою выдающуюся красоту, и не удержалась от вопроса:

— Я принцесса, да?

— Ты не принцесса, — сухо ответила хозяйка, — ты тень принцессы.

Не знаю, почему я решила, что тень принцессы — это что-то вроде личинки, из которой со временем должна вылупиться настоящая принцесса. Я просто очень хотела в это верить, а потому ответ Бьярты меня вполне удовлетворил.

Удивительно, но Бьярты я больше не боялась, даже не помнила о своем прежнем страхе.

Страх вернулся позже. Я успела привыкнуть к спокойной, размеренной жизни: сну в мягкой постели, хорошей еде, долгим беседам с хозяйкой.

Бьярта говорила со мной не как с ребенком, она рассказывала о разных вещах: об устройстве жизни в королевстве Тауналь, о соседних странах и дальних краях. Много было мне непонятно, но детский ум впитывал все подряд, не разбирая. Я была счастлива, что мне уделяют столько внимания, щедро делятся знаниями о мире...

Только однажды я остро ощутила свою незначительность — когда осмелилась попросить Бьярту показать мне какое-нибудь колдовство. Хозяйка ничего мне не ответила, но взгляд, которым она меня одарила, ясно показал мне, что я переступила некую границу, к которой даже приближаться не должна. Я была умной девочкой, а потому опасную тему больше не затрагивала и вообще стала осторожнее, не столько осознав, сколько почувствовав пропасть, которая нас разделяла.

Впрочем, мне это не помогло. Невозможно отслеживать границы, если кто-то сильный меняет их расположение по своему усмотрению... кто-то, в чьей власти не только устанавливать эти границы, но и распоряжаться твоей жизнью, указывая на степень ее ничтожности...

В то утро я почувствовала себя нехорошо примерно через час после завтрака. Мы сидели в комнате, Бьярта рассказывала что-то, несомненно, увлекательное, но нарастающая дурнота мешала мне сосредоточиться. Сперва я не поняла, что со мной происходит — за все время приютской жизни я болела лишь однажды, после визита Бьярты и ее колдовских манипуляций с моей спиной. Я и в этот раз списала все на магию, а потому терпеливо переживала странные приступы, скручивавшие мое нутро в болезненный узел, обливалась холодным потом, но помалкивала. А потом меня скрутил очередной спазм, и недавно съеденный завтрак фонтаном выплеснулся мне на платье и на кресло, с которого я не сообразила подняться.

Бьярта брезгливо поморщилась.

— Когда тебя тошнит, надо уходить в уборную, а не пачкать все вокруг себя, — сухо заявила она, — встань немедленно, прибери здесь все за собой, а потом переоденься и приходи. Я буду ждать тебя в зеленой гостиной, — и вышла из комнаты.

Ослушаться мне и в голову не пришло. Я сходила за тряпками и водой, тщательно очистила кресло и пол. Дважды меня прерывали приступы тошноты, и я едва успевала добежать до уборной, но все же я доделала то, что от меня требовалось, потом переделалась и даже неумело простирнула испачканное платье.

Бьярта, как и обещала, поджидала меня в зеленой гостиной и, стоило мне усесться в кресло, продолжила свой монолог с того места, на котором остановилась.

К тому времени я уже успела понять, что мне не просто красивые истории рассказывают, а пытаются чему-то научить. И мне это нравилось, но только не в тот раз, не тогда, когда в животе волнами разливается мучительная боль, а выворачивающийся наизнанку желудок то и дело заставляет срываться с места.

Однако прерывать урок из-за моего самочувствия Бьярта не собиралась — лишь умолкала ненадолго, когда я выбегала из комнаты, и снова начинала говорить, когда я вновь показывалась на пороге. Похоже, ее не слишком заботил тот факт, что я едва ли способна усвоить что-то в таком состоянии.

Зато на обед чародейка милостиво позволила мне не ходить, и я чуть слышно выдохнула с облегчением, потому что есть мне совсем не хотелось, а хотелось лечь, прижав колени к животу, и ни о чем не думать.

К вечеру приступы тошноты прошли, боль улеглась, но еще три дня меня лихорадило, и на еду я смотрела, мягко говоря, без восторга.

И только когда болезнь окончательно отступила, я решила задать Бьярте мучивший меня вопрос:

— Что это было? Магия? — мне не надо было объяснять, что я имею в виду, чародейка понимала... Наверно, она знала обо всем, что творится в моей голове.

— Не магия, — спокойно ответила Бьярта, — яд.

После чего подошла к книжному шкафу, достала с полки увесистый фолиант, пролиставала его, выложила передо мной открытую книгу и указала пальцем:

— Читай.

Я послушно уткнулась в страницу. Читала я для своих девяти лет неплохо, но текст, изобиловавший непонятными словами, поддавался с трудом. Впрочем, чародейка меня не торопила.

'Уртаса — ядовитое вещество, получаемое из листьев тумны обыкновенной или регавы огненной. При попадании в организм с пищей всасывается через слизистые оболочки полости рта и пищевода, поражая жизненно-важные органы. В небольших дозах вызывает приступообразные спазматические боли, рвоту, слабость, головокружение. В отдельных случаях наблюдается несвязность речи, вызванная онемением гортани. Прием смертельной дозы вызывает судороги, нарушение дыхания и последующую остановку сердца. Смертельная доза составляет 7 уаров для взрослого неподготовленного человека. Если организм ослаблен, летальный исход возможен и в случае приема меньших доз, но не менее 3 уаров.

Противоядие...'

На эту небольшую статью я потратила не менее получаса, то и дело возвращаясь и перечитывая непонятные фразы, пытаюсь вникнуть в ускользающий смысл. Нельзя сказать, чтобы я вовсе ничего не поняла. Но мой главный вопрос остался без ответа. Отодвинув книгу, я с недоумением уставилась на хозяйку. Та, впрочем, не сочла нужным что-либо объяснять.

А спустя неделю меня опять посетило уже знакомое недомогание. В этот раз я своевременно почувствовала его приближение, и это позволило мне не опозориться — я вовремя бегала куда положено, а в оставшееся время пыталась внимать речам чародейки, лишь постанывая, когда живот скручивали особенно мучительные приступы боли.

Я была умной девочкой и догадывалась, что яд не мог попасть в мою пищу без ведома хозяйки, но помалкивала до поры. Я стала бояться садиться за стол, ожидая очередного подвоха, однако страх свой старательно скрывала. Впрочем, не думаю, что он оставался тайной для чародейки.

Третье отравление прошло легче — боли было не меньше, но уже к вечеру первого дня я чувствовала себя вполне сносно. Даже поела немного за ужином. И подумала, что все, наверно, не так ужасно, у Бьярты наверняка найдется разумное объяснение.

— Зачем? — спросила я, отложив вилку.

Бьярта опять поняла меня без всяких уточнений:

— Чтобы ты привыкала.

— К яду?! — ее ответ ничуть не уменьшил моего недоумения.

Чародейка молча поднялась из-за стола и вышла. Я не знала, стоит ли мне идти за ней, и на всякий случай осталась сидеть. Оказалось, правильно. Хозяйка вернулась через несколько минут и положила передо мной тоненькую книжицу в сером невзрачном переплете.

— Прочитаешь сегодня. Что поймешь — то твое.

Серая книжка была написана куда более понятным языком, но за один вечер я с ней все равно не справилась. Бьярта хмыкнула, однако позволила мне оставить ее у себя на несколько дней. Книга рассказывала о том, как детей сызмальства приучают к ядам, чтобы впредь у них была возможность избежать мучительной смерти. Некоторые яды, как, например, ту же уртасу, полагалось принимать время от времени в не смертельных количествах, другие в ничтожно малых дозах добавлялись в пищу ежедневно — и таким образом вырабатывалась устойчивость организма к отравляющим веществам. Поняла я, конечно, далеко не все, но две самые важные вещи для себя усвоила: во-первых, что мне придется привыкать и к боли, и к прочим неприятным ощущениям, потому что чародейка ничего не делает просто так, а во-вторых, к ядам приучают тех, на кого в будущем, возможно, будут покушаться, — отпрысков знатных семейств, стоящих у власти. И еще поняла, что принцессой мне быть совсем не нравится. Впрочем, я уже начала сомневаться в том, что я принцесса. Может, их и травят, но наверняка не заставляют убирать за собой следы своего... недомогания. У принцесс для этого имеются слуги.

В доме Бьярты Солнум тоже были слуги, но с ними я практически не сталкивалась, да и при встрече они меня не замечали. Но я и без них неплохо справлялась — и мылась, и одевалась сама, даже косу научилась заплетать. Впрочем, в комнате моей кто-то наводил порядок в те часы, когда чародейка впихивала в мою голову очередную порцию знаний. Я старалась не доставлять слугам лишних хлопот — не разбрасывала свои вещи, сама застилала постель. К этому меня приучили еще в воспитательном доме.

Я оказалась права — Бьярта взялась за меня всерьез. И боль стала неотъемлемой частью, моей жизни. Мало того, мне не позволялось уделять неприятным ощущениям слишком много внимания. Едва чародейка заметила, что приступы больше не валят меня с ног, к ядам добавилась физическая нагрузка.

Сначала Бьярта показала мне упражнения, которые полагалось выполнять дважды в

день — утром и вечером, затем мы начали бегать по дорожкам запущенного сада чародейки. Да-да, в первые дни хозяйка бежала вместе со мной, подсказывая, как правильно дышать, чтобы не утомляться, и только потом, когда я усвоила эту науку, стала гонять меня одну, покрикивая мне вслед или ускоряя тычками невидимых палок, если ей казалось, что я слишком расслабилась.

В обычные дни пробежки даже доставляли мне удовольствие, но только не тогда, когда живот скручивала боль, а к горлу подступала тошнота. Однако спуску мне чародейка не давала, гоняла каждое утро, независимо от погоды и моего самочувствия.

Почему я терпела, не бунтовала?

Отчасти, наверно, из-за того ритуала, в котором я дала обещание быть послушной. Но главным было ощущение того, что мой новый мир, после того как закрылась дверь в прошлое, вращался вокруг Бьярты. Она и только она привязывала меня к реальности, возвращала каждое утро в жизнь и заставляла эту жизнь впитывать всей душой, всем телом, испытывать удовольствие оттого, что я становлюсь крепче, сильнее, радоваться всякой минуте без боли, с восторгом постигать новые знания. Сны все еще снились мне, но они были уже... не про меня. Между мной и теми людьми из видений пролегла непреодолимая пропасть.

Учеба моя тоже стала проходить интенсивнее. К простым беседам, посвященным истории, географии и мироустройству, добавились уроки математики. Бьярта быстро убедилась, что счетом и простыми арифметическими действиями я уже неплохо овладела, и решила углубить мои знания. Отдельно мы изучали свойства веществ и их состав. Чародейка не только учила меня, но и проверяла, как я усваиваю знания, при этом особое внимание уделяя моему умению внятно излагать свои мысли. Говорить полагалось гладко, не мычать, избегать лишних слов, грамотно строить предложения.

Несмотря на строгость наставницы, учиться мне нравилось, учеба казалась увлекательной игрой, а когда к имеющимся наукам в мое расписание добавилось изучение языков — илмайского, ругалденского, устейского, — мне начало казаться, что я в попала в сказку.

Мир вращался вокруг Бьярты, а Бьярта — вокруг меня. За всю мою короткую жизнь никто не дарил мне столько внимания.

Чародейка никогда меня не хвалила, но я и не нуждалась в ее похвале, меня удовлетворяло само осознание того, что у меня все получается.

Страх перед чародейкой, давно свивший гнездо в моей душе, никуда не делся, просто спрятался поглубже, не мешая мне постигать мир. Я заперла свой страх на ключ — неосознанно... Думаю, это была защита, которая не позволила страху свести меня с ума. Это сейчас мне так кажется, а тогда я гордилась своей смелостью, думая, что просто справилась с ним. Я четко усвоила многочисленные 'нельзя', научилась сдерживать неуместные вопросы, которые так и просились на язык, а потому не вызывала гнева наставницы. Когда знаешь правила, жить куда проще.

Три года. Три года я прожила под одной крышей с чародейкой. Я не слышала от Бьярты ни одного ласкового слова и не питала иллюзий по поводу ее чувств ко мне. Я знала, что нужна ей, и не торопила тот день, когда узнаю зачем. Я и сама не любила Бьярту, а она не нуждалась в моей любви. Просто она была. А кроме нее никого не было.

Иногда Бьярта уезжала на несколько дней, обязательно загружая меня какими-нибудь заданиями на время своего отсутствия, потом она возвращалась — и всё шло по-прежнему.

В тот день Бьярта вернулась из очередной поездки. Вид у чародейки был измученный, под глазами пролегли глубокие тени, складки у рта обозначились резче, а прядка, выбившаяся из строгой прически, обвисла безжизненно. Однако взгляд оставался острым и цепким, и этим взглядом она впиалась в мое лицо, словно вдруг заметила в нем что-то новое.

— Ты становишься старше, — изрекла она, — значит, сегодня.

Я не позволила себе выразить свое недоумение. Да, я становлюсь старше. А как же иначе? Так положено. Время в усадьбе текло незаметно, мир казался неизменным — тот же дом, сад, те же слуги... та же Бьярта — тоже неизменная, незыблемая. Стержень этого мира.

Но я менялась, не слишком быстро, но вырастала из одежды, а вместе с ней — из детских мыслей и желаний. В двенадцать лет дети редко становятся взрослыми, но это те, которые живут обычной детской жизнью. Не я.

Меня даже не терзало любопытство о том, что должно произойти сегодня. Я ждала вечера с легкой тревогой, но без страха. Просто как очередной неизбежности в моей короткой жизни.

На закате чародейка пришла за мной в комнату, и мы вместе спустились в подвал, в ее лабораторию, куда до сих пор мне не было доступа...

Колбы, пробирки, горелки, какая-то странная конструкция из труб... впрочем, долго оглядываться Бьярта мне не позволила.

— Раздевайся!

Я быстро скинула платье.

— Спиной?

— Да.

И снова кисть коснулась моей спины. Горячо и холодно одновременно — морозные узоры, обжигающий холод, восторг и страх. И снова я существовала только там, на стыке кисти и обнаженной кожи, отслеживала ее движения и боялась исчезнуть, когда нас разлучат.

— Повторяй. Признаю себя тенью, облик свой отпускаю в небытие.

Повтор. Последний росчерк кисти. И я отключилась.

Пришла в себя в том же подвале на кушетке, укрытая собственным платьем. Бьярта устроилась в кресле напротив и сверлила меня тяжелым взглядом. Под этим взглядом я спешно, путаясь в рукавах, натянула на себя одежду и встала перед хозяйкой. Чародейка хмыкнула, но ничего не сказала, ограничившись кивком.

— Что теперь? — спросила я, когда мы поднялись в комнаты.

— Вот, возьми, — Бьярта протянула мне тетрадь в кожаном переплете, — начнешь читать завтра с утра. У тебя три дня. Будут вопросы — отвечу.

Удивительно, но в этот раз после ритуала я чувствовала себя сносно. Не сказать, чтобы уж очень хорошо — и спина горела, и познабливало. Но не было больше ни пугающей тьмы, ни жара. Я отлично выспалась, а после завтрака принялась за тетрадь.

'Создание теней, их свойства и использование,' — гласила надпись на первой странице. И я поняла, что это обо мне. О том, какая жизнь мне уготована.

...Три ритуала. Уже второй лишает последнего шанса свернуть с пути — превращение в тень становится необратимым. Третий привязывает тень к конкретному носителю, к хозяину, лишая собственной судьбы. Вместо тени живет хозяин — и за себя, и за нее. А тень забирает себе боль, а если надо — и смерть. Любая рана, любой вред, нанесенный хозяину,

принимает на себя тень, а носителю остается лишь тень боли...

Я попыталась представить себе, как это должно быть, но моя фантазия спасовала. Испытывать боль вместо кого-то? Ну да, наверно... магия и не такое может. Но истекать кровью, если ранили не тебя? Нереально! Невозможно! Не... Не хочу! И — червячок злобный такой, ехидный: а кто тебя спрашивает-то? Хочешь — не хочешь... Поздно.

...Тень не видит никто из людей, кроме носителя, магов, осведомленных о ее присутствии, других теней, а также владельцев амулета, настроенного специально на эту тень. Это после третьего ритуала, до него такая настройка необязательна, достаточно общего амулета, позволяющего видеть тени...

И Бьярта, да. Она будет видеть меня всегда. Не потому что маг, а потому что моя создательница. С ней мы связаны навсегда.

...Тень сообщает свои свойства предметам, попадающим в сферу ее влияния, а именно одежде и всему, что Тень носит на себе или держит в руках...

...Использование... Незримая охрана, постоянный спутник, которого иногда ненавидят, но чаще терпят его присутствие как неизбежное зло, забывая о нем, если получается. И только тень не забывает о своем носителе. Не может удалиться от него более, чем на тысячу шагов. Постоянно отслеживает его состояние — дыхание, сердцебиение. И оказывается рядом, хочет она того или нет, если носителю грозит опасность. Чтобы занять свое место между ним и этой опасностью...

Каково это — быть привязанной к кому-то, как... тень? Чувствовать чужую жизнь? Знать, что в любой момент и из любого места эта странная связь может выдернуть тебя и бросить туда, где поджидает смерть?

...Создание тени — дорогое удовольствие, такой заслон между собой и болью могут позволить себе очень и очень немногие, чаще всего коронованные особы покупают такую защиту для своих чад...

Покупают, значит. Звучит паршиво.

...Тень готовят с детства, она должна быть одного пола и примерно одних лет с носителем, привязка не может состояться в возрасте старше пятнадцати лет...

Значит, еще три года. Самое большее. Потом я окончательно перестану принадлежать себе. Мне страшно? Нет, наверное. Просто холодно. Надо закрыть окно. И тошно. Я подышу немного — вдох-выдох — и полегчает.

...Внешние данные тени должны соответствовать данным носителя. Нет, не сходство подразумевается, просто основные признаки в описании: светлые волосы, серые глаза, прямой нос. Большого не требуется...

Так какая она, моя носительница? Я поднялась с кресла, подошла к гардеробной и приоткрыла створку зеркала. И отшатнулась — из серебристого стекла на меня смотрела... тень. Нечто серое, напоминающее своими очертаниями человека, но... именно очертаниями. Того, что я ожидала увидеть, в зеркале не было. Куда-то делась сероглазая девочка. Впрочем, я теперь не смогла бы с уверенностью утверждать, что у нее были серые глаза. Старалась, но вспомнить не получалось. Та девочка осталась во вчерашнем дне. За мной закрылась очередная дверь. Но в этот раз я ощутила сожаление. И горечь. Первое по-настоящему взрослое чувство.

С чтением тетради я справилась за полдня, но просидела в своей комнате до вечера, пытаюсь справиться с накатившей тоской. Я бы поплакала, но моя горечь никак не хотела пролиться слезами.

— Значит, тень принцессы? — спросила я у Бьярты, спустившись к ужину. — Какой же?

— Нэлисса, дочь короля Тауналя.

— У других королевских детей тоже есть тени?

— Нет, старший сын и наследник престола вырос из подходящего возраста к тому времени, как его величество обратился ко мне. Второй сын и две дочери погибли... слишком рано. Младший сын... в тени не нуждается.

Хорошо, что Бьярта уделяла истории большое внимание при моем обучении. По крайней мере, я могла догадываться, какие события стоят за такой... повышенной смертностью в королевской семье: предыдущий король Тауналя, Уйгар I вел захватническую политику, его сын, Уйгар II, продолжил ее, присоединяя соседние небольшие королевства и княжества и уничтожая местные династии вплоть до детей и дальних родственников. Неудивительно, что у короля множество врагов. И понятно его стремление защитить хотя бы одну дочь.

Что ж, по крайней мере, я останусь в этой стране.

— Я не все поняла... Допустим, меня не видно. Хотя сама себя я вижу, — ну да, только то, что можно увидеть без зеркала... Собственно, почти все... Кроме самого главного. — Но ведь кто-то может слышать тень, почувствовать запах, просто ощутить близкое присутствие еще одного человека...

— Не человека. Тени. И тебе еще предстоит научиться этому — быть не только невидимой, но и неслышимой, неосязаемой.

Вот так. Не человека.

Бьярта сдержала свое слово и оставила меня в покое на три дня, как обещала. За эти дни я обнаружила, что способность отражаться в зеркале — не единственное, что я потеряла. Раньше слуги меня просто не замечали, обходя при встрече, если я оказывалась у них на пути, и никогда не вступая в разговоры, теперь они меня не видели совсем. Чудом избежав нескольких неприятных столкновений, я стала уступать дорогу встречным. Это было не трудно, благо дом чародейки был немногочислен. Наверно, во дворце мне придется тяжелее. Или нет?.. Я весьма смутно представляла себе, каким должен быть королевский дворец и кто его населяет.

Утро четвертого дня началось как обычно: упражнениями и пробежкой. А за завтраком чародейка огорошила меня новостью:

— Сегодня у тебя появится новый учитель.

— Вот как? — только и ответила я, сдержав вопросы, готовые сорваться с языка.

Нельзя спрашивать. Что надо, Бьярта скажет сама.

После завтрака чародейка погнала меня переодеваться. Как для разминки. Заинтригованная, я справилась за считанные минуты и спустилась в гостиную. Впрочем, зря спешила — сама Бьярта появилась лишь четверть часа спустя, окинула меня придирчивым взглядом, кивнула каким-то своим мыслям и махнула рукой, призывая следовать за собой.

Новый учитель ждал на песчаной площадке в дальнем углу сада, где я обычно проделывала свои упражнения. Это был невысокий смуглый мужчина с коротким ежиком волос на голове, мелкими чертами лица и жестким взглядом, под которым мне сделалось неуютно. Это мне-то, закаленной взглядами чародейки!

— Бьярта, — мужчина повернулся к хозяйке, — ты опоздала. Надо было начать на пару лет раньше.

— Раньше было нельзя, — сухо ответила чародейка, — кроме того, я ее подготовила,

это не совсем сырой материал.

— Посмотрим, — новый учитель опять повернулся ко мне. — Иди сюда!

Я приблизилась осторожно, а он... ухватил меня за косу, резко притянул мою голову к себе и... Не заметила, откуда взялся нож в его руке — просто просверк стали перед глазами. И чувство легкости — я даже не сразу поняла, откуда оно взялось, пока не увидела разжимающиеся пальцы, из которых скользнула в песок моя коса.

— Это лишнее, — пояснил он, — и не паникуй, все равно твоей красы никто не увидит.

— А ты видишь? — угрюмо спросила я.

— Насколько позволяет амулет.

Похоже, амулет позволял видеть больше, чем зеркало — в нем коса не отражалась. Оно вообще ничего не показывало, кроме зыбких очертаний.

— Зови меня мастер Оли. Или просто мастер, — продолжил меж тем мужчина, — я буду учить тебя быть бойцом.

— Хорошо, мастер... Оли.

— Давай по этой дорожке вокруг сада. Я должен посмотреть, как ты дышишь.

Дышала я хорошо. Даже очень. Пока мастер не начал наращивать скорость. Поначалу я держалась, однако споткнувшись о коварный корень (а ведь я знала о нем, до сих пор всегда перепрыгивала!), на ногах удержалась, но с дыхания сбилась и к концу пробежки сипела, как придушенное животное.

— М-да, — поджал губы мастер, — я надеялся на лучшее.

Он вдруг приблизился ко мне, сделал какое-то неуправляемое движение рукой, и я рухнула, больно ударившись копчиком.

— Никакой растяжки и реакция нулевая.

— Хорошая у меня растяжка, — обиженно пробурчала в ответ, — просто я не ожидала.

Мастер наклонился, приблизив свое лицо к моему, и прошипел:

— У тебя в жизни будет много неожиданностей, ученица! И ты должна быть готова к любой!

Я наивно рассчитывала, что после пробежки мастер отправить меня отдыхать, но вместо этого меня ожидала первая порция неожиданностей. И я должна была — в зависимости от... м-м-м... разновидности неожиданности — либо устоять, либо вывернуться — и опять же устоять. Много чего выяснилось тем утром, но самым главным из усвоенного было то, что до сих пор я, сама о том не подозревая, жила жизнью принцессы, и именно сегодня она закончилась.

К концу тренировки я могла только скулить. Ватные ноги почти не держали меня, я с трудом добрела до своей комнаты, налила воду в ванну и погрузилась в нее со стоном.

Впрочем, долго нежиться мне никто не позволил — мне казалось, я только успела расслабиться, прикрыть глаза, когда дверь в ванную распахнулась и на пороге появился мастер Оли. Появление учителя вызвало не смущение, а раздражение — я-то надеялась, что уже избавилась от него на сегодня. Но мастера мои эмоции не интересовали, только тело — материал, с которым он уже начал работать.

— Долго ты еще тут разлеживаться собираешься? Вода остывает, это не на пользу.

Вода и правда начала остывать, а я этого даже не заметила. Учитель схватил меня за руку и рывком вытащил из ванны.

— Вытирайся, — бросил он, — но не одевайся, — и вышел.

Я растерлась полотенцем, потом завернулась в него и высунула нос наружу. Мастер Оли

стоял, сложив руки на груди. Поза его казалась расслабленной, но я не обольщалась. И даже не особенно удивилась, когда он резким движением сдернул с меня полотенце.

— Ложись, — учитель кивнул на кровать.

Спорить не стала. Глупо спорить, когда понимаешь, что по-твоему все равно не будет. И стеснительность твою никто принимать во внимание не собирается, как и любые другие чувства. И глупо не доверять мастеру, который знает, что делает. Это я поняла, когда он растер мое тело какой-то пахучей мазью, отчего натруженные мышцы разом перестали ныть.

Мастер укрыл меня одеялом:

— Лежать полчаса. Вечером зайду еще раз, — и вышел.

Когда я спустилась к обеду, выяснилось, что трапезничаем мы больше не вдвоем с Бьяртой — к нам присоединился мастер Оли. И что-то мне подсказывало, что так теперь будет все время, пока он меня учит. Возможно, мне показалось, но с хозяйкой мастера связывали какие-то отношения. Во всяком случае, они были знакомы и раньше.

— Зачем мне это? — спросила я у чародейки. — Ведь моя задача — принять на себя боль и смерть, предназначенные принцессе. Что изменится, если я научусь сражаться?

— Тень, умереть за принцессу можно только один раз, а ей будет грозить множество смертей. Твоя задача — не умереть, а выжить самой и позволить выжить ей. И чем лучше ты умеешь это делать, тем дольше сможешь выполнять свое предназначение. Так что тренироваться будешь с полной отдачей, — отозвалась Бьярта.

— Но... меня ведь никто не увидит? Кто сможет сразиться с невидимым противником?

— Во-первых, у нападающих могут быть амулеты, позволяющие засечь тень. Во-вторых, хороших бойцов учат сражаться вслепую, не видя противника. Если ты не будешь к этому готова, тебя выведут из строя в считанные мгновения и доберутся до принцессы. Напомнить тебе, что тень никогда не переживает носителя? — вмешался в разговор мастер.

Я и не собиралась уклоняться от тренировок. Мне просто было интересно. Любопытство, кажется, оставалось едва ли не последним, что сохранилось от настоящей, живой меня. С тех пор как сны о прошлом окончательно покинули меня, внутри поселился холод.

Вопреки моим ожиданиям, мастер не начал сразу учить меня сражаться. Вместо этого пришлось бегать, прыгать, кувыркаться, потом снова бегать... И после каждой тренировки я чувствовала себя измочаленной настолько, что у меня едва хватало сил, поднявшись к себе, перевалиться через бортик ванны. После этого я могла только лежать в остывающей воде, пока не являлся мастер и не извлекал меня оттуда. Впрочем, через неделю мне стало чуть полегче. Настолько, что вылезала из ванны я сама.

Традиционные утренние занятия Бьярта перенесла на послеобеденное время. Но этим не ограничилась. Стоило мне привыкнуть к новому расписанию, как в него были внесены дополнения: не говоря ни слова, чародейка после очередного урока сделала мне знак следовать за собой и спустилась в лабораторию. В прошлый раз мне не удалось тут осмотреться... впрочем, и в этот раз Бьярта не позволила мне тратить время на пустяки. Спустя пару минут я сидела на жестком стуле с завязанными глазами. Чародейка ступала тихо, но я все равно слышала, как она двигается: вот подошла к столу, зашуршала чем-то — вроде бы выдвинула ящик, потом раздался щелчок... Бьярта Солнум подошла ко мне вплотную, и я уловила движение воздуха у самого лица. Дернулась, даже вскинула руку, чтобы оттолкнуть неведомую опасность — именно так я это восприняла, — но чародейка цыкнула на меня и скомандовала:

— Сиди спокойно. Нюхай.

Я принялась. Воздух донес до меня едва уловимый аромат древесной коры.

— Что это?

— Потом, — ответила чародейка, — понюхай теперь вот это.

Новый запах — такой бывает от земли у корней яблони после дождя. И еще один — с легкой кислинкой... Потом Бьярта добивалась от меня, чтобы я описала аромат, который с первого раза вообще не почувствовала, а после, долго принявшись, не могла вспомнить, на что он похож, только какие-то невнятные образы — зеленый цвет, дрожащие пальцы, недоумение...

— Что это? — снова спросила я.

— Уртаса.

Ну точно, именно зеленое платье было на мне в то утро...

— А остальное? Тоже яды?

— Верно.

И я удостоилась первой лекции по растительным ядам. Не последней, разумеется. Я училась распознавать различные виды отравы по вкусу, запаху, внешнему виду.

— Ты их еще чувствовать научишься, — усмехалась чародейка.

— Это как?

— Узнаешь, когда придет время, — загадочно отвечала она.

Еще мне предстояло научиться чувствовать собственное тело. Впрочем, к этой науке моя наставница подошла издалека: прежде чем чувствовать, тело следовало изучить. Эти уроки тоже проходили в лаборатории.

— Чтобы слуг не пугать, — снизошла до объяснений чародейка.

Тут она, пожалуй, была права: не были слуги чародейки привычны к чудесам, не баловала их хозяйка демонстрацией своей магии, а потому два фантома, представлявшие собой обнаженных мужчину и женщину, выставлять на всеобщее обозрение не следовало. Особенно с учетом того, что временами на них отсутствовала не только одежда, но и кожа. Впрочем, это было не самым страшным — эти странные тела безупречно функционировали не только без кожи, но и со вскрытой брюшиной или грудной клеткой. Даже двигались. Не сами, разумеется, а по приказанию Бьярты, если ей требовалось показать мне работу какой-либо мышцы.

В общем, у неподготовленного зрителя фантомы могли вызвать крайне неприятные чувства — от гадливости до элементарного страха. Мне, признаться, тоже было не по себе в обществе этих кукол, приходилось постоянно помнить о том, что они не живые и не имеют собственной воли. Спасало меня поначалу только то, что... Бьярты я боялась больше.

С некоторых пор чародейка снова начала посещать мои сны. Не сама по себе, а в виде той самой тьмы, что захватила меня в плен после первого ритуала. Чувство беспомощности, неспособности хоть что-нибудь противопоставить ей — вот что пугало до дрожи и заставляло сердце бешено колотиться при пробуждении. Почему я решила, что тьма — это и есть Бьярта? Потому что она была одушевленной, живой... и потому что она появилась в моей жизни одновременно с чародейкой. Это она своими ритуалами поглощала меня прежнюю и создавала новую... не меня.

Но все эти страхи ничуть не умаляли моего интереса к учебе. И еще: я довольно быстро поняла, что Бьярта не просто учит меня, но дает мне шанс выжить. Мысль о том, что это будут лишние месяцы и годы НЕ моей жизни, я старательно гнала от себя. И — в глубине

души — продолжала надеяться, что есть какой-то выход, который Бьярта намеренно от меня скрывает.

И эта надежда помогала мне затолкать тревогу на самое дно души и не мучить себя сомнениями. Но она же и подталкивала к действиям. Ведь, если выход есть, надо его искать, правда же? И я искала. Прислушивалась, приглядывалась... даже шпионила за хозяйкой, тщательно скрывая свой интерес к ее действиям, которые вроде бы не касались меня напрямую.

О том, что в доме есть двери, которые не открываются ни для кого, кроме чародейки, я и раньше знала. Одна из таких дверей находилась в лаборатории. Пару раз чародейка входила в нее при мне, но меня внутрь не приглашала, а я тщетно силилась заглянуть туда — под рукой хозяйки. Увы, ничего, кроме темноты, не видела — если чародейка и зажигала свет, то уже за закрытой дверью.

Еще одним недоступным для меня помещением был хозяйский кабинет. Правда, туда допускали горничных для уборки, да и мастер Оли пару раз уединялся там с Бьяртой, а когда выходил, то не слишком твердо держался на ногах. Из всего этого я сделала неожиданный вывод, что за дверью кабинета вряд ли найдется то, что может меня заинтересовать. Тайные знания, как мне казалось, должны храниться так, чтобы даже краешком не попасться на глаза несведущему. С тайных знаний не смахивают пыль обыкновенные служанки, рядом с ними не ведут неторопливые беседы за бокалом терпкого вина — а именно его запах я уловила, подстерегая мастера в укромном местечке неподалеку от кабинета. И когда он прошел мимо, твердо решила, что за этой дверью мне точно искать нечего.

Гораздо больше меня влекла другая, существование которой я обнаружила совершенно случайно, когда оперлась рукой о стену в библиотеке. Нет, я не ввалилась неожиданно для себя в потайную комнату, а всего лишь заметила узкую, почти невидимую щель. Справившись с первым восторгом от прикосновения к тайне, я тщательно эту щель обследовала. Как выяснилось, она обрисовывала контур невысокой двери. Ни ручки, ни замочной скважины я не нашла. Значит, либо магия, либо скрытый механизм.

Да-да, вечерами у меня иногда оставалось время, чтобы читать книжки 'не по делу'. За этим чтением Бьярта не следила, и я глотала все подряд, от авантюрных романов до историй о возвышенной любви. Именно из романов я почерпнула ценные сведения о том, как должны храниться Тайные Знания и как могут открываться скрытые двери.

Поэтому я затаилась и ждала, в надежде, что когда-нибудь мне удастся застать хозяйку возле этой двери. Но Бьярта, как назло, никогда не подходила к ней при мне, а у меня было недостаточно времени, чтобы следить за чародейкой — всё съедали изматывающие тренировки и учеба без конца. Я могла выкроить лишь пару часов вечерами. Конечно, я старалась проводить их в библиотеке за чтением, тогда как прежде утаскивала интересные книжки в свою комнату, но Бьярта так ни разу и не попала, а экспериментировать с дверью, когда хозяйка дома, я не решалась.

О, с каким нетерпением я ждала тогда ее отъезда!

Правда, новый способ дрессировки, который затеял для меня мастер Оли, здорово отвлек меня от лихорадочного ожидания. Прыжки, кувырки, перекаты, броски... Нет, это не я бросалась, а мастер бросал в меня разные предметы, от которых следовало уворачиваться или, наоборот, ловить их. В первый раз, когда сосновая шишка впечаталась мне в физиономию, оставляя ссадины на скуле, я опешила, хоть и знала уже, что от мастера стоит ожидать... всяких неожиданностей.

— И что это? — спросила с недоумением.

— Твоя невнимательность вкупе с твоим нежеланием держать в поле зрения окружающий мир. Ты что думаешь, кто-то будет предупреждать тебя о нападениях? Может, еще и подскажут, каким образом оно будет происходить? — язвительность в голосе мастера просто зашкаливала.

— Нет, — проблеяла я в ответ.

А что тут скажешь? Кругом прав. Но все равно обидно.

— Вот и я предупреждать не намерен. Привыкай к неожиданностям.

А мне-то казалось, что я уже успела к ним привыкнуть! Ничего подобного, неожиданности только теперь и начались — мягкие и жесткие, поодиночке и компаниями — плотные мячики, набитые песком, шишки, комья земли, яблоки... А вот событие, которого я ждала с таким нетерпением, все не происходило.

Но наконец этот день пришел. Бьярта, заявив, что утром уезжает, с вечера загрузила меня заданиями на несколько дней вперед. За завтраком я старалась не встречаться с чародейкой взглядом, опасаясь, что по глазам она может прочитать мои замыслы. Обошлось. И когда стук копыт за воротами стих, я выдохнула с облегчением.

Через час мастер гонял меня по тренировочной площадке, а я, захваченная своей идеей, бездумно уворачивалась от его ударов, бегала, гнулась и... мастер — пожалуй, впервые — был мною доволен.

— Так и надо девочка, — высказался он в конце занятия, — просто довериться своему телу. Оно куда умнее дурной головы.

На 'дурную голову' я не обиделась — в этой самой голове как раз лихорадочно метались идеи, которые мне самой казались ужасно умными. Реализовать их я собиралась после ужина — в это время слуги уже не шастали по дому, да и мастер предпочитал лишний раз не высовываться из своей комнаты.

В библиотеке было темновато. Один-единственный горящий светильник весел над столом, за которым я занималась, и ярким пятном выхватывал из окружающего мрака разбросанные книги и тетради, металлическую линейку и чернильницу со сбитой на сторону крышкой — у меня не хватило терпения закрыть ее как следует. Все мое внимание было сосредоточено на невидимой двери.

Я подхватила светильник и поставила его на пол у самой стены, потом осторожно нажала рукой там, где видела в прошлый раз щель. Не ошиблась: тоненькая ниточка вновь выделилась на гладкой поверхности, обозначив проход. Сердце затрепыхалось в радостном предвкушении. Я провела рукой вдоль щели — с одной, потом с другой стороны... Ничего. Никаких намеков на то, как открыть эту дверь. Закусив губу, я обследовала всю поверхность — и снова ничего.

Магия? Если магия, тут я бессильна, дара у меня не было. Бьярта подтвердила результаты приютской проверки. Чародейку это вполне устраивало: магические способности, как она мне недавно объяснила могли повлиять на ритуал создания тени и привести к непредсказуемым последствиям.

— Как исследователю, — заявила она, — мне было бы интересно... Однако его величество платит мне не за это.

В общем, без магии так без магии. Я давно смирилась. Тем более, Бьярта мне объяснила, что ничего хорошего приютскую девочку со способностями не ожидало бы. Никто не станет тратить деньги на обучение безродной сироты. Просто лет в тринадцать

определили бы в лабораторию при гильдии магов — наполнять силой кристаллы-накопители. Нудное, монотонное занятие. А после рабочего дня надевали бы ограничительные браслеты — чтобы не чудила. В общем, совсем не то, о чем мечтают маленькие девочки.

У меня, по крайней мере, была интересная жизнь. Я уже сейчас знала и умела во много раз больше, чем мои сверстницы... не только приютские. А что до судьбы... Может. не все еще потеряно. Я ведь надеюсь. Ищу.

Правда, в тот вечер я так ничего и не нашла, а потому назавтра вновь засела после ужина в библиотеке, дожидаясь, пока домом завладеет вечерняя тишина.

В этот раз я обследовала плинтус — сначала ощупала по обе стороны от двери, потом взяла нож, который мне удалось утащить с кухни, и аккуратно отогнула от стены. И снова — ничего.

Я начинала понемногу нервничать, потому что чародейка вернется уже завтра вечером, в крайнем случае, послезавтра утром, а у меня... ничего. Никаких подвижек.

Неужели все-таки магия? Поверить в это у меня не получалось — по моим представлениям, дверь, открываемая магией, вовсе не должна быть видна, я бы наверняка даже щели не заметила.

Отложив со вздохом нож, я снова потыкала пальцем в стену — щель становилась видимой, но по-прежнему даже и не думала расширяться. Я даже пнула в сердцах эту неподатливую дверь, но и к моей злости она отнеслась совершенно равнодушно.

Повздыхав, я решилась на последнюю попытку. После обследования самой двери и плинтуса оставался только полупустой стеллаж, стоявший вплотную к загадочному входу. Сначала я попыталась его отодвинуть. Безуспешно — вероятно, шкаф был привинчен к стене или к полу. Или просто оказался слишком тяжелым для двенадцатилетней девочки. Я немного попыхла, но не слишком огорчилась, сообразив, что вряд ли чародейка всякий раз, когда ей понадобится в потайную комнату, двигает мебель.

Оставалось только поковыряться в самом шкафу. Немногие книги, стоявшие на полках в полном, как мне казалось, беспорядке, переключались на подоконник, и я принялась обшаривать и ощупывать внутреннюю поверхность стеллажа. За окном к тому времени окончательно стемнело, света от лампы было недостаточно, и я действовала вслепую. Вероятно, это и обострило мою чувствительность или интуицию. А иначе с чего бы мне пришло в голову раскачивать крепление, на котором держалась одна из полок? А так, повинувшись моему нажиму, невидимый глазу ипсенок поддался, погрузившись в боковую стенку шкафа. Одновременно с этим вожденная дверь отворилась беззвучно, явив моему взору темный провал.

Недолго думая, я подхватила светильник, подперла дверь толстой книгой, чтобы не остаться случайно запертой внутри, и скользнула в темноту. Комната оказалась небольшой, без окон, и была сплошь заставлена книжными полками. Вероятно, этого следовало ожидать: куда еще может вести потайная дверь из библиотеки, как не в библиотеку же, только тайную? Но... столько книг! Даже если одна из них содержит ответы на мои вопросы, мне предстоит поселиться тут, чтобы найти их. Увы, у меня была одна-единственная ночь, а потому мне оставалось надеяться только на везение. Надо хотя бы попробовать!

И я решительно потянула с ближайшей полки первую попавшуюся книгу, водрузила ее на стол, открыла не без трепета... и чуть не взвыла от разочарования: моему взору предстали

совершенно пустые страницы. Вторую книгу я вовсе открыть не смогла: как ни билась над мудреными застешками массивного фолианта, они не поддались. Глотая злые слезы, вернула тяжеленную книжищу на место. Похоже, книги тут хранились особенные, защищенные чарами от любопытных глаз. И все-таки я не удержалась и рискнула снять с полки еще одну.

Лучше бы я этого не делала! Книга, как и первая, открылась легко. Меня не смутило то, что заголовок на титульном листе я не только понять, но даже прочитать не смогла — вроде бы и язык знакомый, но почему-то не получалось сосредоточиться на тексте, буквы словно расплывались перед глазами. Не задумываясь над тем, что делаю, я попыталась потереть надпись, будто бы надеялась, что она от этого прояснится. Сперва потерла пальцами, затем тыльной стороной ладони, а после, не добившись результата, почему-то приложила к буквам запястье. Вот тут-то она и полыхнула, эта надпись. Черным колдовским пламенем, словно сотканным из тьмы, но обжигало оно при этом не хуже обычного.

С писком отдернув пострадавшую руку, поскорее захлопнула коварную книгу и сунула ее обратно в шкаф.

Как-то мне сразу расхотелось обследовать дальше комнату, в которой жили страшные зачарованные книги. Подхватив светильник, я выскочила за дверь и поспешила замести следы преступления. Дверь, к счастью, легко затворилась, стоило мне снова нажать на шпенек, но перетаскивание книг с подоконника обратно на полки далось мне с трудом — ожог давал о себе знать пульсирующей болью.

У меня даже не хватило сил вымыться перед сном. Я лежала в постели, тихонько поскуливала и баюкала обожженную руку. Жалела себя и одновременно злилась на себя же — за беспечность и наивность, за то, что оказалась слабее и чувствительнее, чем думала. Я-то полагала, что за годы жизни в доме чародейки привыкла к боли и не боюсь ее, а оказалось, я просто не знала, что такое боль. Ощущение было такое, будто темное пламя поселилось в моей руке и грызет ее изнутри. Иногда мне удавалось отключиться ненадолго от боли и забыться сном, и тогда тьма обступала меня снаружи. Холодная. Обжигающе ледяная. Этой тьмы я прежде не знала.

Утром, несмотря на тяжелую ночь, я поднялась с постели в привычное время, оделась и умылась. И даже умудрилась кое-как перевязать руку. Боль при этом никуда не делась, даже наоборот, начала расползаться от раны вверх по руке и дальше, по всему телу, отдаваясь гулками ударами в висках и заставляя меня закусывать губу и глухо постанывать при малейшем движении.

О том, что тренировку мне, скорее всего, не выдержать, я догадывалась, но все равно к назначенному часу выползла на площадку и даже попыталась выполнять указания мастера Оли, но, споткнувшись на беговой дорожке, рухнула лицом вниз и подняться уже не смогла.

Сознание я не потеряла — слышала сквозь пелену боли ругань мастера, чувствовала, как он подхватил меня и понес, смутно запомнила, как раздевал и укладывал в постель, а после этого реальность окончательно уплыла.

К возвращению чародейки я уже металась в бреду, мало что понимая. Кажется, видела лицо склонившейся надо мной Бьярты с поджатыми губами и холодным взглядом черных глаз. И вроде бы из ее безупречной прически снова выбилась непослушная прядь, и чародейка время от времени сдувала ее, прерывая свое монотонное бормотание. А может, это мне только снилось, потому что, помимо Бьярты, в моих видениях присутствовала ледяная тьма, и иногда казалось, что не чародейка, а сама эта тьма дотрагивается до меня черными скрюченными пальцами, заставляя выть и терять разум от нестерпимой боли.

Но боль постепенно отступала, пока я наконец не очнулась в своей кровати. Бьярта была рядом. Поймав мой взгляд, чародейка поднялась с кресла, поднесла к моим губам чашку и влила в рот горько-кислую жидкость. Дождавшись, пока я проглочу мерзкое снадобье, Бьярта помогла мне улечься поудобнее и проговорила сухо:

— Наказывать не стану. Ты сама себя достаточно наказала. В другой раз будешь умнее и не полезешь туда, куда тебя не звали.

И вышла.

Ледяная тьма еще долго являлась мне в сновидениях, обжигая своими прикосновениями. У нее было лицо Бьярты и темные провалы вместо глаз. Хозяйка была права: я сама себя наказала. Болью. Кошмарными снами. Вернувшись страхами, бороться с которыми становилось труднее, чем прежде. И бесконечной слабостью, которую приходилось преодолевать, когда меня вновь допустили к тренировкам.

Единственное, что удерживало меня на плаву все это время и не давало окончательно утратить надежду, — слова чародейки, которые то ли слышались мне, то ли и впрямь были произнесены, когда она уходила из комнаты:

— Такое стремление к свободе — дар, который следует поощрять. Не сдавайся — и получишь свою награду.

Как будто было две Бьярты — одна исполняла заказ короля и видела во мне только инструмент, а другая преследовала собственные цели и даже, возможно, испытывала ко мне какие-то человеческие чувства.

Но все-таки постепенно жизнь входила в привычную колею. Мастер Оли гонял меня в хвост и в гриву на возобновившихся тренировках, Бьярта впихивала в голову новые знания в чудовищных объемах. Впрочем, на это я не жаловалась, даже довольна была. Лишь однажды, когда чародейка, заявила, что у меня многовато свободного времени для всякой дури, а потому мне предстоит занять разум изучением еще одного языка — нимтиорийского, я помолчала чуточку, переваривая известие, а потом пробурчала угрюмо:

— Это не дурь. Всякий человек хочет своей судьбы.

— Ты надеялась найти свою судьбу в библиотеке? — насмешливо поинтересовалась Бьярта.

— Нет... Я надеялась найти там ответы на свои вопросы.

— Похвальное стремление, — ухмыльнулась чародейка, — книги действительно помогают обрести знания. Однако это недостаточная причина для того, чтобы лезть в колдовские гримуары.

С этим я, пожалуй, могла бы согласиться. Опыт с зачарованными книгами оставил самые неприятные впечатления. Только...

— Недостаточная, — кивнула я в ответ, — но я не надеялась найти ответы в обычных книгах.

Я подняла взгляд на чародейку, пытаюсь определить ее настроение. Но Бьярта смотрела спокойно. Просто, без насмешки и скепсиса, ждала, пока я выскажусь. И я решилась:

— Хотела узнать, может ли Тень получить свободу.

— Ответ на этот вопрос ты не найдешь ни в одной книге, — после некоторой паузы отозвалась Бьярта, — такого рода знания, как создание охраняющей тени, чародеи передают своим ученикам изустно, не доверяя их бумаге.

— И все-таки? — я почувствовала, что сегодня могу себе позволить упорствовать.

— Может. Если носитель — сознательно и добровольно, а не под давлением — захочет

ее отпустить, и найдется маг, которому известен ритуал разрыва связи. Только история не знает таких случаев, никогда еще носитель не соглашался отпустить свою охрану с миром, будучи в здравом уме. Даже если ему больше не нужна защита, любая Тень слишком много знает о своем хозяине, ее проще и разумнее убить, чем отпустить. Ясно?

Да уж, яснее некуда... Вот только отступить просто так мне не хотелось. Я была достаточно напугана произошедшим, чтобы не пускаться больше в такие авантюры, как поиск тайных знаний в доме чародейки, тем более, что мне было однозначно сказано: на бумаге эти знания не хранятся, а в голову хозяйки не залезешь. Но признавать, что все потеряно, я не желала, тем более теперь, когда я точно знала, что выход есть, а Бьярта... выходит за рамки моих представлений о ней. Я просто поняла, что мне предстоит жить с открытыми глазами и ушами, ловить брошенные вскользь фразы и намеки.

С этих пор вечерами я лежала в постели, осмысливая прошедший день, просеивая через решето все, что мне довелось увидеть и услышать, и откладывая в свою сокровищницу те крупички, которые казались мне по-настоящему ценными. И училась с полной отдачей.

Изнурительные тренировки с мастером Оли шли своим чередом. К началу зимы он всерьез начал обучать меня приемам рукопашного боя, а потом дал мне в руки первое оружие — сучковатую палку. На смену ей пришел учебный меч... как раз в это время занятия с мастером начали доставлять мне удовольствие, даже усталость не тяготила, наоборот, перестала быть опустошающей, и в теле появлялась какая-то радость, наполненность. И даже синяки и шишки, неизменно украшавшие мою кожу, хоть и доставляли неудобства, но не раздражали, а бодрили, словно напоминая: живешь еще. И жить будешь.

Первым моим настоящим клинком стал короткий прямой меч, который, несмотря на все тренировки, поначалу показался мне неподъемным. Удивительно, но к концу первого занятия меч в руке неожиданно стал послушным. Он двигался не слишком быстро и изящно, но именно в ту сторону, куда я его направляла. Правда, потом осталось ощущение, будто моя правая рука за несколько часов вытянулась до самого колена. Я даже посматривала на нее украдкой, сравнивая с левой, и удивлялась, что они все еще одинаковой длины.

Несколько недель мы с мастером отрабатывали стойки и простейшие удары, и у меня даже начало кое-что получаться. Совсем чуть-чуть, но достаточно, чтобы уже не чувствовать себя бестолочью криворукой. Каково же было мое удивление, когда в одно прекрасное утро мастер вручил мне вместо меча пару длинных кинжалов и начал учить совсем другой технике боя! Впрочем, часа через полтора мы вновь вернулись к мечу, но я чувствовала себя совершенно сбитой с толку, и то, что отлично получалось накануне, теперь не шло совершенно, словно я ничему и научиться не успела.

Я, конечно, догадалась, что мастер Оли хочет научить меня обращаться с различными видами оружия, но... Не так ведь! Мне казалось, было бы проще, если бы я сначала накрепко усвоила что-то одно, а потом бы добавилось другое. Но мастер явно считал иначе. Оружие могло меняться в течение одной дневной тренировки дважды, а то и трижды.

— Давай-давай, — подбадривал мастер, в очередной раз вышибив у меня из руки клинок, — ты должна уметь быстро перестраиваться.

Впрочем, потеря клинка еще не считалась окончанием учебного боя. Обезоружили? Продолжай сражаться. И не просто обороняйся или уходи от удара, а нападай. Пользуйся тем, что под рукой. Нет ничего? Остаются сами руки. Ну и ноги. Главное оружие — тело бойца. И голова в этом играет не последнюю роль — и вовсе не как ударная сила. Так учил

меня мастер.

Бьярта тем временем впихивала в мою голову знания об устройстве человеческого тела, о том, как оно функционирует, как его можно защитить или... наоборот. Чародейка знакомила меня со способами отнятия жизни без применения грубой силы — яды, воздействие на разные точки, делающее противника беспомощным, подлые удары, требующие особых умений.

Уроки эти казались мне отвратительными. Умом я понимала, что ради спасения собственной жизни можно и не на такое пойти, но все равно — даже эти знания будто делали меня грязной в собственных глазах. У меня ведь имелись собственные представления о чести — почерпнутые из книг, которые я все еще успевала читать, пусть и не слишком часто.

А учили меня просто убивать и выживать. Ну и помогать выжить другому, но не кому попало, а одному-единственному существу — своей носительнице. Определить яд и найти противоядие? Для себя, естественно. Но главная цель — выжить самой, чтобы защитить принцессу. Блокировать болевые ощущения? Да — чтобы не свалиться самой и найти в себе силы увести из опасного места носительницу. Я ее уже искренне ненавидела, эту принцессу, еще ни разу не увидев. Не Бьярту, которая сделала из меня Тень, а именно эту незнакомую девочку.

Между тем, к весне я уже вполне сносно ориентировалась в лаборатории чародейки, могла определить на вкус и запах наиболее часто употребляемые яды и даже кое-что из экзотики, а также могла приготовить противоядия. Я знала все о том, как работает человеческая пищеварительная система, как двигается кровь по сосудам, как должны сокращаться мышцы и что бывает, если они повреждены.

... Собственно, это был обычный учебный день и начался он, как один из многих. А вот после тренировки с мастером Оли я почувствовала себя не слишком хорошо. Меня подташнивало, ломило поясницу и тянуло низ живота. Я не сразу поняла, что со мной происходит и поначалу грешила на эксперименты Бьярты с какой-нибудь новой отравой. Все оказалось гораздо проще и... неприятнее. И хотя на занятиях я уже ознакомилась с функционированием женской репродуктивной системы, познавать некоторые вещи на собственном опыте я оказалась не готова. А если учесть, что поблажек мне никто давать не собирался, несмотря на паршивое самочувствие, то и настроение мое устремилось к нижней планке — вслед за физическим состоянием.

Да еще и чародейка добавила беспокойства, заявив:

— Что ж, ты вступила в пору созревания, самое время учиться чувствовать свое тело и управлять им. С завтрашнего дня у тебя начинается настоящая школа тени.

А до сих пор ненастоящая была, что ли?!

Взвинченное состояние и боль, пусть и не сильная, но нудная и выматывающая, лишили меня сна этой ночью, и утром мастер, полюбовавшись на мое бестолковое мотание по площадке, отбросил посох, которым как раз меня гонял, сплюнул сердито и рявкнул:

— Вали отсюда! И изволь в следующий раз являться на тренировку в нормальном состоянии. И на будущее имей в виду: мне нет и не будет никакого дела до твоих женских слабостей.

Не больше толку от меня было и на занятиях у чародейки, но Бьярта по этому поводу не переживала:

— Ничего, через месяц-другой научишься справляться.

Так что 'школа Тени' началась для меня днем позже: наставница усадила меня на ковер, велела расслабиться и 'отпустить мысли'. Расслабилась я легко, но вот мысли никак не желали 'отпускаться', пока Бьярта не положила руку мне на лоб. Сначала голову заволочло туманом, в котором увяз весь этот рой мыслей, что хаотично метались в моем сознании, а потом туман истончился и исчез вовсе, оставив после себя звенящую, чуть напряженную пустоту. Затем спало и напряжение, а пустота стала всеобъемлющей — не было ни меня, ни мира вокруг. Ничего, кроме пустоты.

— Запомнила состояние? — ворвался из ниоткуда в никуда голос чародейки. — Постарайся теперь воспроизвести его без моей помощи.

Разумеется, у меня не получилось ни тумана, ни пустоты. Правда, как объяснила мне Бьярта, туман как раз был не нужен — от меня требовалось добиться именно пустоты. Честно говоря, возвращаться к этому состоянию было боязно — я ощутила его как потерю себя, и погружаться в него вновь не возникало никакого желания.

— Ладно, завтра продолжим, — поджала губы чародейка.

Назавтра я вновь сидела на ковре и пыталась совладать со своим страхом. И чем больше пыталась, тем меньше, разумеется, преуспевала.

— Стоп! — скомандовала чародейка. — Что тебе мешает?

— Страх, — пришлось мне признаться, — в пустоте нет меня.

— Ерунда! — отрезала Бьярта. — Тебе это только кажется.

Кажется? Кажется?!

Недоумение разлилось в моей голове, выросло, захлестнуло беспомощный разум гигантской волной и... схлынуло, сменившись пустотой.

— А теперь найди здесь себя, — ворвался в пустоту голос наставницы.

Искать не пришлось. Потерянное 'я' откликнулось на это повеление, собралось из небытия и снова начало быть. В пустоте.

Это было так странно и необычно, что рой мыслей снова зашевелился и вытолкнул меня наружу, в мир. Я вдохнула полной грудью и замерла, ошеломленная.

— Сейчас я опять немного помогла, а теперь тебе придется еще раз попробовать проделать это самостоятельно.

Получилось у меня все равно не сразу — ни в этот день, ни на следующий мне не удавалось достигнуть нужного состояния без толчка извне. Но Бьярта была терпеливой наставницей, она помогала, направляла, ждала. Ее спокойная уверенность передавалась и мне. Я больше не нервничала и не боялась. И наступил день, когда я не только смогла найти пустоту и себя в ней, но и не вылететь из нее из-за неуместно прорвавшихся мыслей и эмоций.

И оказалось, что в этой пустоте обитала не только я-сознание, но и я-тело, оставалось лишь научиться слышать его, не столько осознавать процессы, происходящие в нем, сколько быть их частью: биться, качая кровь, вместе с сердцем, наполняться воздухом вместе с легкими... Даже в работе пищеварительной системы не было ничего отвратительного — участвовать в процессе было странно, но не противно.

Дальше этого мы пока не шли, повторяя упражнение с погружением в тело изо дня в день. Я уже не боялась пустоты, а наоборот, даже стремилась к ней, ибо после таких занятий чувствовала себя по-настоящему отдохнувшей, как даже утром после ночного сна не бывало.

И еще кое-что, кроме новых умений, вынесла я из этих уроков: понимание, что не все, кажущееся нам действительностью, ею и является. И что некоторые потери могут

обернуться приобретениями. Не скажу, что я из-за этого стала проще относиться к тому будущему, которое меня ожидала, но прежнего всепоглощающего страха больше не было. Я уже знала, что даже в полной пустоте можно найти себя.

А потом уроки дополнились новым упражнением.

— Будешь учиться видеть магию, — заявила Бьярта.

Сказать, что я была удивлена, — ничего не сказать.

— Как это? У меня ведь нет дара!

— Чтобы видеть проявления магии, совсем не обязательно обладать даром, — снисходительно пояснила чародейка, — просто большинство людей слишком ленивы, чтобы научиться этому.

К видению магии я подошла с куда большим воодушевлением, чем к погружению в пустоту — все-таки это было по-настоящему интересно и необычно. Однако мой энтузиазм слегка подточили первые неудачи. Все-таки, чтобы расфокусировать зрение, надо сперва понять, что именно от тебя требуется. Но даже когда мне это удалось, я далеко не сразу смогла различать магические потоки в той каше новых зрительных впечатлений, которые на меня обрушились.

Бьярта вздыхала, повторяла свои манипуляции, но мои глаза, наблюдавшие конечный результат — к примеру, язык пламени на ладони чародейки, — категорически отказывались воспринимать магический процесс, который за этим стоял.

Прорыв произошел только на пятый день, при том, что я и во внеучебное время продолжала тренироваться, бродя по дому и пытаюсь разглядеть чары там, где они, по моему представлению, имелись. Но впервые махристые, слегка колеблющиеся нити магии я увидела именно на занятиях.

Дальше дело пошло легко, и я научилась различать не только разные виды магии по цветовому спектру, но и отличала активные чары, возникавшие при каком-то магическом действии, от статичных — например, наложенной на сейф охраны.

Потом Бьярта стала учить меня анализировать свои ощущения от магии. Оказалось, что у волшебства есть не только цвет, но еще и вкус и запах. Я понимала, зачем это нужно: ведь напасть на принцессу могут не только с оружием, но и с помощью магии, и толковый телохранитель должен уметь почувствовать зарождение магии, определить ее вид и степень агрессивности, чтобы знать, как действовать.

Все эти открытия были для меня сродни чуду: одно дело знать, что магия есть, и совсем другое — видеть ее, ощущать, осязать. Мир вокруг разом стал богаче, насыщеннее, ярче. И страхи мои отступили, временами я даже сама себе завидовала, что довелось научиться таким удивительным вещам.

Разумеется, к этим занятиям добавилась теория — ведь мне полагалось хорошо понимать, что я вижу и чувствую. Свободных часов на 'вольное чтение' не осталось совершенно. Нельзя сказать, что я очень скучала по праздному времяпрепровождению, но все-таки чего-то не хватало: романы из чародейкиной библиотеки были единственным в моей жизни, что не имело отношения к учебе. Не считая мыслей, конечно, но и им я не всегда была хозяйкой. А на 'дурь', как и обещала наставница, больше не оставалось ни сил, ни времени, ни даже желания. У меня хватило здравого смысла понять, что обхитрить чародейку и выманить у нее ценные сведения мне не под силу, и если она сочтет возможным или необходимым, то поделится знаниями сама. А потому я затолкала мысли о вожаделенной свободе в самый дальний уголок сознания, туда, где до них не могла добраться ни Бьярта, ни

даже я сама. Спрятала и заперла на замок — вместе со страхами и надеждами. До поры.

... В тот день Бьярта после занятий в лаборатории не отослала меня наверх и мерзкую уртасу, которую я уже не только на запах определять наловчилась, а и в самом деле чувствовать начала, в шкаф убирать не стала.

— Вот смотри, — интригующим шепотом произнесла чародейка и накапала яда в ложку.

Я замерла, едва дыша: вообразила, что эту дрянь мне сейчас пить придется — вот так, в чистом виде, а не незаметно с какой-нибудь едой. Но нет, поить ядом чародейка собралась не меня, а одного из фантомов.

Затаив дыхание, я наблюдала, как это создание послушно открывает рот и заглатывает отраву, и с трудом удерживала себя от того, чтобы вмешаться и остановить. Глупо получилось бы. Что ни говори, а фантомы — не живые существа. Хоть и похожи. Очень похожи.

— А теперь наблюдай, — продолжила чародейка.

Она сделала какое-то движение рукой и беззвучно зашевелила губами. Магию в этот раз я рассмотреть не успела — все мое внимание было поглощено тем, что начало происходить. Нет, Бьярта и прежде увеличивала для меня предметы или их части, но еще никогда — настолько. Насколько, что стало не только видно до мельчайших подробностей, что происходит в пищевode у несчастного фантома, но... я словно оказалась внутри, как во время погружения в собственное тело. Только на этот раз — в чужое. Да что там, я сама стала мельчайшей частицей, не только наблюдавшей, но и участвовавшей в происходящем. Почти сознательно. Во всяком случае, я каким-то образом понимала, что происходит — как всасывается яд в стенки пищевода, куда он перемещается потом, как именно воздействует на организм, отчего ухудшается самочувствие.

Одна часть меня с интересом наблюдала, другая — содрогалась и протестовала. Потому что не должно так быть. Пусть даже фантомы и не были настоящей жизнью, но видеть как эта, пусть и искусственная, иллюзорная жизнь уничтожается, было выше моих сил. Я даже попыталась вырваться наружу, чтобы не принимать участие в этом ужасе, но чародейка не позволила.

Конечно, фантом не 'умер'. А если бы это произошло, если бы Бьярта позволила процессу дойти до конца, то потом чародейка, несомненно, 'оживила' бы свое творение. Или создала новое учебное пособие.

И все равно разрушение чужого тела, подсмотренное изнутри, произвело на меня удручающее впечатление, и вынырнув, я долго не могла отдышаться.

Бьярта, дождавшись, пока я приду в себя, осчастливила меня объяснениями:

— Я не просто так показываю тебе все это. Ты должна знать, что с тобой происходит, когда яд попадает в организм, чтобы уметь самостоятельно справиться с его разрушительным действием, препятствовать его распространению и проникновению в жизненно важные органы.

— Но ведь уртаса на меня теперь не действует!

— Ерунда, — махнула рукой чародейка, — даже для твоего привычного к отраве тела уртаса вредна, и лучше не позволять ей хозяйничать внутри себя, если есть возможность пресечь это.

Урок продолжился на следующий день — сначала теорией, когда Бьярта рассказывала мне, как можно воспрепятствовать распространению яда в организме, а потом практикой.

Вернее, чародейка демонстрировала мне, как она это проделывает с фантомами... внутри фантомов. А я тихо радовалась, что мне — пока! — не надо было испытывать все это на себе. Хотя, конечно, понимала, что избежать такого опыта не получится. Не сегодня — так завтра. Я вообще, как выяснилось, не будучи магом, могла воздействовать только на собственное тело. У магов, кстати, все наоборот — им гораздо труднее направить свою силу внутрь.

Впрочем, Бьярта, я уверена, еще и не такое могла. Она была особенной. И все еще оставалась центром моей вселенной. Возможно, потому, что мы были связаны первым ритуалом, но... дело наверняка было не только в нем.

Так или иначе, а экспериментировать со связыванием и обволакиванием чужеродных частиц в собственном пищеводе мне все-таки пришлось. Правда, поначалу это был не яд, а вполне безобидное вещество — чтобы я зря не психовала, как пояснила Бьярта. Но когда она действительно накапала мне в ложку настоящей уртасы, я все равно перенервничала и долго не могла погрузиться в транс, а потому чуть было не опоздала со своим вмешательством. Зато после этого испытала настоящий восторг: я могу!

Потом были другие яды. И другие упражнения. И магические атаки, которые надо было почувствовать, определить силу и направление, чтобы успеть уйти из зоны воздействия или защититься — разумеется, с помощью амулетов, сама я ничего не могла противопоставить магии.

С наступлением тепла к традиционным занятиям прибавились выезды на природу. Обычно мы отправлялись в карете, высаживались у кромки леса и углублялись в чащу, а кучер поворачивал обратно. Бьярта начала учить меня разбираться в целебных травах. До сих пор я видела их только в засушенном виде в лаборатории чародейки, теперь же пыталась опознавать растения живьем.

В лесу мы проводили обычно сутки — некоторые травы нужно было собирать при свете луны или на рассвете, чтобы они в полной мере сохранили свои свойства. Спать не ложились, только время от времени присаживались отдохнуть и перекусить.

Мастер Оли в такие дни чаще всего оставался в имении, но иногда отправлялся в лес вместе с нами. Обычно он почти сразу незаметно покидал нас, и во время сбора трав я его не видела, но к коротким привалам он неизменно возникал из небытия и заявлял о своем присутствии каким-нибудь неожиданным и обязательно неприятным способом, так что мне постоянно приходилось пребывать в боевой готовности — я никогда не знала, с какой стороны в меня полетит очередная колючая шишка или палка и в какой момент я должна буду вскочить, давясь недоеденным куском, и принять бой.

Мастер был мною недоволен: бойцу расслабляться не полагалось. Даже в собственной спальне, а уж в походе-то — и подавно. Бойцу полагалось слышать и чувствовать окружающее пространство, отслеживать любое изменение, чтобы вовремя обнаружить приближение чужака.

Бьярта посмеивалась:

— Все придет. Вот научишься разделять сознание — сможешь и отдыхать, и окружающий мир из виду не выпускать.

Мне это казалось нереальным. Хотя, если задуматься, я уже умела много того, что прежде сочла бы невозможным. Стоит ли удивляться? И этому научусь.

В конце концов я приноровилась отдыхать и питаться, погружаясь в некое подобие полутранса, который не мешал совершать обыденные действия и при этом позволял

отделиться, отгородиться от них и настроиться на восприятие мира. После этого появление поблизости мастера больше не оказывалось для меня неожиданностью — почти неуловимый шелест листвы, хруст сучка, колебания воздуха предупреждали меня о его приближении.

Но уставала я от этих походов ужасно. Лес, как бы хорошо я его ни изучила, не казался мне дружелюбным. Я привыкла существовать на четко ограниченной территории — сначала в воспитательном доме, потом у Бьярты — и бескрайнее пространство, жившее по каким-то своим законам, меня настораживало, пугало. Как пугали и звери, которые, правда, не показывались нам на глаза, но, несомненно, водились в лесу, оставляя следы у ручья, попискивая, порыкивая, шурша и даже воя в ночи. Бьярта сначала рассмеялась, когда я призналась ей в своих страхах, а потом посерьезнела:

— Это правильно, девочка. Бояться надо. Человек должен всегда помнить, что есть что-то, выходящее за рамки его знаний и возможностей. Даже если этот человек — могущественный маг. Иначе можно утратить ориентиры, забыться, поверить в собственную исключительность и неуязвимость.

Чародейка умолкла, глядя на меня внимательными глазами, словно пытаюсь увидеть что-то внутри, еще не явленное миру. Мне стало не по себе от этого взгляда, да еще после таких слов... вроде и понятных, но вот к чему они сказаны были — неясно. То ли о себе говорила Бьярта, то ли еще о ком-то.

Наши вылазки на природу продолжались до самых заморозков. Я многому научилась, но лес так и остался для меня чужим. Ну что ж, зато до следующей весны мне не грозили ни лесные звери, ни колючие кустарники, цепляющиеся за одежду, ни неуютные ночевки под открытым небом.

Впрочем, колючего в моей жизни оставалось предостаточно: взгляды наставницы, когда она бывала мной недовольна, разнообразные предметы в руках мастера Оли, встречи с которыми следовало избегать, мои собственные мысли, когда я позволяла им выйти из-под контроля. Хотя нет, мысли, пожалуй, колючими не были. Острыми — да. Болезненно острыми. Но и в них можно было запутаться, как в лесных кустах, попасть в плен, выбраться из которого куда сложнее, чем из объятий растения. К счастью, много думать мне не позволяли, не оставляли такой возможности.

А вот возможность в следующем сезоне оставить лесных зверей с носом казалась мне невероятно привлекательной. Это тоже было школой Тени.

— Людей обмануть ничего не стоит, — поучала Бьярта, — им достаточно не видеть тебя и не знать о твоём присутствии, чтобы обмануться. Куда труднее ввести в заблуждение животных — у них есть нюх, а кроме того, совсем иное восприятие действительности, нежели у человека. Они знают о присутствии Тени, даже если не могут увидеть или учуять ее. Твоя задача — стать им неинтересной, исключить себя из числа объектов их внимания.

'Мудрёно, — думалось мне, — и это, наверно, все-таки магия. Какая-то особая магия Теней'.

В ответ на высказанное вслух предположение Бьярта хохотнула, но комментировать его никак не стала.

Надо сказать, с животными у меня и в самом деле не ладилось. Хотя, конечно, в доме чародейки ни собак, ни кошек не водилось. Зато были лошади. И эти копытные твари меня не любили — нервничали при моем приближении и всячески избегали контакта. Ездить верхом я худо-бедно научилась, но этот процесс не доставлял удовольствия ни мне, ни животным.

Но начали мы все-таки с запаха. Есть, оказывается, возможность не только свести запах тела к минимуму, но и вовсе перевести исходящие от него флюиды в область нематериального, так что даже самая чуткая собака не смогла бы их уловить.

Это, кстати, оказалось не так уж трудно. Не труднее, чем усвоить разницу между материальным и не очень — если дело касается того, что и так нельзя потрогать руками, эта разница располагается за гранью привычного и понятного, но постичь ее все-таки можно.

Куда сложнее оказалось 'ограничить свое существование собственной телесной оболочкой'. Вот это как? Выяснилось, тот же полутранс, когда сознание воспринимает окружающий мир, тело действует, но все энергетические потоки замыкаются на себе. И — нет, это не наносит вреда организму, как я поначалу опасалась... разве что разуму, который вынужден выходить за собственные границы, учиться мыслить по-новому, потому что иначе можно просто свихнуться...

Над освоением и закрытием границ мы бились не меньше полугода. Успела проскочить очередная зима, началась весна, с приходом которой возобновились наши поездки в лес.

Разумеется, мастер Оли тоже не терял времени даром. Я вполне сносно — для своих лет и телосложения — овладела несколькими видами оружия: мечом, парными кинжалами, посохом, метательными ножами и даже кривым клинком сатугашских кочевников. Последнее, казалось, было мне и вовсе ни к чему — сатугаши сражались верхом, их оружие было приспособлено именно к такому виду боя. Но задавать вопросы мастеру? Хуже того, спорить с ним?! Это для идиотов.

Лучше всего у меня получалось метать ножи — с одной рук, потом с двух одновременно, да еще по движущимся мишеням, и даже с завязанными глазами — на звук. Обычно не склонный хвалить ученицу, мастер даже не пытался скрывать своего удовлетворения.

Но вот самому мастеру я ничего не могла противопоставить, то и дело ему удавалось захватить меня врасплох. Даже когда я научилась 'слышать мир', учитель не переставал удивлять меня то серией новых приемов, то неожиданной атакой. В его присутствии постоянно приходилось быть настороже. Время от времени я замечала на себе внимательный взгляд его прищуренных глаз и догадывалась, что мастер готовит мне очередную каверзу...

Я... старалась быть готовой. Очень старалась. Но когда заметила присутствие постороннего на площадке, опешила. Может быть, потому, что я почувствовала его не так, как обычно воспринимала приближение мастера, чародейки или кого-то из слуг — всегда ведь имелось что-то еще, кроме звуков и запахов, что выдавало чужое присутствие — некая пульсация пространства, которая заявляла мне о наличии живых существ поблизости. Я такое и от лошадей чувствовала, и в лесу, если неподалеку появлялся какой-нибудь зверь. А тут — ни-че-го! Только колебание воздуха, которое заставило меня обернуться.

И очень вовремя! Потому что мгновением позже в меня уже летели метательные ножи. Надо сказать, незнакомец владел этим оружием не хуже меня. От трех я увернулась, четвертый срезал кусок ткани с рукава рубахи, а вот пятый все-таки задел плечо, заставив болезненно поморщиться.

Пришелец — крупный бритоголовый мужчина с тяжелой челюстью и маленькими глазками — сделал шаг ко мне и потянулся за мечом. Стало страшно. Прежде чем самой схватиться за клинок, я быстро огляделась — мастера почему-то нигде не было. Я осталось один на один с этой ходячей смертью. А как его еще назвать, если двигался он столь

стремительно, что я практически сразу вынуждена была уйти в глухую оборону? Несколько минут, которые показались мне часами, я все же продержалась, но страх, оказывается, коварная штука — он забирает куда больше сил, чем собственно сражение, а потому выдохлась я непозволительно, просто постыдно быстро и вскоре валялась на земле, обезоруженная, а в горло мне упирался чужой клинок.

Значит... всё?.. Но противник почему-то не спешил меня убивать. Вместо этого он криво ухмыльнулся и... исчез. Фантом! Вот почему я не ощутила его при приближении как живое существо.

Одновременно с разных концов площадки появились мастер Оли и Бьярта. Чародейка смотрела на меня бесстрастно, словно ее ничуть не задело и не взволновало только что случившееся, а вот мастер был разгневан:

— Чему я тебя учил, Тень?! Стоило вкладывать в тебя столько сил, чтобы ты перепугалась до мокрых штанов в первой же стычке!

Ну да, перепугалась. И стыдно мне не было. Обидно — да. Но больше из-за злых слов наставника и самой учиненной им проверки, чем из-за собственного поражения. В конце концов, до сих пор у меня не было иного противника, кроме мастера, да и появление постороннего на закрытой, охраняемой магией территории поместья оказалось для меня полной неожиданностью.

С этого дня на недостаток разнообразия партнеров по спаррингу жаловаться мне не приходилось. Они возникали на площадке внезапно — перед занятием, во время него (тогда мастер просто отступал в сторону) или сразу после. В фантомов были заложены разные цели и техники боя, они отличались друг от друга внешним видом, телосложением, манерой движения и физической силой. Но бояться я перестала, а потому начинала потихоньку справляться. Когда наставник заметил, что я могу продержаться против сильного соперника довольно долгое время, он... выпустил на меня двоих!

Разумеется, я не справилась. Ни в первый раз, ни во второй. Мне понадобилось немалое количество дней и усиленных тренировок, чтобы однажды почувствовать ритм боя с двумя противниками одновременно и выстоять.

Надо ли говорить, что вскоре их стало трое? Правда, я заметила, что набор навыков, которые демонстрировали мне фантомы, не выходит за рамки того, что уже показывал мне наставник. Неудивительно, ведь создавая заготовки для кукол, чародейка вкладывала в них то, что могла извлечь из памяти моего учителя.

Но их все равно было трое, то есть их количество ровно в три раза превышало то, с которым я готова была согласиться — сознательно, а не под давлением обстоятельств. Увы, со мной по этому поводу никто не советовался.

Собственно, с некоторых пор я почти все время тренировалась с фантомами, мимолетно удивляясь, как это у Бьярты хватает сил стряпать их в таком количестве. Впрочем, я давно уже не сомневалась, что моя наставница — выдающаяся чародейка.

А я... я сражалась с куклами, даже 'убивала' их, но и сама порой получала вполне реальные ранения. Не слишком серьезные — то ли заложенная программа ограничивала тот вред, который мне могли нанести искусственные противники, то ли чародейка позаботилась о том, чтобы защитить меня дополнительно. Впрочем, я не видела и не ощущала ее чар на своем теле.

Фантомы приучили меня ничему не удивляться. Подумаешь — постороннее лицо на площадке! Обезвредим, потом разбираться будем. А если лицо вооружено и надвигается на

тебя с весьма недвусмысленными намерениями, то тут и вовсе никаких вопросов. Потому что жить хочется, а ядовитый разнос от мастера получать — совсем нет. А потому трое парней, выступивших на площадку из-за деревьев, заставили лишь привычно собраться. Они не производили впечатления силачей, да и вооружены были как попало, но то, как они двигались, не оставляло никаких сомнений — эта троица здесь по мою душу. Как и четвертый, который показаться не соизволил. В общем, очередной сюрприз от дражайшего наставника. Что ж, не стоит разочаровывать учителя. Главное — что? Не дать им атаковать меня одновременно, по возможности уменьшив количество противников до приемлемого. А ножи метать я все-таки наловчилась. Первый — невидимый. Короткий хрип из кустов — я машинально отметила, какие все-таки убедительно-натуральные фантомы получаются у Бьярты... Еще один схватился за горло и покачулся... А вот третьего снять мне не удалось, только слегка задеть — ловкий парень умудрился уйти из-под летящего ножа, и метнуть еще один я уже не успевала, слишком близко, пришлось принимать бой. Как ни странно, он получился коротким... слишком коротким, считанные минуты. Даже не ожидала — все же обычно меня натаскивали на более умелых противниках.

И вот я стояла и молча пялилась на окровавленные тела, валявшиеся у моих ног, и до меня медленно... очень медленно доходило: живые. Были живыми. Двигались, дышали... думали, наверно, о чем-то, сражались за свою жизнь, пусть и не слишком искусно. А теперь — лежат.

Заунывный, нескончаемый вой бил по ушам, давил на плечи, пригибая к земле, выворачивал суставы. Я даже не поняла, что этот надсадный вой издает мое собственное горло, пока мастер не встряхнул меня, оборвав вопль. Я замолчала. Только тишина, которая пришла на смену крику была еще страшнее, потому что она позволяла быть мыслям. Мыслям, которых я не хотела, которые отказывалась принять. Но они все равно рождались и были — о том, как легко сделать живое неживым. И о том, как это — перестать быть. О том, что именно моя рука оборвала эти жизни. И — еще страшнее — о том, что у них-то, в отличие от меня, были судьбы. И что, бывает такая судьба — перестать быть и лежать здесь изломанными куклами, уставившись в небо остекленевшими глазами?

Кажется, мастер говорил что-то. Даже кричал. И по щекам бил. Я его не слышала, но от пощечины вздрогнула и повернулась к нему, однако никак не могла сфокусировать взгляд и увидеть. Да и не хотела. Еще пара хлестких ударов никак не отразилась на моем состоянии. В голове звенело, а мысли так и двигались по кругу, словно подчиняясь какому-то убийственному ритму. Выхода из этого круга не существовало.

Очнулась я спустя часы — а может, и дни — в собственной постели и долго лежала, пялясь в потолок. Мыслей больше не было. Когда потолок наскучил, я вновь закрыла глаза и попыталась отключиться. Правда, при этом я не особенно понимала, какого состояния хочу достигнуть, а потому захныкала от тщетности своих усилий. Чья-то рука приподняла мою голову, в рот полилась терпкая жидкость, и я все-таки провалилась в сон.

Когда я окончательно пришла в себя, за окном пылал закат — не знаю какого дня. Бьярта сидела тут же, в комнате. И мастер Оли тоже. Я прислушалась к себе: мысли были те же, но теперь я могла немного управлять ими, осознавать происходящее и говорить.

Правда, прежде чем я начала делиться переживаниями и задавать вопросы, заговорила чародейка.

— По какому поводу истерика? — осведомилась чародейка.

— Я их убила, — собственный голос казался глухим и чужим. — Они были живые.

Теперь — нет, — короткие фразы давались мне легче, их можно было произносить на выдохе, не боясь, что непроизвольные всхлипы вмешаются в речь, делая ее малопонятной.

— Убила, — подтвердила хозяйка. — И еще будешь убивать. Не думаешь же ты, что у тебя будет возможность оставлять в живых тех, кто нападет на принцессу? Они убьют тебя и носительницу, если ты проявишь слабость. Если их схватят, то все равно казнят, и это будет куда более мучительная смерть, чем могла бы подарить им ты.

— Но... эти — они ведь обычные. Они не покушались ни на какую принцессу.

— Да неуже-э-эли? — иронично протянула Бьярта. — И откуда, по-твоему, они здесь взялись? Погулять пришли, вчетвером и с оружием?

Я смотрела в глаза чародейке, силясь осознать только что произнесенные слова.

— Значит...

— Значит, им заплатили за то, чтобы они пробрались в мое имение и убили здесь девочку. Впрочем, их честно предупредили, что девочка будет вооружена и умеет сражаться.

— Кто? — кажется, я уже знала ответ на этот вопрос.

— Я, — подтвердила мою догадку Бьярта. — Вернее, человек, которому я это поручила. Им были переданы амулеты, позволяющие видеть тень.

— Тогда получается, что убила их ты.

Чародейка помотала головой:

— Они сами сделали свой выбор. Мое предложение. Твое оружие. Но выбор — их собственный.

Так вот, оказывается, как бывает с теми, у кого есть судьба — они делают выбор. Видимо, не всегда правильный...

— А если бы я не справилась?

— Тебя бы убили.

— И всё?

— Всё, — сухо ответила чародейка. — Кому нужна Тень, которая не в состоянии справиться с несколькими не слишком умелыми бойцами? После двух лет тренировок у лучшего мастера королевства!

Тогда я поверила ей. Не надолго, но поверила. Потом поняла, что напрасно: слишком много сил и времени было уже вложено в меня на тот момент. А шанса получить другую Тень у принцессы уже не оставалось. И если бы дело приняло дурной оборот, они бы вмешались — мастер со своим клинком... или Бьярта со своей магией. И продолжили бы меня учить и тренировать.

А еще я подумала, что у меня тоже есть свой, пусть и совсем крохотный выбор — убить или умереть. Маленькая власть над собственной судьбой.

После этого я уже не задумывалась о том, кого против меня выставляют — фантомов или живых людей. Я просто хотела держать в руках свой маленький выбор. Я хотела жить. Пусть даже и Тенью. Научившись убивать, я, как ни странно, начала осознавать ценность жизни — собственной жизни, какой бы она ни была. Чужая воля сузила мой выбор до двух противоположных решений. Но при мне оставалась способность мыслить и чувствовать... и от этого я отказываться не собиралась.

Примерно в то же время Бьярта сочла возможным перейти на новый этап развития Тени. Когда разница между материальным и... тоже материальным, но неосязаемым прочно улеглась в моем сознании, на одном из уроков в лаборатории чародейка подвела меня к

фантому.

Смотри внимательно.

 p; Я послушно уставилась тем самым рассеянным взором, ожидая увидеть нити магии — и не увидела. Пальцы наставницы коснулись тела нашего анатомического пособия и... прошли сквозь него. Разумеется, ничего удивительного в этом не было — плотность фантома могла меняться по воле хозяйки, но я все-таки спросила, чтобы явственно продемонстрировать свой интерес:

— И что это значит?

— Это значит, милая, что и с твоим телом может происходить нечто подобное. Ты Тень, а следовательно, существуешь на грани и принадлежишь не только физическому миру, — чародейка усмехнулась. — Тебе еще не надоело обходить слуг в коридоре, чтобы не столкнуться с ними?

Надоело, еще как надоело! Хотя у моей невидимости со временем обнаружились и плюсы: я могла незаметно подслушивать чужие разговоры. Слуги постоянно жили в доме, но могли его покидать, у них случались выходные и даже отпуска, и возвращаясь из внешнего мира, они приносили с собой новые запахи, настроения и темы для кухонных бесед. Жаль, у меня было слишком мало времени для подобных игр — в разговорах слуг встречалось немало интересных сведений о мире, которого я не знала. Он был одновременно намного проще и сложнее, чем тот, с которым я была знакома по книгам. Уверена, Бьярта знала о моей привычке подслушивать и подглядывать, но ничуть не возражала, покуда я не лезла в ее собственные тайны.

Но сейчас Бьярту, конечно, интересовало другое.

— Надоело, — не покривив душой, призналась я.

В конце концов, моей невидимости и даваемых ею преимуществ у меня уже никто не отнимет, а приобрести новые умения или свойства... это интересно.

Бьярте на тот момент я верила безоговорочно: если она сказала мне, что я этому научусь, то никаких сомнений быть не может, каким бы немыслимым ни представлялось новое умение. И все-таки, когда рука чародейки впервые беспрепятственно прошла сквозь мое тело, я была шокирована до онемения, а потому закономерный вопрос созрел у меня лишь сутки спустя:

— Получается, мне никакое оружие не страшно, если я могу становиться такой?

— Не все так просто, девочка. Оружие не опасно тебе, пока ты в состоянии Тени, но чтобы обороняться самой и защитить принцессу, тебе придется принимать материальную форму. Кроме того, удары, нанесенные принцессе, будут для тебя не менее опасны, чем если бы ты была в плотном теле. Так что это умение помогает... не от всего.

В последнее время Бьярта начала обращаться ко мне чуть мягче — исчезла привычная сухость из голоса, а в наших беседах мы стали затрагивать темы, не касавшиеся непосредственно учебы — о людях, их привычках, способе мышления, взаимоотношениях.

Нет, она по-прежнему оставалась требовательной наставницей, не давала мне никаких поблажек, но мне казалось, она перестала смотреть на меня только как на инструмент, который надо отточить и подготовить к работе. А может, все это было в ней и раньше — тщательно скрываемое за сухостью и невозмутимостью. Сейчас я думаю, что дело обстояло именно так.

И еще кое-что изменилось в последний год моего пребывания в доме чародейки: поменялось мое учебное расписание. Из него исчезли история и землеописание. Бьярта

сочла, что вложила в мою голову достаточно сведений по этим предметам.

Однако больше свободного времени у меня не появилось, образовавшееся 'окно' заполнили уроки танцев. Узнав об этом, я с трудом скрыла свое изумление. Танцы? Но зачем?!

Все, чему меня до сих пор учили, имело смысл: сражаться, чтобы защищать принцессу, разбираться в ядах и справляться с их действием в своем организме — для того же, прочие науки — чтобы уметь поддержать беседу с той же принцессой, если она вдруг заскучает, а я окажусь единственной собеседницей. Но для чего невидимой Тени уметь танцевать?

Впрочем, делиться с чародейкой своим недоумением я не стала. Какой смысл, если она все равно сделает по-своему, раз уж затеяла?

Моим новым учителем стал Наур Сельяс. У кавалера Сельяса были золотистые вьющиеся волосы, тонкие черты лица, невероятные голубовато-зеленые глаза и губы такие, как описывались в романах, которые я иногда почитывала вечерами. Чувственные — вот как их называли. Еще кавалер носил на пальце перстенок с камушком невнятного цвета, благодаря которому мог меня видеть.

— А разве можно, чтобы кто-то посторонний знал, что вы растите Тень для принцессы? — поинтересовалась я у чародейки.

— Разумеется, нет. Когда контракт с учителем танцев закончится, я поработаю с его памятью. Он будет помнить о том, что учил дочь провинциального аристократа, и даже соответствующие рекомендации получит. Впрочем, кавалер Сельяс в них не нуждается, он уже сделал себе имя в определенных кругах.

— Мастер Оли тоже меня забудет?

— Мастер посвящен во многие тайны и связан клятвой, его память останется при нем, — Бьярта улыбнулась.

По правде говоря, мне совсем не хотелось, чтобы учитель танцев обо мне забывал, но я ни за что не призналась бы в этом чародейке.

Поначалу я чувствовала себя на его уроках весьма некомфортно: стоило кавалеру запустить кристалл с записью, всё вместе — льющаяся из кристалла музыка, неуютная пустота выделенной для занятий гостиной — вгоняло меня в оцепенение. Я забывала, что мое тело умеет двигаться легко и плавно, путалась в ногах, спотыкалась, смущалась собственной неловкости и едва не плакала.

А все потому, что учитель мне нравился. И даже больше, чем просто нравился. Он словно сошел со страниц тех самых романов, и мысленно я наделила его всеми теми достоинствами, которыми положено обладать герою, заставляющему трепетать девичьи сердца. В первую очередь, конечно, несравненной отвагой. Втайне я надеялась, что этой самой отваги хватит на то, чтобы похитить меня из заколдованного замка и увезти на край света, чтобы никакие маги-чародеи не нашли. Хорошая получилась бы сказка: герой получает свою тень-принцессу, волшебное колечко, чтобы не терять ее из виду, и сохраняет невредимой свою память. Последнее казалось мне особенно важным, поскольку потерю памяти я полагала утратой части личности. Ведь со мной разве не так же произошло?

Надо отдать должное кавалеру, он был необычайно терпелив со мной, не раздражался моей неуклюжестью, а раз за разом повторял одни и те же элементы, пока они не выходили у меня как надо — не только безупречно четко, но и естественно. А еще он позволил называть себя просто по имени — Наур.

По наивности своей я сочла, что это признак ответной симпатии, и почувствовала себя

окрыленной. Даже танцевала, как летала, постепенно забывая былую скованность. Оказалось, мое тело приспособлено не только к прыжкам и кувыркам, но и ко всем этим изысканным па, плавным движениям и изящным поклонам.

Я долго не решалась заговорить с Науром о своих чувствах, все ждала, что он признается первым, но кавалер молчал, а время двигалось неумолимо, и не за горами был тот час, когда нам предстояло расстаться, а моему учителю — забыть обо мне.

В конце концов, думала я, быть может, он просто не догадывается о том, что я к нему испытываю, томится в душе и боится вызвать мое неприятие? А значит, не стоит ждать от него первого шага.

... Это был наш последний урок — так объявила мне Бьярта сразу после завтрака, и я все-таки собрала все свое мужество и заговорила:

— Скажи, Наур, я ведь нравлюсь тебе?

Обычно спокойное, красивое лицо кавалера Сельяса вдруг исказила неприязненная гримаса, губы брезгливо скривились.

— Ты отвратительна, — выплюнул он, — маленькая, серая, грязная... порождение черного колдовства. Я рад, что сегодня вижу тебя в последний раз.

Я отшатнулась от кавалера, не столько шокированная словами, которые не сразу дошли до моего сознания, сколько испуганная внезапной переменой в его облике — словно маска сползла, обнажив доселе скрытое. И уже потом раскрылся смысл сказанного, довершив болезненный удар. Я развернулась и выбежала из гостиной.

У себя в комнате переделалась из платья в привычные брюки с рубашкой и с ногами забралась в кресло. Боль и недоумение постепенно отступали. На смену им пришла горечь (размечталась, глупая Тень, о собственной судьбе!), а за ней — некое мрачное удовлетворение: хорошо все-таки, что Бьярта уже сегодня вывезет Наура из имения и сотрет ему память. И он не будет ничего знать, о намечтанном мною счастье, забудет навсегда о серой Тени, целый кусок его жизни длиной в полгода перестанет существовать, а в голове поселится ложь. Так ему и надо: будет там на одну ложь больше. А разве не ложью были его улыбки и похвалы, которыми он одаривал меня на уроках?

Как выяснилось, для Бьярты не стали тайной ни мои чувства, ни моя последняя беседа с учителем. А может, чародейка считала это из его настоящей памяти, прежде чем подменить ее ложной.

— Пусть это послужит тебе уроком, — только и сказала она, — не питай надежд, ничем не подкрепленных, и не верь чужим словам и улыбкам — люди не всегда говорят правду и зачастую вынуждены скрывать свои настоящие чувства. И — прими предназначенное, не давай иллюзиям задурить себе голову. Только пройдя весь путь до очередной развилки, ты получишь возможность выбирать.

Эти слова я тоже положила в свою копилочку — на будущее. Когда-нибудь я пойму, что имела в виду моя наставница.

А по кавалеру я страдала недолго. Оказывается, за годы жизни в доме чародейки я здорово наловчилась прятать от себя самой ненужные эмоции — сначала страх, а теперь — первые влюбленность и разочарование.

Между тем, срок моего пребывания в доме чародейки подходил к концу, и никакие занятия не могли отвлечь меня от мыслей об этом. Что ждет меня за воротами? Жизнь или скорая смерть? И если жизнь, то какая? И какая она — принцесса Нэлисса? Хрупкое, изнеженное создание, которое берегут от опасностей и переживаний? Вдруг она окажется

милой и доброй, и — кто знает! — мы сможем подружиться? А может, Нэлисса — избалованная стерва, и я буду с тоской вспоминать о том, как жила здесь? Нет-нет, не стоит об этом думать, даже предполагать.

Бесплодные размышления, все равно решение уже принято, сворачивать некуда. К тому же, к страху примешивался интерес и даже азарт: дворец открывал новые возможности для знакомства с миром. Кроме того, в вечерних беседах, которые уже вошли в традицию, Бьярта учила меня захватывающе-странным вещам: о том, как и кого стоит подслушивать во дворце, чтобы быть в курсе важных для меня событий, как из услышанного вычленять главное, а из крупиц составлять цельную картину. И еще — как использовать информацию себе на пользу и заставлять людей делать именно то, что нужно мне. И так получилось, что я окончательно перестала трепетать перед будущим — я начала его **предвкушать**.

В ночь накануне отъезда я почти не спала, вертелась в постели и лишь под утро смогла забыться тяжелым сном.

Тьма — моя постоянная ночная подруга — в этот раз была особенно густа, она обволакивала меня жирным черным туманом и словно чего-то ждала. Я тоже невольно заразилась этим ожиданием и в какой-то момент прониклась убежденностью, что она вот-вот выпустит меня из своих объятий. Так и случилось: тьма расступилась, и я очутилась в странно знакомом месте. И это была другая я — забытая, не существующая более — из тех видений, которые давно перестали меня посещать.

И вновь улыбалась мне голубоглазая женщина, а мужчина... в этот раз я толком не видела его, зато ощущала приятный запах и тепло, исходившие от его тела — он держал меня на руках.

— А смотри, смотри, кто там у нас, — голос мужчины вибрацией отозвался под моей ладонью.

Он размашистым шагом пересек комнату и остановился перед большим зеркалом. Я повернула голову — вот он, мой отец. Но ребенка у него на руках разглядеть никак не получалось, мой взгляд то словно бы соскальзывал с зеркальной поверхности, то проходил насквозь, и я видела стену, расположенную за спиной у отца.

Там жарко пылало пламя в камине, на полке стояли два витых подсвечника, а выше висел искусно вырезанный из дерева родовой знак. Я-сегодняшняя или я, которая тоже жила в той маленькой девочке, вглядывалась в него, силясь запомнить, запечатлеть в сознании изображение, почему-то это казалось мне невероятно важным... Идеальный круг, голубое поле, золотая волна, отделяющая нижнюю часть от верхней, а над волной реет серебряная птица. Все это венчает корона, но я, как ни старалась, не могла ее рассмотреть.

— Вставай! Пора!

Голос ввинчивался в сознание, отравляя пространство сна и оставляя лишь одно желание — спрятаться, укрыться от него.

Я перевернулась на живот и зарылась лицом в подушку, натягивая на голову одеяло.

Вообще-то я была приучена вставать с постели по первому сигналу. Но именно сегодня одолевало желание пробурчать-пронуть сиплым спросонья голосом: 'Ну-у, нянюшка... еще капельку'.

'Нянюшка' — это было из другой жизни. Из глубокого детства, память о котором подернулась непроницаемой пеленой. И та, что пришла сейчас за мной — не нянюшка

вовсе. Она — мой персональный кошмар, во сне и наяву, с самого своего появления в моей жизни. И одновременно — якорь, который позволял мне держаться за эту жизнь в течение многих лет. Она задавала ритм моей жизни, направляла, наставляла и вот теперь готовилась отпустить...

Я все-таки оторвала голову от подушки и встретилась глазами с внимательным взглядом Бьярты. Может, она и не видела меня насквозь, но явно догадывалась о том, что происходит у меня в голове. Сегодня, после сна-воспоминания, это настораживало больше, чем обычно, потому что увиденные картины я желала сохранить для себя, только для себя. Во-первых, в моей жизни было слишком мало того, что я могла бы назвать по-настоящему своим, а во-вторых... благодаря этому сну у меня появилась цель: найти свою семью или, по крайней мере, узнать, кто я такая.

Часть II. ТЕНЬ ПРИНЦЕССЫ

Бессонная ночь сказалась на моем состоянии: значительную часть дороги я продремала. На ночлег мы остановились в лесу, несмотря на то, что уже ближе к вечеру проехали небольшой, но вполне симпатичный городишко.

— Почему мы не остановились в гостинице? — поинтересовалась я.

— Потому что я не намерена спать с тобой в одной постели и не горю желанием привлекать к себе внимание, заказывая для одной себя двухместный номер.

Да, тут я не подумала. Мое невидимое присутствие может представлять собой проблему, и куда проще переночевать на природе, чем вызывать подозрительные взгляды.

В эту ночь я заснула быстро и не видела никаких снов, меня даже не тревожили звуки и запахи леса. Полюбить я его так и не смогла, но бояться перестала: лес был чужд, но не враждебен.

Утром я освежилась в ручье, и чувствовала себя вполне бодрой, когда мы загрузились в экипаж и снова тронулись в путь. До столицы оставалось несколько часов неспешной езды.

У городских ворот стояла очередь из купеческих обозов, и я приготовилась к долгому ожиданию, но оказалась, что таким как мы — в каретах и без товара — задерживаться необязательно, и мы проехали в город, сопровождаемые завистливыми взглядами тех, кому предстояло проторчать еще немало часов на жаре в томительном ожидании.

Копыта гулко стучали по мостовой, за окнами кареты шумела и бурлила столичная жизнь, а я слышала все эти звуки словно издавека, будто меня отделяла от них невидимая стена. Именно теперь я с полной ясностью осознала, что вот-вот для меня закончится все, чем я жила все эти годы, и, возможно, начнется что-то новое. Я столько передумала об этом в последнее время, что, казалось бы, могла уже и привыкнуть, примириться, но на подъезде к королевскому дворцу меня накрыло так, что я совершенно перестала воспринимать окружающую действительность.

Как ни странно, въезжать в парадные ворота мы не стали. Бьярта скомандовала кучеру остановиться, легко выпрыгнула из экипажа и махнула мне рукой, чтобы я следовала за ней. Карета с нашими вещами проследовала дальше, а мы отправились в обходной путь по узким улочкам, пахнущим простой едой и чем-то еще, смутно знакомым.

Попетляв по городу, мы очутились перед небольшой калиткой в каменной стене. Бьярта стукнула пару раз, произнесла несколько слов на незнакомом языке, и мы ступили на садовую дорожку. Молчаливый мужчина в сером, словно пропыленном костюме провел нас

в дом. Оттуда, через люк в полу, открывался подземный ход.

Словом, наше появление во дворце было окружено строжайшей тайной. Я даже не поняла, знал ли сопровождающий о моем присутствии, но по некоторым признакам решила, что все-таки знал. Во всяком случае, мне ни разу не пришлось уходить в тень, чтобы избежать столкновения с ним.

Спустя полчаса ход привел нас в мрачное помещение со сводчатым потолком и без окон. Бьярта о чем-то тихо переговаривалась с провожатым, а я застыла в ожидании. Потом мужчина в сером выскользнул за дверь — не ту, через которую мы пришли, а другую, — и через несколько минут оттуда послышались шаги и голоса. Я чувствовала присутствие как минимум десятка человек, но когда дверь снова отворилась, вошли только двое — все тот же серый мужчина и девочка моих лет.

'Принцесса!' — догадалась я.

Меня девочка пока не видела, а вот я могла разглядывать ее в свое удовольствие. Светлые волосы ниже лопаток чуть завивались на концах, пухлые губы то и дело норовили скривиться в гримасе — то ли заплакать принцесса собиралась, то ли злилась. Но сдерживалась. Милое личико сердечком — не красавица, но очень симпатичная. А вот глаза в полумраке не разглядеть, но видно, что светлые — серые или голубые. И ресницы длиннющие так и хлопают. А еще она все-таки слегка напугана — вон как ежится. Но виду старается не показывать.

— Вам придется, покинуть нас мар Стеумс.

'Мар' — это обращение к государственному чиновнику высшего ранга. Значит, не так уж прост наш невзрачный сопровождающий.

Стеумс нахмурился, но возражать чародейке не решился, вышел молча и аккуратно прикрыл за собой дверь.

— Будет немного больно, ваше высочество, — обратилась Бьярта к принцессе, — но придется потерпеть.

Чародейка прихватила руку девчонки, резким движением нанесла удар — откуда появился крохотный кинжальчик, я даже заметить не успела при всей своей тренированности. Принцесса пискнула и закусил губу, а я на мгновение испытала мрачное удовлетворение — пока это еще ее боль, а не моя. Пусть почувствует.

Выступившую на запястье кровь Бьярта сцедила во флакон с желтовато-оранжевым содержимым, отчего жидкость сразу приобрела более темный, насыщенный оттенок, и над ней заколыхались спиральки пара.

В этот раз мне не пришлось раздеваться — Бьярта велела мне повернуться спиной, откинула немного отросшие за последний месяц волосы и изобразила на загривке единственный знак. Я даже почувствовать ничего не успела.

— Крови сей отдаю свое служение, — повторила я за чародейкой короткую ритуальную фразу.

Бьярта повернулась к принцессе. Та была на удивление послушна — безропотно позволила чародейке освободить от волос шею и нарисовать знак. Разглядеть я его, увы, не смогла, а вот фраза, которую принцесса повторила вслед за Бьяртой, врезалась в мое сознание:

— Кровью своей принимаю власть над Тенью до смерти или освобождения.

— Всё, — подытожила чародейка.

Принцесса развернулась резко, словно только этого и ждала, и уставилась на меня.

— Это она?! — губы девушки искривились. — Мне говорили, что мы похожи. Но она... серая... непонятная какая-то, — принцесса передернула плечиками.

— Это чисто условное сходство, — пояснила Бьярта, — описательное. И касается оно той внешности, какой обладала Тень... до того как стала Тенью.

Принцесса задумчиво кивнула, словно и в самом деле что-то поняла, но все-таки добавила:

— А подстричь нормально ее нельзя было, что ли?

Я только хмыкнула, слова принцессы ничуть меня не задели. После того, что я услышала от Сельяса, неприязненная реакция на мою внешность меня больше не шокировала. А волосы... ну, я догадывалась, что они выглядят не лучшим образом. После принудительной стрижки, которую мне когда-то устроил мастер Оли, я время от времени подрезала их сама — тоже кинжалом. И ни разу ни от Бьярты, ни от мастера ничего не слышала по этому поводу. Вероятно, их все устраивало. А значит, и меня тоже.

Бьярта тем временем выглянула за дверь и пригласила Стеумса.

— Вы закончили? — голос этого человека я, кажется, услышала впервые. — Ваше высочество, вас сейчас отведут в ваши покои. Тень последует за вами чуть позже, я хотел бы с ней побеседовать. Я полагаю, мне не стоит напоминать вам, что о ритуале никому рассказывать нельзя, это вопрос вашей безопасности.

Принцесса вскинулась, словно собиралась высказаться резко, но сдержалась, просто кивнула и молча вышла. Я даже почувствовала что-то вроде восхищения: вот ведь, принцесса, вполне может возмутиться, однако сдерживается, но не потому, что слабой себя чувствует — просто считает, что так лучше. Может, мне удастся с ней поладить?

— Где она? — вновь заговорил мужчина, когда принцесса оставила нас.

— Перед вами, — чародейка положила руку мне на плечо.

— Тень! — Стеумс поморщился. — Чувствую себя полным идиотом, разговаривая с пустым местом. Почему нельзя было сделать амулет хотя бы для меня?

— Такова была договоренность с его величеством.

— Его величество... Его величеством ты, Бьярта, крутишь как хочешь!.. — мужчина хотел еще что-то добавить, но вместо этого выдохнул с шумом и снова обратился ко мне. — Слушай внимательно. До сего дня принцессу постоянно охраняла дюжина гвардейцев, теперь охрану сократили до четверых. Разумеется, о причинах этого никому не сообщили, но люди не дураки, многие из них наблюдательны и болтливы, потому слухи поползут, и с какого-то момента твое существование перестанет быть тайной. Чем позже это случится, тем лучше, поэтому в присутствии посторонних себя не выдавай. О тебе во дворце известно его величеству, ее высочеству и мне. Я возглавляю Тайную Канцелярию, в моем ведении все вопросы, касающиеся безопасности королевского семейства. Тебе все ясно?

Я кивнула, но тут же сообразила, что Стеумс моего жеста не видит, и исправилась:

— Мне все ясно, мар Стеумс, — это особое искусство, 'проявленный' голос, если я хочу, что бы меня слышал кто-то, не связанный со мной ни ритуалом, ни амулетом.

Есть еще прием 'выбор слушателя', когда можно обращаться только к одному из присутствующих, а остальные и не догадываются, что я говорю. Сложная штука. Бьярта заставляла меня упражняться на слугах, а те пугались...

— Жить будешь в покоях принцессы, — продолжил глава Тайной Канцелярии, — насколько я понял, тебе необязательно постоянно находиться при своей подопечной...

— Совершенно верно, — подтвердила Бьярта.

— Однако за трапезой твое присутствие необходимо, равно как и в тех случаях, когда принцесса соберется покинуть свои покои.

— Ее высочество знает об этом? Не получится так, что она захочет выйти, не предупредив меня? — вновь подала голос я.

— Ей все доходчиво объяснили. Она обещала, что не станет создавать сложности... Бьярта, ты можешь быть свободна. Я уже отправил сигнал.

— Условия выполнены?

— Да, запрет снят.

Разговор был интересный, и мне очень хотелось его послушать, но голос, внезапно раздавшийся в моей голове, заставил меня отвлечься. Это был голос моей наставницы, несомненно. Как-то она умудрялась говорить одновременно вслух — со Стеумсом — и мысленно — со мной.

'Будь внимательна, девочка. Слушай, смотри по сторонам, жди поворотных моментов и постарайся их не пропустить. Придет пора — начинай действовать. И запомни: нет живущих без судьбы. Ритуал не решает всего, он лишь задает рамки... Если очень понадобится — зови. Но только в самом крайнем случае.'

— Прощайте, — услышала я... и чародейка исчезла.

Нет, мне доводилось читать, что некоторые маги владеют искусством мгновенного перемещения в пространстве, и я даже догадывалась, что Бьярта тоже умеет, но она никогда не демонстрировала при мне этого умения.

Надо сказать, на главу Тайной Канцелярии исчезновение Бьярты тоже произвело сильное впечатление. Во всяком случае, экспрессивная тирада, в которой я не поняла и половины слов, свидетельствовала об эмоциональном потрясении.

— Ты-то хоть здесь? — выдохнул наконец он.

— Здесь, — отозвалась я, стараясь не выдать голосом своего веселья.

— Что ж, пойдём.

В этот раз мы вышли через ту же дверь, что и принцесса, и минут пять поднимались по лестнице, которая привела нас в один из дворцовых коридоров.

Здесь не было изобилия спешащих по делам людей, как мне представлялось когда-то. За все время, пока я шагала за главой Тайной Канцелярии, мы встретили всего двух слуг и одного придворного, и все они приветствовали моего спутника почтительными поклонами. Мне даже показалось, что придворный склонился несколько глубже и простоял так дольше, нежели слуги, а длинные тонкие его пальцы нервно подрагивали все это время.

Вероятно, мар Стеумс считался опасным человеком, от его решений зависели судьбы, а встреченный нами придворный знал за собой какие-то грешки. Впрочем, все это были лишь мои фантазии.

Сам дворец произвел на меня мрачноватое впечатление, несмотря на то, что света из окон было достаточно, а там, где не хватало окон, горели светильники — на освещении здесь явно не экономили. Тем не менее, мне было темно и неудобно — возможно, из-за внутреннего беспокойства при вступлении в новую жизнь, а может, то, что я знала о нынешнем короле и его ближайших предках, заставляло воспринимать их территорию как заведомо враждебную. Про себя я решила, что это даже полезно — лишний раз не расслаблюсь, буду начеку.

Покои принцессы располагались в изолированном коридоре, у входа в который дежурили два гвардейца. Еще двое стояли у внутренних дверей, из-за которых слышался

взволнованный, даже со слезой, женский голос.

Стеумс стукнул три раза и, не дожидаясь ответа, распахнул дверь. Представшее нам зрелище было достойно кисти художника. Впрочем, кисти тут и так имелись. И даже художник, вернее художница: юная принцесса в элегантном брючном костюме сидела на полу у стены гостиной и, высунув язык от усердия, расписывала нежно-розового цвета шелковую обивку яркими алыми маками. Вокруг, заламывая руки и причитая, металась средних лет женщина. Кажется, она умоляла принцессу прекратить варварскую порчу стен, но слов было толком не разобрать. Ее высочество вопли своей... гувернантки, наверно... игнорировала. Наше вторжение она заметила не сразу, лишь когда Стеумс подхватил истерящую даму под локоток и вывел из комнаты, принцесса соизволила обернуться:

— А! Наконец-то! Давай сюда, помогать будешь.

Надо сказать, рисование было одним из тех благородных занятий, которым меня не обучали — наряду с дамским рукоделием и музицированием. Может, Бьярта не разглядела во мне соответствующих талантов и склонностей, а скорее всего, просто не сочла эти умения необходимыми. Впрочем, принцесса талантами тоже явно не блистала — маки были изображены вполне примитивно, хоть и узнаваемо.

Я вздохнула и присоединилась к процессу порчи дворцовых стен. Первое время я поглядывала на Нэлиссу, повторяя за ней движения, но потом втянулась и увлеклась, даже не сразу среагировала, когда принцесса плюхнула кисти в вазу с водой и заявила:

— Ну все, хватит! Все равно завтра все обдерут и переделают.

— Зачем тогда?..

— Ску-учно... — протянула принцесса.

Это меня несколько удивило: сама я скуки не знала и не представляла себе, каково это — не найти себе занятия по душе.

Принцесса между тем словно бы сдулась после своего творческого порыва — была задумчивой, молчаливой, вопросов мне никаких задавать не спешила, а за ужином вяло ковырялась в тарелке, не выказывая интереса к еде. Ели мы вдвоем. Безмолвная горничная сервировала стол в гостиной и тут же исчезла. Гувернантка так больше и не появилась. Когда я спросила о ней, принцесса махнула рукой:

— Больше и не придет. Зачем она мне? Воспитывать меня уже поздно, а одна я теперь и так не останусь, у меня есть ты. Тебя вообще как зовут?

— Никак. Я Тень.

Принцесса хмыкнула, но комментировать не стала.

После ужина она потащила меня в спальню.

— Вот смотри, здесь будет твое место.

Место оказалось удобной, в меру мягкой кроватью, отделенной от шикарного ложа принцессы узким проходом и полупрозрачной занавеской.

— А тут, — продолжила Нэлисса, — гардеробная, — она толкнула маленькую дверцу, — вот эту часть выделили тебе. Там отдельный шкаф с ключами, чтобы моя камеристка не лезла и лишних вопросов не задавала. И вещи твои сюда принесли. Ну ладно, ты тут разбирайся, а я пойду почитаю.

Я осталась в гардеробной одна. Действительно, в углу около шкафа стояли два моих сундука, которые оставались в карете, когда мы с чародейкой отправились в пешее путешествие по городским улицам.

Я выглянула в спальню: принцесса успела сбросить костюм, в котором расписывала

стены. Теперь перепачканное краской одеяние валялось неопрятной кучкой на полу, а сама Нэлисса возлежала на кровати прямо в нижнем белье и, кажется, действительно читала книгу.

Я прикрыла дверь и вернулась к своим вещам.

На моем костюме, кстати, не было пятен краски — Бьярта зачаровала всю мою одежду на славу. Десяток брючных комплектов, рубашки и несколько пар обуви не будут знать сносу и нуждаться в регулярной чистке, они обрели способность отталкивать грязь, а порваться могут, если только резать их специально. А как иначе? Ведь заказывать одежду для меня будет несколько проблематично. Не потому, что король пожалеет средств на мое содержание, просто... Кто ее шить-то будет? На невидимую Тень?

Для этой одежды Бьярта снимала мерки сама. Я не удивлюсь, если и шила она же, но врать не стану — не видела. Зато чародейка предусмотрела маловероятную возможность, что еще вырасту на палец-другой: круглый камушек с заточенной с одной стороны кромкой, если провести им в определенных местах над швами, позволял 'выпустить' запас. Бьярта учла и то, что одежду мне придется стирать самой, чтобы не светить перед дворцовым персоналом маленькие секреты вроде потайных карманов и прочих особенностей пошива, а потому мне выдан был запас 'стиральных' камней: бросишь один такой в воду вместе с одежками, а потом вынимаешь — и все как новенькое, только высушить остается. Потому что грязеотталкивающие чары — это, конечно, замечательно, но они не заменяют чувства свежести от осознания, что на тебе надето все чистое.

Мурлыкая себе под нос незатейливую песенку, которую я слышала от кухарки в доме Бьярты, и одновременно прислушиваясь к тому, что происходит в спальне, я развесила и разложила в шкафу свои вещи и принялась за оружие. Часть пришлось оставить в сундуке и пристроить внизу вместе с обувью, а кое-что я решила держать поближе — пару кинжалов и метательные ножи, например.

Отдельного внимания заслуживал пояс, расставаться с которым я не собиралась ни днем, ни ночью. Помимо ножен на нем располагалось еще множество кармашков, по которым я распихала флакончики с алхимическими зельями — от противоядий до снотворного, от дымовой завесы, до вещества, нейтрализующего чужую магию. Мне этот мой первый вечер во дворце показался мне самым подходящим временем, чтобы еще раз вдумчиво изучить содержимое флаконов и, возможно, разложить их в особом порядке, чтобы не задумываясь извлечь нужно, если понадобится.

Усевшись в плетеное кресло, я развернула пояс на коленях и принялась один за другим вынимать и разглядывать флаконы. Емкости не были помечены никакими знаками или надписями, я и без того, даже не открывая крышек, могла определить, что где. Прикидывая так и сяк, я сочла, что порядок можно было бы и не менять — еще накануне отъезда, пользуясь советами Бьярты, я разложила все разумно и удобно. Только два флакончика вызвали у меня недоумение, потому что я точно знала: раньше их здесь не было. Кроме того, содержимое их мало напоминало привычные жидкости и порошки, скорее оно было похоже на свернутые в трубочку листки бумаги.

Несомненно, их подсунула Бьярта и рассчитывала, что я ознакомлюсь с написанным на этих листках. Но зная свою наставницу, я могла смело утверждать, что она не стала бы раскладывать одно послание по двум разным емкостям, и если уж разделила их, значит, в этом есть какой-то особый смысл.

Я еще раз с сомнением оглядела флаконы: они казались абсолютно одинаковыми, если

не считать цвета плотно подогнанных пробок. Одна была оранжевой, другая — фиолетовой, и это навело меня на воспоминания о наших занятиях в алхимической лаборатории. Бьярта никогда не говорила об этом вслух, но чаще всего вещества, участвовавшие в многоэтапных процессах, были отмечены разными цветами, и оранжевый всегда шел перед фиолетовым. Следующим обычно был шоколадно-коричневый, а за ним — черный.

От воспоминаний повеяло чем-то родным и знакомым, они смыли легкий налет беспокойства, возникший при виде 'заряженных' флаконов. Я решительно потянула оранжевую пробку, встряхнула перевернутый пузырек, и на мою ладонь выпал свернутый бумажный рулончик. Разворачивала я его не без трепета.

Свиток был исписан аккуратным бисерным почерком моей наставницами с характерными хвостиками-завитушками у некоторых букв. Послание начиналось не с обращения, но я не сомневалась, что оно адресовано именно мне:

'Не из всякого ребенка можно сделать Тень. Я выбрала тебя не случайно. За три года до нашей встречи я видела сон, в котором шла по улицам незнакомого города, пока не уперлась в дверь воспитательного дома — впрочем, тогда я еще не знала, что это за заведение. Там, на крыльце, я услышала слова, которые свели твою и мою жизни: 'Когда тебя вынудят делать то, чего ты не хочешь, приходи сюда и возьми первую, которую предложат'. Городок с приютом я разыскивала несколько месяцев, когда пришла нужда, а первой стала ты. В том сне мне было велено дать тебе 'всё и даже больше', а ко всему — шанс на освобождение. Шанс я разделила на две части, одну заложила в формулу привязки, вторую — во флакон с фиолетовой пробкой. Не трогай его пока — передай тому, кто сможет и захочет сделать твой шанс реальностью'.

Подписи не было тоже. Но я в ней и не нуждалась. Зачем, если и так все ясно?

Я еще раз перечитала послание, а затем порвала его на мелкие клочки. Второй флакон, который содержал мой шанс на свободу, я тщательно запрятала в пояс — в кармашек, который нипочем не найти, если не знаешь, где и что искать.

Когда я наконец вышла из гардеробной, принцесса уже спала — переодетая в ночную сорочку и укрытая одеялом. Мне спать пока не хотелось. Я от души наплескалась в ванне, потом сунула нос в книжку, отложенную Нэлиссой. Это оказался роман, который я раньше уже читала — красивая история, но после разочарования с кавалером Сельясом меня к таким больше не тянуло.

Укладываясь в постель, я аккуратно повесила пояс на спинку кровати в изголовье. Теперь его ценность в моем представлении выросла во много раз.

Проснувшись я задолго до рассвета на удивление бодрой, полежала еще какое-то время, прислушиваясь к ровному дыханию принцессы за занавеской. Потом поняла: нет, не прислушиваясь... Как-то иначе это должно называться, когда ты чувствуешь, как дышит другой человек, как бьется его сердце, и воспринимаешь это все как свое — свое дыхание, свое сердцебиение. Притом я и собственное сердце слышала, и билось оно совсем не в том ритме, и это казалось диким, странным и непонятным.

Не выдержав, я вскочила, быстро умылась и оделась и выскользнула из покоев принцессы. Гвардейцы у входа вроде бы не дремали, но того, что дверь сначала отворилась, пропуская меня, а потом закрылась за моей спиной, они явно не заметили — так и продолжали стоять, уставившись прямо перед собой.

Как ни странно, стоило мне убежать подальше от принцессы, я почувствовала облегчение, хотя что-то внутри меня продолжало отслеживать биение ее жизни.

Итак, я отправилась на первую свою разведку по дворцу.

Утренняя жизнь здесь только-только начиналась, звуки доносились откуда-то снизу, но я решила, что туда мне пока не нужно — лучше пройтись по второму этажу, где меня поселили. За час прогулки я обнаружила покои короля и королевы, комнаты наследника, несколько общих гостиных... Словом, ничего интересного.

Я бы отправилась и дальше, но уловила сигнал от своей подопечной: принцесса просыпалась. Как я это поняла, не знаю, однако прогулку пришлось свернуть. Любопытно, что я сразу переняла от главы Тайной Канцелярии это 'подопечная'. Звучало оно куда лучше, чем 'носитель' и в какой-то мере отражало мое отношение к принцессе, которое только-только начинало складываться. Она казалась мне младшей. Нет, я сознавала, что мы ровесницы, что Нэлисса отнюдь не глупа. Возможно, у нее даже побольше жизненного опыта — ей, в отличие от меня, приходилось встречать разных людей и общаться с ними. И все-таки она была младшей. Подопечной.

Вернулась я как раз вовремя — Нэлисса уже продрала глаза, умылась и заканчивала одеваться — сама, без участия горничной. Я имела довольно смутное представление о жизни высшей аристократии, но романы утверждали, что ни одна благородная девица не в состоянии одеться без посторонней помощи. Правда, девицы из романов носили пышные платья с корсетами, а эта, судя по всему, предпочитала более практичные наряды. Во всяком случае, ее утреннее платье было, хоть и из дорогой ткани, но простого кроя и с удобной застежкой.

— Доброе утро, ваше высочество, — подала я голос.

— Пф-ф! — фыркнула принцесса. — Наедине можно просто Нэла или Нэл. Иначе долг получается, — и, заметив, вероятно, выражение сомнения на моем лице, добавила: — Если ты моя телохранительница, тебе надо приучаться называть меня покороче, а то мало ли что случится, пока ты все эти 'высочества' выговариваешь. Лучше Нэл и на 'ты'.

В ее словах, несомненно, имелся резон.

— Нэл, а на тебя часто покушались? — попробовала я на вкус новое обращение.

— Один раз, когда мне было семь. Хотя... если уж совсем откровенно, то ни разу, потому что это был семейный выезд и покушались, скорее всего, на отца. Говорят, правда, меня потом еще отравить пытались, но это... то ли было, то ли не было. Никто ничего толком рассказать не может, а я сама не помню.

— А-а-а, — глубокомысленно отозвалась я, не зная, как ответить.

Я не задумывалась об этом прежде, и мне только теперь пришло в голову: почему именно Нэлиссе, которая не являлась наследницей престола — в Таунале женщины вообще не могут наследовать ни корону, ни титул, — понадобилась Тень? Ну ладно, пускай с наследником опоздали... Но почему старшие дочери короля не сподобились в свое время такой защиты? И почему обойден младший сын — по логике, 'запасной' наследник? Но судя по всему, принцесса и сама не знала ответов на эти вопросы. Разве что, когда я упомянула младшенького, поморщилась, но ничего не сказала.

После завтрака принцессу ждали уроки, и мне предстояло скучать вместе с ней. Вернее, это Нэлисса предупредила, что будет скучно, я же полагала, что учиться — всегда интересно, о чем и заявила принцессе.

— Увидишь, — пожалала плечами Нэл.

Ну что сказать? Это оказалось действительно невероятно скучно. Я еще не забыла уроки географии в исполнении Бьярты, а потому только диву давалась, как можно столь

занудно рассказывать об интереснейших вещах. Зато история заставила меня встрепетаться, и вовсе не потому, что урок показался мне увлекательным. Просто неожиданно выяснилось, что об одном и том же событии можно рассказать по-разному. И речь уже не о более или менее скучном повествовании, а о совершенно ином толковании произошедшего.

Не было, оказывается, никаких завоеваний! Ну разве что небольшие пограничные стычки случались, но не тогда и не в тех местах. А были народы, страдавшие под гнетом жестоких и бездарных правителей, которые сами просили о заступничестве сильного соседа.

Я слушала и не верила своим ушам. И с трудом сдерживалась, чтобы не озвучить свое мнение. У меня не возникло ни тени сомнения, что именно от моей наставницы я слышала правдивое изложение не столь уж давних событий: Бьярта цитировала мне письма и воспоминания людей, бывших этим событиям свидетелями. А этот индюк с постной физиономией, который по недоразумению назывался учителем, вещал пафосную чушь.

Нет, я могла себе представить, что именно такую версию событий должны преподавать в школах обычным детям — чтобы не сомневались в справедливости правителей. Но принцесса-то должна знать, как оно все было на самом деле! Или не должна?..

— Ты думаешь, я не знаю?! — фыркнула Нэлисса, когда я поделилась с ней своими сомнениями. — Некоторые из этих событий происходили уже при моей жизни. Конечно, я была маленькой, но все равно слышала и понимала многое из того, что говорили при мне взрослые. Это было еще до того, как меня заперли от всего мира.

— Заперли?

Честно говоря, Нэлисса ничем не напоминала сказочную принцессу, заточенную в башне.

— Ну как — выделили отдельное крыло во дворце, приставили несколько человек — самых надежных, проверенных... Гулять — только на отделенном участке сада под охраной дюжины гвардейцев. Знаешь, что это такое? Это когда ты видишь только их спины и больше ни-че-го! Я рада, что их наконец разогнали. Все-таки четверо — это не двенадцать, есть надежда хоть что-нибудь увидеть, — криво усмехнулась принцесса. — А еще у меня раньше был другой учитель. И рассказывал он все по-другому. А потом его убрали и поставили этого, — Нэл смешно сморщила нос.

Да-а, оказывается, и у принцесс тоже жизнь несладкая бывает. Но все равно непонятно, чего ради скрывать от нее правду. Она ведь когда-нибудь покинет свою 'башню'. Ну, замуж, может, выйдет. И узнает все то, что пытались держать от нее в тайне. Хотя... смотря за кого замуж, наверно. И еще — если 'правильно' научить, то чему-то другому верить она уже не захочет. Правда, с Нэлиссой они тут явно промахнулись. Или опоздали просто.

После обеда Нэлисса потащила меня на прогулку. Да, четыре гвардейца — это определенно не дюжина, но принцесса считала, что и того многовато, и всячески старалась ускользнуть от их пристального внимания. Безуспешно, разумеется. А я могла бы ей помочь, но не видела в этом необходимости, да и охранников подставлять не хотелось.

В конце концов Нэлисса затянула меня в беседку, велев доблестным стражам оставаться снаружи, и засыпала вопросами.

Ей было интересно все: и откуда я такая взялась, и как меня готовили. О себя я много поведать не могла — все-таки моя жизнь началась лишь на крыльце воспитательного дома, я даже имени своего настоящего не помнила. Зато про подготовку — без некоторых подробностей, конечно — я рассказала. Почему бы и нет?

Особенно жадное любопытство у моей собеседницы вызвали яды. Принцесса оказалась

благодарной слушательницей — она ахала, восхищалась и ужасалась в положенных местах. Говорили мы шепотом, заставляя застывших у стен беседки гвардейцев нервно оборачиваться — они ведь не знали пока о моем существовании.

Ну и я сама не удержалась от любопытства, мне было интересно, какой видит меня принцесса — раньше мне некому было задать этот вопрос. Серая, к примеру, — это что значит? Оказалось, это не цвет — скорее, ассоциация. Нечто, лишённое красок, с неразличимыми чертами лица, выражение которого скорее угадывалось, чем определялось по каким-то конкретным признакам. И — ни тепла телесного при близком контакте, ни даже просто ощущения моего присутствия, если не смотреть прямо на меня. Как будто и нет никого живого рядом...

А я слушала ее, а сама раздумывала все о том же: какая она все-таки, эта принцесса? Со мной Нэлисса была мила, но со слугами обращалась довольно пренебрежительно. Бьярта, при всей своей строгости, никогда себе подобного не позволяла. Гвардейцами принцесса пыталась командовать, а те делали вид, что подчиняются... до известного предела. Это была словно игра такая: она знала, что плечистые охранники ей неподвластны, но все равно старательно давила, а те подыгрывали, вроде бы поддаваясь, но продолжали невозмутимо выполнять свои обязанности.

Кое-что прояснилось для меня спустя несколько недель.

Началось все с разговора, который я услышала случайно и смысла которого не поняла, но запомнила на всякий случай, как запоминала все, что выбивалось из привычной картины.

Я тогда возвращалась с прогулки по дворцу — мне удалось найти место, где можно было без помех тренироваться. Я озаботилась поисками такого места почти с самого начала: мастер Оли предостерегал меня, чтобы не забрасывала занятия, потому что форму потерять легко, а вернуть трудно.

Сначала я выбрала зал при оружейной, но у него оказалось два недостатка. Во-первых, он находился на предельном расстоянии от покоев принцессы, и я буквально физически чувствовала, как 'натягивается' наша связь, напоминая мне, что не следует удаляться от своей подопечной. Во-вторых, оказалось, что даже в самые ранние утренние часы там не стоит рассчитывать на уединение. Поначалу-то я обнаружила зал темным и пустым. Темнота мне нисколько не мешала, а пустоту я заполнила по-своему — выпустила из браслета-артефакта фантома для тренировки. Браслет стал совместным прощальным подарком моих наставников. Бьярта заложила в него заготовки нескольких фантомов: стоило нажать на выбранный камушек, фантом материализовывался, и тренировка начиналась.

В тот первый раз я, видимо, из ностальгических чувств, выбрала своего самого первого противника — могучего мужика с туповатой физиономией, который, несмотря на комплекцию, удивительно легко двигался. Но стоило мне разогреться, как дверь зала отворилась и раздался сдавленный вскрик. Свидетели мне были, конечно, ни к чему. Я быстренько нажала на камушек, и фантом беззвучно исчез. Однако на крик явились еще несколько человек и — разумеется, ненамеренно — перегородили мне выход. Пришлось ждать, пока они убедятся, что зал пуст, посмеются над пугливым гвардейцем, которому мерещится всякая чепуха, и уберутся с прохода. Только после этого я смогла покинуть помещение.

Поиски места для тренировок возобновились.

И вот в тот день, как мне казалось, я нашла подходящее. Им оказался, как ни странно, танцевальный зал. Я его присмотрела, когда у принцессы был урок танцев — двигалась она,

кстати, изумительно, — и несколько дней наблюдала, пока не убедилась, что в остальное время помещение пусто. Уборку там делали вечерами, а в утренние часы никому не приходило в голову туда заглядывать. Словом, я осталась удовлетворена своими наблюдениями и даже успела немного позаниматься, позволив себе проигнорировать пробуждение принцессы. К счастью, она спокойно относилась к моим отлучкам и не настаивала на постоянном присутствии рядом с собой.

Вернувшись, я застала в покоях служанку. Девушка нервно теребила фартук и кусала губы, слушая принцессу, а я застыла на пороге, не спеша заявлять о своем присутствии. Мало того, мгновенно перешла тeneвую форму — я успела обратить внимание, что в таком состоянии меня не может видеть даже принцесса.

— Ты все поняла?

— Но как же... ваше высочество... я никак не могу... Меня же казнят!

— Глупости! Ничего тебе не сделают. Я скажу, что сама тебе велела.

— Но...

— Не смей спорить! Не сделаешь, как приказано, можешь со своей работой попроситься. А наябедничаешь кому-нибудь, прощаешься и с головой. Уж я об этом позабочусь.

Плачущая горничная, бормоча что-то неразборчивое, покинула покои — я посторонилась, уступая ей дорогу. О чем шла речь, я не поняла, а у принцессы спрашивать не стала — чутье подсказало, что она не будет со мной откровенна, — но разговор взяла на заметку.

Смысл подслушанного открылся спустя еще неделю. Все та же служанка накрывала нам стол к завтраку. Руки ее слегка подрагивали, в глазах плескался не страх даже, а настоящий ужас. Принцесса наблюдала за действиями девушки с пристальным интересом, что уже само по себе было странно. Когда она отослала служанку, я села за стол, привычно присматриваясь и принохаясь к поданным блюдам. До боли знакомый 'зеленый' флер уртасы я уловила практически сразу, оставалось только найти, какое именно блюдо удостоилось такой своеобразной приправы. Яд оказался в кувшине с морсом. И принцесса, разумеется, об этом знала. С вызовом глядя на меня, она подняла кувшин и принялась наливать напиток в свой бокал.

— Ты не станешь это пить, — процедила я.

— Почему это? — вскинулась Нэлисса.

— Потому что морс отравлен.

— Но мне же ничего не будет! И тебе тоже, это же уртаса, ты сама рассказывала, что приучена к этому яду.

— Рассказывала, — подтвердила я, — а еще я рассказывала, что в больших дозах с ядом справиться труднее, а в кувшине его столько, что можно лошадь уморить. И если на тебя кто-нибудь нападет, пока я борюсь с последствиями отравления, может статься, я не смогу тебя защитить и погибну сама. Ты этого добиваешься?

Говорила я сердито — уж больно мне не понравилась выходка Нэлиссы, и принцесса, чувствуя себя, вероятно, задетой моим тоном, разозлилась:

— А я все равно выпью!

— Не выпьешь! — А вот и выпью! — Нэлисса схватила бокал с морсом.

Недолго думая, я выбила у нее из руки опасный предмет. Красный густой напиток разлился по бежевому ковру неопрятным пятном. Нэлисса вскрикнула, дверь тут же

отворилась, и на пороге появился один из гвардейцев.

— Что случилось, ваше высочество?

— Меня хотели отравить! Яд в морсе!

— Ничего не трогайте! — скомандовал мигом подобравшийся гвардеец и исчез за дверью.

— Ну и зачем ты это сделала? — спросила я. — Хочешь, чтобы служанку казнили? Ведь это ты ей велела подсыпать яд.

Злость принцессы схлынула так же внезапно, как и появилась.

— Что же теперь делать? — растерянно спросила она.

— Наверно, стоит пригласить мара Стеумса и во всем ему признаться.

— Не люблю его, — надулась принцесса.

Приглашать главу Тайной Канцелярии не пришлось — Стеумс явился сам. Нэлисса попытала немного, но все-таки честно рассказала о произошедшем, бросая на меня недовольные взгляды. Похоже, Стеумса принцесса побаивалась. Впрочем, мне и самой в его присутствии бывало не по себе.

— Вы можете мне объяснить, зачем вы это сделали, ваше высочество?

— Мне просто было интересно! Тень мне рассказывала, как ее приучали к ядам. Ну и вообще, как это действует, если выпью я сама, а отравится она, — Нэлисса дернула плечом.

— Если вы хотели проверить, как действует ваша связь с Тенью, достаточно было просто поцарапать или уколоть себе палец.

— Ну-у, палец... Это ерунда какая-то.

Надо сказать, принцесса быстро справилась с минутной растерянностью и теперь готова была с полной убежденностью отстаивать свое право на подобные проверки.

Стеумс свое мнение о поведении Нэлиссы предпочел оставить при себе, а я... просто сделала определенные выводы. Да, это была жестокость, но жестокость ребенка. Вполне развитая умственно, принцесса как будто отставала в эмоциональном развитии, и с этим следовало считаться. Вернее, учитывать...

Горничную, пошедшую на поводу у капризной принцессы, не казнили, но службу во дворце она потеряла. И еще одно очень значимое для меня последствие повлекло за собой это событие.

Мы с Нэлиссой вышли в сад на традиционную послеобеденную прогулку. Принцесса неспешно прохаживалась по дорожкам, я следовала за ней, отставая на полшага — в этот день она не нуждалась в моем обществе, да и вообще после случая с ядом наши отношения стали несколько прохладными. Гвардейцы по обе стороны от нас также вышагивали молча...

Не было никакой угрозы, и предчувствие опасности не посетило меня — просто вдруг ледяная волна нахлынула изнутри, сковав холодом грудь и заставив сердце сбиться с ритма. Я остановилась и обернулась: парень на боковой дорожке с садовыми ножницами в руках не пытался спрятаться, он стоял прямо и смотрел взглядом, полным ненависти, на принцессу. Именно в этот момент я в полной мере осознала, что значит быть чьей-то тенью. Не только физическая боль, но даже раны, наносимые недобрыми взглядами, доставались теперь мне. А принцесса просто ничего не заметила.

Потом, подслушивая по старой привычке разговоры слуг, я узнала, что садовник был женихом уволенной горничной.

Между тем, я продолжала обследовать дворец. В моем распоряжении были не только утренние, но и вечерние часы, когда принцесса предпочитала не покидать своих покоев,

удобно устроившись в кресле или на диване с какой-нибудь книгой. Тренировки я себе устраивала не каждый день, чередуя их со своими исследовательскими экспедициями.

Заявляя самой себе, что покои королевской семьи меня несколько не интересуют, я, стоит признаться, покривила душой. Конечно, я не надеялась стать обладательницей особо ценных сведений, шпионя за их величествами, но сами венценосные особы вызвали у меня жгучее любопытство. Тем более, что меня им не представляли. Словом, я воспользовалась возможностью рассмотреть их поближе.

Король Уйгар II был грузен, одышлив, обладал громким голосом, в котором преобладали сварливые интонации, и... ничем не напоминал воина, который еще несколько лет назад продолжал успешную завоевательную политику своего отца. Скорее он производил впечатление человека, крайне утомленного жизнью и своими обязанностями — но это только наедине с собой или с королевой, на людях его величество держался... величественно и казался исполненным достоинства. И если уж он подпускал в голос недовольства, то собеседник словно бы становился меньше оттого, что вызвал гнев своего монарха.

А вот унылый вид королевы сохранялся вне зависимости от присутствия посторонних. Разве что вяло распушенный рот на людях был поджат в брезгливой гримасе.

Между собой супруги говорили мало и все больше о пустяках, как мне казалось. Похоже, им было просто не о чем разговаривать друг с другом. Я смотрела на них и вспоминала своих родителей — таких, какими они являлись мне в сновидениях, — я почему-то не сомневалась, что между ними были совсем иные отношения, полные взаимопонимания... Конечно, я могла и придумать это, но взгляды — их же не подделаешь...

Заглянула я и к наследнику. Сначала я не могла понять, чем он мне не понравился: вроде бы и хорош с собой, и со слугами вежлив, и в дела государственные вникает, судя по тому, что я успела увидеть... Потом сообразила, что, несмотря на молодость, в лице его нет-нет да и проглядывает уныние, свойственное его венценосной матушке. Он делал все, что от него требовалось, но без особого интереса, просто по необходимости, а может, и из страха перед суровым отцом. А в глазах — скука, и уголки губ неумовимо стремятся вниз, и щеки вяло обвисают. Тут уж не до новых завоеваний, этому едва ли под силу удержать то, что отец и дед к рукам прибрали. Мне казалось, он даже сутулиться и шаркать начинал, когда думал, что на него никто не смотрит, но на самом деле ничего подобного не было — просто моя своевольная фантазия дорисовывала сложившуюся картину.

Глядя на кронпринца, я начинала отчетливо представлять, как разваливается на части королевство Тауналь. И мне думалось, что лучше бы оказаться подальше отсюда, когда эти времена наступят.

Окончательно меня отвратила от наследника подсмотренная случайно сцена. Одна из придворных дам, надеясь, видимо, заслужить особое расположение его высочества, забралась к нему в спальню, разоблачилась и устроилась в постели — ждать принца. Принц, явившийся чуть позже обычного, предложенным телом воспользовался по назначению, не слишком, как я поняла, заботясь об удовольствии дамы, а потом просто выставил ее из своих покоев нагишом, не позволив даже прихватить одежду. Нравы при дворе царили достаточно вольные, однако такая откровенная демонстрация нагого тела да и собственно плотских отношений не приветствовалась, и опозоренная дама вынуждена была покинуть двор.

Я изучала устройство человеческого тела, и о том, что происходит между мужчиной и женщиной в постели, знала куда больше своих сверстниц. Однако у меня были еще и

представления о душевной стороне этих отношений, почерпнутые из многочисленных прочитанных романов. Поведения дамы я не одобряла, но поступок принца вызвал во мне настоящее омерзение.

Младшего сына королевской четы я обнаружила не сразу. Меня удивило, что за все время, пока я наблюдала за семейством, он не объявлялся ни разу. Как это может быть, чтобы родители совсем не виделись со своим ребенком? Или он воспитывается не во дворце, а где-то в другом месте. Впрочем, при мне родители ни разу не навестили и принцессу. Завтракали король с королевой обычно вдвоем в общей гостиной, связывавшей их личные покои, обедали в трапезном зале, где к ним присоединялись его высочество и кто-то из придворных, но принцессу к столу никогда не звали. Словом, обычаи монаршей семьи вызывали недоумение.

Я не стала задавать принцессе назревшие вопросы, а решила проследить за перемещением слуг во дворце и их разговорами. Мое расследование привело меня к изолированному коридору этажом выше, чем обитала остальная королевская семья. Вход туда не охранялся, однако дверь оставалась почти всегда запертой, и мне пришлось провести около нее немало времени, прежде чем удалось улучшить момент и проскользнуть внутрь.

Зато, едва увидев мальчика, я поняла, почему младший отпрыск королевского дома не нуждается в Тени, да и вообще охраняется не слишком тщательно — разве что оберегается от посторонних глаз.

На тонкой шейке покачивалась несоразмерно большая голова с плоским лицом, круглыми выпуклыми глазками водянистого цвета и по-жабьи широкой щелью тонкогубого рта, из которого свисала тонкая ниточка слюны.

Лет триста назад такого ребенка, родился он в королевской семье, придушили бы сразу после появления на свет. Варварские времена канули в прошлое, мальчик живет, но едва ли купается в родительской любви. Похоже, кроме няnek, никто не занимается больным ребенком. О нем не говорят и даже не помнят. И вот интересно, когда его старший братец придет к власти, не предпочтет ли он окончательно забыть о том, что у его родителей был еще один сын?

В общем, мои тайные вылазки в королевские покои произвели на меня гнетущее впечатление. Возможно, если бы я могла, по совету Бьярты, подслушать что-нибудь стоящее, мои эмоции компенсировались бы ценностью полученной информации. Однако важные разговоры велись, очевидно, в других местах и в другое время, когда я вынуждена была находиться рядом с принцессой.

Единственным, кто отваживался толковать с его величеством о делах в вечернее время, был глава Тайной Канцелярии. Обычно они уединялись в рабочем кабинете короля. Пару раз я просочилась внутрь, но присутствие мара Стеумса в непосредственной близости неизменно вызывало у меня напряжение, мне все время казалось, что он вот-вот меня заметит, так что я от беспокойства не могла сосредоточиться на предмете беседы. Это были совершенно бесплодные попытки.

Мне приходилось довольствоваться сведениями, полученными из вторичных источников: из случайных фраз, оброненных младшими служащими, из бумаг, оставленных без присмотра на столе у секретаря буквально на считанные минуты — как правило, это были документы, не представлявшие особенной важности, — из слухов, которыми полнился дворец, но слухи, достигшие 'низов' содержали информацию искаженную и утратившую значительную часть своей ценности.

Словом, целостной картины у меня не складывалось. Я не понимала, чем живет страна, какие политические цели преследует король, чего добивается теми или иными добавками к законодательству. Вероятно, у меня просто не хватало опыта. А может, эти сведения были просто не слишком важны для меня лично, а потому не особо интересны, я же стремилась услышать и выловить то, что способно было так или иначе повлиять на мою судьбу.

Особый интерес вызывали у меня маги. Их во дворце было не менее полутора десятков, однако лишь один носил гордое звание придворного мага, остальные числились его помощниками и специализировались в различных областях магического искусства. Наибольшим спросом пользовались услуги алхимика, которому дамы заказывали всякие кремы и притирания для кожи, а кавалеры — мази для утомленных мышц. Многие другие не афишировались, но, несомненно, было — зелья для злых шуток, привороты, яды и прочее. Остальные маги, за исключением целителя, по большей части бездельничали. В их обязанности входило регулярное обновление защитных плетений дворца, различного рода бытовая магия, призванная облегчать нелегкий труд дворцовых служащих... Но все это требовалось лишь время от времени, и маги были предоставлены сами себе. Считалось, что досуг этот они посвящают совершенствованию собственных умений. Некоторые из них действительно проводили долгие часы за книгами или в лабораториях, но в основном эти молодые люди, не обременяли себя излишним трудом и вели себя так же, как и их прочие сверстники при дворе: играли, пьянствовали, волочились за дамами.

Мое внимание к чародеям было вполне объяснимо: возможно, одному из них предстояло в будущем стать моим освободителем. Кому из них я должна буду передать составленную Бьяртой инструкцию? Кто возьмется совершить ритуал? И главное — зачем?

Однако самым важным для себя на тот момент я полагала поиск собственных корней, хоть и не спешила к нему приступать.

Надо сказать, библиотеку мне пришлось разыскать буквально в первые дни моего пребывания во дворце, когда я осознала, что уроки, на которых я вынуждена присутствовать вместе с принцессой, не принесут мне ничего, кроме скуки и раздражения. И я решила занять себя чтением, чтобы отвлечься от занудного голоса учителя, а в особенности — от тех странных вещей, которые он говорил.

Сначала я по привычке таскала с книжных полок романы, однако вскоре осознала, что ни истории о возвышенной любви, ни чужие приключения меня более не влекут. Против первых меня настроила собственная несчастливая влюбленность — прошедшая, но оставившая след в душе, а вторые утратили свое очарование, когда я обнаружила, что вокруг меня полно жизни, которая куда увлекательнее той, что записана на бумаге.

Пришлось обратить свое внимание на познавательную литературу. Я даже сочла это логичным в моем нынешнем положении: если уж у принцессы уроки, то и я должна получать новые знания. Наученная горьким опытом, я избегала брать в руки труды, посвященные последним десятилетиям таунальской истории. Мало ли что там понаписали в стремлении обелить королевский дом?

После долгих поисков я выкопала хроники времен становления на материке современных государств. Труд этот принадлежал перу некоего Орунага Соутраса, уроженца предгорий на границе сегодняшних Илмайи и Ругалдена. По его словам, он немало бродил по городам и весям, был участником нескольких военных кампаний, вращался в высшем обществе в мирное время, а когда растратил свое немалое состояние, стал помощником Рихара Долгоносого, основателя Школы Магического Искусства. Свой досуг почтенный

Орунаг посвящал изложению на бумаге тех событий, свидетелем и участником которых ему довелось бывать.

Честно говоря, записки Орунага Соутраса местами больше напоминали плоды фантазии автора, нежели настоящие исторические хроники. Безусловно, они содержали и реальные события — о многих из них я знала из рассказов наставницы, — но одновременно изобиловали загадочными пророчествами, явлениями богов и прочими чудесами, описания которых едва ли заслуживали доверия. Не то чтобы я не верила в богов, просто была убеждена, что им нет никакого дела до обычных людей... да и до необычных тоже. И даже до целых стран. В воспитательном доме нас учили возносить молитвы. Раз в неделю в приюте появлялся жрец, который путанно повествовал о сотворении мира. Его космогония изобиловала дырами, но смысл многочисленных умолчаний я поняла, лишь очутившись в доме Бьярты и добравшись до ее библиотеки: жрец просто берег наше целомудрие, избегая рассказывать о некоторых аспектах взаимоотношений богов, стоявших у истоков нашего мира. Сама же Бьярта никогда не заговаривала со мной о божественном. Теперь-то я понимаю, что маги, которым подвластны многие силы вселенной, не склонны искать милости у богов.

Но кое-что в описаниях чудес далекого прошлого меня все-таки заинтересовало. В частности, рассказы о плетельщиках судеб или, как их еще называли, прокладывающих пути. Мне уже приходилось прежде встречаться с упоминаниями о них, но до сих пор плетельщики представлялись мне некой разновидностью магов, наделенных даром предвидения, а Соутрас утверждал, что они служители богов. Вернее, одной-единственной богини — двуликой Арнастры, глядящей одновременно в прошлое и в будущее и не всегда отличающей одно от другого. В традиционном — изначальном — пантеоне, бывшем общим для всех известных мне государств, Арнастра ведала людскими судьбами. Честно говоря, представление автора о плетельщиках показалось мне вполне правдоподобным, пусть я и не чувствовала особого благоговения перед божественными силами. Просто не все в этом даре поддавалось объяснению магической наукой. Да, были маги-ясновидящие, которых время от времени посещали картины грядущего — не всегда понятные, чаще всего не имеющие ни начала, ни конца, редко поддающиеся четкому толкованию. Однако плетельщики, если верить тому, что о них написано, не только и не столько видели будущее, сколько были в состоянии нащупать некие узловые точки на пути к нему, рассчитать возможные варианты развития событий и даже повлиять на них определенным образом — например, являясь в сновидениях ключевым лицам или посылая им знаки. К счастью, дар этот во все времена встречался крайне редко. Страшно представить себе, что управление чужими судьбами может взять на себя обычный смертный человек, пусть даже и наделенный божественными дарами. Все-таки вопрос власти над собственной жизнью был для меня всегда болезненно важным, а потому сама мысль, что кто-то может обладать подобными способностями, пугала. После прочтения 'Хроник' я часто возвращалась мыслями к записке, оставленной Бьяртой — ведь кто-то послал ей тот сон, благодаря которому мы с ней встретились. И кто, если не один из этих загадочных плетельщиков?

Помимо 'Хроник' мою скуку на уроках скрашивали записки путешественников. Вот это чтение неизменно доставляло мне удовольствие и вызывало интерес. Путешественники — большей частью торговцы или ученые — не пугали чудесами божественными, а восхищались чудесами окружающего мира — растениями и животными, которые его населяют, людьми со всем многообразием их обычаев и традиций, искусством и ремеслами, творениями

архитектуры... Словом, всем, с чем можно столкнуться, если ты не привязан к определенному месту... или человеку.

И все же, даже уже освоившись в дворцовой библиотеке, я по-прежнему опасалась подступаться к тому, что было для меня наиболее важным — к вопросу о своем происхождении.

Разумеется, я знала, с чего следует начинать: в библиотеке имелся толстый том под названием 'Аристократические роды Тауналя, их родовые знаки и общие сведения о происхождении и генеалогических связях'. Но мне было страшно за него братья: я боялась разочарования, меня пугала мысль, что, найдя своих родственников, я выясню, что не нужна им и от меня в свое время избавились намеренно.

Как выяснилось, опасалась я напрасно. Вернее, не того, чего следовало опасаться. Проведя не одну неделю за изучением книги, я не нашла никаких упоминаний о своих предках. Не было в Таунале семьи, которой принадлежал родовой знак с серебряной птицей и золотой волной на голубом поле. Оставалось два варианта: либо мой род происходил не из Тауналя, либо попал в опалу и был исключен из списков. Последнее казалось мне наиболее вероятным, ибо книга, найденная мною в библиотеке, была составлена всего семь лет назад. Более старых изданий я, увы, на полках не обнаружила.

Впрочем, возможен был и третий вариант — мой сон... был всего лишь сном. И никогда не существовало рода с таким гербом. Мало ли, в какие дебри может завести воображение подростка, какие скрытые фантазии населяют мой разум, находя свое отражение в сновидениях?..

Словом, я опять оказалась тем, кем начинала этот путь — девочкой, не помнящей о себе ничего до того момента, когда женщина, которую эта девочка почему-то считала своей няней, оставила малышку на крыльце приюта. Да и само лицо женщины изгладилось из моей памяти — помнилось почему-то только ощущение от ее руки, лежавшей на моем плече. Даже голос, объяснявший мне, что я должна сказать, когда дверь откроется, звучал пустым эхом, лишенным живых красок.

Отношения между мной и принцессой постепенно налаживались. Да и то сказать, глупо было бы жить в одной комнате, быть связанными ритуалом — и враждовать. Это понимали мы обе. Разумеется, ни о каком доверии с моей сторон речи не было, да и Нэлисса шла на сближение осторожно, возможно, чувствуя за собой вину, но не желая признаваться в этом ни мне, ни самой себе.

Однако у меня было нечто, чем она хотела обладать, а именно — доступ к информации, который давали мне способности Тени. Пусть принцесса не была больше заперта в своей 'башне', однако знакомства не завязывались так скоро, да и не стремилась Нэл к общению, относясь к людям, которые проживали во дворце, но знать не знали, кто она такая, с известной долей осторожности, на мой взгляд — оправданной, потому что ничего хорошего от кучки лживых, избалованных праздной жизнью придворных ждать не приходилось.

Так что принцесса довольствовалась малым — тем, что я сама могла ей поведать, возвращаясь со своих тайных прогулок. Ничего особо ценного — сплетни, подсмотренные сценки, — но все это создавало у Нэлиссы чувство причастности к той жизни, что велась за пределами ее покоев.

Впрочем, жизнь эта текла довольно вяло. Что я могла подсмотреть? Мелкие пакости, которые подстраивали друг дружке придворные дамы? Нелепую дуэль, один из участников которой ухитрился ранить собственного секунданта вместо противника?

Была, правда, скандальная история с уствейским послом, который напился и позволил себе неподобающее поведение на одном из приемов. После этого ему пришлось спешно покинуть Тауналь, а переговоры, которые казались его величеству Уйгару II столь несвоевременными, были отложены на неопределенных срок.

Разумеется, я знала, что стоит за всей этой историей — всего несколько капель прозрачной, без вкуса и запаха, жидкости, добавленной в бокал с вином, из которого довелось отпить бедолаге послу. Я видела это собственными глазами, но ничего не предприняла, хотя у меня имелась такая возможность. И нет, я не вмешалась в интригу вовсе не из лояльности к правящему дому Тауналя. Просто... мне не нравился сам посол. Буквально днем раньше я наблюдала другую некрасивую сцену, в которой господин посол показал себя не с лучшей стороны, будучи совершенно трезвым и способным отвечать за свои поступки.

Потом я думала, правильно ли поступила, предоставив событиям течь своим чередом, но так ничего и не решила.

К счастью, принцессу мои моральные терзания не интересовали, ей и в голову не пришло, что я могла вмешаться. Нэл просто потешалась от души, когда я описывала развернувшееся перед моими глазами действо.

Разумеется, не только принцесса додумалась до того, что Тени хорошо подходит роль соглядатая. Мар Стеумс посетил меня во время одной из утренних тренировок в танцевальном зале. А я-то наивно полагала, что никто об этих занятиях не знает!

Глава Тайной Канцелярии зашел совершенно бесшумно, и если бы не наука мастера Оли, я бы, пожалуй, и не заметила его появления. Одно движение — нажатие камушка на браслете — и мой фантомный партнер исчез, а я обернулась к Стеумсу и уставилась на него выжидающе.

— Тень?

— Слушаю вас, мар Стеумс.

— Давай присядем, — мужчина махнул рукой в сторону стульев.

Ну что сказать? Глава Тайной Канцелярии, не обладая талантами Тени, знал о происходящем во дворце — на всех его этажах — очень много. Но хотел знать еще больше, ибо при его должности информация лишней не бывает. Впрочем, ни казармы, ни кухня его не интересовали. Зато гостевые покои, особенно те, в которых останавливались заграничные визитеры, были, к великой досаде главы Канцелярии, недоступны его шпионам. В присутствии специально обученных горничных и лакеев иностранные гости важных разговоров не вели, а подслушивающие заклинания — так называемые 'уши' — распознавали и нейтрализовали при помощи амулетов, без которых по нынешним временам ни один уважающий себя дипломат из дома не выйдет, не говоря уж о том, чтобы к соседям с визитом отправиться.

К слову, у меня такой амулет тоже имелся, а потому 'уши' в покоях принцессы долго не жили. Подозреваю, мар Стеумс догадывался о причине, но тему эту благоразумно не затрагивал, потому что хотел от меня помощи.

Пожалуй, тайные визиты в покои иностранных гостей были бы мне интересны, но связываться с главой Тайной Канцелярии не хотелось, тем более, что другим его желанием было получать сведения о принцессе.

Не то чтобы я так уж мечтала оберегать тайны своей подопечной, у нее и тайн-то своих пока не было, по крайней мере таких, о которых бы я знала, но мало ли, как оно повернется,

вдруг появятся, а делиться ими с кем бы то ни было казалось мне некрасивым. В общем, я попросила мара Стеумся дать мне время на размышления, но от категорического отказа удержалась — ссориться с могущественным и всезнающим главой Тайной Канцелярии мне было никак не с руки.

Однако принцессе я об этой беседе поведала. Мне было интересно, как она отреагирует. К моему удивлению, достаточно спокойно:

— Я думаю, ты не должна ему отказывать.

Я в изумлении подняла брови.

— Просто придется выбирать, — пояснила принцесса, — о чем стоит знать мару Стеумсу, а о чем лучше промолчать. Мы вместе будем это решать, — подмигнула мне Нэлисса.

Собственно, я так и намеревалась поступить, но все равно реакция принцессы показалась мне странной. Просто в голове не укладывалось, как могут уживаться в ней такие временами детское поведение со склонностью к вполне взрослым интригам. Меня вроде бы пытались этому учить, пусть и чисто теоретически, однако я все равно чувствовала себя крайне неуверенно, будто ступала на тонкий лед. А у принцессы, которая точно не получала подобающего ее статусу образования, это было, похоже, в крови. Кажется, она еще и надеялась, что я между делом выведаю у главы Тайной Канцелярии планы короля относительно самой принцессы. Но я на этот счет никаких иллюзий не питала: если от принцессы держат что-то в секрете, мне Стеумс точно не проболтается.

Через день, когда мар Стеумс снова заглянул в зал во время моих танцев с фантомом, я дала ему свое согласие, предупредив, что принцесса мне пока свои тайны не поверяет. Я оставляла себе лазейку, возможность окончательного решения — необязательно того, которого от меня ждут всесильный чиновник или принцесса. Глава Тайной Канцелярии на это только хмыкнул. Спорить не стал, но по-моему, рассчитывал, что всяко сумеет вытащить из меня больше, чем я намерена рассказать. Я и не сомневалась в его способностях — где уж мне, пятнадцатилетней, с опытным интриганом тягаться. Но все-таки я не теряла надежды, что у меня хватит ловкости обойти некоторые из его ловушек. В конце концов, пока я нужна принцессе, реальной власти надо мной у него нет, и мне не грозят ни казнь, ни пытки.

Что касается иностранных дипломатов, то Стеумсу предстояло смириться с тем, что опыта у меня никакого и отделить важное от второстепенного я не в состоянии, да и торчать постоянно в гостевых покоях возможности не имею. А о том, что я и тут планирую вести собственную игру, приберегая сведения для себя, знать ему необязательно.

Честно говоря, интерес Стеумса к внешней политике меня озадачил. До сих пор я полагала, что в ведении Тайной Канцелярии исключительно внутренние дела — заговоры, покушения, выявление неблагонадежных. Но после нескольких бесед с главой ведомства я пришла к выводу, что Тайная Канцелярия занимается абсолютно всем, а сам мар Стеумс, похоже, советник короля по самым разным вопросам.

Сотрудничать с главой Тайной Канцелярии мне понравилось. Мар Стеумс не давил на меня, не настаивал на том, что я должна выполнять его поручения по первому зову — понимал, что моя основная задача состоит совсем в другом. Однако вести наблюдение за дипломатами оказалось занятием увлекательным. Конечно, чаще всего они занимались решением не самых важных вопросов, речь обычно шла не о войне и мире, а о согласовании таможенных пошлин, например. Но мне и это было интересно — как все новое. Да, после уроков Бьярты я имела общее представление и о политике, и о финансах, и о торговле, но

что такое теория без практики? За первый месяц своей шпионской деятельности я узнала, а главное, поняла о внешней торговле и взаимоотношениях государств достаточно, чтобы прежние знания улеглись у меня в голове, заняв подобающее им место. Кроме того, я не стеснялась задавать мару Стеумсу вопросы, если мне что-то было непонятно.

Обычно мы встречались вечерами у него в кабинете — раз в неделю, если не случалось ничего срочного. Тут у меня было преимущество перед главой Тайной Канцелярии — он не всегда мог меня найти, поскольку я не придерживалась четкого расписания, в то время как я могла не только вычислить, находится ли он у себя, но и определить, в одиночестве ли, и даже со временем начала чувствовать его близкое присутствие в других местах.

На этом, впрочем, мои преимущества заканчивались, потому что вся моя образованность не шла ни в какое сравнение с его запасом знаний, умом и хитростью.

Но притом, что я по-прежнему опасалась мара Стеумса, эти встречи мне нравились, они напоминали мне вечерние беседы с чародейкой, и лишь не проходящее чувство опасности заставляло меня постоянно держаться в тонусе, словно в присутствии хищного зверя. Конечно, когда-то я и Бьярты боялась, а она оказалась мне совсем не врагом, однако насчет главы Тайной Канцелярии никаких иллюзий я не питала. У человека, который, как я уже догадалась, был самым могущественным в Таунале и, возможно, являлся настоящим — тайным — правителем страны, не было слабостей. Он не мог позволить себе жалости или сострадания. И осознание этого помогало мне удерживать язык за зубами. Нет уж, я буду оберегать принцессу и ее маленькие пока тайны, какой бы неприятной ни казалась мне порой моя подопечная. Я стану для нее важной и полезной, просто незаменимой, не охранницей, но подругой и наперсницей, чтобы ей самой хотелось оберегать меня от чужих посягательств. И если принцесса пожелает освободить меня, пусть это случится тогда, когда мне это будет нужно. И хорошо бы в этот момент находиться подальше от мара Стеумса и от королевского дворца вообще. Именно поэтому ко всем сведениям, так или иначе касавшихся будущего Нэлисы, я относилась с особым вниманием.

Дважды за то время, пока я находилась на негласной службе у главы Тайной Канцелярии, приезжали иностранные посольства, основной целью которых, скрытой за решением текущих вопросов, было прощупать почву насчет сватовства к принцессе. Привозили и портретики заграничных принцесс для наследника, но это делалось открыто. Принцесса же интересовала ближайших соседей не только и не столько как инструмент для укрепления отношений, сколько из-за того, что за невестами такого ранга в приданное обычно давали земли — как правило, приграничные территории, в приобретении которых соседи видели для себя особую пользу. Однако послов, интересовавшихся принцессой, мягко заворачивали, при этом не лишая надежды вовсе, но намекая, что принцесса пока слишком юна и к разговору о возможном браке следует вернуться позже.

— Как же, юна! — фыркнула Нэлисса, когда я передала ей содержание подслушанных переговоров. — Я думаю, дело в том, что меня уже давно кому-то пообещали. Тайно. Потому и трясутся так надо мной — видимо, очень важным считают этот брак.

— И ты не знаешь, кому именно?

— Даже не догадываюсь, — пожалала плечами Нэл. — Впрочем, я не расстроюсь, если мне придется покинуть отчий дом. В конце концов, сама по себе я здесь все равно никому не нужна.

В отличие от принцессы, я догадывалась, какой именно союз может быть столь важным для Тауналя, но догадками своими делиться не спешила. Все-таки Нэл действительно была

еще очень юной, и до семнадцати лет брак ей не грозил. Время у нас еще оставалось. И для меня этот момент был не менее важен, чем для Нэлисссы, ведь мне придется последовать за ней к будущему мужу, и если ее супруг сочтет, что принцесса во мне больше не нуждается... В общем, я об этом даже думать боялась. Хорошо, что это произойдет еще не завтра.

Мара Стеумса я все-таки попыталась расспросить. Однако глава Тайной Канцелярии от ответа ушел, намекнув, чтобы я не лезла не в свое дело. Дело-то я как раз считала своим, однако язык все же прикусила, спорить с этим человеком было не только бессмысленно, но и опасно.

А насчет преподавания принцессе истории и прочих наук он меня просветил. Как оказалось, тайны особой в этом не было. Прежний учитель ее высочества был, конечно, хорош, но крайне неосторожен в речах, и после нескольких доносов пришлось его убрать. Подбором нового занимался один из помощников Стеумса и руководствовался при этом исключительно степенью благонадежности нанимаемого. Разумеется, к благонадежности прилагался соответствующий диплом, и более ни Тайную Канцелярию, ни его величество, который лично утверждал кандидатуру, ничего не интересовало. Образованная принцесса? Да кому это нужно! Меньше знает — крепче спит. Впрочем, сам мар Стеумс нисколько не сомневался, что юная принцесса отнюдь не глупа и знает и понимает куда больше, чем мог бы предположить его величество.

— Вот как, — грустно отозвалась принцесса, когда я ей об этом рассказала, — что ж, я лишний раз убедилась, что сама по себе я никому не интересна, в том числе и будущему мужу, иначе бы он проследил за моим образованием.

— И кто тебе мешает самой об этом позаботиться? — возразила я. — В конце концов, мы все интересны и нужны в первую очередь самим себе, — и опять я чувствовала себя рядом с ней куда более умной, чем сама принцесса... и чем я на самом деле была.

Но Нэлисссу мои слова явно навели на размышления. Несколько дней она не возвращалась к этой теме, но я то и дело ловила на себе ее задумчивые взгляды.

— Послушай, Тень, — наконец заявила она, — тебя ведь учили куда основательнее, чем меня. Давай ты будешь со мной заниматься.

Отказать ей я никак не могла — с ее стороны это был серьезный шаг навстречу, признание своей слабости, и принцесса никогда не простила бы мне ни собственно отказа, ни малейшего намека на превосходство с моей стороны.

— А чем ты хотела бы заниматься?

— Ну-у, не знаю. Математикой, языками... Ты же знаешь несколько языков, значит, и я тоже смогу.

— Конечно, сможешь!

— С землеописанием я и сама справлюсь, в библиотеке есть хорошие книги, да и от уроков прежнего учителя в голове кое-что осталось. А как ты смотришь на то, чтобы нам разбирать после уроков те темы, которых касается этот, — принцесса пренебрежительно фыркнула, — учитель? А еще мне алхимия очень интересна. Зелья там всякие... — Нэлисса мечтательно зажмурила глаза.

— С алхимией сложнее. Это наука практическая, нужен доступ в лабораторию, а для этого придется запрашивать разрешения короля или мара Стеумса.

— Он не позволит, — мотнула головой Нэл, — а его величество — тем более. Жаль.

Но работы нам хватило и без алхимии.

Давая обещание своей подопечной, я не учла, что сама я усваивала языки, будучи совсем

ребенком, когда разум послушно впитывает в себя любые знания. Принцессе шел шестнадцатый год, разум ее был все еще гибок, но прибавлялась еще и подростковая жажда получить все и сразу.

Словом, быть учительницей принцессы оказалось нелегко. Свободного времени у меня теперь практически не оставалось, исключая раннее утро, когда моя ученица еще нежилась в постели. А ведь были еще и поручения Стеумса, которыми я старалась не манкировать, ибо не жаждала объяснять главе Тайной Канцелярии, что именно отвлекает меня от его заданий. Уроки были нашей с Нэлиссой тайной, стоило в покоях появиться кому-нибудь постороннему, даже горничной, мы тут же прерывали любые занятия и переходили к беседам на нейтральные темы. На прогулках разговаривали по-илмайски — принцессе все-таки удалось настоять на том, чтобы гвардейцы держались на почтительном расстоянии от ее любимой беседки. Полагаю, без мара Стеумса здесь не обошлось — по всей видимости, глава Тайной Канцелярии уверился, что я у меня достаточная подготовка, чтобы защитить принцессу, а потому позволил это послабление. Нэлисса восприняла его как собственную маленькую победу и, чувствуя удовлетворение, перестала давить на своих охранников, требуя от них невозможного.

Но вообще-то уроки илмайского стали для меня настоящей головной болью — то, что мне в свое время было понятно на интуитивном уровне, принцессе требовалось облечь в строгие формулировки правил и снабдить примерами. Вероятно, дело было в возрасте, а может, в складе ума. Пришлось мне обложиться книгами, благо учебники по различным языкам в королевской библиотеке имелись.

Совсем иначе обстояло дело с математикой. Как выяснилось, кое-чему принцессу все-таки успели научить: она знала основные арифметические действия, решала простые уравнения и даже умела возводить числа в квадрат и в куб. Но самое главное, Нэлисса мгновенно усваивала все новое, ясно мыслила, и самой ей, видимо нравились эти занятия. Она с легкостью считала в уме, решала уравнения, которые я для нее сочиняла и радовалась собственным успехам. Вскоре возникла нужда в задачниках, и вот это стало уже проблемой. В библиотеке я не нашла ничего подобного, а поручить кому-нибудь купить книги мы не могли, чтобы не выдать себя. Правда, было у меня смутное подозрение, что и королю, и мару Стеумсу было по большому счету все равно, чем мы занимаемся, лишь бы заговоры не строили, однако я все же предпочла не рисковать, а потому попросту выкрала подходящие задачники у младшего сына мажордома. Совесть меня не мучила — не бедняков ограбила, а то, что мальчишку выпороли, когда пропажа обнаружилась, даже грело мне душу — уж больно гадким был этот парнишка: пользуясь полной безнаказанностью, устраивал пакости слугам, да еще и хвастался этим. Вообще, когда живешь невидимкой, люди открываются совсем не той стороной, какой они стараются поворачиваться к окружающему миру.

Краденое пришлось хранить в сундуке с моим оружием, куда никому не было доступа. Принцессу, кажется, вся эта таинственность ужасно забавляла и прибавляла в ее глазах очарования учебе. Подозреваю, в ином случае она бы сдалась, но тут была игра, и от нее Нэлиссе отказываться не хотелось.

Своей подопечной я по-прежнему не доверяла до конца. Что-то подсказывало мне, что если я однажды окажусь между принцессой и ее целью, она не задумываясь перешагнет через мой труп. И я даже радовалась тому, что у нас нет возможности заниматься алхимией — не хотелось бы дать в руки принцессе такое оружие, как яды и зелья. В конце концов, когда она вздумала поразвлечься за мой счет, то умудрилась разжиться ядом, не имея ни

возможности покинуть дворец, ни доступа к лабораториям. А что она могла бы учудить, если бы у нее этот доступ был?

Словом, текущее положение вещей меня вполне устраивало. В том числе и моя работа на мара Стеумса, как бы я ни уставала. Потому что это была возможность выйти за рамки тесного мирка, в котором, по большому счету, обитали всего два человека — я и принцесса. Мар Стеумс существовал как бы на границе двух миров — он знал обо мне, и через него я соприкасалась с чем-то за пределами нашей маленькой вселенной. Не просто наблюдала за чужой жизнью, но чувствовала себя причастной. От моего решения — пойти или не пойти, сказать или не сказать — зависели решения других людей. Стеумс давал мне возможность чувствовать себя живым человеком, а не придатком к принцессе, и, вероятно, догадывался об этом, а то и знал наверняка. И полагал, что это знание помогает ему управлять мной. Отчасти так оно и было, но я не сомневалась, что могу отказаться от удовольствия причастности к жизни, если оно пойдет вразрез с моей заветной целью — получить свободу.

Поэтому каждая наша встреча была своего рода игрой, соревнованием. Он старался подцепить меня на крючок моих собственных желаний, а я делала вид, что поддаюсь, но свои истинные стремления хранила в тайне. Для Стеумса я была тем, чем, по сути, и являлась — девочкой-подростком. Умненькой, образованной, наделенной особыми способностями, но ребенком, не знающим жизни, да еще и привязанным к принцессе мощным обрядом, словно коротким поводком. И в этом мара Стеумс почти не ошибался. Я скрывала от него только то, что понимаю намного больше, чем мне хотят дать понять. Я передавала ему сведения, но умалчивала о том, что эти сведения дают лично мне. Те разрозненные обрывки информации, которые я уловила за месяцы жизни во дворце, постепенно стали складываться в цельную картину: слабеющее королевство, из последних сил старающееся удержать прежние приобретения, король, который имеет куда меньше власти, чем воображает, и будущий король, которому и того не достанется. И за всем этим — Стеумс, который пока еще вполне успешно вливает силы в этот умирающий организм, и который, как мне казалось, останется в выигрыше при любом развитии ситуации — не может быть, чтобы этот ловкий интриган не предусмотрел все возможные варианты. Я знала практически все о соседях Тауналя, об их слабых и сильных сторонах, их внутренних ситуациях и внешнеполитических целях. В конце концов, если я когда-нибудь обрету свободу, надо знать, куда податься и кому предложить свои услуги.

Кстати, глава Тайной Канцелярии не исключал, что я не так проста, как может показаться, а потому прибегал к моим услугам далеко не во всех ситуациях, где они могли бы пригодиться. Некоторые важные события, увы, проходили мимо меня.

К таким событиям, например, относился визит делегации из Нимтиори. Не сомневаюсь, Стеумс намеренно назначил переговоры на такое время, когда я заведомо не могла на них незримо присутствовать — в те часы я вынуждена была составлять компанию принцессе на занудных уроках. Разумеется, я знала о переговорах и прямо-таки жаждала узнать, о чем там шла речь, но никто не собирался делиться со мной этими сведениями, а сами послы остановились в городе и покинули дворец сразу после встречи с его величеством. Мне оставалось только злиться: у меня были догадки, но я никак не могла их проверить. Но догадки — это не достоверное знание, а дело почти наверняка касалось принцессы... ну и меня, конечно же. Но даже если бы я точно знала то, о чем могла только строить предположения, все равно скрывала бы это от подопечной, все-таки неуравновешенный характер принцессы время от времени давал о себе знать, и я опасалась, что Нэлисса

отреагирует излишне остро и тем самым привлечет к нам ненужное внимание.

Да, у меня внутри уже выросло это 'мы'. У нас было разное воспитание, разные цели в жизни, но сейчас эта самая жизнь нас свела, какое-то время придется идти общим путем. Мы были накрепко связаны друг с другом, и я боялась навредить принцессе не из добрых чувств к ней, а чтобы не навредить самой себе. Пока наша связь существует, есть 'мы', и наши поступки так или иначе влияют на обеих.

Было еще кое-что: с некоторых пор у меня прорезалось что-то сродни дару предвидения. Нет, меня не посещали картины будущего, просто иногда я твердо знала, что стоит делать, а от чего лучше воздержаться, и это знание никак не объяснялось просчетом ситуации, скорее оно напоминало обострившуюся интуицию, которая не ограничивалась смутными ощущениями, а давала уверенность в том, какое действие будет наиболее правильным.

Один из таких случаев был связан как раз с посольством из Уствеи. Речь шла о спорных территориях, на которые Уствея предъявила права, опираясь на некий древний документ. В прошлый раз Тауналю (читай — мару Стеумсу) удалось ловко избавиться от посла и тем самым получить время на раздумья, но к приезду нынешней делегации Уйгар II чувствовал себя вполне готовым. Насколько я поняла из подслушанных разговоров, удалось найти (а может, сфабриковать) некий свиток со старинным договором, который сводил на нет претензии соседей. Однако уверенности, что соседи не припасли на этот случай еще какой-нибудь сильный аргумент, у его величества не было, а потому в первый день переговоров мар Стеумс отрядил меня в покои, отведенные посольству, чтобы послушать, о чем уствейцы будут говорить по возвращении.

До окончания аудиенции оставалось не более двадцати минут, когда я замерла на пороге, прислушиваясь к собственным ощущениям. Дверь я отперла ключом, который мне передал глава Тайной Канцелярии, однако заходить не спешила — знакомое уже чувство заставило меня остановиться у входа. Повинуясь ему, я перешла в теневую форму и лишь после этого шагнула внутрь и принялась осматриваться. Вроде бы ничего особенного — комната как комната, общая гостиная посольских покоев. Но что-то мне все равно не нравилось. Подслушки? Нет, вон обрывки, оставшиеся после нейтрализации. Похоже, что не напищать покои послов 'ушами' — просто дурной тон, даже если известно, что 'уши' будут найдены и обезврежены. А что тогда? Я перевела взгляд на окно. Защитное плетение вроде бы стандартное... только одна нить выглядела в нем странно и чужеродно, но никакой опасности от нее не исходило. Впрочем, если мое обычное чутье, которое так старательно возвращали наставники, молчит, это значит лишь, что данная магия неопасна лично для меня... ну и для моей подопечной, поскольку наши с ней жизни связаны. Но подопечной здесь нет, а вот послы скоро появятся. И внутри меня росла убежденность, что лучше бы им этого не делать.

Честно говоря, в этом территориальном споре для меня не было правых. Те земли, о которых велись переговоры, были еще четверть века назад независимым королевством Лайверим, пусть небольшим, но весьма богатым: месторождения золота и драгоценных камней, а еще целебные источники, которые пользовались популярностью у аристократии всех окрестных государств. После завоевания источники неожиданно иссякли (подозреваю, благодаря подрывной деятельности местных жителей, недовольных новой властью), зато месторождения завоеватели прибрали к рукам. По моим представлениям, ни Тауналь, ни Уствея не имели прав на эти земли.

Другое дело, что срыв переговоров, вызванный гибелью послов, может иметь весьма

неприятные последствия. Вплоть до войны. И значит, 'начинка' в защитном плетении — явно не инициатива мара Стеумса. Да и вряд ли он отправил бы меня сюда, если бы планировал попросту избавиться от послов.

Но это все рассуждения, а на самом деле спешно покинуть посольское крыло и броситься на поиски мара Стеумса толкнуло меня все то же чувство, что это единственное правильное решение. Обдумывала я уже позже.

В собственном кабинете Стеумса не оказалось, но в этот раз мне удалось почувствовать его на расстоянии и уловить направление.

Поиски привели меня к малому залу для аудиенций, где и велись переговоры. Полагаю, гвардейцы, охранявшие вход, сильно удивились, когда дверь распахнулась на их глазах. Да и послы нервно оглянулись, а его величество напряженно уставился туда, где, собственно, и полагалось быть незримому гостю. Правда, я к тому моменту уже успела по привычке шагнуть в сторону. Честно признаться, я и сама была удивлена. Потому что никакого Стеумса в зале не было — а я ведь отчетливо ощущала его близкое присутствие!

И опять то же чувство, миг прогнав растерянность, заставило меня заговорить. Давно мне не приходилось упражняться в искусстве выбора собеседника...

— Ваше величество!

Получилось: послы ничего не услышали, зато величество чуть заметно вздрогнуло и повернуло голову в сторону, откуда раздавался мой голос.

— Ваше величество, это Тень. Прошу прощения за вторжение, но это очень важно. Готовится покушение на послов, им ни в коем случае нельзя сейчас возвращаться в свои покои. И... мне нужен мар Стеумс.

Послы, озадаченные неожиданной паузой, напряженно следили за сменой выражений на лице короля. Я тоже. Возмущение, недоумение, работа мысли, озарение... Его величество обернулся к секретарю:

— Михтем, принесите мне бумаги, которые подготовил мар Стеумс.

Похоже, это была условная фраза. Бесстрастный Михтем, который будто бы и не заметил ни распахнувшейся двери, ни паузы, ни замешательства своего венценосного работодателя, молча кивнул и направился к неприметной двери, скрытой от не слишком внимательного взгляда в нише за двумя колоннами.

Ну разумеется, всесильный глава Тайной Канцелярии не мог не принять участие в таких серьезных переговорах! Только он делал это тайно. Неспроста я чувствовала его близкое присутствие. Мар Стеумс сидел за столом в кабинете, примыкающем к малому залу, и через одностороннее зеркало наблюдал за ходом переговоров, готовый в любой момент вмешаться с помощью переговорного амулета.

Мое появление не стало для него неожиданностью — он видел, как открылась дверь, заметил реакцию короля и успел сделать соответствующие выводы. Сунув в руки секретаря какие-то бумаги и спешно выставив его за дверь, Стеумс, не отрывая взгляда от зеркала, заговорил:

— Слушаю тебя, Тень. Что заставило тебя нарушить мои указания и явиться сюда?

В тоне его не прозвучало ни малейшей нотки недовольства, но мне на какое-то мгновение стало не по себе — я все еще боялась этого человека. К счастью, я давно уже научилась отделять себя от собственных страхов. Изложила свои наблюдения коротко и четко.

— Уверена?

— Я не маг, мар Стеумс.

Конечно, я была уверена. Вот только объяснить свою уверенность никак не могла. Так что Стеумсу я сказала чистую правду: я не маг. Я не поняла, какое именно изменение было внесено в защитное плетение.

Впрочем, свой маг у главы Тайной Канцелярии имелся — один из тех ребят, что болтались по дворцу среди прочих бездельников. Но этот парень не производил впечатления никчемного прожигателя жизни: серьезный, собранный, внимательный, с умными ясными глазами... Я проследовала за ним до самых посольских покоев и не удержалась, чтобы не шепнуть:

— Внутри не заходи. Смотри с порога.

Стоит отдать парню должное, он не только не вздрогнул, но даже не обернулся. И я могла бы не беспокоиться, маг был очень осторожен: толкнул дверь и застыл у входа, обводя гостиную цепким взглядом. 'Начинку' заметил быстро, выругался сквозь зубы и начал водить руками и шептать что-то себе под нос. Я с интересом наблюдала — Бьярта, в отличие от этого парня, колдовала куда как менее зрелищно, она не нуждалась ни в пассах, ни в вербальных формулах. Но справился молодой маг вполне успешно: чуждая нить задрожала и растаяла, 'чихнув' напоследок облачком черного дыма. Маг удовлетворенно улыбнулся, встряхнул руки и ушел. А я осталась.

В тот вечер я так и не услышала ничего интересного. Не было у Уствеи запасного аргумента в кармане, оставалась лишь надежда сосватать Нэлиссу за младшего принца и взять спорные земли в качестве приданного. Но я не сомневалась, что не светит устейцам ни принцесса, ни приданное.

Исполнителя неудавшегося покушения — придворного кавалера, наделенного весьма скромным магическим даром, — нашли на следующий день. Мертвым. Того, кто за ним стоял, вычислить не удалось.

Наверняка у мара Стеумса имелись догадки, кому было выгодно стравить двух соседей, но со мной он своими выводами не поделился.

Впрочем, мне хватило того, что я спасла человеческие жизни — магия, вплетенная в защиту, была смертельной и реагировала на звуки человеческого голоса. Что за дар помог мне в этом, я так и не поняла, но дала себе слово всегда быть внимательной к собственным ощущениям, доверять своей... ну, пусть будет — интуиции. Название ничуть не хуже любого другого.

Удивительно, но этот неполный год в королевском дворце Тауналя показался мне почему-то невероятно длинным, несмотря на постоянную занятость и разнообразие деятельности. Может, потому, что в него вместилось столько впечатлений, сколько я не испытывала за всю свою прежнюю жизнь.

Оглядываясь назад, я чувствовала себя куда взрослее той девочки, которая пришла во дворец тайным ходом в сопровождении наставницы. Не просто старше (в самом деле — что такое всего один год?), а именно взрослее. Это был первый год, который я прожила, руководствуясь собственными решениями. Вот ведь странно, вроде бы ритуал должен был связать меня и лишить собственной судьбы, но свободы у меня в руках оказалось куда больше, чем прежде. Ограниченной, конечно. В первую очередь — длиной 'поводка', все же тысяча шагов — это не так уж много. Но в этих границах я могла распоряжаться своей жизнью.

А во дворце между тем готовились к празднованию шестнадцатилетия принцессы Нэлисссы, и оно грозило стать для меня серьезным испытанием — впервые мне предстояло охранять мою подопечную при большом скоплении народа.

Если на торжественный обед были приглашены лишь наиболее высокопоставленные придворные, то при мысли о вечернем бале у меня заранее начинала болеть голова: вся высшая аристократия, множество слуг, толчея, да еще и танцы — ведь Нэлисссу будут приглашать, а я должна постоянно крутиться поблизости.

Не то чтобы я сильно нервничала, мое чутье молчало и не требовало никакой особой подготовки к предстоящим мероприятиям, но беспокойство все же сказалось потерей аппетита — завтрак не лез в горло. И разумеется, я об этом пожалела, потому что обедом меня кормить никто не собирался.

Не подумала я об этом своевременно, а между тем, стоило бы догадаться: никто не станет сажать за стол вместе с королевской семьей и придворными невидимую Тень. Хотя бы из соображений безопасности.

Да, как ни странно, о таинственном невидимке во дворце пока не говорили, несмотря на то, что в покоях принцессы ко всякой трапезе накрывали на двоих. Правда, за столом никто не прислуживал, и о том, кто именно разделяет трапезу с принцессой, слуги могли только догадываться. Гвардейцы, охранявшие принцессу, несомненно, замечали странности, но были достаточно хорошо вышколены, чтобы помалкивать. Молчал и молодой маг, которому я нашептывала свои предостережения, что и неудивительно — мар Стеумс кого попало на службе держать не стал бы. И я не раз задавалась вопросом, сколько из тех, кто будто бы бесцельно прожигает жизнь во дворце, на самом деле работают на всесильного главу Тайной Канцелярии.

Сам Стеумс за праздничным столом оставался столь же незаметным, как и в повседневной жизни, несмотря на то, что занимал почетное место рядом с наследником престола.

Я же стояла за спиной у принцессы и, честно признаться, глотала слюни, поскольку успокоиться и взять себя в руки успела, а вот исправить упущение с завтраком — уже нет. В конце концов я не утерпела и, набравшись наглости, стащила кусок мяса с тарелки у командующего армией, соседа принцессы слева. Бравый вояка моего маневра, естественно, не заметил, только уставился в опустевшую тарелку, прикидывая, видимо, как он ухитрился так быстро все съесть. Зато заметила принцесса и кусала губу, сдерживая смех. Вот и отлично, теперь я у нее не только охраной, но и шутком подвизаюсь. Чем хихикать, лучше бы со своей тарелки что-нибудь предложила — знает ведь, что я голодная...

Впрочем, сердилась я больше по инерции, краденое мясо довольно быстро привело меня в удовлетворенное состояние. Даже это действие, называемое торжественным обедом, не особо раздражало.

Мероприятие, к слову, оказалось на диво скучным. Вначале его величество произнес краткую речь, посвященную вырастающим детям, потом ее величество почему-то неловко погладила принцессу по голое. Было впечатление, что она сама не знает, как ей обращаться с повзрослевшей дочерью. Вроде бы по этикету принцессе полагалось после выступления отца целовать руки венценосным родителям, однако король руку не протянул. Видимо, опасался, что родная дочь вместо поцелуя его укусит. Я бы тоже побоялась — выражение лица у принцессы было самым что ни на есть благожелательным, а вот глаза метали молнии, выдавая раздражение, готовое перейти в ярость.

Впрочем, когда обед начался, Нэлисса быстро успокоилась. Я даже заподозрила, что она и злилась не по-настоящему, просто папеньку пугала, чтобы не лез. Впрочем, кто ее знает.

А за обедом все благополучно забыли, в честь чего собрались за общим столом, на принцессу никто внимания не обращал — только позвякивали приборы да велись разговоры вполголоса. Скучно, в общем.

Бал оказался событием куда более напряженным, потому что лавировать между танцующими парами — то еще развлечение.

Согласно церемониалу, ее высочество первый танец подарила папеньке, второй — старшему брату. Удивительно, но в танце принц преображался. Куда девались вялость движений и безвольно опущенные плечи? Статный кавалер уверенно вел свою юную даму, улыбался и время от времени шептал ей что-то на ушко, отчего принцесса принималась хихикать. Я не прислушивалась. Вернее, прислушивалась, но не к шепоту принца, а к ритму движения, чтобы своевременно уходить в тень, избегая столкновений, и тут же возвращаться. А еще — к общей атмосфере в зале, стараясь вовремя уловить опасность, если она вдруг возникнет. Никакой опасности не было, но я, тем не менее, после этих маневров чувствовала себя так, словно все это время махала мечом.

После пятого или шестого (а может, девятого — я потеряла счет) танца принцесса переместилась к столику с закусками.

— Устала, — выдохнула она.

'А уж я-то как!' — мысленно воскликнула я в ответ, но вслух говорить ничего не стала — все равно не оценит.

— Неужели это всегда так скучно и противно? — жалобно простонала Нэлисса. — Когда-то я мечтала о своем первом бале. Нет, я уже давно никаких иллюзий не питала, зная, что приятных кавалеров ко мне и близко не подпустят, но танцевать с министром финансов! Б-р-р! — принцесса передернула плечами.

— Что поделаешь, — не особо проникнувшись ее проблемами, вяло откликнулась я, — с принцессами так обычно и бывает.

— Ненавижу! — страстно прошипела принцесса. — Ненавижу! Все бы отдала, чтобы быть кем угодно, только не принцессой!

'Много ты знаешь о том, как живут не-принцессы', — эту мысль я тоже не рискнула озвучивать. Не время и не место. Тем более, что я и сама о том, как живут обычные девушки, представление имела весьма смутное. Можно ли составить себе цельную и достоверную картину мира, опираясь лишь на прочитанное в книгах да на подслушанные разговоры?

И еще: насколько серьезна принцесса в своих высказываниях? Может, это всего лишь короткий эмоциональный всплеск, и если не заострять внимания на ее словах, то она их к утру забудет.

Эта мысль или какая-то другая засела у Нэлиссы в голове, но погруженность в себя и некоторая рассеянность, ранее не свойственные принцессе, стали меня настораживать. Случалось, во время разговора она смолкала на полуслове, застывала, уставившись в одну точку и беззвучно шевелила губами. Потом она возвращалась к беседе, словно бы ничего и не произошло, но я беспокоилась: что-то варилось в ее непредсказуемой голове, и мне бы очень хотелось узнать, что именно. Попросту говоря, я опасалась быть втянутой в какую-нибудь авантюру, которая приведет к краху все мои мечты о свободе, а то и вовсе угробит меня.

К учебе принцесса не то чтобы утратила интерес, но уже не пылала прежним энтузиазмом. Как-то, разбирая очередной урок истории, она отбросила книгу, вскочила с

кресла и отвернулась к окну, вцепившись в подоконник и уставившись вдаль невидящим взором. Я молчала, переживая внезапную паузу. По опыту последних дней я уже знала, что через несколько минут принцесса вздрогнет, обернется и скажет что-нибудь такое, что непременно зацепит и меня.

Так и произошло.

— Не нужно мне все это! — воскликнула она. — Вот бы чему-нибудь стоящему научиться. Тому, что там, — принцесса махнула рукой в сторону окна, — на воле пригодиться может. Я же ничего не умею!

Ответить на это мне было нечего. Меня и саму тревожили те же мысли. Вот если представить на миг, что я уже свободна... Что тогда? Как жить в мире, о котором я толком ничего не знаю? Как заработать на жизнь, если я умею только железяками размахивать? В самом деле, все мои остальные знания едва ли могут пригодиться в жизни. И самым ценным — алхимией и травоведением — я владею, увы, на самом примитивном уровне. Я такие мысли гнала — до поры. Но придет время, и мне придется задуматься об этом всерьез.

Чтобы не терзать себя лишней раз тревожными размышлениями, я старалась почаще сбегать от принцессы, благо с этой своей задумчивостью она реже нуждалась в моем обществе. Временами мое присутствие даже раздражало Нэлиссу.

Так сложилось, что и мар Стеумс в последнее время стал меньше нуждаться в моих услугах. С осени — я знала точно — снова одна за другой будут прибывать посольские делегации — с целью сосватать принцессу, разумеется, поскольку она как раз приближалась к подходящему возрасту, но как раз сейчас наступило затишье. Вот и слонялась я по дворцу, как в первые месяцы своей жизни здесь. Подслушивала, подглядывала и... не скажу чтоб скучала, но все же я успела привыкнуть к более насыщенной жизни и мне ее не хватало.

Так и случилось, что я паслась в гостиных фрейлин, чтобы хоть сплетни какие-нибудь поймать. Бывало, дамы рассказывали что-то интересное — ведь они, в отличие от меня, не были привязаны к дворцу. В этот раз мне повезло.

— Представляешь, говорят, Атейнара вернулась, — роскошная дама в платье насыщенного синего цвета откинулась на спинку дивана.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Дама, как и большинство придворных, оставалась для меня безымянной — я запоминала лица, но не утруждала себя запоминанием еще и имен. В конце концов, для меня они никакого значения не имели.

— Кто это? — собеседница в персиковом туалете подалась вперед, всем своим видом выражая искренний интерес.

Мне тоже стало любопытно.

— Неужели ты не слышала? — дама в синем закатила глаза. — Знаменитая провидица Атейнара. Она исчезла почти на десять лет, а теперь вернулась и снова принимает желающих знать свою судьбу.

— Ну знаешь ли, я не настолько стара, чтобы иметь представление о знаменитостях десятилетней давности, — фыркнула персиковая.

Дальше пошел обмен колкостями. Я подозревала, что позже, когда выскажут друг дружке свои претензии, дамы вернутся к интересующей меня теме, а потому, несмотря на то, что перепалку слушать было скучно, решила подождать.

Услышанное меня не обрадовало: синяя дама поведала подружке, что провидица ни на какие приглашения не отвечает, независимо от знатности персоны, а принимает только у

себя. Жаль, было бы интересно подслушать, если бы ее пригласили во дворец. Мне оставалось только вздохнуть: никакого практического интереса для меня эта информация не представляла. Однако принцессе я все-таки рассказала об услышанном.

Глаза у Нэлиссы загорелись:

— Я хочу к ней!

— И как ты себе это представляешь?

— Как-как... Никак! — буркнула принцесса.

Однако идея прочно втемяшилась ей в голову. До вечера Нэлисса промолчала, что-то обдумывая, а на следующий день приступила к воплощению. Начала она с того, что явилась в королевскую приемную и потребовала аудиенции у его величества. Уйгар II выслушал дочь и заявил категорически:

— Нет!

— Но почему?! — взвыла принцесса. — С охраной же! И у меня есть Тень, в конце концов!

— Нет, — повторил король.

— Вот как? — Нэлисса сощурила глаза. — А вот так? — массивная чернильница полетела в оконное стекло, но, столкнувшись с усиленной магической защитой, брякнулась на пол, щедро разбрызгивая свое содержимое.

— Ваше высочество! — повысил голос венценосный отец.

— Высочество? — взвилась принцесса. — У последней кухонной девки больше свободы, чем у меня! Сколько я могу в клетке сидеть?!

— Во-о-он! — взревел его величество.

И что-то такое было в его голосе, что принцесса тотчас умолкла и стремительно выскочила за дверь. Но не сдалась.

— Пойдешь к мару Стеумсу, — заявила она тоном, не терпящим возражений. — Будешь просить.

Пойду, куда я денусь! А вот просить... Я и сама еще не решила, нужно ли мне это. Что дает лично мне поход к провидице, с которой я даже поговорить не смогу?

Тем не менее, просьбу принцессы я главе Тайной Канцелярии изложила. Хотя могла бы и вовсе ничего не говорить — он, разумеется, был уже в курсе.

— А что ты сама по этому поводу думаешь? — неожиданно спросил Стеумс, пристально уставившись туда, где, по его представлениям, находилось мое лицо.

Не промахнулся, надо признать. Под его взглядом мне, как всегда стало неуютно.

— Не знаю.

— Ты ведь понимаешь, что сохранить в тайне визит принцессы к провидице не получится? И охранять принцессу в городе — совсем не то же, что во дворце.

Все это я понимала и даже разумно опасалась, но... если не провидицу послушать, так хоть город посмотреть... Однако признаваться главе Тайной Канцелярии в своих желаниях, даже если и без того о них догадывается, я не спешила, поэтому заговорила осторожно:

— Ну-у... если с усиленной охраной...

— Боишься, что сама не справишься? — усмехнулся Стеумс.

— Так надежнее, — пожала плечами я.

Еще бы мне не бояться — случись что с принцессой, это значит, и мне не жить. Ей — капризы, мне — жизнью рисковать. Однако вслух добавила лишь:

— Все равно когда-нибудь придется. Ведь всю жизнь ее высочество во дворце не

просидит.

Уж не знаю, что в конечном итоге повлияло на решение мара Стеумса и, соответственно, короля, но на следующий день его величество сам послал за дочерью и объявил, что позволяет принцессе посетить провидицу, а о точном дне и времени ей будет сообщено позднее.

Подготовка заняла целую неделю. В первую очередь — из-за самой провидицы. Попасть к ней находилось немало желающих, она принимала их в порядке, ей одной ведомом, и даже для принцессы не согласилась сделать исключение. Спорить же с провидицами или, боги упасите, давить и угрожать дураков нет. Это они только с виду безобидные да не от мира сего, пока их не трогают, а так ведь могут... проклясть не проклясть, а слово сказать — и по их слову случится.

Еще следовало просчитать, каким путем по городу перемещаться. Три варианта предложили Стеумсу его сотрудники. И выбран будет один из них в самый последний момент. К сожалению, я могла познакомиться с предполагаемым маршрутом заранее лишь по карте, от дворца-то мне не отойти без принцессы. Последний кусок пути — шагов четыреста-пятьсот — предстояло пройти пешком. Угораздило же провидицу поселиться в таком квартале, по тесным улочкам которого никакая карета не проедет. И ведь идут к ней туда и знатные, и богатые. Не гнушаются. А может, и нарочно она так: хочешь судьбу знать — пройдишь ножками, да в такое место, куда просто так ни в жизнь не пошел бы...

Но если бы кто меня спросил, я бы сказала, что пешком даже лучше. В карете быстрее, конечно, но если опасность какая-нибудь, закрытая коробка на колесах не оставляет свободы для маневра, да и уловить нужный момент, когда действовать начинать, гораздо труднее.

В охрану нам выделили шестерых верховых гвардейцев, не считая кучера, который тоже наверняка был человеком Стеумса, и мага — того самого, что враждебную магию в покоях послов обезвреживал.

Маг уселся с нами в карету и из-под полуприкрытых век украдкой бросал взгляды на принцессу, но заговорить не пытался. Парень казался расслабленным, но я не сомневалась, что он, как и я, непрестанно сканирует окружающее пространство, готовый в любой момент начать действовать.

Принцесса тоже не расслаблялась. По лицу ее едва ли можно было определить, что она нервничает, но я уже неплохо успела изучить Нэлиссу, и то, как она быстрыми движениями пальцев перебирает бахрому сумочки, выдавало мне ее состояние. Но принцесса наверняка боялась не неприятностей в пути, не привыкла она за свою жизнь опасаться. Понятно, что тревожилась она о том, что скажет или не скажет ей провидица. Она ведь может посмотреть и вовсе говорить отказаться. Наотрез. Или скажет так непонятно, что и не поймешь, зачем оно тебе нужно, такое предсказание. А когда поймешь, может поздно оказаться. Обо всем этом мы не раз и не два говорили с Нэлиссой за прошедшую неделю. Пожалуй, так откровенно принцесса не делилась со мной своими тревогами до сих пор ни разу.

До дома провидицы мы добрались без приключений. Да и неудивительно — перед нашим визитом люди Стеумса небось все окрестности прочесали. И квартал оцепили.

Дом оказался каменным, двухэтажным, с высоким крыльцом, которое охраняли два каменных василиска с завязанными глазами. Один из гвардейцев легко взбежал по ступенькам и стукнул дверным молотком. Дверь отворилась тут же, но за ней никого не оказалось. Двое охранников переглянулись и зашли внутрь. Так и положено — сперва все обследуют, убедятся в безопасности, потом уже нас впустят. Мар Стеумс меня подробно

проеинструировал, с учетом разных вариантов, в том числе и того, при котором охране не позволят присутствовать при беседе принцессы с провидицей. Этот вариант, кстати, казался мне наиболее вероятным, и, как выяснилось, я была права.

Провидица встретила нас в дверях комнаты на втором этаже. Она оказалась не старой еще женщиной, хотя возраст ее, даже приблизительный, я затруднилась определить — морщин вроде бы нет почти, а глаза такие, словно она уже не один век прожила. А может, так оно и было — не на самом деле, не телом, но душой, ведь человек, заглядывающий в чужие судьбы, не только своей жизнью, но и чужими живет.

— Спутников прошу подождать здесь, — строго сказала Атейнара.

Гвардейцы, не возразив ни слова, выстроились у дверей, а вот маг под отводом глаз попытался просочиться за нами внутрь. Я его, конечно, видела, меня научили, а вот провидица... Провидицу обмануть тоже не удалось:

— Юноша, к вам мои слова тоже относились. Выйдите и подождите за дверью.

Спорить маг не рискнул.

На мое присутствие Атейнара никак не отреагировала — то ли не видела, то ли... На всякий случай я ушла в тень.

— Садись, ищущая ответов, — обратилась провидица к принцессе, — смотри мне в глаза. Вопросов не задавай — все, что тебе нужно знать, я и так скажу. А теперь дай мне руку.

Две женщины — одна юная, другая без возраста вовсе — замерли за узким столом напротив друг друга. Сколько времени это длилось, не знаю. Мне показалось, что время вообще осталось там, снаружи, а в этой затемненной комнате действовали совсем другие законы.

Наконец провидица заговорила, все еще не отводя взгляда от принцессы:

— Будет первый выбор. Если ценишь себя, между венцом и посохом выбирай посох.

И снова молчание.

Во второй раз голос Атейнары прозвучал глухо и как будто недовольно:

— Будет второй выбор, между честью и коварством. Выберешь коварство, потерь не случится, но приобретешь жало внутрь, и станет терзать тебя.

Мне казалось, что больше уже ничего сказано не будет, когда провидица заговорила вновь:

— Третьего выбора может и не быть. Но если случится, не слушай гордость, слушай разум.

Атейнара вздрогнула, но из транса не вышла. Медленно-медленно повернулась ко мне, губы ее шевельнулись, словно что-то прорывалось изнутри, но не находило выхода. Следующие слова были предназначены уже мне:

— Я ждала тебя, Тень. Мне было велено передать тебе, чтобы ты была внимательна и слушалась знаков, тогда судьба сама найдет тебя.

— Как я узнаю, что это именно моя судьба?

— Человек никогда не знает этого. Он просто живет. Слушай зна...

Голос провидицы упал до шепота, а затем угас вовсе. И сама Атейнара обмякла в кресле, словно утратив последние силы. Принцесса, казалось, этого не заметила, она так и сидела, уставившись прямо перед собой. И... что делать?

Делать ничего не пришлось — очнулись они обе одновременно. Провидица казалась безмерно уставшей и выглядела теперь куда старше, чем при встрече. Все прожитые

столетия — чужие и свои — вдруг вылезли глубокими морщинами на лице женщины, и длинные рукава не могли скрыть по-старчески дрожащих рук.

У принцессы вид был ошеломленный, но в этом как раз ничего удивительного не было — все эти невнятные предсказания кого угодно из колеи выбьют.

— Всё! Всё, идите! — махнула рукой Атейнара. — Идите скорее. По сторонам только поглядывать не забывайте.

Я и не забывала. И так смотрела, а после слов провидицы и вовсе настороже была. Может, потому и заметила вовремя стрелка на крыше, и успела снять его оттуда, метнув нож. А вот второго уже не успевала, нож летел, но болт его опережал, а дальше...

Обычно рассказы о таком занимают куда больше времени, чем само событие. А там счет времени даже не на секунды идет, а на мгновения: раз — и я рывком кидаю свою подопечную на землю, падая сверху, два — и гвардейцы смыкаются перед нами, заслонившись легкими щитами, три... Сдавленный стон одного из охранников — ранен, но не слишком серьезно, болт лишь плечо по касательной задел. А второй стрелок падает с крыши вслед за первым. И казалось бы, можно уже и выдохнуть, только я знаю, что все еще не закончилось. Никто больше не целится в нас из арбалета, но опасность никуда не ушла, и эта опасность мне знакома — чуют магию Бьярта научила меня на славу.

Вот только надо понять, откуда она исходит, а мгновения бегут стремительно, и мой амулет, укрывший щитом меня и принцессу, выдержит один сильный удар или несколько послабее... И почему на принцессу никакой защиты от магии не поставили? Его величество — я видела — весь амулетами охранными увешан, у гвардейцев даже есть, пусть и не такие сильные, как у короля, а у принцессы — ничего, но я об этом почему-то раньше не задумывалась. И где он, этот проклятый маг?! Пусть бы показался, что ли...

Маг появляется, но не тот, а наш. Появляется вместе с еще одним щитом, накрывшим и его, и нас с Нэлиссой. А я про него, оказывается, забыть успела. Легонько, чтобы не сбить концентрацию, касаюсь его руки:

— Сколько сможешь удержать?

— Средний уровень — пять-семь минут. Если на высший перейдет, то три — самое большее. Но этот высший не потянет, я чувствую. Только не вижу его, гаденьша.

— Тогда держи.

Маги! Друг от друга им под своей невидимостью только и прятаться. Не от меня. Мне бы только выбраться из-за спин гвардейцев, а этот парень как раз и предоставил мне такую возможность...

Я покинула защитный купол и шустро отбежала в сторону, чтобы не попасть под удар. Теперь мне было видно всю картину, и источник враждебной магии я определила без труда. Невидимый маг как раз мелькнул на балконе и убрался в помещение, чтобы в следующий раз атаковать из окна. Умно — так проще избежать ответного удара. А если он себе еще и пути отхода предусмотрел на случай провала, то и вовсе молодец. Только в мои намерения не входило дать ему уйти.

С первого раза допрыгнуть и вцепиться в подоконник не получилось — все же форму я за прошедший год подрастеряла, но... Если очень надо, и если в принципе знаешь, как это делается, то и не с такой задачей справишься. Да, потом мышцы будут болеть, но это потом. А сейчас мне удалось достать в прыжке до выступа, подтянуться и вскарабкаться наверх. Дальше уже проще — с подоконника на балкон, встать на перила, снова подтянуться — и вот я уже наверху.

Маг меня не заметил. Он снова изготовился для удара — я видела, как зреет в его руке искрящийся сгусток и... этот явно был сильнее среднего уровня. Дальше я не медлила, метнула нож и сама метнулась следом, хотя в этом уже никакой необходимости не было: маг дернулся, недоделанный снаряд сорвался с руки, подпалив занавеску на окне, и тут же угас вместе со взглядом своего создателя. Жаль. Нет, не самого напавшего, просто мар Стеумс будет недоволен — для допроса я ему никого не оставила.

Гвардейцы ворвались спустя минуту. Разумеется, ничего, кроме свежего трупа, они не обнаружили. Метательный нож из раны испарился у них на глазах — разбрасываться хорошим оружием я не собиралась.

Внизу принцесса, тяжело опираясь на руку мага, равнодушным взглядом созерцала то, что осталось от стрелков. Шок? Или ей и правда все равно? Нет, трупы ее, может, и не трогают, но перепугана Нэл основательно — вон как вцепилась в парня.

— Ваше высочество, — маг попытался высвободиться из цепкой хватки девичьих пальчиков, — я должен пойти посмотреть.

— Не на что там уже смотреть, — шепнула ему я. — А ее высочество нужно срочно вернуть во дворец и напоить успокоительным. Маг покосился на принцессу, сделал выводы и спорить не стал.

До кареты мы кое-как доковыляли, поддерживая принцессу с двух сторон — руку мага она так и не отпустила. Ему пришлось проводить нас до самых покоев, дожидаться придворного лекаря, и лишь засыпая, Нэлисса разжала пальцы.

Сидя на краю постели, я никак не могла найти в себе силы подняться. Испугалась ли я тоже? Там, на месте, я чувствовала скорее раздражение, чем страх. Ситуация была неправильной, и мне необходимо было эту неправильность устранить, именно это и занимало. Страх пришел позднее, вместе с осознанием — эта самая 'неправильность' могла стоить мне жизни. Вернее, целый букет неправильностей — от покушения в проверенном и оцепленном квартале до отсутствия у принцессы охранных амулетов. Если бы не маг...

Я все-таки встала и на негнущихся деревянных ногах прошествовала в ванную. Вода, как и следовало ожидать, принесла облегчение — смыла и запоздалый страх, и недовольство собой.

Когда я вышла, в гостиной меня уже поджидал глава Тайной Канцелярии.

— Рассказывай.

Я коротко изложила ему свою версию событий.

— Значит, ты у нас рассекретилась? — Да полно вам, мар Стеумс! Ни для гвардейцев, ни для вашего мага, мое существование уже давно не тайна. Просто я впервые действовала при них. Меня другое волнует...

— И что же?

— Два вопроса. Во-первых, отсутствие защитных амулетов у ее высочества. Раньше я как-то не придавала этому значения.

— Редкий случай — абсолютная магическая несовместимость с подобного рода амулетами. На принцессе они разряжаются в считанные секунды, а сама она начинает страдать от удушья из-за концентрированного выброса магической энергии.

— Значит ли это, что и магическое нападение для нее более опасно, чем для других людей?

— Нет, это другое.

Требовать подробных объяснений я не стала, только вздохнула:

— Тогда, пожалуй, мне самой нужен амулет помощнее.

— Пока в этом нет необходимости. В ближайшее время вы не будете покидать дворец.

— Понятно, — этого я как раз ожидала, — тогда второй вопрос: как получилось, что попытка покушения стала возможной в таком месте — практически у самого дома провидицы, где все должно было быть проверено перед нашим появлением? И... нет, есть еще один вопрос: кому это нужно?

— Любопытная девочка, — хмыкнул мар Стеумс. — Но я отвечу тебе лишь, что я пока сам не знаю. Возможно, виной небрежность моих сотрудников. Но каждый дом и каждую квартиру в любом случае не проверишь. Что до последнего вопроса, то есть несколько версий — от мстителей с присоединенных территорий до соседей, желающих не допустить нашего союза с... Впрочем, об этом я лучше промолчу. Подробности не жди.

Подробностей я и не ждала, даже на такой ответ главы Тайной Канцелярии не надеялась — не такая я величина, чтобы передо мной секреты его ведомства и политические планы раскрывать. Другое дело, что о многом я догадывалась сама...

Наутро принцесса проснулась в мрачном расположении духа, но о покушении не заговаривала. Куда больше ее интересовало предсказание Атейнары.

— И что, по-твоему, это может значить? Выбор этот... Три выбора... Я-то надеялась на что-нибудь конкретное!

— Провидцы никогда ничего определенного не сообщают, это известно. Нельзя привязывать человека к какому-то одному варианту развития событий.

— Все равно... Вот первое — венец или посох — это что? Нет, про венец я догадываюсь. Но если я правильно поняла, прочат меня замуж за короля или наследника... Где у нас неженатые наследники имеются?

— Нигде.

Я была абсолютно честна. Но — каков вопрос, таков и ответ. Вот интересно, Нэл сама догадается, или подсказывать придется?

Но нет, мысли принцессы уже поскакали дальше.

— А посох? Неужели странствовать придется?

В отличие от Нэлиссы, я помнила, что посох — атрибут не только странника, но... Признаться, я смутно представляла себе, какое отношение этот символ может иметь к принцессе. Догадки кое-какие имелись, но очень смутные, я их не то что принцессе — даже самой себе озвучить не решалась. Это ведь означало влиять на судьбу, а брать на себя такую ответственность я была не готова. Нет уж, пусть сама принимает свои решения, делает свой выбор, когда придет время.

Так наш разговор и заглох — если уж с первым выбором никакой ясности, то дальше и обсуждать нечего.

А на прогулке нам повстречался вчерашний маг. Думаю, не случайно: он стоял на одной из боковых дорожек и, как мне показалось, именно нас и поджидал. Принцесса сама подошла к нему — с нежной улыбкой и словами благодарности, которых я от нее не дождалась. Впрочем, не особенно и ждала.

Нэлисса нервно махнула мне рукой, намекая, чтобы я держалась в отдалении, и повлекла нового знакомца в беседку. Опасности от мага никакой не исходило, а потому я отступила и даже ушла в тень, чтобы не раздражать принцессу своим присутствием. Но далеко, конечно, не отошла — ровно настолько, чтобы слышать, о чем идет разговор, и не столько ради безопасности, сколько из банального любопытства.

Итак, мага звали Ианнар, специализация — защитная и атакующая магия... Вокруг магии разговор в основном и крутился — как определяют способности, как обучают. Ианнар рассказал ее высочеству несколько баек из своей студенческой юности, показал пару магических фокусов, и к концу прогулки настроение принцессы не шло ни в какое сравнение с утренним. Нэлисса улыбалась и посматривала на мага сияющими глазками, выражающими простодушный восторг — вот уж что, как я до сих пор полагаю, было принцессе вовсе не свойственно. Интересно, сколько искренности в этих ее взглядах?

И еще одна вещь меня заинтересовала: мага подослал Стеумс, или то была его собственная инициатива?

На следующий день Ианнар появился снова, а вскоре стал нашим неизменным спутником на прогулках. Даже если он делал это по собственному желанию, то несомненно с одобрения главы Тайной Канцелярии, иначе бы ему не позволили столь тесно общаться с принцессой.

Правда, иногда Ианнар появлялся под отводом глаз. В такие дни он поджидал принцессу уже в беседке. Я старалась быть в курсе их разговоров, но не всегда мне это удавалось — порой они переходили на шепот, а я нервничала, опасаясь упустить что-нибудь важное — кто знает, до чего могут додуматься эти заговорщики. Если маг таится, значит, мар Стеумс знает не обо всех его встречах с принцессой.

Конечно, докладывать ему я не собиралась: либо он меня проверяет, но тогда я могла заявить, будто я была уверена, что он в курсе, либо он не знает... Тогда пусть и дальше пребывает в неведении.

Нэл не рвалась обсуждать со мной свои отношения с магом, и ничего неожиданного в этом не было: в последнее время она опять от меня отдалилась. Увы, не вышло из меня лучшей подружки и наперсницы для принцессы. Жаль — о некоторых вещах мне хотелось бы знать, а не только догадываться, слишком уж велик шанс упустить момент, когда можно вмешаться и повлиять на ситуацию.

Минув месяц с начала этих встреч, когда маг впервые появился в покоях принцессы. На вполне законных основаниях — он пришел обновить защитные чары. Я незримо следовала за ним по пятам: с одной стороны, мне было интересно понаблюдать за работой мага, с другой — имелись у меня кое-какие подозрения, которые требовалось подтвердить.

В том, что мои подозрения не безосновательны, я убедилась, когда маг начал обновлять плетения в спальне. Все-таки замечательно, что Бьярта научила меня видеть магию, а боги одарили прекрасной памятью. Это позволило мне уловить отличия между прежним плетением на окне и тем, что наложил Ианнар. Возможно, он не знал, что я способна это увидеть, а может, недооценил мою теоретическую подготовку. А я не только заметила изменения, но и распознала лазейку, которую он оставил. Для себя. И еще я поняла, что спать в ближайшую ночь (а может, и в последующие) мне придется вполглаза, чтобы не пропустить неурочного гостя.

О том, что принцесса в курсе грядущего визита, я догадалась вечером, когда она провела в ванной куда больше обычного времени, а потом долго вертелась перед зеркалом в полупрозрачной сорочке с мечтательной улыбкой на лице, прежде чем нырнуть под одеяло. А ночью мои догадки подтвердились.

Разумеется, я не спала, а когда окно отворилось под нажимом снаружи (это на третьем-то этаже!), я подскочила в полной боевой готовности.

— Не лезь! — скомандовала Нэлисса. — Это ко мне.

Да уж понятно, что не ко мне... Я вздохнула и снова улеглась, прислушиваясь к возне за занавеской. Вмешиваться я не собиралась — в конце концов, в мои обязанности входило охранять жизнь принцессы, а не стеречь ее нравственность.

Меж тем, возня дополнилась бессвязным шепотом и стонами, а потом я ощутила резкую боль... Нет, мне не надо было объяснять, что это такое, я достаточно знала об отношениях мужчины и женщины, чтобы догадаться, что это была не моя боль. Меня больше интересовало другое: значило ли это, что я лишилась невинности одновременно с принцессой или вообще вместо нее? Нет, это было бы совсем нелепо, все же потеря девственности — то не ранение, хоть и причиняет некоторые неудобства. Значит, я забрала только боль, а не... другое.

Маг исчез из спальни под утро, воспользовавшись тем же окном, а я наконец смогла задремать.

Проснувшись я за несколько минут до принцессы, прислушалась к своим ощущениям, повздыхала мысленно — уж очень не хотелось вставать, — но все же заставила себя подняться, отодвинула занавеску и... встретила взгляд принцессы — цепкий, давящий.

— Ты никому не скажешь, — с нажимом произнесла она. — Никому — о том, что было сегодня ночью. И о том, что еще будет.

Нет, меня не напугать ни взглядами такими, не словами, но... не враг же я себе, чтобы рассказывать о таком. Это значит, снискать, с одной стороны, ненависть принцессы, а с другой — нажать дополнительные неприятности. Неизвестно ведь, как это воспримут король и глава Тайной Канцелярии, чем все обернется для Нэлиссы и, в конечном итоге, для меня самой.

— Я никому не скажу, — ответила я.

Ианнар приходил не каждую ночь, о нет — даже магам требуется иногда высыпаться. А я скоро привыкла к его поздним визитам и научилась засыпать, не обращая внимания на посторонние звуки. Только удивлялась, что этих двоих не смущает мое присутствие. Ну ладно принцесса — она за год с лишком настолько свыклась с тем, что я неизменно обретаюсь поблизости, что даже не замечает меня. Но маг!

Правда, маг, как выяснилось, меня не видел, даже зная о том, что я рядом. То ли та тетрадка, что давала мне Бьярта, содержала ошибочные сведения, и не всякий маг, знающий о присутствии Тени, способен ее увидеть, то ли это было личной особенностью Ианнара, но факт остается фактом — от этого мага я имела возможность прятаться, что не могло не радовать. Я не сомневалась, что это знание когда-нибудь мне пригодится.

Сами же нежные отношения принцессы и мага я воспринимала как растущее напряжение — не между этими двумя, а в окружающем пространстве... или времени. От них веяло опасностью, азартом, ожиданием, они вынуждали меня постоянно быть начеку. И в то же время мешать им я не хотела — внутри зрело чувство, что все идет правильно, и мне надо лишь уловить нужный момент, чтобы обернуть все себе на пользу. Или не пропустить, когда все это обернется катастрофой — чтобы смягчить последствия удара.

Долго ждать первого переломного момента не пришлось...

В этот раз приезд нимтиорийских послов не стал для меня неожиданностью: один подслушанный обрывок разговора — мой пока еще не вполне понятный дар помог мне оказаться в нужном месте в нужное время — и мне удалось подгадать к аудиенции, в то время как мар Стеумс пребывал в уверенности, что я нахожусь совершенно в другом месте.

Мои прежние догадки оказались верны — только Нимтиори могла быть тем соседом,

чьей благосклонности стремился добиться Тауналь. Страна, превосходящая наше королевство по силам, но при этом не интересующаяся территориями, на которую оно успело наложить лапы. В приданное за принцессой давали лишь Заповедные Леса на востоке бывшего княжества Риатана — небольшого государства на севере, присоединенного к Тауналю чуть более десяти лет назад. Тауналю от этих лесов никакой пользы не было, в них вообще мало кому зайти удавалось, а зачем они Владыке Нимтиори, оставалось только гадать. Тауналю же союз с могущественным соседом давал возможность продлить свою агонию еще на долгие десятилетия, а там, кто знает, и оправиться от последствий многочисленных войн, вернуть былую мощь и противостоять окрестным стервятникам не хитроумной дипломатией, но силой оружия. Впрочем, прямой военной помощи в любой ситуации Владыка не обещал — лишь в случае вторжения врага на территорию Тауналя. И вообще, договор, привезенный на подписание королю Уйгару II, был настолько хитро составлен, что возможностей уклониться от союзнических обязательств у Владыки было предостаточно.

Несомненно, такой умный человек, как глава Тайной Канцелярии, не мог не заметить этого, но его, похоже, все устраивало. Что ж, я и раньше подозревала, что он не просто так притаился в тени трона, а преследует какие-то собственные интересы.

Когда размашистая подпись его величества украсила наконец договор, я выскользнула из зала для аудиенций и поспешила вернуться в покои принцессы.

Нэлисса была одна — сидела в гостиной и бездумно листала какой-то роман. Предполагалось, что в это время мы с ней должны прохаживаться по садовым дорожкам в сопровождении охраны, но я уговорила принцессу отменить прогулку в последний момент.

— Ну что? Теперь-то ты мне наконец расскажешь, зачем тебе понадобилось держать меня тут взаперти?

— Теперь расскажу, — я неспешно расположилась в кресле напротив.

— Ну! — проявила нетерпение принцесса.

— Я знаю, за кого тебя выдают замуж. И когда.

Книга сползла с колен девушки и звучно шлепнулась на пол. Принцесса этого даже не заметила.

— Говори же! Не тяни! — рассерженной кошкой зашипела она.

— Владыка Нимтиори. У тебя есть время до весны. Потом — магическая помолвка, и ты отправляешься к жениху. Свадьба не позднее осени.

— Нимтиори! Это... это... хуже не придумаешь! Но почему туда?!

— Тебе объяснить? Или сама догадаешься?

— Не надо... — сердито буркнула Нэл. — Я понимаю... Но Нимтиори! Сумеречная сторона, где никогда не восходит солнце! Король-колдун! Мы с Ианнаром не сможем быть вместе даже тайком. От него ничего не скроешь!

— Нэл! Что за крестьянские суеверия? Сумеречная сторона — это древнее название, никто толком не помнит, откуда оно взялось, но со сменой дня и ночи в Нимтиори все в полном порядке, и солнце такое же, как везде.

— Да знаю я! — огрызнулась Нэлисса. — Это... от безысходности. Но про Владыку правда, и не вздумай спорить. У него действительно есть какой-то дар, который позволяет ему знать обо всем, что происходит во дворце.

Я и не думала спорить. О том, что Владыка Нимтиори владеет неким особым даром — не колдовским, как утверждали чародеи, к магии эта его способность никакого отношения

не имеет, — было известно: скрыть от него что-либо, происходящее на территории дворца, не представлялось возможным. Потому и посольства предпочитали останавливаться на столичных постоянных дворах, чтобы иметь возможность посовещаться без пригляда. Впрочем, надуть Владыку все равно никому не удавалось — помимо дара он обладал еще и недюжинным умом и был искусен в дипломатических хитросплетениях.

— А что ты переживаешь раньше времени? Может, он тебе понравится? Достаточно молод, умен... Портретов не видела, но может, и собой хорош...

— Что ты такое говоришь! — Нэл экспрессивно вздела руки к потолку, но тут же уронила их, обмякла вся, словно из нее стержень вынули.

— Только не говори мне, что ты всерьез влюблена в Ианнара! Или?.. Не могу поверить.

— Я тоже не могу, — горько усмехнулась принцесса. — И вообще... я сама не знаю, что со мной происходит. Сначала эта была просто игра. Понимаешь, наша общая игра. Я знала, что нравлюсь ему, но не настолько, чтобы он потерял голову. И он мне... не настолько. Мне неизвестны его настоящие цели, но я всего лишь хотела, чтобы... это случилось с тем, кого я выберу сама, прежде чем меня отдадут чужому мужчине. А теперь... Я себе представить не могу, что кто-то другой прикасается ко мне... — Нэлисса всхлипнула сдавленно, а потом разразилась рыданиями.

С немалым трудом мне удалось заставить ее подняться и увести в спальню — еще не хватало, чтобы кто-нибудь явился на шум и обнаружил принцессу в таком плачевном состоянии. Едва ли нам удалось бы скрыть причину ее слез, а если бы она еще и высказалась в запале неосторожно...

Пришлось влить в нее хорошую дозу успокоительного со снотворным эффектом. Неудивительно, что принцесса не только пропустила ужин, но и не шелохнулась, когда ближе к полуночи через подоконник легко перемахнул Ианнар.

С магом мне пришлось объясняться самой. Он выслушал меня с мрачным видом, кивнул, коснулся щеки девушки невесомым поцелуем и исчез, растворившись в законной темноте.

С утра принцесса была мрачна, задумчива, но от вчерашней истерики не осталось и следа.

После завтрака явился учитель — вопреки обыкновению, без привычной папки с записями — и пустился в пространный рассказ о 'дивных странах, полных чудес'. Нимтиори не упоминал, но и без того было ясно: ему поручено мягко намекнуть принцессе, что где-то там, за горизонтом, есть страны, где тоже можно жить. Пожалуй, с этими намеками он слегка припозднился, даже если не учитывать то, что принцессе уже известно о том, какую участь ей готовят. Словом, ничего нового учитель нам не поведал, а иссякнув по истечении пары часов, торжественно попрощался, заявив, что это было последнее его занятие и он страшно горд, что ему довелось обучать саму принцессу, но его высокородная ученица умна не по годам и умудрилась в столь юном возрасте превзойти своего наставника в науках...

Нэлисса слушала эту неприкрытую лесть, едва заметно кривила губы в брезгливой гримасе, но не спорила — дождалась конца словоизвержения, вежливо поблагодарила и вышла из классной комнаты, лишь за порогом позволив себе выдохнуть и пробормотать сквозь зубы:

— Наконец-то мы избавились от этого занудного болвана!

Облегчение принцессы я полностью разделяла. Часы, проведенные в классе, мы воспринимали не иначе, как потерю времени, которое можно было бы потратить на более

приятные и полезные занятия.

Однако сейчас время шло к обеду, а после него — к ожидаемой с заметным нетерпением прогулке. И скрыть от меня это нетерпение Нэлисса не могла. Она и не стремилась.

— Что ты сказала Ианнару?

— Ничего особенного: ты получила неприятное известие, понервничала, и мне пришлось напоить тебя успокоительным. Я не знала, насколько откровенной могу с ним быть.

— Что ж, значит, я расскажу сама. Так даже лучше.

Подслушивать разговор мага и принцессы я не стала — они опять перешли на шепот, а мне не хотелось нависать над ними, лишний раз вызывая недовольство Нэлисса. Впрочем, я не тревожилась. О да, на моих глазах рождался заговор, это несомненно, но я была уверена, что мне, так или иначе, придется стать его соучастницей, и некоторые в некоторые детали меня посвятят, а об остальных — ничего не поделаешь! — придется догадываться самой.

Так что я стояла чуть в стороне и наблюдала — в основном, за лицом принцессы, потому что разгадать мага было куда труднее. Вот Нэлисса говорит сама — о том, какую партию для нее подобрали и что она сама по этому поводу думает. А в глазах уже нет ни паники, ни тоски, которые я наблюдала накануне, а есть неумолимая решимость. И смотрит принцесса на своего мага так, что он мужчиной себя чувствовать перестанет, если — вот прямо сейчас! — не придумает чего-нибудь дельного. И маг отвечает, а на лице принцессы проступает улыбка — неуверенная, робкая, но исполненная надежды. Похоже, предложение мага ей нравится, и не просто нравится, а соответствует ее собственным задумкам. Принцесса украдкой бросает взгляд на меня, и в глазах ее мелькает сомнение, пока еще не оформившееся в конкретную мысль. Сейчас она наверняка выкинет его из головы, забудет, увлеченная своими планами, но позже непременно задумается: а что делать с Тенью в той новой жизни, которую она себе намечтала?

Надеюсь, в этот момент я окажусь рядом и смогу подбросить ненавязчивую подсказку...

Вопреки моим ожиданиям, принцесса не спешила заводить со мной разговор о своих планах. Она молчала остаток дня и заговорила только следующим утром, после завтрака.

— У нас с тобой высвободилось время до самого обеда. Мар Стеумс в эти часы пока на тебя не претендует. Как ты смотришь на то, чтобы посвятить их учебе? — издали зашла.

— Чему же хочет выучиться ее высочество? — поддержала я игру.

— Например, освоить еще один язык.

— Неужели нимтиорийский?

— Не угадала! — усмехнулась Нэлисса. — Я хотела бы овладеть ругалденским.

Вот он, выбор! Выбор посоха во всех его проявлениях. Не скажу, чтобы это стало для меня неожиданностью, просто решимость принцессы одновременно обнадеживала и пугала меня. Насколько ее хватит, этой решимости? Не иссякнет ли она, когда Нэл столкнется с необходимостью действовать?

Выбор... еще не окончательный. Ничто не помешает ей изменить его, времени еще полно. Да и поняла ли она, что это был именно тот выбор?

В отличие от Нэлисса, я сразу знала, что посох — это не только странствия, но и магия, только не могла сообразить, какое отношение магия имеет к принцессе. Между тем, если бы я подумала, то могла вспомнить, что в Нимтиори обычно не коронуют жен владык. Вернее, это происходит только в каких-то особых ситуациях, и за всю известную историю этой

страны такое случалось всего трижды. Значит, венец — атрибут не самой Нэлиссы, а мужчины. Равно как и посох. Догадка забрезжила у меня, когда в нашу жизнь вторгся Ианнар. Вот тогда-то мне и пришла на ум история Нимтиори.

Впрочем, и более известному значению этого символа предстоит сыграть свою роль — путь принцесса выбрала неблизкий. Ругалденский — это ведь не только язык одного из королевств нашего континента, это еще и язык его заокеанских колоний: покуда Тауналь завоевывал соседние земли, а Нимтиори исследовала и присоединяла малонаселенные восточные территории, Ругалден тем временем покорял моря, и где-то там, по ту сторону бескрайних водных пространств, отважные мореплаватели открыли земли, сулящие немалые богатства тем, кто рискнет поселиться на них — в немыслимой дали от привычного мира. И маги были на этих землях в большой цене.

Ну и еще один резон имелся в этом — за морем принцессу и ее спутника не возьмет никакой магический поиск, даже самый мощный — на родственной крови.

Если уж искать убежище, то только там, где тебя не достанут. И если уж расставаться с прошлым, то только так, чтобы между ним и тобой пролегла пропасть...

— Не боишься?

Принцесса вздрогнула:

— Ты догадалась? Хотя... о чем это я? Ты не могла не догадаться. И — да, боюсь, — призналась девушка, — безумно боюсь. Но еще больше я боюсь сдать и предать саму себя.

— Понимаю, — я действительно понимала ее опасения — они отзывались согласием в моей душе.

— Поддержи меня, — горячо заговорила принцесса, — поддержи, и я обещаю, что постараюсь дать тебе свободу. Ты ведь об этом мечтаешь, правда?

Правда. Только сейчас ты заговорила об этом, чтобы обеспечить себе мою помощь, а главное — молчание. А скоро до тебя дойдет, что это необходимость, что там, в новой жизни, Тень будет лишней. И какой способ ты выберешь, чтобы избавиться от обузы? Вспомнишь ли о своих обещаниях?

Разумеется, ничего подобного вслух я говорить не стала.

— Да, я поддержу тебя. И буду надеяться, что ты не изменишь своего решения. Но... ты хорошо подумала? Сможешь ли ты выжить... там? Без слуг, без всех этих людей, которые делают твою жизнь легкой и приятной?

— Ианнар... он много рассказывает полезного. Я знаю теперь о жизни куда больше, чем несколько месяцев назад. Конечно, я понимаю, что все это еще очень мало, но... Ианнар обещал, что не оставит меня.

— Веришь ему?

— Очень хочу верить, — принцесса пожала плечами. — Но допускаю всякое. Я ведь не наивная дурочка... Пусть он только поможет мне выбраться. А так... в худшем случае меня все-таки выдадут замуж за Владыку Нимтиори.

О том, что это как раз не худший случай, я говорить не стала. Достаточно того, что Нэл не позволяет влюбленности окончательно затуманить свою голову. Я лишь взяла себе на заметку, что за магом стоит присматривать.

— Я рада, что ты сохранила способность здраво мыслить, — произнесла я по некотором размышлении. — Но раз ты не исключает возможности провала, то стоит, наверно, и нимтиорийский выучить. На всякий случай.

— Да... — растерянно отозвалась Нэл. — Ты права. И... спасибо.

Вот и дождалась я благодарности от принцессы...

Благодарность принцессы — субстанция эфемерная и ненадежная. Я не уставала себе об этом напоминать — всякий раз, когда эти двое замолкали при моем приближении, когда Ианнар прожигал меня полным недоверия взглядом... не меня, конечно, но то место, где я, по его мнению, находилась... и чуть выдвигался вперед, выдавая свое стремление защитить Нэл — даже от меня.

С одной стороны, это стремление не могло не радовать, оно свидетельствовало о том, что чувства мага к принцессе вполне искренние, если только он не играл столь вдохновенно, что верил собственной игре. С другой — он явно видел во мне угрозу, и мне оставалось только гадать, в чем, по его мнению, она состоит — в моей работе на Стеумса или в том, что мое существование однажды войдет в конфликт с его планами на счастливое будущее, и окончательное решение в этом конфликте принимать не ему, а принцессе. Я и сама не стремилась стать тем, кто породит непонимание между этими двумя. В конце концов, принцесса, которая готова отказаться от многих удобств ради невнятного призрака свободы, заслуживает своего счастья.

Что до планов, то в них меня не посвящали. Естественно, я представляла себе в общих чертах, что задумала эта парочка, но именно в общих. Без подробностей, которые мне предстояло додумывать самой.

Я и додумала. Понятно, что бежать из дворца в ближайшее время никто не собирался — даже если бы нам удалось выбраться, то увести принцессу достаточно далеко маг попросту не сумел бы. Только в пути, когда новоиспеченную невесту повезут к жениху, можно создать ситуацию, в которой поиски беглецов будут затруднены. Вероятно, именно на это и рассчитывали влюбленные.

Больше всего меня волновала собственная участь. Конечно, можно было обсудить все с Нэл и передать магу инструкции из заветной пробирки, но... Я доверяла Ианнару ничуть не больше, чем он мне. Даже, пожалуй, меньше — я почти не сомневалась, что он захочет от меня избавиться, и о причинах догадывалась. И подозревала, что он сможет найти для принцессы убедительные аргументы...

Правда, до сих пор я не предоставляла ему такой возможности. Мне, увы, пришлось затолкать поглубже собственную тактичность и постоянно быть настолько близко, чтобы у мага не возникло даже желания завести разговор о том, что он хотел бы от меня скрыть. Доверить свои мысли бумаге он тоже не мог — не только потому, что я могла обнаружить и прочитать послание. Просто он уже неплохо знал свою возлюбленную — убедить принцессу в чем-либо, что она считает неправильным или к чему она не готова, можно было только лично.

Между тем, время шло — уже минула осень, и унылая, дождливая таунальская зима сделала прогулки в парке достаточно неприятными. Возможностей для встреч у влюбленных стало куда меньше — если в парке маг имел возможность появляться под отводом глаз, то в личные покои принцессы среди бела дня проникнуть не так просто, для этого нужны законные основания.

Уж не знаю, какие аргументы привел Ианнар мару Стеумсу, но ему позволили навещать принцессу. Нет, не в личных покоях, разумеется, а в классной комнате, чтобы развлекать ее скучающее высочество чтением книг и магическими фокусами. И исключительно в моем присутствии.

Мне же хотелось, чтобы они однажды поверили, что остались наедине и наконец заговорили откровенно. Казалось бы, чего проще — сделать вид, что я ухожу, и тут же вернуться в теневой форме — незримо, неосязаемо. И подслушать.

Можно. Но на самом деле все складывается из множества мелочей, которые надо учесть, чтобы тебе поверили. Вот, например, если дверь в комнату закрыта, то было бы странно, оставь я ее открытой, 'уходя'. А чтобы закрыть дверь изнутри, придется вернуться в материальное состояние, и тогда есть опасность быть замеченной. На мою беду, маг всегда аккуратно закрывал за собой дверь классной комнаты — не иначе как подозревал, что я могу пойти на хитрость.

Условия для хитрости я пыталась поймать несколько недель. Разумеется, я их не только ловила, но и создавала.

Обычно в класс я заходила первой, потом маг учтиво придерживал дверь для принцессы и только после этого переступал порог. Но в этот раз руки у него были заняты подносом с чаем и пирожными, которые принцесса потребовала весьма не вовремя после пары оброненных мною фраз, вызвавших нужные ассоциации. И Нэлиссе я отвлекла при входе, потому дверь она за собой так и не закрыла.

И только когда эти двое расположились со сладостями за столом, я шепнула Нэл, что покину ее ненадолго, выскользнула в коридор, хлопнула дверью гостиной, словно удалилась именно туда, и тут же вернулась. Тенью.

Конечно, они не сразу поверили. Нэл даже окликнула меня, но я благоразумно не отозвалась. Ианнар встал, закрыл дверь и все равно заговорил шепотом. Наивный — теперь я нависала буквально над их головами, готовая не пропустить ни слова!

— Я хотел сказать тебе кое-что...

— О Тени, — закончила за него принцесса.

— Откуда...

— Я же не слепая, — фыркнула Нэлисса, — я давно заметила, что ты хочешь поговорить со мной наедине.

— Да... Ты права. И полагаю, тебе не очень приятно будет услышать то, что я тебе скажу...

— Да говори же! — поторопила принцесса.

— Сам побег устроить будет нетрудно, я уже все продумал. И обнаружат его не сразу, но все же нам потребуется немало времени, чтобы добраться в ближайший ругалденский порт. И хорошо если удастся подгадать к отплытию корабля, но не исключено, что придется подождать. Все это время я смогу прикрывать от магического поиска себя и тебя. Но не троих.

— Тень надо отпустить! — заявила Нэл.

— Легко сказать... — пробормотал маг. — Я перерыл уйму книг — и ни слова не нашел о том, как освобождают теней. Склоняюсь, к мысли, что это невозможно.

— Мне кажется, что Тень знает способ. Она не говорила прямо, но давала понять.

Эти слова вызывали у меня законную гордость — и собой, что умудрилась донести эту мысль до принцессы одними намеками, и принцессой, которая мысль поймала и усвоила.

— Видишь ли, в чем дело... я ей не доверяю.

— Она до сих пор не выдала нас! — возразила Нэлисса.

— Но если ее найдут прежде, чем мы покинем землю, она не сможет молчать. Поверь мне, у мара Стеумса служат искуснейшие палачи, которые способны разговорить кого

угодно. Единственная гарантия молчания Тени — ее смерть.

— Ты так просто об этом говоришь...

— Что-ты, меня самого пугает такой выход, но... это неизбежность.

Принцесса вздохнула. Что она скажет сейчас? Решится ли переступить через мою жизнь?

— Я... не хочу даже думать об этом, — буркнула девушка. — Найди другой выход.

Теперь вздохнул маг. Тяжко.

Я тоже вздохнула, но с облегчением. Все же отрадно сознавать, что принцесса не считает мою жизнь пустяком, которым можно пренебречь. Не стоит, правда, забывать о том, что у мага еще немало времени в запасе, чтобы убедить возлюбленную. А убеждать он умеет. Нэл ведь и сегодня... колебалась.

О ритуале освобождения Нэл со мной не заговаривала, но я чувствовала, что она уже готова к такому разговору, просто ждет подходящего момента. Я же таких моментов всячески избегала — что-то там внутри подстегивало меня срываться с места, едва почуяв их приближение.

Я не спешила. Никогда не поздно сообщить принцессе, что способ есть, и торжественно вручить магу склянку с записями Бьярты. Но как бы обезопасить себя при этом? Несомненно, я могу защитить себя или просто спрятаться до ритуала или после него, но, увы, не во время. В течение ритуала я буду находиться в полной власти мага, который жаждет от меня избавиться. И что ему стоит внести небольшие изменения, добавить пару дополнительных слов в формулу или пару капель незнакомой мне отравы в алхимический состав, а потом со скорбной миной сообщить принцессе, что бедняжка Тень освобождения не пережила?

Нет, я лучше подожду — может, жизнь подкинет мне какую-нибудь лазейку, а я уж сумею ей воспользоваться.

Как ни странно, лазейку мне подкинул мар Стеумс.

Я уже давно освоилась в роли его агента по особым поручениям, а иной раз и поручений не дожидалась — мой дар, позволявший мне оказываться в нужном месте в нужное время ни разу меня не подводил. Вот и в тот вечер я решила прислушаться к навязчивому желанию нанести визит главе Тайной Канцелярии. И не ошиблась.

Мар Стеумс сидел в своем кабинете. На первый взгляд, он сосредоточенно перебирал бумажки на столе, на самом же деле мыслями был явно далек от этого занятия — настолько, что даже мое появление не сразу вырвало его из раздумий. Но все-таки Стеумс соизволил заметить, что он больше не один:

— Тень? Заходи, присаживайся. Я как раз думал о тебе.

— Вот как? — с живейшим интересом откликнулась я. — И в связи с чем?

— Размышлял, что мне никак не хочется потерять такого удобного агента.

Я попыталась прикинуться дурочкой:

— С чего вы взяли, что вам грозит такая потеря?

Стеумс усмехнулся:

— Только не говори, что ты не в курсе скорого замужества принцессы. И ты наверняка понимаешь, что тебе придется ее сопровождать.

— Сопровождать — несомненно, — я не стала настаивать на своем неведении, — но оставаться с ней — вовсе не обязательно. Я даже полагаю, что Владыка Нимтиори не будет счастлив от мысли, что в его супружеской спальне... ну, пусть не прямо в ней, но где-то

поблизости постоянно присутствует постороннее лицо.

— Да уж, — хмыкнул глава Тайной Канцелярии, — я бы тоже не обрадовался. Однако это не меняет дела — ты ведь привязана к принцессе ритуалом и не можешь от нее удалиться.

— Что привязано, то можно и отвязать, — неопределенно ответила я.

— Ты знаешь способ? — напрягся Стеумс.

— Скажем так, у меня есть возможность его узнать.

— И что для этого нужно?

— Полагаю, маг, который проведет ритуал. И, возможно, некий алхимический состав.

— Маг у меня есть.

'У тебя, как же! У самого себя он есть!' — мысленно хмыкнула я, а вслух сказала:

— Если вы имеете в виду Ианнара, то... он относится ко мне с неприязнью.

— Тому есть причины?

— Ну как сказать... Он никак не может мне простить, что во время покушения на принцессу с вражеским магом справилась именно я, — угу, и поди докажи, что это не истинная причина. — Причем неприязнь его настолько явная, что я боюсь доверить ему проведение ритуала.

Я напряглась: тонкий лед, не перехитрить бы саму себя.

— Хм... Можно попробовать подыскать другого мага, но... Эти господа не слишком охотно работают на тайные службы. И никогда не знаешь, чего от них можно ожидать.

— Зачем же другого? У вас уже есть этот. Вам достаточно будет взять с него клятву, что он проведет ритуал без малейших изменений и не станет покушаться на мою жизнь.

Я бы с радостью предложила более развернуто сформулированную клятву, чтобы обезопасить себя со всех сторон, но тогда мар Стеумс мог что-нибудь заподозрил, а так он обратил внимание совсем на другое:

— Почему бы тебе самой не взять с него клятву?

— Привязанная Тень не может ни давать, ни принимать клятвы, потому что они означают создание новых связей. Любая клятва в моем случае будет недействительной. Вы этого не знали?

— Не подумал. А следовало бы догадаться... Жаль, я сам собирался взять с тебя клятву, что ты вернешься после освобождения. Придется прибегнуть к другому способу.

— К какому же? — я снова напряглась.

— Ты дашь мне несколько капель своей крови. Добровольно. Чтобы я мог найти тебя при желании.

Да, именно этого я и ожидала. И опасалась того же. Но... так у меня появится хоть крохотный шанс на свободу и жизнь. В крайнем случае, могу и я сбежать за океан. Хотя мне этого очень не хотелось — почему я была уверена, что судьба ждет меня на этой стороне.

— Дам, куда я денусь...

Стоило, конечно, хотя бы для виду обговорить условия будущего сотрудничества, но да ладно... Пусть пока думает, что я готова совершать подвиги за стол и ночлег. В конце концов, чего еще можно ждать от девчонки, которая совсем не знает жизни?..

Гладкий пузырек в моем поясе наконец-то дождался своего часа. В нем я нашла два свернутых в трубочку листка. На одном было подробное описание ритуала, на другом — рецепт состава, которым полагалось наносить знаки на тело — на загривок и запястья. Оригинал я решила оставить себе, а для Стеумса переписала все до последнего знака — тоже

на двух листках. И вручила их главе Тайной Канцелярии с настоятельной просьбой озадачить изготовлением зелья не дворцового алхимика, а кого-нибудь в городе. Во избежание. В ответ получила взгляд в духе 'и без тебя догадался бы', но результат разговора меня вполне удовлетворил: состав изготовят в городе и отдадут именно мне, а я уже передам его принцессе непосредственно перед ритуалом. Переговоры с принцессой я взяла на себя: мол, девушка хорошо ко мне относится, но ее раздражает моя постоянная опека, так что она только рада будет от меня освободиться, когда представится возможность.

Нэл и впрямь была рада, даже спрашивать не стала, почему я решила действовать через мара Стеумса, а не вручила записи непосредственно Ианнару. Зато неприязнь ко мне последнего с принесением клятвы сильно возросла, и мне оставалось только радоваться, что взгляды сами по себе не убивают. Даже видимых врагов, не говоря уж обо мне. Впрочем, маг был опасен не только взглядами.

Все чаще я вынуждена была оставлять его наедине с принцессой, поскольку мар Стеумс взял с некоторых пор в привычку выдергивать меня в любое время суток, словно бы уже примерял на меня роль безотказного агента. А у меня и в самом деле не было убедительных причин для отказа — Стеумс знал, что принцесса в обществе мага в безопасности, а если что и случится, то я мгновенно перемещусь к ней.

Я, конечно, была права в своих опасениях. Об этом свидетельствовал обрывок разговора, который я услышала, вернувшись с очередного неурочного вызова.

— ...Придется, милая, придется. Иначе у нас не будет и шанса.

— Почему ты не сделаешь это сам?

— Не могу, связан клятвой.

Больше ничего сказано не было — принцесса заметила мое появление и подала Ианнару знак. Чуть позже, чем следовало. Маг вышел, а мы остались вдвоем.

— Ты ничего не хочешь мне сказать, Нэл?

— Хочу. Но не могу.

— Клятва?

Принцесса промолчала, но мне и не нужны были слова. Понятно, что маг не изменил своих намерений, но теперь хочет устранить меня руками Нэлиссы, предварительно лишив ее возможности рассказать обо всем мне. Зря он так. Нэл не простит ему этой ловушки. Не любит принцесса, когда на нее давят. Впрочем, из этого не следует, что она не сделает то, чего он от нее добивается. Смотря что она сочтет для себя правильным. Но магу это в любом случае аукнется.

В светлой гостиной принцессы было непривычнолюдно — вокруг Нэлиссы, застывшей в явно неудобной позе с приподнятыми руками, суетились камеристка и придворная портниха с помощницами. Платье было, разумеется, готово, но мастерица считала своим долгом убедиться, что это произведение искусства будет сидеть на ее высочестве безупречно, складки лягут, как положено, а искрящаяся ткань будет струиться, выгодно подчеркивая точеную фигуру.

Нэл взирала на всю эту суету совершенно бесстрастно, на ее лице не было заметно ни тени волнения, словно и не ей сегодня предстояла магическая помолвка с Владыкой Нимтиори.

Она вообще сильно изменилась за последние месяцы. Я этого не замечала до сих пор, но вот теперь осознала — передо мной стоит не девчонка, а взрослая женщина, даром, что

ей еще семнадцать нет. И она твердо знает, чего хочет от этой жизни. И готова платить за это высокую цену.

За осень и зиму принцесса выучилась бойко трещать по-ругалденски, худо-бедно овладела нимтиорийским, самостоятельно провела долгие часы над книгами, чтобы разобраться в ведении счетов и управлении хозяйством. Конечно, без практики подобные знания теряют значительную часть своей ценности, но практика — дело наживное. А еще в середине зимы она неожиданно объявила, что желает учиться шить. Каприз принцессы был удовлетворен: к ней стала приходиться старшая помощница придворной портнихи. Смешно верить, что за пару месяцев можно овладеть ремеслом, но принцесса к этому и не стремилась. Главное, Нэл научилась держать в руках иглу, и к тем платьям и костюмам, которые заказал в городе по ее меркам Ианнар, она собственноручно (по секрету от мага) пришила потайные карманы, в которых припрятала монеты разного достоинства и украшения попроще. Тайный гардероб принцессы был уложен в мои сундуки, чтобы не попался никому на глаза.

Собственными деньгами ее высочество обзавелась не без моей помощи — у невидимой Тени есть масса преимуществ перед обычными ворами. И совесть меня несколько не мучила — не последнее у бедняков забирала, а паслась в игровых гостиных, оправдывая себя тем, что эти деньги, которым можно найти лучшее применение, все равно будут спущены за карточным столом. Словом, восстанавливала справедливость. Часть добычи шла в общую копилку принцессы и мага, остальное Нэл припрятывала только для себя. Предлагала и со мной поделиться, но я отказалась. Отнюдь не из благородных побуждений, просто я уже требовала с мара Стеумса некоторую сумму на дорожные расходы — на обратный путь, разумеется. Мар Стеумс, правда, намекнул, что с моими талантами я могла бы не заботиться об оплате пропитания, но я демонстративно возмутилась: мол, предпочитаю заплатить, даже если меня не видят. И ни словом не солгала, кстати.

Мои отношения с принцессой опять неумовимо изменились. Теперь я старалась щадить ее, не задевая болезненные темы, избегая в наших беседах касаться личности ее возлюбленного даже намеками. Она, связанная клятвой, тоже вынуждена была играть. Много молчала и внимательно слушала. Я надеялась, что и понимала она тоже немало — даже то, о чем я не говорила напрямую.

Всплакнула Нэл за все это время лишь однажды — когда ей официально объявили о предстоящей помолвке. Словно она до последнего момента надеялась, что обойдется...

Возня вокруг принцессы наконец-то закончилась, портниха и камеристка воззрились на нее с восторженным аханьем, а затем удалились с поклонами — к приходу его величества, который должен был лично отвести дочь в храм, невесте полагалось остаться одной. Не считая меня, разумеется. Но кто же будет учитывать присутствие Тени?

В храм, расположенный под дворцом, я попала впервые. Пространство его делилось на внутренний круг, по периметру которого располагались статуи богов, и внешний, заполненный гостями.

Поглазеть на помолвку принцессы собрались все придворные. Под полными жадного любопытства взглядами Уйгар II провел дочь к центру круга, где оставил наедине с нимтиорийским магом.

Я признаться, тоже была полна любопытства — о том, как проходит заочная магическая помолвка, у меня не было ни малейшего представления.

Ритуал оказался на удивление простым. Маг — пожилой мужчина в белой мантии —

извлек из перекинутой через плечо сумки узорчатую ленту и поднял ее высоко над головой, возгласив:

— Гириаз Владыки Нимтиори!

Что такое гириаз, я знала из книг по магии — предмет, чаще из нитей, в структуру которого на этапе создания вплетена энергия владельца и заложена определенная задача. Гириады не были одноразовыми, одно и то же действие с их помощью можно было повторять многократно. Другое дело, что именно этот годился лишь для сегодняшнего ритуала — ведь нельзя же заключить помолвку Владыки с одной и той же девушкой больше одного раза.

Маг обвил руку Нэлиссы лентой и запел-забормотал слова связующей формулы. Потом резким движением сдернул гириаз и небрежно засунул обратно в сумку. Все действие заняло от силы две-три минуты. Для меня оно продлилось чуть дольше — я была единственным посторонним лицом, оказавшимся достаточно близко, чтобы увидеть, как проступает на запястье невесты причудливая вязь, повторяющая узор гириада.

Интересно, что Ианнар будет с этим делать? Ведь совершенный ритуал не позволит принцессе заключить брак с другим мужчиной. Или маг вовсе и не собирается жениться на ней?

Я обернулась, выискивая взглядом Ианнара. Тот смотрел неотрывно на нимтиорийского мага, беззвучно произнося какие-то слова и шевеля пальцами. Потом он сделал неуловимое движение рукой, словно хватал что-то из воздуха, и в его зажатом кулаке, прежде чем исчезнуть в глубоком кармане, мелькнул гириаз. Ловко — покуда маг стоит в ритуальном круге, он чувствует только магию, направленную непосредственно на него, а эта коснулась лишь предмета. Вот только зачем Ианнару этот предмет? Неужели он знает способ обратить вспять ритуал помолвки?

Однако принцесса молчала об этом, а я тоже не спешила задавать свои вопросы. Я вообще в последнее время все больше чувствовала склонность плыть по течению... не то чтобы расслабленно, но и не напрягаясь излишне, предоставив событиям идти своим чередом. Когда настанет пора действовать, я непременно почувствую это.

Между тем, подготовка к нашему отъезду шла полным ходом. По традиции, невеста должна отбывать к жениху лишь с собственной свитой, и нам, заговорщикам, эта традиция была только на руку — куда легче обвести вокруг пальца гвардейцев-охранников и придворных дам, чем нимтиорийского мага, который, к счастью, отбыл восвояси сразу после ритуала.

А сам отъезд оказался таким будничным, словно и не происходило ничего особенного. Ну подумаешь, принцессу замуж выдают, единственную выжившую дочь их величества в чужие края провожают! Уезжает — и ладно.

Дюжина верховых гвардейцев, три кареты — две для придворных дам и камеристок, одну принцесса пожелала оставить в единоличном пользовании, отказавшись делить ее с попутчицами. Кроме меня, конечно. И — маг. Тоже верхом — в седле как влитой держится и... красивый. Гордый профиль, русые волосы волной ложатся на плечи, серые глаза то и дело выискивают взглядом принцессу — но это только я замечаю да сама Нэлисса. Для всех остальных Ианнар — тоже охрана. Магическая. И по сторонам он посматривает, готовясь уже теперь выполнять возложенную на его плечи задачу.

Я волновалась. О том, на каком этапе пути запланирован побег, мне ничего не говорили. По настоянию мага, не иначе. А потому я решила, что надо быть готовой в любой

момент.

В первый день пути я еще глазела с любопытством в окошко кареты — после почти двух лет затворнической жизни во дворце мир вокруг казался ослепительно новым, наполненным яркими красками и звуками, и вызывал восторженную эйфорию.

Но бессонная ночь на постоялом дворе, когда я ворочалась с боку на бок, не в силах справиться с обилием дневных впечатлений, привела меня в чувство. Эмоции улеглись, здравый смысл вернулся, а мой режим дня сменился на прямо противоположный привычному: днем я большей частью дремала в карете, во сне прислушиваясь к звукам окружающего мира, а ночью, если и не бодрствовала, то спала вполглаза в ожидании неведомой опасности. Как ни странно, усталости я не чувствовала, тело и разум послушно согласились с новым образом жизни.

Неделя пути привела нас к трактуру на перепутье: центральный тракт отсюда продолжал стремиться на север, а дорога, по которой должен был двигаться наш кортеж, уходила на восток. Еще одно ответвление вело на северо-запад, через Илмайю в Ругалден. Впрочем, с Ругалденом у Тауналя имелась и общая граница, но значительно севернее.

Что-то мне подсказывало, что именно на этом разветвлении путей моя жизнь должна измениться. Собственно, это было как раз понятно — если эти двое намерены пробираться на запад, то лучше места не придумаешь: когда побег обнаружат, то нас попробуют, вероятно, искать собственными силами, а связаться с дворцом без мага с его амулетами быстро не получится, для этого нашим спутникам придется сначала добраться до ближайшего города, а это минимум день пути. Либо отправить сообщение голубиной почтой, но голуби, даже зачарованные, летят не слишком быстро.

Я все еще беспокоилась, но чувствовала себя готовой к любому исходу. Отоспавшись за день в карете, я плотно поела — ужин нам принесли в комнату — и уселась в жесткое кресло, прикрыв глаза и сквозь ресницы наблюдая за принцессой.

Нэл сидела за столом и что-то писала на листе бумаги, прикрываясь от меня левой рукой. Напрасно: во-первых, мне с моего места все равно ничего было не видно, а во-вторых, я и не пыталась смотреть, потому что была уверена, что пишет принцесса для меня и рано или поздно я прочту ее послание.

Между тем, я сама не заметила, как то ли задремала, то ли погрузилась в некое подобие транса, сопровождавшегося видениями.

... Женщина сидела за столом и быстро-быстро строчила что-то в тетради. Потом прерывалась, в задумчивости прикусывая кончик пера, и снова начинала писать. Я не видела лица женщины, но не сомневалась, что узнаю ее, если она обернется. У нее будет лицо Нэлиссы — не сегодняшней, но более взрослой и... усталой. Но все еще уверенной в себе и своем выборе, несмотря на трудности. И еще я знала, что записи в той тетради тоже предназначены для меня. Письма, которые никогда не будут отправлены. И я подумала, что все равно очень хотела бы их прочитать. И попросила об этом. И даже получила ответ — словно толчок мысленный — согласие. Мол, получишь желаемое, если только из множества путей в одной из узловых точек будет выбран именно тот, на котором послания будут существовать...

От этого толчка я пробудилась. В комнате было теперь совершенно темно, Нэлисса чуть слышно посапывала в постели, и было понятно, что спит она давно и время, скорее всего, уже близится к утру. Словно в ответ на эти мои мысли дверь скрипнула, и на пороге появился Ианнар.

— Пора, — сказал он.

Принцесса проснулась мгновенно, будто только и ждала этого слова, и уже четверть часа спустя мы, поеживаясь от предутреннего холода, наблюдали, как сноровисто маг закладывает карету, будто всю жизнь только этим и занимался.

— Где все? — рискнула спросить я, в глубине души опасаясь услышать ответ.

Напрасно опасалась, как выяснилось.

— Спят, — буркнул Ианнар, — и проспят еще не меньше суток.

— Если придут новые путники, спящий постоялый двор вызовет у них подозрения.

— За дурака-то меня не держи. Хозяева и работники уже через час-другой проснутся, на них я чары послабее наложил. А что гости очень устали и намерены отдышать еще долго, перед сном предупредил.

Поколдовав над каретой, маг прикрыл наше средство передвижения иллюзией — теперь экипаж выглядел попроще, королевские гербы, украшавшие дверцы, исчезли, а лошадки сменили масть с насыщенно гнедой на невзрачную пегую.

Мы с Нэлиссой забрались в карету, маг уселся на козлы — правил он тоже вполне умело.

'Пожалуй, — подумалось мне, — он мог бы стать надежной поддержкой для принцессы в ее новой жизни. Если только ему действительно нужна она сама, а не что-то другое, о чем я даже не догадываюсь'.

От перекрестья мы, как и ожидалось, направились к северо-западу. Путь был на удивление безлюдным. Впрочем, оно и понятно, недели не прошло, как дороги окончательно подсохли после весенней распутицы, а торговцы предпочитают еще и выждать некоторое время для пущей уверенности.

Остановились мы за пару часов до заката. Маг заставил лошадей сойти с дороги и протащить карету по спутанным прошлогодним травам к самой кромке леса.

Я спрыгнула с подножки, отошла к деревьям и остановилась, потягиваясь.

— Тень! — окликнула меня принцесса. — Пора! Сейчас будет... ритуал, — голос Нэлиссы чуть дрогнул.

— Здесь? — лениво отозвалась я. — Почему было не заняться этим прошлой ночью на постоялом дворе?

— Ианнар сказал — чтобы не оставлять магических следов.

Угу, а еще не оставлять таких следов преступления, как дурно пахнущие, хоть и невидимые трупы.

Я слышала шаги принцессы и, не оглядываясь, протянула ей сосуд с алхимическим зельем. Нэлисса замерла у меня за спиной. Легкий ветерок пощекотал мои ноздри знакомым запахом. Илхас. Умница принцесса — слышать не сказанное, а потом и ответить, не говоря ни слова.

Еще шаг. Нэл приблизилась ко мне вплотную. Напоенное ядом лезвие коснулось кожи. Ну же! Давай, принцесса!

Часть III. ЖИЗНЬ В ТЕНИ

Наверно, чтобы началась новая жизнь, сначала должна закончиться прежняя. Это закономерно.

Я лежала на земле, не в силах шевельнуть даже пальцем. Это илхас — яд магической

составляющей. Так он действует: человек перестает чувствовать свое тело, подступает паника, путаются мысли... От него нет противоядия. К нему невозможно приучить сызмальства, как приучали меня к другим ядам. Но — благодарение Бьярте — я умею нейтрализовать действие этой дряни изнутри. Принцесса об этом знала. Маг, судя по всему, нет.

Аккуратно, как учила меня наставница, я разделила сознание. Часть меня погрузилась в мир крохотных частиц, из которых состояло мое тело, и сосредоточилась на его исцелении. Другая обратилась к миру внешнему.

Голоса извне доносились как сквозь туман:

— Что ты делаешь?

— Избавляю тебя от метки сумеречного Владыки.

— Я не думала...

— Что это возможно? Как правило, нет. Но пока вы с Тенью связаны, я могу перенести метку на нее.

— Я не думала, что ты вообще станешь это делать. Зачем?

— Затем, чтобы иметь возможность на тебе жениться. Ругалденцы, знаешь ли, весьма консервативны. Они признают разводы, но сожителство мужчины и женщины, не освященное законным браком, для них недопустимо. Мы собираемся жить среди этих людей. По их правилам. А теперь помолчи немного — у нас не так много времени, а нужно еще и ритуал освобождения провести.

Да, маг рассчитал все точно — от илхаса не умирают сразу, час на то, чтобы выполнить условия клятвы, он предусмотрел. Не учел только, что принцесса повернет все по-своему.

Прикосновений я не чувствовала, только слышала бормотание мага, произносившего формулу... нет, не связывания — что-то звучало не так. Да и не должно было — сейчас он не связывал, а переносил уже существующую связь. У меня не хватало сил удивляться его изобретательности.

На какое-то время наступила тишина, а потом меня грубо перевернули на живот. Я все еще не могла управлять своим телом и лежала теперь щекой в грязи, пялясь широко раскрытыми глазами на пук пожухлой травы, торчавший у меня перед носом.

Маг медлил — возможно, перечитывал еще раз порядок проведения ритуала или просто собирался с силами — все же ему пришлось сегодня изрядно поколдовать, сперва усыпляя людей на постоялом дворе, а потом в течение целого дня удерживая иллюзию на карете и лошадях.

А мне хотелось, чтобы все закончилось побыстрее — удерживать разделение сознания было трудно, слишком давно я не практиковалась. Еще я чувствовала нетерпение и страх принцессы. И странно было сознавать, что нашему с ней совместному существованию счет пошел уже на минуты. Еще немного — и ее состояние перестанет быть для меня открытой книгой.

— Начали, — скомандовал маг самому себе.

Я могла бы и не вслушиваться в произносимые им формулы — провести ритуал по всем правилам было в его собственных интересах. Но все равно я напряженно внимала каждому слову. Просто потому, что здесь и сейчас вершилось важнейшее для меня таинство — обретение свободы. И пусть я лежу абсолютно беспомощная, не в состоянии сделать ни шагу, кто-то другой, желающий мне не свободы, но смерти, вынужден сделать этот шаг за меня.

— Всё, — выдохнул наконец Ианнар.

— Всё? — эхом отозвалась принцесса. Как ни странно, никаких изменений я не почувствовала. Знала, что все прошло как надо, но мне этого было мало.

— Я её... больше не вижу, — неожиданно всхлипнула Нэл.

— Так и должно быть. Идем. Нам надо убраться отсюда подальше.

— Сейчас... Ещё минутку.

Чувствительность еще не полностью вернулась к моему телу, но не заметить действий Нэлиссы я не могла. Нэл перевернула меня на бок — на большее ей не хватило сил — и, откинув полу куртки, сунула что-то мне за пазуху.

— Потом прочитаешь, — шепнула она.

Подать принцессе знак, что она услышана, я была не в состоянии. Нэл вздохнула и отступила.

Шаги, приглушенные голоса, треск кустов, скрип, а затем перестук копыт, постепенно стихающий вдали, — вот последнее, что я слышала, прежде чем окончательно отключиться от внешней действительности и полностью сосредоточиться на самоисцелении.

Сколько прошло времени, я не знала, но к тому моменту, когда я смогла прийти в чувство и заставить себя подняться с холодной земли, темная ночь успела вступить в свои права.

Я нащупала послание принцессы за пазухой и усмехнулась: было бы интересно прочитать его прямо сейчас, но, увы, до утра это невозможно — я не маг, нет у меня дара ночного зрения, в темноте я ориентируюсь немногим лучше обычных людей.

А прямо сейчас мне следовало убраться подальше от дороги подыскать подходящее дерево, на котором можно расположиться относительно удобно — провести остаток ночи на земле мне не улыбалось.

Я сделала первый шаг в глубь леса и только в этот момент на меня снизошло осознание: я все-таки свободна! Принцесса уже далеко, и расстояние между нами давно превысило длину поводка.

Новая жизнь. Как и две предыдущие, она началась для меня с ритуала. Было в этом что-то особое, значимое, но сил трезво мыслить не хватало, и я бездумно брела по ночному лесу в поисках временного пристанища...

Первое утро новой жизни застало меня на дереве. Все тело затекло от неудобной позы, руки были ободраны и испачканы, но моей радости это не умалило. Я спустилась вниз и попробовала оценить свое состояние. С телом все было в порядке, даже небольшая рана на бедре, куда пришелся удар отравленного кинжала, уже затянулась, остался лишь тонкий шрам да прореха на штанах. Вот с одеждой — беда, все мои вещи остались в карете, как и оружие, не считая метательных ножей на поясе. Еще при мне был запас Бьяртиных зелий, кошелек с монетами и... всё. О том, чего мне еще не хватало для вступления в новую жизнь, напомнил голодным урчанием желудок.

Да уж, у жизни в подчинении есть свои преимущества — рабов хотя бы кормят. Я же в последний раз ела еще в пути, из тех припасов, что мы с принцессой прихватили на кухне постоянного двора.

Что ж, теперь мне предстояло учиться самой решать вопросы пропитания. Вот только как? Ни грибов, ни ягод в весеннем лесу не найти. Охотиться я не умела, да и метательные ножи — не самое подходящее для охоты оружие. Проще всего было раздобыть пищу у людей, но где эти люди?

Географию Тауналя я знала и неплохо представляла себе, где сейчас нахожусь, но на картах обычно обозначены только города, и до ближайшего из них, это я точно знала, было ой как далеко. А на деревню я могла наткнуться только случайно.

Поразмыслив, я взяла направление на восток: если принцесса с магом отправились в Ругалден, с моей стороны было бы разумно идти в другую сторону — чем дальше я от них, тем меньше шансов, что их поймают. Я не жалела мага, который готов был переступить через мою жизнь ради собственной безопасности, но Нэл... Нэл — это совсем другое дело.

День прошел в утомительной ходьбе под раздражающее подвывание голодного живота, не позволявшего мне останавливаться, но к вечеру я неожиданно вышла к селению — небольшой деревушке, всего-то на полтора десятка дворов. Еще не стемнело, но все двери и окна были наглухо закрыты, ни одного человека снаружи, вслед за которым можно было бы незаметно проникнуть в дом. И только собаки лениво брехали из-за заборов, чуя чужака — я шла по улице, совершенно не таясь.

Гм... Собаки? А ведь это выход! Не долго думая, я выбрала один из дворов и перемахнула через забор. Огромная лохматая псина вскочила, заливаясь лаем, но не нападая — я дала ей себя почуять, но тут же перешла в теневую форму.

Мой расчет оказался верным: дверь дома заскрипела, отворяясь, и на пороге появился мужик — не менее огромный и лохматый, чем собака.

— Ну чо? — пробасил хозяин. — Чо ты брешешь, разбойник? Нет же никого!

Мужик спустился с крыльца, беспрестанно озираясь. Воспользовавшись тем, что дверь он оставил открытой, я нырнула в блаженное тепло избы.

Женщина средних лет сидела на лавке и разбирала спутанные комки шерсти при скудном свете копящей свечи. Моего появления она не заметила, равно как и хозяин, вернувшийся в дом после переговоров с собакой.

В избе пахло съестным — не изысками дворцовой кухни, конечно, и не добротной трапезой хорошего постоянного двора, но чем-то способным утолить мой зверский голод, — и многострадальный живот в очередной раз громогласно взвыл. Мне оставалось только порадоваться, что этих звуков никто кроме меня не мог слышать, потому что поесть прямо сейчас не было никакой возможности — надо было дожидаться, пока хозяева улягутся спать. Несомненно, я могла бы сделать все беззвучно, но нетрудно предугадать реакцию людей, если на их глазах сама собой поднимется крышка над чугуном или начнут исчезать олады из миски, а привлекать к себе внимание было глупо.

Я скорчилась с угла около теплой печки и, придремывая вполглаза, ждала своего часа. Наконец хозяева утомонились, задули свечи, и в доме наступила тишина. Впрочем, очень ненадолго — до того момента, когда ее разорвал мощный храп. Я, уже примериваясь к густой похлебке, порядком остывшей, но наверняка настолько сытной, что можно было закрыть глаза на мелкие недостатки, испуганно присела, не сразу сообразив, что это за звуки. И рассмеялась тихо: надо же, женщины годами делят спальни с мужьями-храпунами, а мне до сих пор везло — я о таком ужасе только в книжках читала. Принцесса спала тихо, маг тоже, если и засыпал в нашей спальне, никаких лишних звуков не издавал.

Храп придал мне смелости: под такую музыку можно было не беспокоиться, что моя возня кого-нибудь разбудит.

Утолив первый голод и напихав в найденный здесь же, на лавке, заплечный мешок всякой снеди, я собралась уж было уходить, но в замешательстве остановилась на пороге: а стоит ли? Когда мне еще представится возможность провести ночь пусть не в комфортных

условиях, но под крышей и в тепле? Вздохнула. Обернулась. И все-таки решилась — оставила дверь в покое и устроилась все под той же широкой лавкой в обнимку со своей добычей.

Разбудили меня непривычные уху звуки — бряцание кухонной утвари, потрескивание дров в печи, скрежет закрывающейся заслонки... И запахи. Дивные запахи, заставлявшие мое нутро трепетать в предвкушении. Я насилу дождалась, пока хозяева позавтракают и выйдут на двор, чтобы прибрать к рукам остатки их утренней трапезы и стремительно покинуть избу — толкаться здесь и дальше не было никакого смысла.

Лишь устроившись на развилке дерева в ближайшем леске, я спокойно поела и была готова обдумывать свое дальнейшее житье. Начать решила с письма принцессы. Все это время я старалась о нем не думать — то было слишком темно, чтобы читать, потом меня подгонял голод. Но теперь мне ничто не могло помешать. Не без трепета я достала из-за пазухи смявшийся листок, исписанный аккуратным почерком:

'Знаешь, Тень, я никогда не писала писем — до сих пор было некому. И я не знаю, какими словами обратиться к тебе. Но на самом деле все это неважно. Главное, если ты читаешь это письмо, значит, у нас все получилось, мы правильно поняли друг друга.'

Я очень боюсь — что не смогу убедительно лгать Ианнару или что ты не сможешь справиться с ядом. Но стараюсь верить.

И мне жаль, что я не могу поступить иначе. Я просто не готова ссориться с Ианнаром, без него я не справлюсь, не выживу в этом мире, и если Иан отвернется от меня, то мне не останется ничего другого, как только явиться с повинной к своему жениху и надеяться, что он меня примет.

Ты не думай, на самом деле я не сомневаюсь в любви Иана. Просто, кроме любви, у него живет в сердце что-то еще, о чем он умалчивает. И отсюда — и надрыв его, и боль, и жестокость. Я не лезу в его тайны, но вижу, что он ходит по краю пропасти, и боюсь, что мы пострадаем оба, если он сорвется. Я только надеюсь, что он доверится мне когда-нибудь и примет мою помощь. Не будь в нем этой боли, я едва ли смогла бы простить ему то, что он хочет заставить меня сделать.

Но хватит о личном.

Наверняка ты догадалась, что мы будем пробираться в Ругалден, а оттуда — в Новые земли. Надеюсь, мы успеем пересечь границу, прежде чем нас начнут искать всерьез.

Куда отправишься ты, я намеренно не спрашивала. Не хочу знать, чтобы не выдать, если нас все-таки поймут. Но советую тебе как можно быстрее покинуть страну.

И прошу только об одном: помни меня. Помни и, если умеешь, моли богов, чтобы уберегли нас от непоправимых ошибок.

Я тоже стану молиться о тебе.

Твоя Нэл, которая отказалась быть принцессой'.

Что ж, Нэл, несомненно, права — чем скорее я уберусь из Тауналя, тем лучше. Если учесть, что свита принцессы очнулась от колдовского сна сутки назад, то к сегодняшнему утру гвардейцы должны были убедиться в бесплодности самостоятельных поисков и отрядили кого-то в Луст, откуда можно связаться со столицей. И тогда уже завтра за поиски принцессы возьмутся те, кто это умеет. Разумеется, им понадобится время, чтобы понять, что принцесса от их магии защищена, и тогда Стеумс вспомнит обо мне. Пока я в Таунале,

меня можно просто загнать как дичь, отправив за мной целый отряд магов с поисковыми амулетами, но стоит мне оказаться за пределами страны, дело осложнится — переход такого отряда через границу не останется незамеченным, и соседи его точно не одобряют, а от охотников-одиночек уйти легче легкого — с моими-то умениями.

Изначально я планировала направиться в Нимтиори — страна велика, в ней много крупных городов, где можно было бы найти приют, язык я знаю, а еще у меня было бы достаточно времени, чтобы покопаться незаметно в книгах. Нимтиори славится своими обителями знаний — университетами и библиотеками, и где, как не там, искать ответы на мои главные вопросы: как найти свои корни и как обрести утраченное. Дар Тени дает мне множество преимуществ, но я бы дорого отдала за то, чтобы когда-нибудь заглянуть в зеркало — и увидеть свое отражение. Можно не в зеркале, а просто в чьих-то глазах, которые будут смотреть на меня с теплом и пониманием и видеть не серую маску Тени, а настоящее человеческое лицо.

Однако Ианнар, хоть и не лишил меня жизни, планам моим здорово подгадил... Я бросила полный сомнения взгляд на свое запястье, где теперь красовалась трехцветная узорчатая вязь. Имея такое украшение, стоит держаться подальше от тех мест, в которых есть хоть малейший шанс встретиться с Владыкой. Да, почуять носительницу брачной метки может только он сам или маг, изготовивший гириаз, да и то на сравнительно небольшом расстоянии. Но лучше не рисковать, и значит, путь в Нимтиори мне теперь заказан.

Остается Уствя — просто по той причине, что она лежит в противоположном направлении тому, в котором скрылась Нэлисса. Мне всего лишь придется взять чуть-чуть южнее, чем я намеревалась.

Сначала я пробиралась пешком — покуда не вышла на Восточный тракт. За прошедшие дни весна окончательно вступила в свои права, и по тракту оживленно двигались торговые обозы.

Как выяснилось, если выбрать подходящую подводку, с грузом, не требующим пристального внимания караванщиков, можно устроиться вполне комфортно. Да и караваны не слишком уступали в скорости королевскому кортежу — это гвардейцы были достаточно выносливы, чтобы провести в седле большую часть дня, а вот придворным дамам требовалось время от времени покидать карету, чтобы размять затекшие ноги и посетить кустики. Торговцы, как правило, более неприхотливы.

А еще на постоянных дворах невидимой гостье всегда находилось чем поживиться, а однажды мне даже помыться удалось, что было сродни настоящему чуду, и вдобавок сменить свой виды выдавший гардероб на почти новые, а главное, чистые вещи. Я даже не стала оставлять деньги взамен — человек, благодаря невнимательности которого я смогла переодеться, точно не обеднел оттого, что не досчитался пары рубашек, штанов и куртки. Все вещи были мне, признаться, великоваты, но... как раз здесь в невидимости были неоспоримые плюсы.

Обоз я покинула в последнем пограничном городке — купцы собирались там задержаться, а мне следовало спешить.

Переходить границу прямо по тракту я все же не рискнула. Невидимость — невидимостью, но мало ли что. Углубилась в лесок. Как ни странно, но в шаге от долгожданной (пусть и относительной) безопасности я не чувствовала ни трепета, ни восторга. И это хорошо. Потому что шаг этот я сделать так и не смогла.

Граница просто не пропустила меня — воздух словно сгустился и, мягко спружинив,

отбросил меня обратно. В Тауналь.

Я не знала, что такое возможно. Это какая-то магия? Наверняка. Но направлена ли она на меня лично? Если да, значит, поиск идет полным ходом и ищут теперь именно меня. И все равно это никак не объясняло закрытую границу...

Сдаваться я не собиралась. Сначала толкнулась в невидимую стену еще раз — безуспешно. Потом перешла в теневую форму. В этом случае стена не спружинила. Я вообще ее не замечала. Просто делала шаг вперед и... оставалась на прежнем месте.

Это было дико, неправильно, непонятно, но... это было.

Я сделала еще несколько тщетных попыток перейти на другую сторону, постепенно смещаясь к югу вдоль границы, пока, наконец, не призналась самой себе, что стучаться головой в глухую стену — не самое осмысленное занятие. И что надо искать другой способ спасения.

Что я знаю? Меня ищут. По крайней мере, должны искать. Магический поиск — это не чудо, которое позволяет мгновенно переместиться к искомому. Он всего лишь указывает направление. Поисковый амулет, изготовленный на крови нельзя активировать чаще раза в сутки, а потом ведь надо еще добраться до объекта. А объект, между прочим, не обязан стоять и ждать, пока его схватят.

Выход у меня был один — двигаться, не позволяя себе задерживаться в одном и том же месте дольше, чем на два-три дня. И двигаться, непредсказуемо меняя направление.

Это решение принесло мне облегчение — не все еще потеряно. Да, я не буду знать покоя, но моя свобода покуда остается при мне. Я ведь именно о ней мечтала, а не о покое, правда? И я еще раз мысленно возблагодарила Бьярту, которая не поленилась вложить в мою голову столь необходимые знания о магии.

Бродячую жизнь я решила начать... с покупок. Конечно, путешествуя с обозом я успела обзавестись некоторыми жизненно необходимыми предметами вроде огнива и тарелки с ложкой, но мое походное снаряжение продолжало желать лучшего и гардероб по-прежнему нуждался в обновлении.

Поход до ближайшего городка занял у меня два дня. Еще до закрытия пробравшись в лавку готового платья, ночью я не спеша выбрала себе подходящую одежду — пару дамских костюмов для верховой езды, несколько рубашек, запас нижнего белья, от нехватки которого я страдала особенно сильно.

В этот раз я не стала опускаться до воровства, оставив на прилавке щедрую плату. Пока у меня еще были деньги. О том, что будет, когда они закончатся, я старалась не думать.

Базарчик в центре города сделал меня богаче на добротный заплечный мешок, небольшой гибкий лук с запасом стрел, охотничий нож, котелок и легкое походное одеяло. И беднее на некоторое количество монет.

К полудню, отягощенная изрядно увеличившейся поклажей, я уже шагала прочь из города навстречу новым впечатлениям.

В тот момент я еще не догадывалась, что пройдет совсем немного времени — и все дороги сольются для меня в одну — бесконечную. И пыльные чердаки в похожих один на другой городах станут обыденностью, а домашняя постель и ванна — несбыточной мечтой.

Кажется, я бродила по просторам страны целый месяц. А может, и целую вечность — я как-то быстро перестала следить за календарем.

У моего путешествия не было конкретной цели, новые виды перестали впечатлять, а

денег больше не осталось, и мне теперь приходилось утолять голод ворованной пищей, поскольку удачно поохотиться получалось не всегда. Я бы даже сказала, редко — плохая из меня получилась добытчица.

Одно радовало — погода установилась теплая, и мыться я теперь могла куда чаще, чем в начале своего путешествия. Не в благоустроенных ваннах с теплой водой, разумеется, а в лесных озерах и реках. И я считала, что, значит, не совсем еще одичала, раз чистота все еще имеет для меня значение. Впрочем, месяц — это, наверно, слишком маленький срок, чтобы утратить человеческий облик. А вечность — срок достаточный?

Время — это не стрелки часов, и даже не сменяющие друг друга день и ночь.

Мне достаточно было знать, что наступило лето. Что вон там, за грядой холмов, меня ждет очередной безликий город. А в городе — трактиры, где можно хорошо поесть. Главное — выбрать самый крупный и многолюдный. В таких местах никто не заметит, если убудет немного готовой пищи на кухне. А еще в городе наверняка есть оружейная лавка, в которой я смогу пополнить запас стрел. И одежная, в которая предложит мне несколько подходящих тряпок на выбор, взамен тем, что сносились за время скитаний. А может, мне повезет — и найдется постель, на которую не будут претендовать никакие непрошеные гости — вроде змеи, которая на рассвете заползла на мою стоянку.

Мечты, мечты... Но я все равно очень хотела попасть туда. Меня неумолимо влекло именно в этот городишко, название которого я пока не знала.

Городишко оказался так себе. Довольно невзрачный. Не городишко, конечно, а целый город — пусть и не слишком большой, но куда крупнее того захолустья, в котором я останавливалась в прошлый раз. Здесь имелся даже парк с прудами, и не одна торговая улица, а целый квартал, не считая базарной площади в центре.

Но ноги понесли меня на окраину — не в предместье, где селились мастеровые и мелкие торговцы, а в квартал, где виднелись аккуратные небольшие особняки, окруженные садами.

Не иначе как мой своенравный дар в очередной раз подтолкнул меня под руку, заставив открыть калитку. И даже зайти внутрь.

Когда калитка захлопнулась за моей спиной, я сжалась на мгновение с чувством, будто попала в западню. Но это говорили мои страхи, уже вьевшаяся в сознание привычка беглянки, постоянно ожидающей подвоха. Между тем, калитка была самая обыкновенная, да и сад не вызывал никаких подозрений. Напротив, он казался уютным и умиротворяющим — слегка одичавший, без ярких цветочных клумб, но еще не заросший бурьяном. И пахло здесь тонко и приятно.

В дом пробираться мне пока не хотелось, моя таинственная 'интуиция' больше не побуждала ни к каким действиям, и я решила просто прогуляться по саду, а потом, может быть, посидеть где-нибудь на травке — как раз подходило время перекусить, и из моего заплечного мешка призывно благоухала колбаса, которую я стащила на базаре.

Обогнув дом, я увидела беседку, в которой за накрытым столом сидел пожилой мужчина. Очень пожилой. Я бы даже сказала, старик, да только спину он держал идеально прямо, и лишь многочисленные морщины на лице и руках выдавали весьма преклонный возраст.

Неожиданно для самой себя я остановилась, разглядывая старика самым невежливым образом. И что самое странное, он... тоже смотрел на меня. Неподвижным взглядом слепого человека. Правда, объяснить себе, почему я приняла его за слепого, я не могла. Просто мне

так казалось. Как и то, что он меня видел.

— Что застыла? — голос у него оказался тоже старческим, скрипучим. — Шагай сюда, не бойся.

— Вы... видите меня?

— Еще бы мне тебя не видеть! Я все-таки видящий, — хмыкнул мой неожиданный собеседник.

Видящие... О них было известно крайне мало. Кажется, способность к *видению* тоже считалась даром кого-то из богов, только я не могла вспомнить, какого именно. Видящие встречались очень, очень редко.

— Значит, вы можете видеть Тень.

— Как и все незримое, — довольно улыбнулся старик.

М-да, мне оставалось только порадоваться, что видящих так мало и они не служат никому, кроме своего бога, иначе меня давно бы уже поймали.

— Не поймают, — хихикнул хозяин, — дураки потому что.

Я что, вслух это произнесла? Все-таки одичала, раз совсем себя не контролирую.

— Да тебе и вслух говорить не надо, все на лице написано.

— А-а-а... почему дураки?

— Была чья-то Тень, стала просто Тень, — снова захихикал старик.

А я вдруг подумала, что он совершенно сумасшедший и от таких стоит держаться подальше. Даже попятилась. И лишь спустя несколько долгих мгновений до меня дошло, что именно он сказал.

— Значит, не найдут? — уточнила я.

— Не найдут, — подтвердил старик, — не ту Тень ищут.

Все это не укладывалось у меня в голове, но верить собеседнику очень хотелось. Пусть он очень странный, пусть даже сумасшедший, но ведь он... видящий?

И если он прав, то я, выходит, зря бродяжничала, не зная покоя, боясь осесть где-нибудь больше, чем на несколько дней? Зря сбивала себе ноги, меряя шагами дороги Тауналя? Зря...

— Что ты топчешься? — проворчал хозяин, сбивая меня с мысли. — Садись вот, поешь.

Теперь я заметила, что стол был накрыт на двоих.

— Вы... ждете кого-то?

— Я ждал тебя, смешная Тень. Еще вчера ждал, между прочим, но ты припозднилась.

Да, я задержалась на один день, потому что сбилась с пути, свернув не на ту тропинку, и в итоге вышла на тракт на день позже, чем рассчитывала.

— Откуда вы знали, что я приду?

— Она сказала. Давно еще сказала, я и не поверил — мало ли какие сны снятся. А нынче вот вспомнил и понял, что буду ждать. Потому что час мой близится, а она обещала, что ты будешь со мной до конца. Если придешь. И если останешься.

Слова старика звучали странно. Завораживающе странно. Но желание расспрашивать его дальше куда-то делось. Я села за стол и принялась за еду.

Я наслаждалась. Тем, что впервые за долгое время могу расположиться спокойно за столом и есть не краденый кусок, а угощение. Тем, что могу говорить с этим странным человеком, который меня видит и от которого не надо прятаться. Правда, пока я наслаждалась молча. И только когда тарелка опустела, заговорила:

— Значит, вы знали о моем появлении? Вас... предупредили?

— Давно. Очень давно.

— Может, вы знаете и то, почему я не могу покинуть страну?

— Кровь под запретом, — коротко ответил старик.

— Моя кровь?

— Не только.

— Подскажите, как мне этот запрет обойти?

— Она сказала, если будешь со мной до конца, откроется путь, — и снова непонятно.

— Почему бы ему не открыться прямо сейчас? — проворчала я.

— Глупая! Я не знаю твоего пути и не могу его открыть. Я не плетельщик. Вот она... она могла. Но она хотела, чтобы ты осталась. И я тоже... хочу.

Я задумалась. Здравый смысл советовал не слушать сумасшедшего старикана и спасаться бегством из этого дома. Усталое тело молило об отдыхе и напоминало, что уж пара деньков в комфортных условиях мне точно во вред не пойдут. А мой непонятный дар, который привел меня сюда, неожиданно замолчал. В конце концов здравый смысл уступил настойчивым мольбам тела и признал, что отдых все-таки необходим.

— Значит, вы предлагаете мне остаться в вашем доме на неопределенный срок. И в каком качестве?

— Будешь моей гостьей. Мне нужно от тебя не так уж много — просто чтобы ты говорила со мной по вечерам. И проводила, когда я буду уходить. У меня здесь не бывает чужих людей, а слуги делают свою работу, но ночевать в доме не остаются. Это устраивает и меня, и их. Безумного Райнера в городе побаиваются, знаешь ли. Хотя едва ли многие помнят почему. Но меня устраивает. Да, устраивает. Но иногда хочется поговорить с кем-то, кроме книг и духов.

— Духов?

— Духов, — подтвердил старик. — Ты их видишь? Странно. Ты ведь тоже должна видеть незримое. Только у меня это дар Идьярда, Отверзающего очи, а у тебя способность в крови. Впрочем, спит — и ладно. Не надо тебе этого.

Похоже, безумный Райнер нуждался не столько в собеседнике, сколько в свободных ушах, готовых внимать его болтовне. Во всяком случае, он не ждал от меня ответов, а говорил, говорил. Я не все из сказанного понимала — порой оно действительно напоминало речи безумца: вроде бы связно, но смысл ускользает.

Старик рассказывал о заведенных в доме порядках, о служанках — кухарке и горничной, которые делают свою работу и уходят, о Сьюнаре и Лии, которые, наоборот, находятся здесь постоянно, но кто это такие, Райнер так и не объяснил.

Так, разговаривая, хозяин поднялся и отправился через сад к дому. Шел он ровно, уверенно, не спотыкаясь, и я удивилась, с чего мне пришло в голову, что он слеп.

Дом он мне показывал целиком, распахивая передо мной каждую дверь. Горничная, крепко сбитая тетка средних лет, опасливо покосилась на хозяина, разглагольствующего перед пустотой, поежилась, а потом чуть слышно выдохнула с облегчением, когда мы покинули гостиную, где она протирала пыль. Кухарка нашего появления словно и не заметила. Она с мрачной сосредоточенностью кромсала овощи на разделочной доске и даже не обернулась, услышав голос Райнера.

— Они не болтливы, — зачем-то пояснил мне старик, — потому я и держу их на работе.

На чердак мы, к счастью, подниматься не стали, зато хозяин повел меня в подвал. Миновав вход в продуктовый погреб, Райнер отворил дальнюю дверь и сделал приглашающий жест:

— А это владения Сьюнара и Лии. Вообще-то они бывают везде, где бываю я, но представлять нового жильца им положено именно здесь. Духи должны принять тебя.

Я не только никого и ничего не увидела, но даже и не почувствовала. Ни колебаний воздуха, ни прикосновений. Только задумалась в очередной раз, имею ли я дело с настоящим Видящим, или с опасным психом, который сейчас представляет меня воображаемым духам, а ночью, может, прирезать решит. Впрочем, одно другому не мешает. Равно как ни первое, ни второе не помешает мне провести здесь парочку относительно спокойных деньков и присмотреться. А уж со стариком я как-нибудь справлюсь, если что.

Старик вывел меня из подвала, оставил в уже опустевшей гостиной, а сам вышел. Не было хозяина примерно с четверть часа, и вернулся он, довольно потирая руки.

— Я распорядился, чтобы тебе приготовили комнату и купили всякие мелочи, необходимые молодой девушке. Кроме одежды — для этого я пригласил портного.

— Портного?! — я опешила. — Как вы себе это представляете? Или портной у вас тоже видящий?

— Портной у нас будет... не-видящий, — старик снова хихикнул.

Мне оставалось только вздохнуть. Игривое настроение хозяина я разделить не могла, но и беспокойства оно не вызывало, просто мне не нравилось не понимать, а Райнер не спешил с объяснениями. Да, кстати...

— А как мне вас называть?

— Так и называй, Райнером. Эпитет 'безумный', ладно уж, можешь не прибавлять, я легко обойдусь без этих светских расшаркиваний, — хозяин ухмыльнулся.

Я пожалала плечами — мне по-прежнему не было весело. В гостиной повисла тишина. Я разглядывала комнату, хозяин не сводил пристального взгляда с меня. Мне пока не хотелось больше ни о чем спрашивать, а старик то ли иссяк, разом вывалив на меня поток слов, то ли просто пожалел мою бедную голову.

Минуты текли в безмолвии, пока в гостиную не заглянула давешняя служанка. Женщина склонила голову, метнув на хозяина беспокойный взгляд, и произнесла тихо:

— Покои для гостя готовы.

— Ну что ж, пойдем! — тут же бодро подскочил Райнер.

Гостевые покои в доме старого Видящего не шли ни в какое сравнение с дворцовыми — всего одна скромно обставленная комната — шкаф, кровать, туалетный столик... Но зато к ним примыкала ванная комната, а там — горячая вода, несбыточная мечта моей нынешней жизни.

Я едва дождалась, пока хозяин удалится, бросив напоследок:

— Располагайся. Портной придет после ужина.

Вдоволь наплескавшись в ванне, я обнаружила, что ужин мне подали в комнату — видимо, хозяин действительно решил пощадить мои непривычные уши и оставить на время в покое.

Портного я ожидала с любопытством: что же такое задумал Райнер? Что ж, когда мастер зашел в комнату, я оценила слова о 'невидящем': на глазах портного красовалась повязка. Мужчина в нерешительности замер на пороге, и я протянула ему руку, помогая войти.

Мерки он снимал на ощупь.

— Мне сказали, вы не носите платьев? Какие костюмы вам бы подошли? Какие цвета предпочитаете?

Впервые в жизни меня спросили о предпочтениях в одежде, и я озадачилась — до сих пор не приходилось задумываться о таких вещах. Это оказалось странно и... приятно. И я с удовольствием, словно это была новая интересная игра, обсудила с портным свой будущий гардероб и даже пощупала образцы тканей, чтобы оценить, какие из них будут приятней к телу. Хотя и о практичности не забывала — вдруг уже через пару дней мне придется сорваться с места и отправиться в дальний путь? Я еще не приняла окончательного решения.

Напоследок портной наклонился к моему уху и шепнул:

— Вы... пленница в этом доме?

— Я здесь гостя, — успокоила я его.

Впрочем, мне показалось, он не слишком успокоился после моих слов. Я его понимала: быть приглашенным в дом признанного безумца и получить заказ на наряды для дамы, которую нельзя видеть.... Кто угодно встревожился бы!

А я после визита портного наконец расслабилась и почти сразу улеглась в постель, блаженно растянувшись на чистой простыне — тот, кто не знал нескончаемых дорог, едва ли способен оценить такое счастье.

Здравствуй, Тень!

Впервые за все время с нашего расставания я осталась на несколько часов без присмотра и могу наконец взяться за перо. Еще бы знать, с чего начать — так много хочется тебе рассказать!

Сначала мне было страшно — мы впервые остались по-настоящему наедине с Ианом. Но я боялась не его, а того, что изменившиеся обстоятельства изменят что-то и между нами. Напрасно боялась — дорога не оставляла времени для праздных размышлений, мы просто не успевали уделить внимание этим переменам.

По правде сказать, сама дорога запомнилась мне плохо, слившись в непрерывный поток сменяющих друг друга картин. Кажется, лошадей мы продали на третий день пути, сменив их на других, попроще, а днем позже Иан купил на смену нашей карете обширный экипаж с жесткими скамьями и скрипучими колесами.

Все это время Ианнар правил сам, но незадолго до границы нанял кучера. Я сначала не поняла зачем. Догадалась, только когда мы, не доезжая до заставы, покинули карету и отправились через границу пешком, лесом. Все правильно, нас уже начали искать, и на каждой заставе дежурили маги, которые могли разглядеть под иллюзией наш настоящий облик. Счастье еще, что магов не так много, чтобы расставить их вдоль всей границы, а не только на заставах.

Кучер, которому Иан основательно заморочил голову, должен был сказать на заставе, что его наниматели ждут в Илмае, а он всего лишь переправляет оставшуюся часть багажа, для которой не нашлось места в хозяйской карете.

Задумка была примитивная, но она удалась, и кучер дождался нас на первой же развилке. В ближайшем городе Иан его рассчитал и нанял нового.

После пересечения границы мы могли чувствовать себя чуть свободнее, но расслабляться не спешили — все так же путешествовали под личиной и избегали общения, чтобы ненароком себя не выдать. Это было нетрудно в пути, когда лица и пейзажи сменяли друг друга раньше, чем я успевала их рассмотреть, не то что привыкнуть.

Зато когда мы прибыли в Гредрам — ты знаешь, это второй по величине порт Ругалдена, — я была оглушена: толпы людей, говорящих на разных языках, шум,

бесконечное движение днем и ночью. В первый день я боялась выходить из гостиницы, и Иану пришлось меня уговаривать, потому что оставлять меня одну он не хотел.

В Гредраме нам пришлось осесть надолго, потому что в ближайшие недели ни на одном корабле не было свободных кают для двух пассажиров. Можно было, конечно, решиться на путешествие в трюме с бедняками, но... Иан хоть нервничал из-за длительной задержки, но предлагать мне такие условия не рискнул. И правильно. Я на многое готова, но это было бы, пожалуй, слишком.

Как ни странно, не сам побег и не расставание с тобой, а именно Гердрам поставил точку на моей прежней жизни. Здесь перестала существовать Нэлисса, младшая принцесса королевского дома Тауналя.

В Ругалдене браки заключаются не в храмах, а в городской управе. Нужно только расписаться в специальной книге. Однако чернила зачарованные, и стоит только служащему магу заверить согласие пары своей подписью на брачном свидетельстве, на запястьях появляются брачные рисунки. У нас это ольховая ветвь с шишечками. Я спрашивала у Иана, что она означает, но мой муж ушел от ответа.

Конечно, для заключения брака следовало назвать свои настоящие имена, но тут нам повезло: ведь девочки в Таунале носят родовое имя матери, а оно вряд ли известно кому-то в Ругалдене. Вот если бы о нашем исчезновении объявили официально и обратились с просьбой о помощи в розыске к местным властям, то тут бы наше путешествие и закончилось. Однако Ианнар был уверен, что этого не случится — пропажу принцессы станут скрывать до последнего. И оказался прав.

И потому на палубу корабля я ступила замужней женщиной, Нэлиссой Ауста.

Теперь я сижу за крохотным столиком в каюте и пишу тебе письмо, которое ты никогда не прочитаешь. На палубе весело переругиваются матросы (Тень, какое упущение, что на наших уроках ругалденского мы так мало внимания уделяли брани — я их почти не понимаю!), рядом спит мой умаявшийся, бледный до зелени муж — как оказалось, он подвержен морской болезни... А я от качки совсем не страдаю, наоборот, мне нравится, как колеблется пол под ногами, от этого делается легче и мысли, и перо...

Я смотрела в потолок широко раскрытыми глазами, и мне казалось, что комната слегка покачивается, словно я все еще нахожусь на борту корабля.

Корабля?! Этот сон... или видение... Было ли это на самом деле? Я будто бы переместилась в тело Нэлиссы... Нет, я была ею — переживала ее воспоминания, думала ее мысли, писала письмо... сама себе. Возможно, это действовали до сих пор отголоски нашей связи. Или моя просьба, высказанная в предыдущем видении, была и впрямь услышана и исполнена таким странным образом.

И мне почему-то стало вдруг неуютно в доме старого Видящего. Словно я предала саму себя, отказалась от пути, который выбрала, подставив свое будущее, свою жизнь под удар. Поверила безумцу, позволила себе слабость, клюнула на туманные обещания и теперь сижу на одном месте и жду, пока меня схватят. А принцесса плывет через океан.

Не раздумывая больше, я сорвалась с постели, умылась наскоро, похватила свои вещи и, не дожидаясь завтрака, чтобы не встречаться с хозяином, выскользнула из комнаты.

Дом и сад легко выпустили меня, и я вздохнула с облегчением — оказывается, внутри меня успел поселиться необъяснимый страх оказаться запертой в этом странном месте.

Однако очутившись в центре города, я немного остыла, пускаться в путь прямо сейчас

мне расхотелось. Я неспешно прошлась по торговым рядам, привычно лавируя в людском потоке.

С утра пролился дождь, но к полудню солнце начало припекать не на шутку. В поисках укрытия от палящих лучей, я нырнула в сумрачную прохладу оказавшегося поблизости храма. И тут же вспомнила о том, что Нэл просила молиться за нее. Лики богов, бесстрастные, одинаково чужие мне, смотрели на меня и сквозь меня, и было немного неуютно под этими взглядами, хотелось что-то сделать.

Я знала, что в храмах принято приносить жертвы, чтобы молитва была услышана, но... у меня ничего не было. Ничего, что я могла бы считать своим, кроме алхимических зелий и метательных ножей. Но едва ли богам нужно мое оружие, а предлагать им краденые вещи было бы и вовсе неправильно.

Остановившись в нерешительности, я заозиралась, и взгляд мой зацепился за распахнутую дверцу в дальнем уголке зала. Ноги сами привели меня в крохотную комнатку без окон, в которой обнаружился кран с водой, различные ведра и бадейки, тряпки и мыльный порошок. Дальше мне не нужно было подсказывать, что делать — мои силы и время все еще принадлежали мне одной и были тем, что я могла принести в жертву.

Никогда прежде мне не приходилось заниматься уборкой. Я чувствовала себя неуклюжей, бестолковой неумехой, тряпки то и дело выскользывали из непривычных рук, оставляли за собой грязные разводы, заставляя меня раз за разом возвращаться к одним и тем же местам, но спустя долгие часы и пол, и лавки вдоль стен, и подножия статуй если не сияли чистотой, то уж точно не оставляли впечатления запущенности.

Выйдя в последний раз из каморки, уже с пустыми руками, я сочла, что теперь могу донести до богов свои просьбы. Я говорила с Виарстом, Хранителем путей, и с двуликой Арнастрой, Повелевающей судьбами, — о себе, о принцессе... бывшей принцессе... и даже об Ианнаре, боль которого я остро ощутила через Нэл, — а напоследок заглянула в глаза Владыки молний Идьярда, Отверзающего очи, и... все поняла.

Меня больше не терзали сомнения и подозрения, и страхи улеглись в душе. Я просто точно знала, как мне следует поступить, и вскоре стояла перед знакомой уже калиткой, не сомневаясь, что меня ждут.

Райнер и правда ждал. Он встретил меня за накрытым к ужину столом. Старик сидел, уткнувшись невидящим взглядом в одну точку и не притрагивался к пище, но стоило мне подойти, улыбнулся криво и выдохнул:

— Вернулась все-таки. Значит, все правильно она сказала.

Я все еще не решалась спросить у Райнера, кто такая эта таинственная она, а потому промолчала, принявшись за еду. До меня только теперь дошло, что за весь день я и крошки в рот не взяла.

— Не хочешь сегодня почитать для меня? — неожиданно спросил Райнер после ужина.

— Не знаю, — растерялась я, — наверно. А вы сами? Или вам приятнее слушать, чем читать самому?

— Самому мне уже затруднительно, — признался старик, — прежде я впускал в себя духа, если возникало желание насладиться чтением, но теперь я слишком слаб для этого. Духи тянут много сил.

— Зачем... духа?

— Чтобы видеть, — просто ответил Райнер.

Выходит, не зря старик показался мне слепым при первой встрече. Но... он так

уверенно передвигался!

Видимо, эти размышления как-то отразились на моем лице, потому что Райнер усмехнулся:

— Я живу в этом доме много лет — знаю каждый камушек в саду, каждую неровность на ступеньках. Здесь ничего не меняется, потому что я не позволяю.

— Значит... Видящие могут видеть только незримое? И зачем это все? Кому может быть нужен такой дар?

— Слепцу, — коротко и сердито отозвался хозяин. — Когда внезапно теряешь всё, и тебе, уже вкусившему тьмы, предлагают замену, тут уж не раздумываешь, берешь обеими руками и благодаришь. И служишь, покуда хватает сил.

— Простите, — я покаянно склонила голову. И тут же полюбопытствовала: — И какой же службы может потребовать Владыка Молний? Или это тайна?

— Я никогда ни с кем не говорил об этом. Пожалуй, не готов и сейчас. Возможно, позднее, если Отверзающий не станет возражать. И если ты останешься.

— Я остаюсь.

— Тогда пойдём.

Старик привел меня в библиотеку. Мы уже заглядывали сюда, когда хозяин показывал мне дом, но теперь я получила возможность не спеша пройти вдоль шкафов, вдыхая знакомые с детства ароматы и прикасаясь кончиками пальцев к корешкам книг. Райнер не торопил меня. Он устроился в кресле, налил из графина в маленький стаканчик какой-то мутновато-желтой жидкости и вроде бы забыл о моем существовании, погрузившись в собственные мысли.

Впрочем, его отрешенность была лишь кажущейся: стоило мне обернуться, бросив на хозяина вопросительный взгляд, он тут же встрепенулся:

— Выбери что-нибудь... на свой вкус.

Я взяла с полки 'Путешествие купца Тосвеара Листи в Восточные земли и обратно'. Мне уже попадалась прежде эта книга, и я помнила, что язык повествования гладкий и образный, но без витиеватости, осложняющей чтение.

Прежде я никогда никому не читала вслух и немного волновалась, но оказалось, это занятие, которое увлекает и завораживает не только слушателя, но и чтеца. Я наслаждалась. Время от времени украдкой бросая взгляд на Райнера, я видела умиротворенную улыбку у него на лице, и мне самой становилось тепло от этой улыбки.

За этот первый наш вечер я была искренне благодарна Видящему, но... Вернувшись в свою комнату, я горько рыдала в подушку. Впервые за много лет я плакала о том, чего лишена...

Где и кому люди чаще всего читают вслух? В семье — детям. Наверняка и в моей жизни такое было, но я не помнила. Те отдельные видения, которые посещали меня во сне, были слишком обрывочны и не складывались в цельную картину. Оне не были полноценными воспоминаниями о прежней жизни. А в новой — приютской — я быстро научилась читать сама, и мне не приходилось кого-нибудь просить об этом. Впрочем, подозреваю, эти просьбы остались бы без ответа — девочек в воспитательном доме было много, каждой не угодишь.

Но обиднее всего было сознавать, что и в будущем моем не предвидится ничего подобного. Может ли вообще Тень иметь семью и детей? До сих пор я не задумывалась об этом. Не загадывала так далеко — мне достаточно было определить ближайшую цель. Не то

чтобы мне вдруг внезапно захотелось замуж, да еще и детей рожать, но не иметь даже шансов...

Словом, я плакала.

И утром встала с постели с опухшим лицом и заплаканными глазами. Хорошо, что портной, который доставил мой новый гардероб, не видел меня. Хорошо, что я сама себя не видела. Мне хватало и ощущений.

Райнер укоризненно покачал головой, когда я спустилась к завтраку:

— Ты спешишь, девочка. Всему свое время. Нельзя получить все сразу.

— Ты что-то видишь?

— Что-то вижу, — согласился старик.

— Тогда скажи, что меня ждет.

— Э, — усмехнулся Райнер, — я Видящий, а не провидец и уж тем более не Плетельщик. Я уже говорил тебе. Могу увидеть только то, что уже есть. А могу и не увидеть, если Идьярд не подтолкнет.

— Как это?

— Как и любой дар от высших, он действует через человека, но не по его воле. Ты замечаешь что-то, словно тебя заставили посмотреть в нужную сторону, делаешь что-то, потому что откуда-то знаешь, что это нужно. Да ты, наверно, и сама замечала.

— У меня нет дара Высших. Разве Высшие раздают свои дары, не спрашивая?

— Есть. В крови. Просто он спит, и ты его до конца не осознаешь. Захочешь пробудить — обратишься к Арнастре.

— Не захочу, — решительно отказалась я. — Меня пугает дар плетельщиков. Это ведь чудовищная власть — влиять на чужие судьбы.

— Плетельщики лишены возможности влиять по собственному произволу, только по указанию богини. Они видят точки расхождения, могут, как и другие провидцы, намекнуть на выбор, но если хотят вмешаться, указать конкретный путь, обращаются к Арнастре, и та взвешивает. Если подобное вмешательство не нарушает миропорядок, то богиня может дать согласие, но всегда возьмет плату. За серьезное вмешательство плетельщик расплачивается своим даром, поэтому решаются на такое немногие и только ради тех, кого любят. И даже в этом случае они вынуждены действовать мягко — советовать, просить, направлять, но не настаивать. И могут лишь надеяться, что в определенное время события повернутся нужным образом. А теперь представь, что в каждой судьбе таких развилок множество, и путь зависит не только от идущего, но и от тех, кого он встречает на своем пути. Плетение — это не насилие над судьбой, служители Арнастры всего лишь делают один из возможных путей чуть более вероятным, чем другие. Для того, кто действует в собственных интересах, прокладывает путь другу или родственнику, это только надежда на благополучный исход, но не гарантия его.

— Вы столько знаете об этом, — удивилась я.

— Боги часто действуют в согласии друг с другом, равно как и их служители. Плетельщику дозволяется вносить Видящего в свой расклад.

— И Видящий согласится?

— Почему бы и нет? — Райнер снова усмехнулся. — Если я тоже от этого только выигрываю.

— То есть?

— Ты поймешь. Со временем поймешь.

— Надеюсь.

Пока что я ничего не понимала. Все эти слова интриговали, завораживали, как случается обычно при соприкосновении с тайной, но я не могла определить ни собственного отношения к этой тайне, ни то, какое отношение она имеет ко мне.

Из намеков Райнера напрашивался вывод, что речь идет именно о моей судьбе. Но верить я не спешила. Как там говорила Атейнара? Быть внимательной и слушаться знаков? Слушаться — не знаю, а вот прислушиваться я готова.

Но это только пообещать легко — мол, прислушаюсь. И даже поверить, что кое-какие знаки уже были и я их приняла. На самом же деле во мне боролись два противоположных чувства: с одной стороны, это воспринималось как интересная игра, и я, охваченная азартом, пыталась разглядеть знаки даже там, где их и быть не могло, с другой — вызывало протест, ибо быть частью чужой игры очень не хотелось.

И кто сказал, что судьба, искусственно созданная кем-то могущественным, — именно моя? И кто же он, этот кто-то, выплетающий мой путь?

По всему выходило — родня, особенно если принять во внимание намеки Видящего насчет крови. И из-за этого во мне рождалось недоверие к собственным незнакомым родственникам. Чего они добиваются? Если я им нужна, то зачем была выброшена и оставлена в одиночестве? Если не нужна, то для чего все эти игры? И мне больше, чем когда-либо, хотелось узнать, откуда я такая взялась.

Первые недели в доме Райнера оказались удивительно спокойными, прежде я и не знала такой жизни — мне не надо было никуда спешить, ни от кого прятаться, у меня не было никаких обязанностей. Я гуляла по городу, исследовала дом, избегая, впрочем, спускаться в обиталище духов, проводила много времени в саду.

С хозяином мы встречались за трапезой и вечерами в библиотеке, где я читала ему вслух. А иногда мы просто разговаривали там — как когда-то с Бьяртой, с той лишь разницей, что эти беседы были просто беседами, а не уроками, и я могла спрашивать обо всем, что приходило в голову, не опасаясь нарваться на холодный взгляд и сурово поджатые губы.

А вопросов у меня было множество. Иной раз сказанное Видящим оседало в моей голове и ждало своего часа, чтобы повернуться ко мне не замеченной прежде гранью. Вот тогда-то и рождались вопросы.

— Райнер, а вы...

— Ты. Мы же договорились.

И правда, Райнер настоял на этом уже на третий день моего пребывания в доме, но я все никак не могла привыкнуть.

— Райнер, ты говорил, что у меня в крови дар Арнастры... А разве такие дары могут передаваться с кровью?

— Дар Идьярда — нет. А вот плетельщики зачастую появляются в одних и тех же семьях, как правило, через одно-два поколения, и потомки могут отследить плетения, начатые предками. Другое дело, что боги никому не навязывают своего дара, и если наследник не захочет принять его, то дар так и остается спящим.

— Это хорошо, — кивнула я.

Меня это действительно устраивало — со своей судьбой разобраться бы, а уж в чужие лезть — и вовсе лишние хлопоты. Правда, тут имелся соблазн: возможно, раскрытый дар позволил бы мне понять, что от меня хотели неведомые предки. Впрочем, не факт, что

именно они.

— А та, что предсказала тебе мое появление, была мне родней?

— Не могу сказать, — усмехнулся Райнер, — я не видел ее крови. Только твою.

Вот так. Загадка осталась загадкой. И даже никаких намеков.

— А второй мой дар, о котором ты упоминал, он откуда?

— Он не божественный, как я тебе уже говорил. Дар видеть незримое и существовать на грани, передающийся с кровью.

Прежде я полагала, что это не дар, а умение, которое взрастила во мне моя наставница. Правда, прощальная записка Бьярты посеяла некоторые сомнения. Чародейка ведь писала, что это умение доступно не каждому. Просто тогда я не придавала значения ее словам — некогда мне было размышлять о непонятном, я была озабочена своим выживанием и одержима мечтой о грядущей свободе.

И вот я освободилась. Не сказать, чтобы окончательно, но границы моей клетки расширились до размеров целой страны. Не совсем то, о чем я мечтала. Но зато сейчас, когда я не бегу по этой стране загнанным зверем, у меня появилось время поразмыслить, и отдельные детали начали понемногу — очень медленно — складываться в картину.

Итак, есть девочка — без имени, без памяти о прошлом, без видимых связей с семьей. И есть люди, которых некая Плетельщица (Райнер же говорил — 'она') втянула в построение судьбы этого ребенка: маг и алхимик Бьярта Солнум, потратившая на меня годы жизни (хотелось бы мне знать, чем ее так прижали); слуга Идьярда Райнер, который много лет ждал моего появления в этом доме. Наверняка имелись и другие, о которых я пока не знаю. Например, провидица Атейнара, давшая принцессе знать о предстоящем выборе. Но главное — была сама Плетельщица, заинтересованная в том, чтобы я оказалась в нужное время в нужном месте. Знать бы еще, когда и в каком. И зачем. И мне казалось, что ответы на эти вопросы стоит искать в моем прошлом, которого я не помнила.

Свои поиски я начала уже знакомым мне способом — копаясь в книгах. У Райнера в библиотеке нашлась книга 'Аристократические роды Тауналя, их родовые знаки и общие сведения о происхождении и генеалогических связях' более раннего издания, чем то, что я листала во дворце. День за днем я шуршала страницами, вглядываясь в изображения родовых знаков, но — увы! — не находила ничего похожего на тот, что увидела однажды во сне. По всему выходило, что он не принадлежал ни одному из таунальских аристократических семейств. Значит, я не отсюда. И как тогда меня занесло в эту страну?

В конце концов я решила обратиться к всезнающему Райнеру. Сон я подробно пересказывать не стала — слишком уж личным это было, — просто описала знак и спросила, кому бы он мог принадлежать.

Видящий мои надежды оправдал. Он не стал ничего говорить, просто поднялся с кресла и подвел меня к участку стены между двумя книжными шкафами, потом нажал на невидимый рычажок, и стена отъехала, открывая проход в небольшую комнату без окон.

Почувствовав мое удивление, Видящий рассмеялся:

— Ты могла бы увидеть эту комнату, если бы дала себе труд приглядеться.

Райнер не впервые беззлобно подтрунивал над моей 'слепотой', которой, по его мнению, не должно было быть, и я не обижалась. Но на сей раз мое удивление — даже, скорее, смятение — было вызвано ассоциацией, слишком живым воспоминанием о совсем другой тайной библиотеке, в которую я однажды зашла без спроса, за что и поплатилась. Только у Видящего здесь хранились не колдовские гримуары, а совсем другая литература —

книги тех стран, которых больше не было на карте нашего материка.

Проведя пальцами вдоль ряда корешков, хозяин вытянул с полки книгу, на обложке которой значилось: 'Княжество Риатана, общественное устройство и землеописание'. Я осторожно приняла из его рук массивный том, и мы вернулись к креслам.

Книгу я открывала не без трепета. Не читала — просто листала страницу за страницей. Искомое обнаружилось почти сразу — золотая волна и серебряная птица на голубом поле оказались знаком правящего рода...

— Райнер... — начала я внезапно осипшим голосом. — Райнер, это родовой знак моей семьи.

Хозяин приподнялся в кресле, напряженно вглядываясь в пространство, в нечто, видимое только ему одному... или не видимое, потому что он опустил — почти упал — обратно, вздохнул и покачал головой:

— Нет... Нет, не может быть. Ты ошибаешься.

— Почему?

— В княжеской семье Риатаны в последнем поколении не было девочек.

— Но... как же?! Я видела во сне — это было воспоминание. До сих пор я верила, что оно настоящее, — я всхлипнула, не в силах расстаться с ускользающей надеждой.

— Быть может, тебе привиделся не твой дом. Что если твои родители были дружны с княжеской семьей и просто гостили во дворце?

— Может быть, — кивнула я, — может быть...

Однако в глубине души я не принимала этого объяснения. Потому что во сне та маленькая девочка знала, что она у себя дома.

Здравствуй, Тень!

Знаешь, в последнее время мне стало неловко обращаться к тебе так — неправильно, что у тебя нет имени. Не только потому, что это несправедливо. Просто теперь все предметы и явления вокруг меня обретаю собственные имена. Жизнь стала более явной, осязаемой, настоящей. И люди настоящие — не чета тем бесцветным фигуркам во дворце, для которых я просто не существовала, как и они для меня.

Теперь всё другое. И качающаяся палуба под ногами — когда пытаешься удержать равновесие, чувствуешь себя на удивление живой, от твоей ловкости кое-что зависит. И соленый ветер, заставляющий дышать полной грудью. И моряки — грубоватые, но веселые, пахнущие потом, табаком и крепким ойолом. Они тоже живые.

Впрочем, теперь это уже позади — мы сошли на берег. Здесь тоже все оказалось ярким и живым. Не так многолюдно как в Гредраме, зато можно разглядеть отдельные лица. Оказывается, прежде мой взгляд скользил по поверхности, а теперь я научилась видеть, и мне стало гораздо интереснее жить.

Городов здесь, кроме побережья, почти нет — все больше поселки старателей и фермы.

На первое время мы с мужем сняли жилье у одной вдовы, и теперь Иан ищет работу. Вообще-то денег у нас достаточно для безбедной жизни в ближайшие несколько лет, можно и дом свой купить, и поселиться в нем, ни в чем не нуждаясь. Правда, серебро мы зря сюда везли, оно здесь не в цене, поскольку в Новых землях открыты богатейшие месторождения этого металла. В последние лет десять даже ограничили его ввоз в Старые земли (так здесь называют наш материк), чтобы оно и в королевствах не

обесценилось. Но это не страшно, золота у нас тоже достаточно. Просто Иан заглядывает вперед и хочет сразу создать себе имя и репутацию. А потому он целыми днями пропадает где-то, а я стараюсь не скучать в его отсутствие.

Подружилась с нашей квартирной хозяйкой миерс Оланой. Миерс — так здесь обращаются к замужним женищинам и вдовам. Так что я теперь тоже миерс Ауста. Или миерс Нэлисса. Впрочем, хозяйка почти сразу начала обращаться ко мне просто по имени — потому что я 'совсем молоденькая'. Я и не возражаю. Миерс Олана знает множество историй и рассказывает их мне, пока готовит обед. Я пока не лезу к ней с помощью, но внимательно наблюдаю — мне не повредит научиться готовить, ведь когда-нибудь мы с Ианом обретем собственной жилые.

Еще миерс Олана учит меня простому рукоделию — плетению из нитей. Здесь этим в основном маленькие девочки занимаются, мастерят себе немудреные украшения, но вдова машет рукой — мол, пусть и не принято, но это приятнее, чем вязание, а что практического применения никакого, так это ерунда — для души ведь. Мне тоже нравится — когда пальцы осваиваются и начинают сплетать узлы сами по себе, мысли в голове текут гладко, спокойно и... правильно, что ли. И тревога из души улетучивается...

На сей раз 'письмо' принцессы я восприняла куда более спокойно — как будто это в порядке вещей. Только после завтрака, вместо того чтобы отправиться гулять по городу или засесть в библиотеке, я, поклонявшись некоторое время по дому, спустилась на кухню.

Честно признаться, меня несколько уязвило то, что изнеженная принцесса, не знавшая прежде труда, с энтузиазмом учится простым полезным вещам и не находит в этом ничего зазорного. Я, правда, тоже не находила. но... все равно ведь обидно, что не додумалась сама. Не век же я буду жить в доме Видящего, и кто знает, что мне может пригодиться.

Ведь что я умею, кроме как железяками махать? Ни-че-го! Умные разговоры вести? Тоже мне достижение! Шпионить? Несомненно, полезное искусство, только больно уж... грязное. В травах, конечно, разбираюсь, но лес не люблю, и особого удовольствия мне эта возня не доставляет. Хотя умение составить сбор от простуды, приготовить укрепляющий отвар или мазь для обработки ран и ушибов тоже можно отнести к полезным, однако нужно оно не слишком часто. И это, пожалуй, хорошо.

Зато стирать без магических приспособлений я так и не научилась, и моя одежда после полосканий в лесных озерах, несмотря на все усилия, чище не становилась. Меня, впрочем, во время странствий это не слишком волновало — достаточно было осознания того, что я ее постирала.

А готовка?

Свои первые кулинарные опыты я до сих пор вспоминаю с содроганием. Ну да, я знала из книг, что добытую птицу нужно сначала ощипать и избавиться от внутренностей, но книжных знаний было явно недостаточно, чтобы справиться с этой работой. К концу моих издевательств над птичьей тушкой и собственными нервами я вся взмокла и... покрылась перьями с головы до ног. Впору было саму себя ощипывать! Не говоря уж о том, что я не догадалась своевременно обзавестись солью. Мало того, я даже не сразу поняла, отчего мне так невкусно! Потом, конечно, я позаботилась о том, чтобы в запасе всегда были соль и немного круп, но аппетитным содержимое моего котелка можно было назвать только с голодухи.

И вот теперь я наблюдаю за работой кухарки, как за священнодействием, и старалась

быть очень внимательной, чтобы ничего не упустить.

Увы, я могла только смотреть и запоминать — доводить бедную кухарку до сердечного приступа своей незримой 'помощью' в мои планы не входило.

Правда, вечером, когда слуги покинули дом, я все же пробралась на кухню, чтобы поэкспериментировать.

Ну что сказать? Новый опыт оказался... очень поучительным. Чистка овощей со стороны выглядела куда более простым делом. А когда я решила порезать то, что осталось после моих вдохновенных трудов, выяснилось, что я впервые в жизни держу в руке нож. Ну, по правде говоря, так оно и было: все же кухонный нож с охотничьим мало общего имеет, особенно когда приходится заниматься непривычной работой. Но собственная криворукость немало огорчила меня. В довершение ко всему я умудрилась порезать палец, и мне пришлось потратить некоторое время на залечивание болезненной ранки.

Словом, в библиотеку, где меня поджидал Райнер, я явилась с большим опозданием и в расстроенных чувствах.

Старик, услышав о моих злоключениях, расхохотался, и от его веселья моя глупая обида на собственную беспомощность куда-то улетучилась. На душе сразу стало легче. Что-то такое было в Видящем, отчего в его присутствии мелочи утрачивали свое значение, а на первый план выходило действительно важное. И если важного не случалось, то можно было просто помолчать вдвоем. И это тоже было общением.

И теперь меня удивляло, почему люди считают Райнера безумцем. Почему я сама при первой встрече шарахнулась от него?

— Деточка, — пояснил старик, — с этим как раз все ясно: я живу замкнуто, избегаю общения, а если все-таки выхожу к людям, то говорю странные вещи. Те, к кому относятся мои слова, как правило, понимают их, пусть и не сразу, а остальные считают их бредом сумасшедшего.

— И боятся?

— Боятся. Как всего странного и непонятного. Если человек безумен, кто знает, чего от него ждать? Несколько раз меня пытались обвинить в преступлениях, случившихся в округе, но правда выходила наружу... не без моей помощи. Однако слухи никогда не проходят бесследно, и репутация у меня препаршивая: то ли опасный безумец, то ли злой колдун. Впрочем, одно другому не мешает.

— Я тоже не всегда понимаю тебя. Просто стараюсь запоминать твои слова — может, когда-нибудь смысл прояснится.

— Всё запоминать не надо, — хихикнул Райнер, — я и просто так много чего говорю. Без скрытого смысла. А если не понимаешь — спрашивай. Можно и много раз об одном и том же спросить. Как знать, возможно, услышав то же самое, но другими словами, ты поймешь...

— Вот как? — я озадачилась и одновременно воспрянула духом — это все-таки был шанс.

— Так о чем ты хотела меня спросить? — поощрительно улыбнулся Видящий.

— О крови, — решила я. — Ты много говоришь о крови, а я не все понимаю... или не уверена, что понимаю правильно — и почему меня не могут найти, и почему граница меня не пропускает. Как это связано с кровью?

— Пожалуй, тут я тебе могу помочь, — старик распахнул один из книжных шкафов, ловко пробежался пальцами по корешкам и, нащупав нужное, протянул мне свою добычу.

Это оказалась сильно потрепанная книжница в сером невзрачном переплете, на которой красновато-бурыми буквами значилось: 'Магия крови'. О такой магии я не знала ровным счетом ничего. Бьярта как-то в разговоре упомянула о ней, но пояснения давать отказалась наотрез, даже с некоторой брезгливостью, словно речь шла о чем-то отвратительном, грязном.

Книга, которую я тут же начала читать, такой уж неприятной мне не показалась. Даже наоборот, весьма интересной и познавательной. В ней рассказывалось о составе и свойствах человеческой крови — обо всем этом я знала из уроков Бьярты. Но здесь особое внимание уделялось не столько роли крови в организме, сколько ее энергетической функции носителя информации, отражающего и принимающего магическое воздействие, причем не только на самого человека, но и на его кровных родственников.

Соответственно, магические манипуляции с кровью, взятой у живого или мертвого человека, могли дать эффект, которого не добиться никакой другой магией — такому воздействию не помеха ни расстояние, ни отсутствие у заклинателя сильного магического дара.

Да, именно так они и называются, маги, работающие с кровью, — заклинатели. Необязательно сильные, но всегда очень искусные, потому что воздействие на кровь — работа очень тонкая и требующая больших знаний и опыта.

Наиболее простой и действенной разновидностью этой магии является поиск по крови. Для него используют кровь искомого или его ближайших родственников. Но и тут есть множество тонкостей. Например, поиск по родственной крови перестает работать, если человек вступает в другую семью через брак (это, как правило, касается женщин) или ритуал братания. Кровь самого искомого, как правило, надежнее, однако... есть виды магического воздействия, которые, не касаясь непосредственно крови, меняют записанную в ней информацию. И это, похоже, как раз мой случай. Нет, напрямую ничего подобного сказано не было, все же освобождение привязанной Тени — такая редкость, что в книгах упоминаний не найдешь, однако вкупе со словами Видящего все это на определенные мысли наводит...

Раздел, касавшийся собственно заклятий, дался мне значительно труднее. Мало того, что я саму эту магию не слишком понимала, так ведь даже мысль о том, что такое воздействие возможно, вызывала содрогание. Пожалуй, теперь я догадывалась, почему наставница так болезненно реагировала на мои вопросы. Мерзко. Вот заполучи каплю крови врага — и покарать можешь не только его самого, но и всю семью. А если врага еще и убить сразу после ритуала, то заклятие почти невозможно будет снять. Очень сильная магия. И главное, обойти ее куда труднее, чем поисковую, потому что она основывается на глубинных свойствах крови, которые невозможно изменить братанием или каким-нибудь ритуалом.

К счастью, подробных инструкций к применению такой магии в книге не нашлось — все-таки это был не учебник. Зато приводились примеры — преимущественно исторические. Как выяснилось, в старину магия крови была куда больше распространена, чем ныне. Маги, владевшие этим искусством, зачастую служили правящим домам и им поручали уничтожать врагов короны. Опальные роды вымирали, сраженные необъяснимыми болезнями, или лишались возможности производить потомков мужского пола. Иногда их просто запирали на принадлежащих им землях, исключая таким образом из активной политической жизни страны — своего рода изгнание, только внутреннее.

Вот это последнее породило кое-какие догадки, но ясности все же не принесло.

Вопросов, пожалуй, становилось еще больше, чем прежде.

Если даже поверить, что я действительно принадлежу к княжескому роду — ну может же Райнер ошибаться! — то как получилось, что я не была убита вместе с семьей? А о том, что княжеская семья Риатаны была полностью уничтожена, мне рассказывала Бьярта на уроках истории. Конечно, я могла оказаться дочерью кого-то из приближенных, проживавших в княжеском дворце, потому и чувствовала себя там как дома. Но тогда непонятно, при чем тут магия крови и почему граница не пропускает меня, если я не претендентка на престол Риатаны. И вообще, с границей — это какой-то странный прием. Зачем меня — или кого бы то ни было — не выпускать из страны?

Как ни странно, некоторую ясность внесли последние страницы книги — приложение, которым я поначалу пренебрегла. Там сухо перечислялось, для каких видов магии заклинателям годилась мертвая кровь, а для каких — только живая. Вот чтобы уничтожить весь род или поразить болезнью, нужна кровь, взятая у живого (еще живого!) члена семьи, зато чтобы запереть — достаточно мертвой крови. Как и для поиска.

Правящая семья Риатаны была уничтожена изнутри. В то время как вражеская армия осаждала границы, в самом сердце страны, прямо во дворце были убиты князь с женой, детьми и младшим братом — нашлись предатели в ближайшем окружении.

Но возможно, одна маленькая девочка выжила — например, потому, что ее не было во дворце. Живой крови родственников, чтобы убить ее на расстоянии, у заклинателя не было, но мертвой кровью можно было запереть ребенка в стране и начать на него охоту с помощью того же поиска по крови, чтобы уничтожить вместе с девочкой всякую надежду на возрождение династии

И все равно непонятно. Почему я ничего не помню? На тот момент мне было почти шесть — не так уж мало... И главное — почему никто не помнит обо мне? Не было у князя дочери. Никто ее не ищет. А искали бы — за столько лет можно было найти.

И вроде бы понятно было, что княжной, которой не существует, я быть никак не могу, но мысль об этом вызвала отчаянный протест в душе. Не то чтобы я рвалась к трону — не влекли меня ни власть, ни богатство. Если бы вдруг выяснилось, что княжна существует и это именно я, прилагать усилия, чтобы заполучить трон, я не бы не стала. Да, я мечтала вернуть утраченное, но не блага, которые дает высокий статус, а украденную память о детстве. О самой себе. Было ощущение, что меня выкинули из моей собственной жизни, я хотела быть — но меня отрицали. И это было еще страшнее, чем оставаться привязанной Тенью.

Правда, здравый смысл, захлестнутый бурей эмоций, все еще подавал голос, напоминая, что обретение утраченных воспоминаний о собственном прошлом может принести новую боль. Что толку убедиться в том, что я из княжеской семьи, если этой семьи все равно больше нет? Больше не улыбнется ясноглазая женщина с русыми волосами, и мужчина, который живет в моей памяти, больше никогда не подхватит на руки смеющуюся девочку...

Нужно ли мне это? Да, все-таки нужно. Хотя бы для того, чтобы понять, чего ждет от меня неведомая Плетельщица. И решить, стоит ли мне довериться ей.

Я читала книгу всю ночь, потом размышляла целый день о прочитанном и... одно решение я все-таки приняла: пока не знаю правды, буду жить, как живется. В конце концов, плохого от служительницы Арнастры я пока не видела. Да, из меня сделали Тень — но ведь дали и возможность освобождения. Посмотрим, какие пути мне предложат.

Правда, оставались у меня еще вопросы к богине, но вот уверенности, что она ответит,

не было. Поэтому и задавать я их не спешила. Впрочем, имелась этому и другая причина — мне было попросту страшно. Все же дар, пока еще мирно дремлющий в моей крови и дающий о себе знать лишь некоторыми проблесками вроде обостренной интуиции, я воспринимала как нечто чуждое, навязанное извне, что бы там ни говорил Райнер по этому поводу.

Любое мое обращение к Арнастре было бы сродни шагу ей навстречу, а там и до добровольного согласия на служение недалеко. Служить я не хотела. Никому. Слишком уж долго мечтала о свободе.

Вот сейчас я иду по пути, который определил для меня кто-то другой. Иду, потому что не вижу пока другой возможности. Это досадно, даже если знаешь, что тебе не желают дурного. Но какая цель у этого пути, мне по-прежнему неясно. Хочется верить, что наступит момент, минует очередная точка расхождения — и я снова смогу выбирать.

А боги... Боги пусть удовлетворятся моим уважением.

Словом, ни о чем я Арнастру не спрашивала. Зато засела в библиотеке. Тот шкаф, из которого Видящий извлек для меня книгу о магии крови, до недавнего времени я почему-то обходила своим вниманием. Как выяснилось, напрасно — там оказалось немало интересного.

Часть полок занимали книги о магии, причем такие, которые мне не попадались в библиотеке наставницы. Это не значит, что их там не было. Возможно, Бьярта просто не считала нужным показывать их мне. Райнер же никаких ограничений не ставил. Если не считать той части библиотеки, которую можно было бы счесть признаком политической неблагонадежности хозяина, все остальное хранилось открыто.

На других полках шкафа я нашла все то, что касалось взаимодействия людей и богов. И это были не занудные мифы, которыми нас пичкал жрец в воспитательном доме. Большой частью сокровища Райнера представляли собой рукописи — дневники и заметки служителей богов. И эти люди наверняка разбирались в том, о чем писали, куда лучше рядового жреца.

Кстати, рукописи позволили мне разобраться с тем, откуда взялось это разделение: есть служители богов, обладатели их даров, и они к храмовой иерархии никакого отношения не имеют; есть жрецы, роль которых — возносить молитвы и проповедовать; и есть маги, которые совершают ритуалы бракосочетания и имянаречения в храмах.

Последние, как выяснилось, со своей задачей справились бы и без богов, ритуалы-то чисто магические, и боги лишь призывались как свидетели. Жрецам же особых даров не дано, чтобы не забрали в свои руки слишком много власти — история знает такие случаи. Да, жрецы живут с пожертвований, приносимых верующими, но их полномочия ограничены очень жесткими рамками. Стоит жречеству зарваться и захотеть большего, появятся настоящие служители, чтобы обличать и карать. И появятся со знаками, которые невозможно игнорировать.

— А тебе приходилось выступать в такой роли? — спросила я как-то Райнера.

— Однажды, — усмехнулся старик. — К счастью, мне потребовалось лишь предъявить знак своего служения, чтобы превысивший власть жрец искренне раскаялся в своей самонадеянности. О более серьезных случаях я только читал. Вот, к примеру, около ста пятидесяти лет назад в Ругалдене...

Да, об этом я тоже успела прочитать в одной из рукописей. Тогда жрецов не только жестко осадил, но и лишил некоторых источников дохода. Именно поэтому браки там теперь совершаются не в храмах, а в городской или сельской управе. Прежде каждый

приглашенный гость считал своим долгом оставить в храме посильное пожертвование, теперь существует лишь взнос в казну за совершение ритуала. Иногда пары после заключения брака все равно отправляются в храм, чтобы перед богами подтвердить серьезность своих намерений, но это дело сугубо добровольное...

— Откуда у тебя все эти рукописи, Райнер?

— У всякого служителя богов могут найтись свои маленькие слабости, и Высшие иногда потворствуют им, если это не мешает служению, — Видящий улыбнулся. — Моя слабость — книги и знания. Когда судьба столкнула меня с богом напрямую, я не мог не заинтересоваться, как это происходило с другими, и начал искать свидетельства. Идьярд подсказывал мне, где их можно найти. Я был куда моложе и сильнее, чем теперь, и не боялся впускать в себя духов, чтобы справиться с дорогами... Пообещай мне, Тень... Когда ты прочитаешь в этом собрании все, что тебя интересует, ты позаботишься о том, чтобы бесценные рукописи не пропали после моего ухода.

— Обещаю. А как?

— Ну... Забрать их сразу с собой ты едва ли сможешь... Я заказал ящик — непроницаемый для влаги, обитый металлом. Сложишь в него всё, и когда придет время, закопаешь в саду и замаскируешь так, чтобы это место могла найти только ты одна.

— Хорошо, я все сделаю. А кому их отдать потом?

— Потом... — Райнер поморщился. — Я не знаю, что будет потом, мне не дано предвидеть будущее. Но я верю, что ты когда-нибудь обретишь собственное пристанище. Тогда и вернешься за своим наследством. Да-да, наследством — ничего другого я все равно не смогу тебе оставить. Распорядишься им по своему разумению... или по воле Высших — в таком случае они сами дадут знать, как поступить. Но я не думаю...

О чем именно он не думал, Райнер не договорил, но я, кажется, поняла: едва ли богам есть дело до этих рукописей. Если люди утратят какое-то знание, Высшие найдут способ донести до своих служителей все, что они сочтут нужным — не больше и не меньше. И новые люди когда-нибудь запишут истории о своем служении богам. Только это будут уже совсем другие истории.

А мне, как и Райнеру, будет жаль, если пропадут сокровища, которые Видящий собирал десятилетиями. И если мне удастся их сохранить, то рано или поздно рукописи найдут своих читателей, таких же жадных до знаний, как сам Райнер... или я.

Не стану утверждать, что я проводила в библиотеке большую часть дня. Я еще прежде успела открыть для себя и другие способы познания. Те часы, когда я не читала и не торчала на кухне, наблюдая за приготовлением обеда или ужина, я старалась проводить в городе. И за время своей жизни у Райнера узнала о мире и людях куда больше, чем за все предыдущие годы.

Перестав бояться за собственную шкуру (я так и не поняла, в какой момент исчез этот страх), я не только шаталась по улицам или заходила в лавки и таверны, но и не стеснялась пробираться в чужие дома — просто из любопытства.

Нет, я не интересовалась подробностями интимной жизни обывателей — на такое я насмотрелась во дворце с его более чем вольными нравами. Я наблюдала за отношениями в семьях, за проявлениями чувств — в словах, взглядах, прикосновениях, жестах.

Я открывала для себя целый мир!

И мои открытия имели интересное следствие, которое я не сразу осознала: я почти перестала читать романы. После всего, что я видела, чувствовала, переживала вместе с

другими людьми, слова на страницах книг стали казаться мне пресными, отношения героев — искусственными, все эти сюжеты не передавали и десятой доли того, что было самой жизнью.

Здравствуй, Тень!

Со времени, когда я написала тебе последнее письмо, для меня изменилось многое, если не все. Возможно, я преувеличиваю, но ты просто послушай — мне обязательно надо выговориться.

Я писала, что муж мой пропадает целыми днями в поисках подходящей работы, оставив меня в одиночестве, — и это была правда. Но по-настоящему одна я осталась только теперь.

Несколько недель назад Ианнар явился домой очень поздно. Он был очень мрачен и долго не решался поведать мне, что его гложет. Разговорила я его только под утро.

В общем, он нашел себе работу. И даже договор подписал, но только после этого полностью осознал, во что же он вляпался.

Когда мы сюда бежали, Иан знал, что маги на Новых землях нужны. Но здесь, на побережье, спрос есть только на бытовиков, которые способны, к примеру, защитить склады от грызунов или что-нибудь в этом роде, а также на предметников, снабжающих местных жителей разного рода амулетами. У Ианнара нет особых способностей ни к тому, ни к другому. Он, как ты знаешь, боевой маг. Боевиков же нанимают в отряды первопроходцев. Иан не рвался на такую работу, потому что не хотел надолго оставлять меня одну — он справедливо считает, что я пока не готова к самостоятельной жизни. Но мужская гордость пересилила: как это он, такой замечательный, не может содержать свою семью?! И он согласился на контракт. А потом узнал о том, о чем здесь не принято говорить — по крайней мере, с новичками. Если бы он догадался задать вовремя нужные вопросы, то был бы в курсе, а так...

Оказывается, в задачи первопроходцев входит не только исследование новых земель и нанесение их на карты, но и уничтожение опасностей, которые ожидают поселенцев. Опасности эти подвижны и перемещаются большей частью на четырех конечностях, но на этом и заканчивается их сходство с обычными животными, потому что это не звери, а твари.

Когда маги исследовали новый континент, они обнаружили, что здесь когда-то произошла магическая катастрофа. Неизвестно, чем она была спровоцирована — естественными причинами или неразумным поведением живших тут когда-то людей. Об этом пока рано говорить, потому что следов пребывания на материке людей пока не обнаружили. Даже если они здесь жили, то очень давно, и все следы ушли глубоко под землю. Зато магический фон остался — вместе с тварями, которых он породил. Фон, говорят, теперь не опасен, в отличие от этих существ. Они куда умнее и хитрее любого зверя, хотя разумными их не назовешь. Они исполнены жажды крови и убивают не только ради пищи, а двуногих считают своими основными врагами. Оно и понятно — люди теснят их, отвоеывая все новые территории.

Сперва в глубь материка продвигаются группы первопроходцев: землеведы, рудознатцы и просто бойцы. И в каждой группе обязательно должен быть маг, который сражается наравне со всеми.

Если находят месторождение металлов или полезных минералов, то зачищают

окружающую территорию особенно тщательно и огораживают ее заслоном из амулетов, отпугивающих тварей. Здесь задача мага — проследить, чтобы амулеты были в рабочем состоянии и заряжены под завязку. Потом, с партией старателей, придет другой маг, который будет следить за амулетами и обновлять их при необходимости. Эти маги обычно из тех, кто уже принял участие не менее чем в трех первопроходческих экспедициях и теперь хочет осесть на какое-то время.

Одна экспедиция длится от пары месяцев до полугода, как повезет. Если маг ходил в такие походы пять раз, он имеет право получить официальную должность в одном из небольших поселений. Если десять раз — место городского мага. Только до этого еще дожить, надо, а доживают не все.

Все это я вытянула из мужа не за один раз. Днем он ходил в управление освоения земель для подготовки к походу — знакомился с тварями, с которыми ему предстоит столкнуться, изучал другие возможные опасности и здешнюю природу. А вечерами я его тормошила. Он явно не хотел мне все это рассказывать, чтобы не пугать, но... Ты ведь меня знаешь, Тень! Если мне надо, я все вытяну. А мне надо: я не хочу гадать, что стоит за тяжелым молчанием мужа, и придумывать себе страхи, для которых нет оснований. Пусть уж лучше будут настоящие, с ними хотя бы можно бороться.

За три дня до отъезда Иан вручил мне пухлый конверт и сказал, что там его завещание и письмо для меня, в котором он рассказывает все о себе, о чем умалчивал раньше. Но вскрыть этот конверт я смогу только в том случае, если у меня не останется надежды на возвращение мужа.

Но знаешь, мне показалось, что Ианнар этой надежды не испытывает, будто уже сам себя похоронил. И это не просто страх, а смирение приговоренного. Словно он отказывает себе в праве на жизнь. Так бывает с людьми, которые совершили что-то ужасное и осознают это. И смерть воспринимают как искупление.

Я догадываюсь, что за этим стоит. И ты, наверно, тоже. Но я не согласна с таким исходом. Это неправильно — и для него, и для меня, и для тебя, наверно, тоже. Ты согласна?

Однако слова в такой ситуации бессмысленны, и я решила сделать мужу оберег. Ты знаешь, что я ничего не понимаю в магии и не имею дара, но ведь оберег — это не амулет, в него можно вложить не силу, а чувства.

За основу я взяла — только не смейся! — пустой флакончик с фиолетовой пробкой, один из тех, что ты носила в своем поясе. Я нашла его однажды в комнате и почему-то с разу решила не возвращать тебе, а припрятать. Не думаю, что он представлял для тебя хоть какую-то ценность, а потому угрызений совести не испытываю. А теперь мне кажется, что это очень символично. И это правильный выбор.

Флакон я оплела нитями, как учила меня миерс Олана. У меня уже очень неплохо получается, нити ложатся ровно и красиво. Вместе с нитями я вплетала свою веру в мужа, надежду на благополучный исход, убеждение, что справедливость состоит не в том, чтобы глупо погибнуть, избегнув стольких опасностей. Пока плела, не могла удержаться от слез, а потом собрала капли со своих щек и поместила их во флакон. Странно, наверно, но мне обязательно хотелось вложить в подарок что-то материальное помимо своих чувств. Сначала думала о пряди волос, но это так банально. А слезы прилились как нельзя более кстати.

Несколько дней после отъезда мужа я пребывала в растерянности. Казалось бы, ничего

не изменилось, я и прежде не видела его целыми днями, но теперь, когда расстояние между нами увеличивалось с каждым часом, я ощутила настоящее одиночество.

Но знаешь, как это ни удивительно, на помощь мне пришли здешние люди. До сих пор я ни с кем особенно не общалась, кроме нашей квартирной хозяйки, а потому не ожидала такого участия. Меня стали встречать улыбками, приглашать в гости и на прогулки, вводить в тонкости жизни в городском обществе.

Не сразу, но я поняла, что согласие Иана на участие в первопроходческой группе сделало нас здесь своими. Нас приняли.

Тут люди живут иначе, чем в королевствах. Не имеет значение твое происхождение, прежняя иерархия осталась по ту сторону океана, на первый план выходят личные достоинства. Конечно, материальный достаток играет свою роль, но на общении, на личных взаимоотношениях это сказывается куда меньше, чем можно было бы представить.

Сколько длится заселение Новых земель? Несколько десятилетий. Все, кто здесь живет, оторвались корнями от своего прошлого и пытаются пустить корни в эту землю. Они прорастают друг в друга, потому что вынуждены вместе противостоять сложностям и опасностям этого мира. Кто-то может гордиться своими достижениями, а кто-то достиг меньшего и мечтает о большем и даже, может быть, завидует соседу, но случись что, они встанут плечом к плечу — мужчины и женщины, богатые и бедные — и будут отстаивать свою жизнь и свои земли.

Знаешь, я хотела бы когда-нибудь написать книгу об этих людях...

Честно говоря, я не знала, плакать мне или смеяться. Флакон с фиолетовой пробкой — тот самый, в котором хранилось описание ритуала для моего освобождения. Я тогда его переписала, желая сохранить оригинал для себя, но впихнуть обратно в склянку уже не смогла — не удалось свернуть листок достаточно туго... Пришлось искать для него новое местечко, а тот флакон так и остался лежать в гардеробной принцессы — я просто-напросто забыла о нем, выкинула из головы.

Нэл права — это действительно очень символично. Хоть принцесса и не догадывается, насколько и почему. И да, я, наверно, согласна, что покорно принять гибель — не выход. Никому из нас не станет от этого лучше. И не надо быть посвященной в замыслы богов, чтобы понять это. Но... всю эту историю со страданиями мага и оберегом стоит, наверно, еще обдумать. Чуть позже, когда впечатления от письма улягутся в голове.

Однако жизнь не оставила мне времени на подобные размышления. Кто-то там наверху решил, что я засиделась на одном месте.

Райнер, непривычно молчаливый за завтраком, завершил нашу трапезу единственным коротким словом:

— Пора!

Я застыла. Я знала, что значит это слово, и думала, буду готова услышать его, но все равно это случилось внезапно.

Как люди уходят из этой жизни? Ну, если не считать насильственной смерти, то обычно болеют, слабеют... Есть, наверно, какие-то признаки, по которым можно определить, что час близится? Но Райнер сидел передо мной такой же, как всегда. Ну, может, чуть бледнее обычного...

Пока я пыталась осознать услышанное, Видящий поднялся, коротко кивнул мне и вышел

из столовой.

Мне не надо было объяснять и напоминать, что я должна сделать — мы обо всем давно договорились. Справившись с потрясением, я поднялась в библиотеку. Рукописи, за судьбу которых я теперь несла ответственность, давно уже были сложены в заказанный Райнером ящик, но до сих пор оставались в доме. Сейчас пришло время спрятать их.

Ящик оказался тяжелым — я с трудом стащила его по лестнице. По земле можно было бы и волоком, это легче, но тогда останутся следы. Пришлось вздохнуть, пыхтеть, ругаться на себя, запустившую тренировки, но тащить.

Не меньшим испытанием стала и лопата — до сих пор мне не приходилось держать в руках этот инструмент. Теоретически я хорошо представляла себе, что должна делать — аккуратно подрезать дерн, снять пласт, затем выкопать яму, уложить в нее сокровище и снова прикрыть ее дерном. Однако на практике мне вновь пришлось познать свою криворукость и никчемность.

Осенняя погода отнюдь не облегчала мой труд. Мало того, что раскисшая земля казалось невероятно тяжелой, так еще и дождь холодными струями стекал мне за воротник, смешивался со злыми слезами на щеках, и мокрые пряди волос липли к лицу, заставляя меня поминутно встряхивать головой. Давно не стриглась. Распустилась. Стыдно и обидно.

В результате моих усилий ладони были покрыты кровавыми мозолями, а уголок сада, который я выбрала для своего клада, выглядел так, словно там порезвилось стадо кабанов. Оставалось надеяться на то, что это место не просматривается с дорожек, а осенние дожди прикроют следы моей неумелости. И еще на то, что мне больше никогда не придется брать в руки лопату. Мозоли-то можно залечить, а вот пострадавшее самолюбие склонно болезненно аукаться в воспоминаниях.

К обеду Райнер не вышел, и я, обеспокоившись, явилась к старику в спальню. Видящий лежал на постели в той же рубашке, в которой я видела его утром, укрытый легким покрывалом. Голова его была бессильно откинута на подушку, но глаза — открыты.

— Что, совсем плохо? — почему-то шепотом спросила я.

— Все в порядке, — откликнулся старик, — как и должно быть.

— Может, принести тебе поесть?

— Не стоит. Иди спокойно обедать. А вот потом... — Райнер прикрыл тяжелые веки, то ли пытаясь сладить со слабостью, то ли прислушиваясь к чему-то внутри себя. — Потом, когда я уйду, тебе придется покинуть дом в ту же минуту. Ни в коем случае не оставайся здесь после моей смерти. Поэтому собери заранее свои вещи, а после ужина, когда кухарка уйдет, приходи снова сюда уже с мешком, чтобы потом не тратить времени на сборы. Поняла?

Я кивнула.

Сборы, как ни странно, заняли не один час. Я подолгу рассматривала вещи, оправдывая это тем, что решаю, какие из них могут пригодиться в дальнейшей жизни. На самом деле причина была в другом — оказалось, что каждая из этих вещей содержит в себе какое-нибудь воспоминание, связанное с жизнью в доме Видящего. От прежних скитаний не осталось ничего — даже котелок и охотничий нож я приобрела себе новые, более качественные. Только пояс с зельями и метательными ножами был все тем же — но это уже почти часть меня.

Наконец мешок был уложен, каждой вещи нашлось свое место. Последнее, что я сделала, прощаясь с этим этапом своей жизни, — обрезала волосы, отросшие за последние

месяцы.

После ужина я вновь поднялась к себе и присела на краешек кровати, напряженно прислушиваясь к затихающему дому. Вот горничная, закончив уборку в столовой, прошуршала к выходу. Вот захлопнулась дверь за кухаркой...

Всё, мы с Райнером остались вдвоем, если не считать Сьюнара и Лию. Я по-прежнему не могла видеть духов, но в их существовании больше не сомневалась. Просто мне не нравилась мысль о том, что рядом присутствует еще кто-то, кого я не вижу, а потому я старалась думать о них поменьше. Вот только сейчас это не получалось — меня тревожили слова Видящего о том, что мне опасно оставаться в доме после его смерти. Уж не с духами ли связана эта опасность?

Вздыхнув, я подхватила свою поклажу и пошла к Райнеру. В последний раз. Наверно, в последний.

Старик, казалось, пребывал в забытии, но когда я осторожно взяла его за руку, сжал пальцы, давая понять, что он еще здесь. А я сидела и смотрела на изборожденное морщинами лицо и пыталась принять то, что вот-вот произойдет.

Так получилось, что Райнер стал первым человеком, к которому я испытывала привязанность. Бьярта — наставница. Жесткая, неумолимая, холодная, знавшая, что делает, но не считавшая нужным посвящать меня в свои планы. И кажется, она сама старалась не допустить, чтобы я слишком привязалась к ней. Нэл — вторая половинка искусственно созданной связи. Мы долго притирались друг к другу, но так и не научились доверять до конца. И только теперь, когда нас разделяет океан, возникла некая странная близость, и я пока не поняла, что она для меня значит.

С Райнером же все было по-другому. С самого начала, несмотря на разницу в возрасте и уровне знаний, Видящий вел себя со мной, как с равной. Учил, но не выказывал своего превосходства. Его дом стал для меня тихим прибежищем, где я получила возможность спокойно поразмыслить над своей жизнью и избавиться от некоторых страхов. И пусть даже сейчас не сбудутся слова о том, что мне откроется путь, если я останусь с Видящим до конца, я не пожалею о месяцах, проведенных рядом с ним.

Словно в ответ на эти мысли, пальцы старика снова сжали мою ладонь, глаза открылись, и губы шевельнулись с усилием.

— От огня уходи в тень, — проговорил он.

Веки снова сомкнулись, пальцы выпустили мою руку. Я прислушалась тревожно, чтобы уловить последний вздох, после которого наступила тишина.

Надо было уходить, а я все никак не могла отвести взгляда от лица Райнера. Я никогда прежде не видела смерть так близко. Убитые мною — не в счет. Это другое. Впервые на моей памяти ушел человек, которого я... любила. Да, любила. Поэтому я мешкала, не решаясь признаться самой себе, что это конец.

Встрепенуться меня заставили звуки за спиной. Я обернулась: Лия и Сьюнар — видимые и, кажется, вполне материальные — открывали окно, впуская в дом бушевавшую за его пределами совсем не осеннюю грозу. Сполохи молний озаряли небо, дождь хлестал так, словно грозил затопить всю землю.

Завороженная, я смотрела на светящиеся стрелы, ворвавшиеся в комнату. Молнии ударили в несколько точек сразу. Россыпь искр — и комната занялась пламенем. Все еще не веря собственным глазам — так не бывает! — я нащупала свой мешок и закинула лямки на плечи.

Поздно — пламя разгорелось сразу в нескольких местах, перекрывая мне выход. Захлестнула паника — я боялась огня еще с того самого столкновения с зачарованной книгой в доме Бьярты. Можно было, наверно, прорваться сквозь огонь, но вместо этого я, как маленький ребенок, забилась в угол за кроватью и заскулила от безнадежности, даже не вспомнив о последних словах Видящего. Зато почему-то всплыло сказанное на прощание Бьяртой: 'Если очень понадобится — зови. Но только в самом крайнем случае'. И я позвала, вкладывая в этот мысленный вопль весь свой страх и отчаяние.

Нет, Бьярта не возникла чудесным образом среди пламени, но ее присутствие я ощутила — казалось, кто-то взглянул на мир через мои глаза, а потом в голове раздался полный раздражения голос наставницы:

'В тень! В тень уходи, дура!'

Первым моим порывом было забиться еще глубже за кровать, куда пока не проникали свет и жар пламени, и лишь мучительно долгие мгновения спустя я догадалась перейти в теневую форму. Вжалась в стену — и тут же ощутила, что эта надежная, казалось бы, опора, исчезает за моей спиной. И провалилась в темноту.

Часть IV. ТЕНИ — ОТ ТЕНЕЙ

Неловким движением стряхнув мешок с плеча на дощатый пол, я скорчилась, пытаюсь сладить с тошнотой и головокружением. Огня больше не было, но я все еще не могла осознать, что со мной произошло. Понимала только, что ушла. Как и куда? Потом, всё потом. Сейчас главное прийти в себя.

— Так-так, — раздался надо мной насмешливый голос, — и кто это тут у нас?

Я подняла голову и уставилась на того, кто только что произнес эти слова. Это оказался мужчина средних лет с чуть припыленными сединами волосами и мелкими, резкими чертами лица. Он сидел в кресле в обманчиво расслабленной позе.

— Ну, — продолжил он, — откуда же ты взялась, незнакомая Тень?

— Вы — видящий? — вместо ответа спросила я.

И тут же догадалась, что это не так, но в чем моя ошибка, не поняла. Просто он не был таким, как Райнер, — и всё.

Мужчина хохотнул, поднялся с кресла и одним неуловимым движением приблизился ко мне.

— Какая интере-эсная, — протянул он, разглядывая мое лицо. — И не из наших. Проявись!

— Что? — не поняла я.

— Ты и проявляться не умеешь? — хмыкнул мой собеседник.

— Не умею — что?

— И даже не знаешь, что это такое, — констатировал мужчина. — Однако тенями ходишь. Откуда же ты такая взялась? — повторил он свой вопрос и на этот раз, кажется, ожидал от меня конкретного ответа.

— Из Тауналя, — брякнула я, только теперь сообразив, что мы говорим по-уствейски.

— И кто подослал тебя в клан? — голос приобрел вкрадчиво-угрожающую окраску.

— В к-какой клан?

Честное слово, давно не чувствовала себя настолько глупо. Даже страшно не было, только обидно из-за полного непонимания ситуации.

— В клан Теней, детка.

— Впервые о таком слышу, — честно призналась я.

— Тень, ничего не знающая о своем клане? И что-то не припомню, чтобы у нас за последнюю дюжину лет пропадали дети...

Мужчина все еще смотрел на меня испытующе, а до меня постепенно начинало доходить: клан Теней! Целый клан таких, как я! Я выдохнула сквозь стиснутые зубы и помотала головой, пытаясь справиться с эмоциями и привести мысли в порядок.

— Ты так и не ответила мне.

— А? — встрепелась я.

— Я все еще хочу услышать, откуда взялась Тень, о которой ничего не известно в клане.

Кто обучил тебя ходить тенями?

— Ходить тенями — это тот способ, которым я сюда попала? — уточнила я.

— Именно.

— Тогда никто. Я даже не знала, что такое возможно. В первый раз получилось — просто очень испугалась пожара.

— Что же, — кивнул головой мужчина, — это многое объясняет. Но далеко не всё. Если не считать хождения и проявления, ты обученная Тень. Однако школа Теней есть только в клане. Конечно, известно еще о нескольких семьях, но там не обучают девочек. Кто вырастил тебя Тенью?

— Маг, — я решила пока не называть имени наставницы — мало ли что.

Лицо мужчины исказилось гневом.

— Маг! — воскликнул он. — Маг! Запомни, девочка, маг не может создать Тень, мы рождаемся из крови предков. Тени не от магов, Тени — от Теней!

Я ничего не отвечала, но кажется, ему и не требовался мой ответ. Мой собеседник после гневной тирады мгновенно успокоился и уставился на меня с жадным интересом. Я даже поежилась, пообещав себе под этим голодным взглядом, что буду рассказывать о своей прошлой жизни как можно меньше.

— Пришла Тень, значит, — пробормотал мужчина, — все сходится. А я и не верил. Любопытно, что тебя вынесло именно в мои покои.

— А куда должно было? — поинтересовалась я.

— Обычно Тени, попав в неприятности или просто возвращаясь в клан, попадают в зал сообщений.

— Возвращаясь, — с нажимом произнесла я. — Чтобы куда-то вернуться, надо сначала оттуда уйти.

— Ты права, — мужчина уже расслабился и вернулся обратно в кресло, оставив меня сидеть на полу.

Не скажу, чтобы это было так уж неудобно, но задирать голову, глядя на собеседника, мне не нравилось, так что я поднялась и переместилась в соседнее кресло, не дожидаясь приглашения хозяина.

— Дерзкая, — мужчина рассмеялся, — обычно Тени стоят в присутствии главы клана, если им не предложили сесть.

— Я по-прежнему ничего не знаю о вашем клане.

— Надо признать, меня это удивляет, — ответил глава клана.

— Что тут удивительного? — я пожала плечами. — Разве о вас знает каждый? Мне до сих пор не приходилось ничего слышать.

— Но твой наставник ведь должен был тебе что-то объяснять?

— Какой смысл? Меня готовили, чтобы привязать к носителю, к некой высокопоставленной особе. Не думаю, что моему наставнику было выгодно просвещать меня о существующем где-то клане теней. Вдруг бы я сбежала, наслушавшись такого?

Пожалуй, я была близка к истине, говоря эти слова: наверняка Бьярта знала о клане. И скорее всего, молчала именно из этих соображений.

— Привязка Тени?! — вновь подскочил мужчина. — Неужели кто-то до сих пор проводит эти варварские ритуалы?!

— Я не встречала других привязанных Теней, — уклончиво ответила я.

— Подожди, ты хочешь сказать, что тебя все-таки успели привязать?

— Да.

— И... как же тебе удалось выжить?

— Ритуал освобождения. Моя носительница жива, я тоже.

Я была бы не против и дальше удовлетворять любопытство хозяина покоев, вот только день был долгим и тяжелым, я порядком вымоталась и успела проголодаться, о чем во всеуслышание объявил мой желудок.

— Прости, ребенок, — спохватился хозяин, — ты с дороги, а я даже не предложил тебе поесть.

Глава клана сказал несколько слов в связной амулет, висевший у него на груди и улыбнулся:

— Скоро нам принесут чего-нибудь перекусить. Потерпи немного.

Радуюсь возникшей паузе, я откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза. Даже, кажется, задремала, а потому вздрогнула, услышав едва уловимый скрип открываемой двери.

В комнату зашла крупная румяная девушка с подносом в руках. Опуская свою ношу на столик, она бросила на меня полный любопытства взгляд, но задерживаться и задавать вопросы не посмела.

Какое-то время мы с главой клана ели молча, но стоило мне удовлетворить первый голод, хозяин снова взял меня в оборот.

— Кто был тот маг, который готовил тебя?

— Зачем вам?..

— Чтобы уничтожить, — жестко отозвался мужчина. — Чтобы впредь магам неповадно было делать из наших детей рабов.

— Я не скажу вам его имени. Да, этот маг сделал меня привязанной Тенью. Но он же дал возможность освобождения. И я этой возможностью воспользовалась.

— Знаешь, будь ты одной из нас, я бы тебя сейчас даже слушать не стал, вытряс бы имя — и всё. Но в твоей ситуации судить не могу. Надеюсь, ты действительно веришь в то, о чем говоришь.

— Верю.

— Но раз ты все-таки очутилась здесь, надо решать, что с тобой делать дальше.

— А какие есть варианты? — признаться, спрашивала я уже по инерции, потому что после сытной еды глаза неумолимо слипались.

— Вижу, собеседник из тебя сейчас вовсе никакой, — признал глава. — Может, продолжим этот разговор утром?

— Пожалуй, это будет наилучшим выходом, — с радостью согласилась я.

Мужчина вывел меня в коридор и толкнул дверь соседней комнаты.

— Располагайся, — кивнул он и оставил меня в одиночестве.

Комната была крохотной, с единственным небольшим окошком, кроватью, комодом и закутком, где за ширмой располагались необходимые для жизни удобства.

Придираться к размерам выделенного жилища я не собиралась. Сил у меня хватило только на то, чтобы стянуть сапоги. Кажется, я провалилась в сон прежде, чем моя голова коснулась подушки.

Снился мне огонь.

Впрочем, в этом сне не было ни пережитого страха, не затапливающей мысли паники, только досада на собственную беспомощность. И проснулась я с глубоким убеждением, что нужно срочно брать себя в руки и начинать тренировки не только тела, но и разума — чтобы не отказывал в критической ситуации. Правда, как это делать, представляла я себе довольно слабо.

Глава клана пригласил меня к себе на завтрак, а потом продолжил начатую накануне беседу.

— Итак, тебя занесло сюда случайно...

На этом месте я хмыкнула, и глава заинтересованно поднял бровь.

— Я не верю в случайности, — пояснила я свою реакцию и снискала в ответ долгий, внимательный взгляд.

— Знаешь, я тоже, пожалуй. 'Случайность' тут — не более чем фигура речи. Я всего лишь имел в виду, что ты не ставила своей целью попасть в клан. Но все это объяснимо: первый опыт тенехождения, неосознанный, а места, где ты чувствовала бы себя в безопасности, у тебя нет, потому и срезонировала точка притяжения, общая для многих Теней, ищущих убежища. Все мы так или иначе связаны между собой.

— Вот как... Звучит убедительно, — согласилась я.

— А я в свою очередь практически убедился в том, что ты не несешь опасности для клана. По крайней мере, сознательно. Я готов тебе кое-что предложить, но для начала хотел бы услышать, как ты сама представляешь свою дальнейшую жизнь. Я так понял, ты освободилась и никаких обязательств ни перед кем не имеешь.

Насчет последнего я могла бы и поспорить, свободы без обязательств не бывает, и у меня свои есть, но высказывать свои соображения не стала, все-таки Райнер и его наследство — это очень личное.

— Свобода — странная штука, — начала я осторожно. — Ею еще воспользоваться уметь надо. В невидимом существовании есть свои несомненные плюсы, но мне хотелось бы... найти свое место среди людей. Иметь возможность законно заработать себе на жизнь.

— А каким образом ты могла бы зарабатывать?

— Не знаю, — пожалала плечами я, — мне дали образование, какое полагается благородным девицам, но оно, как мне кажется, не имеет особой практической пользы. Еще меня научили сражаться, но, как выяснилось, за последнее время я изрядно подрастеряла свои боевые навыки. Да и не уверена, честно говоря, что мечтаю о карьере наемницы. Но вообще-то я еще достаточно молода, чтобы освоить какое-нибудь ремесло.

— Мне нравятся твои рассуждения. Теперь послушай мое предложение. Ты можешь пока пожить здесь — тебе предоставят комнату, более приспособленную для постоянного проживания, нежели та, в которой ты провела нынешнюю ночь. У тебя появится возможность восстановить утраченные навыки и научиться чему-нибудь новому, в частности, осознанному тенехождению. Обучаться будешь вместе с нашей молодежью или

индивидуально — посмотрим на твой уровень. Обычно ученики должны выполнить три задания клана — одно с опытным напарником, второе — с равным, а третье — самостоятельное. И тогда они допускаются к тайнам клана. У тебя тоже будет такая возможность. Единственная сложность — я не уверен, что смогу помочь тебе проявиться. Если получится, у тебя будет выбор: остаться здесь или уйти. Останешься — тоже сможешь пройти посвящение в тайны. Если не выйдет с проявлением, то... едва ли ты найдешь себе место за пределами клана, так что выбор будет только между Тенями и одиноким существованием.

— Что за задания? Чем вообще занимается клан?

— Нас нанимают для охраны, разведки или тайного перемещения ценных компактных грузов. Иной раз наша деятельность носит не вполне законный характер, но прежде чем дать согласие на исполнение подобного поручения, мы тщательно изучаем ситуацию — не с точки зрения возможности исполнения, а на предмет согласования с нашими моральными принципами.

— Моральные принципы — такая ненадежная субстанция, — хмыкнула я в ответ.

— Лучше, чем ничего, — улыбнулся глава. — Мы не беремся судить вся и всех, но всегда стараемся убедиться, что наше вмешательство не принесет масштабной катастрофы, не подведет под секиру палача невинного и не обездолит беззащитного. Иной раз не только отказываемся от дела, но и можем поспособствовать разоблачению замыслов нечистоплотного нанимателя. Потенциальные наниматели об этом осведомлены, а потому в сомнительные дела нас стараются не впутывать. Услуги Теней стоят дорого, выйти на нас непросто, так что иной раз человек подумает и, учитывая нашу репутацию, откажется от идеи найма.

— Как вообще на вас выходят?

— Через цепочку посредников.

— А где вы находитесь сами? Ну, то есть, где мы сейчас находимся?

— А это как раз одна из тех тайн, к которым допускаются только посвященные. Если останешься с нами, принесешь клятву верности клану, тогда и получишь ответ. Сейчас тебе достаточно знать, что клан обитает в замкнутой горной долине, достаточно обширной, чтобы удовлетворить все наши потребности, и те, кто не выбрал путь наемника, находят себе занятие прямо здесь. Перемещаемся мы из долины и обратно тeneвым путем — как ты понимаешь, привести сюда таким образом чужака невозможно.

Я задумалась. С одной стороны, о деятельности клана глава явно не сказал мне всей правды — уж больно гладкая получилась картинка, образ эдаких поборников справедливости, которые никогда не берутся за грязные дела. Кроме того, я не могла понять, какой у него интерес вкладывать в меня время и силы, если он обещает так легко отпустить меня по окончании обучения. Вероятно, с этим 'проявлением' все не так просто, и выбор в итоге у меня будет... очень ограниченный. С другой стороны, для меня это шанс — если я могу остаться в клане, среди своих, то такой вариант, возможно, меня устроит. При условии, конечно, если я здесь буду на равных с другими, а не бесправной приبلудой. Что ж, наверно, стоит попробовать.

— Я согласна, — подвела я итог своим размышлениям, — остаюсь здесь, буду учиться и постараюсь завоевать ваше доверие, чтобы остаться в клане, если не выйдет проявиться. Я правильно поняла, что речь идет о возможности становиться... такой же, как обычные люди?

— Да, именно о ней. Но подробнее мы поговорим об этом позже, когда придет время.

— Ладно, — согласилась я. — Что от меня требуется теперь?

— Сегодня ты отдыхаешь. Сейчас я проведу тебя по территории школы, покажу, где будут проходить твои занятия. Потом заселим тебя в общежитие.

— Я должна буду жить вместе с другими учениками?

— Комната у каждого отдельная. Тени с младых лет ценят возможность уединения. Но столовая общая. Правда, сегодня она не работает, у нас сейчас короткие каникулы, и ученики разъехались по домам, поэтому на обед и ужин я снова приглашу тебя к себе. А завтра утром представлю тебя наставникам, пусть оценят твой уровень и составят расписание.

— И последний вопрос, — я улыбнулась, вспоминая первый день в доме Райнера. — Как мне к вам обращаться?

— Называй Главой, как все. У нас имена существуют только внутри семьи и в кругу близких друзей, для всех остальных — прозвища или обозначения ранга. Ты пока будешь Пришлой. Возможно, со временем определится какая-нибудь яркая черта, и тебя назовут иначе.

Пришлая. Нельзя сказать, чтобы это звучало приятно — будто бы меня сразу выделили как чужачку. Но... с этим, похоже, придется смириться...

День пролетел незаметно. Сначала Глава показал мне все, что посчитал нужным, потом я сама бродила по окрестностям, благо никто не ограничивал мои передвижения.

Спать я легла рано, но заснуть долго не могла, заново переживая события последних дней. До сих пор у меня не было ни времени, ни сил на раздумья, а теперь я заново провожала в последний путь старика Райнера, пыталась осознать всё то, что привело к перемещению в клан Теней.

По всему выходило, что я спаслась бы от пожара в любом случае — так или иначе сообразила бы перейти в тeneвую форму, чтобы обезопасить свое тело от огня. Но может, если бы не жалась изо всех сил в угол, где еще оставался клочок тени, не смогла бы совершить этот таинственный переход. Жалко, что я тогда была не в состоянии понять, как это происходило, чтобы теперь суметь повторить при желании тот же фокус. Судя по всему, именно он позволил мне преодолеть закрытую границу, а значит, был очень полезным умением. И это, пожалуй, главное, что я хотела бы освоить. Не считая проявления.

... Утро было не по-осеннему ясным. Впрочем, климат здесь, в долине, сильно отличался от того, к которому я привыкла в Таунале: ночами подмораживало, листва потрясала буйством красок, а небо сияло ослепительной голубизной. И никакой промозглой сырости.

Комната в школьном общежитии не шла ни в какое сравнение с просторной гостевой в доме Райнера, но мне, признаться, не было нужды в большом пространстве, так даже уютнее. Главное, эту комнату ни с кем не надо было делить. Теперь, по прошествии более чем полугода, я вспоминала свое житье за занавеской в опочивальне принцессы с содроганием. Особенно тот период, когда в эту опочивальню по ночам начал шастать один небезызвестный маг. Тогда я старалась отключаться от происходящего и убеждать саму себя, что мне все равно, а теперь, стоило в мыслях воскресить свои тогдашние переживания, всплывало чувство неловкости и... обиды. Да-да, именно обиды — на то, что мое присутствие не принимают во внимание, словно бы я и не человек вовсе.

Но это все в прошлом. А нынче утром меня ждут наставники. Какими они будут? Жесткими, как мастер Оли? Или снисходительными? Хотя, если они готовят детей своего

клана к выживанию во внешнем мире, то снисходительности ожидать не стоит. Я вздохнула: быть мне сегодня битой.

Предчувствия меня не обманули.

Наставник — высокий мужчина с жестким лицом и не менее жестким взглядом — носил в ухе серьгу с крупным синим камнем и такого же цвета ленту в иссиня-черной косе. И представился он как мастер Синий. Ну да у них же тут прозвища в ходу. Интересно, его так прозвали за серьгу и ленту, или наоборот: эти атрибуты — дань имени? И если да, то откуда оно взялось?

Много времени на праздные размышления о связи имен с внешними признаками мастер мне не оставил. Даже разогреться толком не позволил, а сразу потащил выбирать оружие.

Меч по руке я выбрала легко — всему, что касалось оружия, мастер Оли обучил меня на славу. И Синий одобрительно хмыкнул, наблюдая, как я взвешиваю в руке клинок и делаю несколько пробных выпадов, но комментировать не стал, только скомандовал:

— На выход!

Вышли мы на тренировочную площадку, и мастер атаковал меня практически сразу, без предупреждения. Нет, я успела поймать угловым зрением промельк стали и своевременно встретила удар, но мне это все равно не помогло, долго я против Синего не продержалась и спустя всего несколько минут уже сидела на песке, баюкая раненую руку. Ничего опасного, рана неглубокая и быстро зажила бы сама по себе, даже шрама не оставив, но но меня приучили сразу залечивать повреждения, если есть такая возможность.

Так что я отделила часть сознания, чтобы без помех заняться самолечением и одновременно не терять из виду окружающую действительность. Действительность присутствовала в виде мастера Синего, который, усадив меня отдыхать, продолжил разминку с клинком. Он летал по площадке, и его коса с синей лентой летала вместе с ним и в то же время отдельно, будто жила собственной жизнью. И ведь не мешает же ему!

— Завидуешь? — рядом со мной на песок опустилась женщина.

— Ага, — призналась я, — косе.

Женщина хихикнула — видимо другого ответа ожидала. Но тему приняла:

— И кто ж тебя так обкорнал?

— Сама.

— Зачем?!

— Мастер, который меня учил в детстве, отрезал мне косу и сказал, что это лишнее. С тех пор я стараюсь не позволять волосам отрастать.

— Некрасиво же!

Я наконец закончила самолечение и смогла полностью сосредоточиться на собеседнице. Женщина, несомненно, была бойцом: ладная фигура, крепкие, но не перекачанные мышцы, четкие движения рук — даже теперь, когда это всего лишь скупые жесты, придающие дополнительную эмоциональную нагрузку словам. И — ясные глаза, пухлые губы, покрашенные неярко помадой, длинные волосы, убранные в компактную прическу. Я оценила: в таком виде коса точно не помешает. И видно было, что женщина красоту свою не считает чем-то лишним и не собирается приносить ее в жертву каким-то практическим соображениям. Я вздохнула.

Моя собеседница улыбнулась:

— Я смотрела твой бой с мастером Синим. У тебя неплохая подготовка, но ты явно давно не тренировалась.

— Ну да, полгода назад совсем забросила тренировки, а до этого два года только с фантомами.

— С фантомами? — женщина в удивлении приподняла бровь.

— Сейчас покажу, — я поднялась, взяла меч и активировала один из камней браслета.

Этот противник был самым простым для меня, я потому и выбрала его сегодня, что с любым другим опасалась не справиться. Но даже он быстро начал меня теснить, и я почти сразу ушла в глухую оборону.

Мастер Синий, отвлекшийся от тренировки, оценил ситуацию со своей точки зрения и попытался прийти мне на помощь. Разумеется, фантом его потуг вовсе 'не заметил', и удар клинка, который должен был бы уложить живого воина, оставил без внимания, чтобы в следующее мгновение нанести мне свой, 'смертельный', и исчезнуть беззвучно.

Ошалевший Синий выругался сквозь зубы, моя недавняя собеседница нервно хихикнула, а я... вздохнула и принялась объяснять. Хотя с объяснений, по-хорошему, следовало как раз начинать.

Ну да, есть у меня такой артефакт. Настроен только на меня и потому никому другому в обучении не поможет. Фантомы могут реально ранить, но только легко — это в них заложено. При касании, которое может обернуться опасным ранением, включается встроенная защита, и фантом утрачивает материальность. Вот, собственно, и всё.

— М-да, интересно, — подытожил мои пояснения мастер. — А сейчас позволю представить тебе твою персональную наставницу мастера Лису.

Я еще раз глянула на женщину. И впрямь лиса: волосы с рыжиной и взгляд с хитринкой.

— Вот и прекрасно! — тут же заявила Лиса. — И я даже знаю, чем мы займемся прямо сейчас.

Новая наставница приобняла меня за плечи и повлекла за собой.

— Постой, Лиса! — окликнул ее Синий. — У меня есть еще пара вопросов к девочке.

— Потом задашь, — отмахнулась та.

Наставница вела меня, как выяснилось, в собственные покои, а там усадила на табуретку перед зеркалом.

— Сейчас будем приводить в порядок твою голову.

Я даже вякнуть ничего не успела — ножницы уже порхали вокруг моей головы, ровняя криво обкромсанные волосы. По крайней мере, я так предполагала: разместив меня напротив зеркала, мастер Лиса, похоже, не учла, что я не могу увидеть собственного отражения.

— Ну вот, теперь совсем другое дело! И запомни: женщина, боец она или кто угодно, должна выглядеть так, чтобы нравиться самой себе.

— Я все равно саму себя не вижу.

— Когда-нибудь увидишь. И лучше быть готовой к этому часу, — хихикнула Лиса.

— Глава не уверен, что я смогу проявляться.

— Ах да, — помрачнела мастер, — пришлая... Но в таком случае Глава должен был бы дать более определенный ответ, а не так... Знаешь, я поговорю с ним. Не сейчас, а чуть позже, когда ты вольешься в здешнюю жизнь.

Видно было, что мастер Лиса сейчас темнит не меньше, чем глава клана, но что-то подсказывало мне, что зла она мне не желает. Просто ей не нравится ситуация, и женщина строит планы, как эту ситуацию... нет, не разрешить, но смягчить. И я решила не забивать себе пока голову. Вместо этого задала насущный вопрос:

— Как и чем мы будем заниматься?

— Мы с тобой — искусством боя, а заодно я считаюсь теперь твоим куратором, так что ты можешь обращаться ко мне со всеми проблемами. Общие дисциплины будешь, наверно, осваивать с остальными ребятами — после обеда тебя ждет экзамен по всем предметам. Когда мы с тобой восстановим твои боевые навыки, придет черед тенехождения, тут твоим персональным наставником будет сам Глава. Гордись!

Да уж, было бы чем гордиться: Глава наверняка хочет держать чужачку под личным контролем. Ну и удовлетворять собственное любопытство заодно.

Видимо, заметив скепсис на моей физиономии, Лиса рассмеялась:

— Да ладно! Да, ему интересно. И не только ему — у нас таких, как ты, еще не было. Так что к тебе будут приглядываться и вопросы порой станут задавать неудобные, а то и неприятные. Кстати, я знаю, о чем хотел спросить Синий. И мне, честно говоря, тоже любопытно: почему твоя рана за считанные минуты зажила практически бесследно?

— Меня учили исцелять себя, — ответила я и поежилась: а ну как экспериментировать начнут, насколько искусна эта Тень в самоисцелении?

— Ты владеешь магией? — изумилась Лиса.

— Это не магия. Точнее, не совсем магия. Как правило, маги не могут лечить сами себя — за редким исключением. Я же наоборот — могу вылечить только себя: исцелить рану, если она не настолько тяжелая, что я сознание потеряю, или вывести яд из организма, при условии, что этот яд мне знаком и я уже умею с ним справляться.

— М-да, — протянула мастер, — ты полна сюрпризов. Представляю, что скажет Глава, когда узнает об этом.

Угу, он тут же начнет строить планы, как меня оставить при клане.

— Все равно я едва ли смогу научить этому кого-нибудь еще, — я решила оставить себе лазейку.

— Если сама умеешь, то и научить сможешь. Пообщаешься с нашими наставниками, вместе разработаете методику.

Я вздохнула. Лиса рассмеялась.

— Ладно тебе пугаться раньше времени!

Эх, все-то она понимает... Не наставница — золото! Жалко, что я не могу рассчитывать, на ее поддержку в случае разногласий с Главой. Потому что клан есть клан, а я, даже если стану любимой ученицей, все равно останусь чужачкой...

Обедали мы в этот раз в общей столовой. Ученики еще не вернулись, и я сидела за столом в компании наставников. Кроме Синего и Лисы присутствовали еще двое мужчин, которых мне не представили. Они о чем-то переговаривались между собой, и я время от времени ловила на себе их взгляды. Было немножко некомфортно — я не привыкла к таким многолюдным застольям, да еще чтобы все присутствующие меня видели, но... надо привыкать: когда приедут ученики, мне придется куда труднее.

Как выяснилось, эти двое незнакомых сотрапезников и собирались меня экзаменовывать, один — по истории и общественному устройству, другой — по математике. Следующие два часа превратились для меня в нескончаемую пытку. Нет, сначала я не тревожилась ни о чем, в знаниях своих была уверена, отвечала подробно, приводя примеры, но вопросы все сыпались и сыпались, вперемешку по разным предметам, словно меня хотели сбить с толку, а улыбки учителей все больше напоминали мне оскалы голодных хищников, завидевших добычу. Мой доброжелательный настрой тоже быстро улетучился, и в какой-то момент я,

совершенно уже ошалевшая, не выдержала:

— И долго это еще будет продолжаться? По-моему, за это время уже можно было бы определить уровень моих знаний.

Мне показалось, что наставники только моего протеста и ждали, чтобы прекратить мучения. Во всяком случае, они одновременно, как по команде, приняли расслабленные позы и заулыбались удовлетворенно.

Массивный мужчина с блестящей лысиной, который минуту назад выжимал из меня соки, буквально лучился счастьем:

— Честно говоря, не ожидал, не ожидал... Ты буквально поразила меня не только знаниями, но и пониманием многих политических тонкостей и своим подходом к решению вопросов. Я наставник по общественным наукам, мастер Сила. Должен признать, на обычных уроках в классах тебе делать нечего. Но я предложил бы тебе принимать участие в семинарах, на которых мы разбираем как современные политические ситуации, так и исторические примеры, и ищем альтернативные варианты решения. Ты согласна?

Долго я не раздумывала:

— Да, это было бы интересно.

Я постаралась ответить сдержанно, но внутри ликовала — не потому, что мои знания оценены по достоинству, просто идея таких занятий действительно показалась мне очень привлекательной.

Тут в разговор включился второй экзаменатор:

— Я мастер Игла, ведаю в школе точными науками. Со своей стороны добавлю, что математика ваша соответствует законченной средней ступени нашей школы. Мало кто из учеников продолжает заниматься математикой на высшей ступени, поскольку для этого требуется настоящая увлеченность моим предметом, в то время как в жизни знания такого уровня едва ли могут пригодиться. Подозреваю, что и ты не захочешь продолжить изучение математики, однако я рекомендовал бы тебе дополнительные занятия, но не по общей программе, а в разновозрастной группе, где мы решаем задачки, требующие логики и нестандартного подхода. Уверен, тебе это тоже будет интересно.

В отличие от мастера Иглы, я в этом совсем не была уверена, но сходу разочаровывать наставника — не лучшая идея, так что я вынуждена была согласиться.

— Нам хотелось бы узнать, чему ты еще училась, — вновь заговорил мастер Сила.

— Гм... Я учила языки разных стран.

— Интересно. Какие языки ты знаешь и насколько хорошо?

— Таунальский, устейский, — на этом месте я позволила себя ухмыльнуться, — илмайский, ругалденский, нимтиорийский. Свободно говорю, понимаю, читаю.

— Это чуде-эсно! — протянул Сила. — А еще?

— Еще я изучала теоретическую магию и основы алхимии, а на практике — травоведение. Танцы, полагаю, не стоит к числу высоких наук относить?

На мой пассаж о танцах наставники, кажется, никак не отреагировали, они многозначительно переглядывались, и мне стало здорово не по себе: кажется, своей необдуманной откровенностью я только что обеспечила себе кучу дополнительных сложностей.

— Пришлая, — напомнил о себе до сих пор молчавший Синий, — а твое умение исцелять раны... Это ведь явно не теоретическая магия, — он сделал акцент на слове 'теоретическая'.

— Это вообще не магия. То есть не совсем... — и я во второй раз за день пустилась в объяснения, на этот раз более подробные.

Пока я говорила, к нашему обществу присоединился еще один человек. Сначала я не обратила на него внимания — не до того было. Потом, бросив случайный взгляд, зацепилась за что-то и, пытаясь осознать, что именно меня привлекло, принялась, не особо стесняясь, разглядывать вошедшего. Даже замолчала.

— Что? — улыбнулся мне сухощавый, невысокого роста мужчина.

— Пытаюсь понять, кто вы такой.

— И какие догадки?

— Вы не Тень. У вас на пальце перстень-амулет, позволяющий видеть Теней. И..

— И? — новый собеседник поощрил меня продолжать.

— И вы маг.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Даже не знаю, почему я сразу не сообразила. Наверно, просто не ожидала. Это ведь только людей с зачатками магических способностей нелегко выделить из остальных, а вокруг регулярно практикующего мага собирается остаточная энергия, которую не может не заметить умеющий видеть.

— Стало быть, магическое зрение тебе доступно? — сделал вывод мужчина.

— Да.

— И это несмотря на отсутствие у тебя дара?

— Ну... да. Это в принципе может освоить любой человек, обладающий достаточным терпением. При наличии знающего наставника, разумеется.

— Открытие за открытием, — хмыкнул Синий.

— А что ты хотел? — глянул на него маг. — Это совершенно иной подход к обучению, другая школа. Что ж, Пришлая, — обратился он ко мне, — я мастер Лист, здешний целитель, один из немногих магов в клане. И я полагаю, у нас с тобой найдется немало общих тем для разговоров. Но сегодня я не стану тебя мучить. Вижу, что ты утомилась — мастера наши постарались. Так что, как целитель предписываю тебе полноценный отдых до завтрашнего утра. Гуляй, ешь, спи и не о чем не тревожься.

Лучшей рекомендации нельзя было и придумать: я действительно так устала, что впору было завалиться спать, не дожидаясь ужина.

Не заснула, конечно, а вместо этого лежала и силилась понять, чем же меня так зацепил целитель Лист, пока до меня не дошло: дело в том, что он маг. И не Тень. И значит, покидать долину единственным, по словам Главы, доступным путем, никак не может. И либо он заперт здесь, но тогда возникает вопрос: где же он получил образование? Либо есть другой путь, связывающий долину с остальным миром. И я все-таки склоняюсь ко второму варианту. Если задуматься, можно найти ему немало подтверждений.

Стремительная атака. Уход. Разворот. Новый выпад. Лиса хороша! Настолько хороша, что мне даже не стыдно раз за разом терпеть поражение. У нее не только умение, но еще и опыт за плечами, а у меня... фантомы — техничные, но, увы, предсказуемые. Наставницу так не просчитаешь — у нее всегда найдется пара сюрпризов для самонадеянной ученицы, и являет она их как раз в тот момент, когда я начинаю верить, что нахожусь в шаге от победы. Это в схватке на мечах, а в рукопашной у нее и вовсе сплошные преимущества: Лиса сильнее, тяжелее и при этом нисколько не уступает мне в скорости и реакции.

Хорошо, когда тебя с детства обучает один из лучших мастеров. Плохо, когда на твоём собственном мастерстве сказывается недостаток партнеров. Впрочем, с этой проблемой школа мне поможет. Уже начала, можно сказать.

... Когда стали возвращаться ученики, я ждала повышенного внимания к себе, но интерес, если и возник, никакими внешними проявлениями не выразался. Вокруг меня словно выросла стена отчуждения. Никто не заговаривал со мной, никто не подсаживался за мой стол в столовой. Впрочем, никто и не задирали. Просто чужачка. Пришлая.

Младшие, конечно, поглядывали с любопытством, но этим и ограничивались.

Не скажу, чтобы я сама так уж сильно рвалась общаться, мне всегда хватало одного-двух партнеров для бесед, душевных или занимательных. Сначала моей собеседницей была Бьярта, потом, во дворце — Нэлисса и мар Стеумс, а им на смену пришел Райнер. Никто из них не был мне равным, между мной и моими собеседниками всегда лежала пропасть, обусловленная разницей в возрасте или положении.

А тут — сверстники. И никому из них нет до меня дела.

Даже на семинарах у мастера Силы, стоило мне выступить со своим мнением, общая дискуссия тут же превращалась в диалог — между мной и самим мастером. И вовсе не потому, что ребята опасались показаться бледными на моем фоне, вовсе нет — народ в группе собрался думающий и с очень неплохой подготовкой. Правда, я пока участвовала только в двух занятиях и питала — слабую, прямо скажем — надежду, что со временем ситуация изменится.

А вот партнера в учебном поединке, как выяснилось, игнорировать на порядок сложнее, чем постороннюю девицу в столовой или в учебном классе.

Первую неделю мастер Лиса вставала против меня сама, изредка уступая право провести экзекуцию мастеру Синему, но после десяти дней выматывающих тренировок решила, вероятно, что я нуждаюсь в разнообразии, и выставила Дрозда — явного лидера старшей ступени и очень неплохого бойца, насколько я успела разглядеть за прошедшие дни.

Парень встретил меня взглядом, полным нескрываемого презрения, и мне стало обидно — такого отношения я ничем не заслужила. Пришлось собраться, чтобы показать, что и я чего-то стою в схватке.

Сначала мы топтали площадку без явного перевеса в ту или иную сторону. Я присматривалась, изучая противника, Дрозд без особого успеха пытался пробить мою оборону и... раздражался. Вероятно, думал, что справится со мной легко. Раздражение парня вылилось в серию жестких атак, и он, похоже, уже задался целью не просто победить, а разгромить, растоптать, причинить боль. Учителя не вмешивались. Конечно, мечи нам выдали учебные, однако при желании и обычной палкой убить можно. Но явная агрессия противника была, как ни странно, мне на руку, потому что школа мастера Оли все же не прошла для меня даром: я просто перестала воспринимать Дрозда как партнера по учебному поединку и начала биться за свою жизнь. Не было больше соученика — имелся враг, которого надо было уничтожить.

— Стоп! — раздался спокойный голос Синего.

Своевременно, пожалуй. Дрозд, сипя, выронил меч и опустился на землю. Ранение было 'смертельным', противник повержен, а его взгляд сквозь пелену боли... не вызвал у меня ни малейшего удовлетворения собственной победой. И я тут же пожалела о том, что позволила себе забыть и поверить, что это настоящая схватка не на жизнь, а на смерть. И не столько парня жалко было (сам виноват!), сколько досадно из-за утраты контроля над ситуацией.

Подоспевший мастер Лист суетился вокруг ученика, присевший рядом Синий что-то выговаривал парню. Бессмысленно, на мой взгляд. Вряд ли Дрозд способен был что-то усвоить в таком состоянии.

Ко мне подошла Лиса:

— Зря ты так.

— Я - зря?!

Честно говоря, я опешила — не ожидала претензий. Я могла сколько угодно ругать себя сама, но это были мои личные внутренние проблемы. Едва ли у кого-либо из наблюдавших за схваткой могли возникнуть сомнения, что жесткий бой был выбором самого Дрозда, я всего лишь отреагировала, как того требовала ситуация.

— Могла бы чуть помягче, чтобы пощадить его самолюбие.

— А у меня, значит, самолюбия никакого нет? Меня можно игнорировать, избивать, можно отдать мастеру Листу на опыты — такой интересный экземпляр! Может, потому Глава не спешит учить меня тенехождению, что это очень удобно — оставить меня здесь, пусть бы приносила пользу и не рыпалась? Я вам тут буду рассказывать, как детишек без дара научить видеть магию и исцелять собственные раны. Поделюсь опытом придворных интриг на семинарах. Чучелом для отработки ударов послужу. А вы пока будете лелеять самолюбие ваших деток, вместо того чтобы учить их свою жизнь защищать.

Я развернулась и пошла прочь.

— Эй! — окликнула меня Лиса. — Ты молодец!

Я никак не отреагировала. Просто была не в состоянии. Выплеснула гнев — и ушла в себя. Я чувствовала себя одновременно правой и неправой. Что сорвалась и наговорила всякого в сердцах — это плохо. Отвратительно даже. Никакой сдержанности, не говоря уж о здравом смысле: выдала все свои мысли о происходящем, которыми и не думала ни с кем делиться. С другой стороны, раздражение копилось уже не первый день и требовало выхода. И у этого раздражения были вполне реальные, не надуманные причины.

Вернувшись в свою комнату, я некоторое время стояла в растерянности, пытаюсь понять, что меня сюда привело. Ведь не просто же спрятаться от всех хотела. Не скрою, такое желание не раз возникало в последние дни. Никогда прежде мне не приходилось проводить столько времени на людях. В любой толпе меня скрывала невидимость, защищавшая от чужих взглядов. Здесь я тоже была невидимкой, но другого рода — меня не замечали. Но это не мешало мне помнить, что для остальных Теней я все равно видима. И привыкнуть к такому положению вещей я пока не могла.

Я и сама их разглядывала украдкой, этих Теней. Потому что, если старшие, проявленные, виделись мне обычными людьми, то глядя на учеников, я искала... признаки сходства со мной. Серая, лишенная красок, с неразличимыми чертами лица — так меня описывала Нэл. Здешние ребята серыми мне не казались — разве что чуть менее яркими, словно, в отличие от преподавателей, пребывали не на свету. И да, черты лица — плывущие, как будто взгляд все время соскальзывает при попытке рассмотреть. И в то же время — узнаваемые. А какой они видят меня? Может, я отличаюсь от них не только происхождением и воспитанием, но и внешне — потому такое неприятие? Подобные мысли не раз посещали меня за прошедшие дни, и я старалась избегать лишних встреч, чтобы не думать об этом.

Но именно сейчас я искала не уединения. Вернее, именно его, но с конкретной целью: в моей голове пульсировала мысль попробовать освоить тенехождение самостоятельно.

Пульсировала где-то в глубине, и я только сейчас извлекла ее наружу и осознала.

Первый опыт, увы, не увенчался успехом. Равно как и второй, и третий, и пятнадцатый. Я честно пыталась вспомнить свое состояние в момент перехода, воображала различные цели для перемещения, принимала теневую форму... Все тщетно.

На обед я не пошла. На 'опыты' к мастеру Листу — тоже. Не точно бы я на него злилась — целитель был неизменно корректен и даже в своем исследовательском любопытстве не переходил определенных границ, да и цели его вызывали у меня только уважение — все-таки он старался не для себя лично, а для учеников — от этих знаний у них повышались шансы выжить. Просто у меня не было сил куда-то идти. Я чувствовала себя опустошенной, словно эта дурацкая вспышка лишила меня всех сил.

Я легла на кровать и вскоре заснула.

Дневной сон подействовал на меня благотворно — по пробуждении я смогла наконец здраво взглянуть на пережитое и осознать одну простую вещь: меня спровоцировали. Мои наставники намеренно довели меня до такого состояния, что я вывалила наружу все свои впечатления и подозрения. Это я-то, которая вполне успешно водила за нос самого мара Стеумса, не позволив ему догадаться о моих истинных планах.

В голове складывалась вполне ясная картинка — из слов, жестов, взглядов... Интересно, неужели все ученики принимали в этом участие? Вряд ли. Разве что неосознанно — порой достаточно нескольких намеков, чтобы создать определенное отношение, люди всегда могут додумать недостающее. Ну и последней каплей, приведшей к взрыву, послужила дурацкая фраза Лисы. Дай я себе труд задуматься, ни за что бы не поверила, что наставница по боевым искусствам способна всерьез ляпнуть такую глупость. Но я на тот момент думать была неспособна.

В общем, негодовать и злиться в этой ситуации я могла только на себя, а не на поступок Главы и наставников, независимо от целей, которые они преследовали. И еще было неловко не только из-за собственной, прямо скажем, истеричной реакции, но и потому, что я не пошла к мастеру Листу. Все-таки ничего плохого я от целителя не видела, разве что расспросы его были порой чересчур дотошны и утомительны, но его можно было понять — перед целителем стояла задача, и он пытался ее решить. К сожалению, в отличие от Бьярты, мастер Лист не был магом-универсалом и не способен был, к примеру, на создание таких совершенных пособий-фантомов, как она, и ему приходилось искать другие способы донести до учеников новые знания.

В общем, наверно, стоило бы перед ним извиниться. И на ужин сходить.

Есть мне хотелось уже основательно, а вот спускаться в общую столовую — совсем нет. Я подозревала, что после моего сегодняшнего выступления — не только поединка, но и последовавшей за ним вспышки, которой стали свидетелями и преподаватели, и ученики, — отношение ко мне изменится, и не в лучшую сторону. И как бы от демонстративного игнорирования неприятие не перешло в какую-нибудь активную форму. Но отсиживаться в комнате, показывая свой страх — не выход.

Словом, я собралась с духом и отправилась на ужин. В столовую вошла с каменным лицом, чтобы никакую эмоцию наружу не выпустить, набрала себе снеди на поднос — кормили в школе вкусно и обильно — и потащила добычу к своему одинокому столику в углу.

Есть старалась не спеша, чтобы никто не заподозрил, что я нервничаю. Однако в этот раз мое привычное уединение за трапезой нарушили, притом весьма бесцеремонно: Дрозд,

который, видимо, уже оклемался после сегодняшнего избиения, отодвинул стул и плюхнулся напротив. И только потом спросил:

— Можно?

Я пожала плечами:

— Ты все равно уже сел, — и продолжила есть, как будто ничего не случилось.

Далось мне это, надо признать, нелегко — я ожидала какой-нибудь гадости и была напряжена.

— Ты в обиде на нас? — спросил парень.

Я снова пожала плечами:

— С чего бы это?

— Я слышал, что ты сегодня говорила. Не могу судить, насколько справедливы твои слова, ничего не знаю о планах на тебя Главы и наставников и ничего не знаю о тебе.

— Кроме того, что я чужачка, — язвительным тоном дополнила я.

— Кроме того, что ты чужачка, — согласился парень, словно и не заметив моей язвительности. — И этого знания недостаточно, чтобы судить о тебе, а мы отнеслись предвзято. Только сегодня — после твоих слов — до меня дошло, как трудно тебе здесь приходится... И я подумал, что тебе не помешает поддержка.

— Решили, значит, раскаяться в плохом поведении, — хмыкнула я.

— Я решил. Считаю, что лично виноват перед тобой — и в том, что отнесся с самого начала не по-человечески, да еще и в тренировочном бою повел себя так, будто ты мой личный враг. Понимаешь, мы тут считаем себя особенными, уникальными — кроме нас таких больше нет. Мы способны решить задачи, с которыми больше никто не способен справиться. И вдруг появляется какая-то девчонка, не наша, но... как мы. И все наставники носятся с ней, словно она невеста какое сокровище. Нам с первого урока после возвращения с каникул все учителя в голос твердили, какое ты ценное приобретение для клана и школы. Мне было обидно. Я злился. И не я один, естественно.

— И что же вынудило тебя... изменить отношение к ситуации?

— Твои слова заставили меня задуматься. Мне показалось, такое отношение с нашей стороны возникло не само собой. Этому поспособствовали старшие. Я не знаю, зачем это было нужно, но мне не нравится, что я так легко этому поддался и зашел столь далеко.

— Занятно, — пробормотала я, — наставники намеренно вели себя так, чтобы я оказалась в изоляции. Плюс постоянная выматывающая нагрузка, разговоры, которые мне не по душе... — о личных тайнах, которые я хотела бы сохранить, я вслух упоминать не стала. — Все это заставило меня нервничать и довело до срыва. Я тоже не понимаю зачем. У меня с самого начала не было сомнений, что меня будут использовать. Почему бы и нет, все логично: я приношу пользу клану, в обмен меня учат тому, что я еще не умею. Но все остальное... нет, не понимаю.

— Не знаю, — ответил Дрозд, — я чувствую себя идиотом, потому что меня в этом всем задействовали, не спросив. Но я привык доверять наставникам — до сих пор они не давали повода усомниться в себе.

— До сих пор здесь не было чужаков, — мрачно ответила я.

— Уверен, со временем мы со всем разберемся. А сейчас... почему бы нам не попробовать... как-то по-другому? Мы плохо начали знакомство, но я предлагаю все исправить. Ты уже поела? Тогда пойдем к нашему столу — я представлю тебя ребятам.

Знакомство прошло не то чтобы совсем гладко, посматривали на меня все еще

настороженно, а некоторые девчонки — так и вовсе враждебно. Но это как раз было вполне объяснимо: Дрозд, даже и не проявленный, производил впечатление красавчика, несмотря на неуловимость черт. Ну и фигура отменная, да еще и боец неплохой, и не дурак совсем, хоть и отзывался о своих умственных способностях нелестно. В общем, девушки явно строили на него планы. А тут я — не пойми откуда взялась, и Дрозд, предмет девичьих вздыханий, ко мне за стол подсаживается, беседы ведет да еще в общую компанию меня тащит. Словом, понимать-то я девчонок понимала, но сама поглядывала на них не без опасений: кто их знает, может решат своего кавалера активно отстаивать.

Но в целом ребята мне скорее понравились, чем нет. И общаться с ними, наверно, было бы интересно. Не так, как с Райнером, конечно, но Видящий — он особенный. Так, как с ним, уже никогда и ни с кем не будет. Но я пока не вмешивалась в беседу, больше слушала, игнорируя попытки Дрозда втянуть меня в разговор. Возможно, это было неправильно, но для меня пока и такого пассивного общения было более чем достаточно. Я привыкла не участвовать, а наблюдать.

Впрочем, эту мысль я сформулировала для себя чуть позже, вернувшись в свою комнату. И не только эту.

За прошедшие годы я научилась подвергать анализу и собственное поведение, и действия окружающих, просто в последние дни я так уставала, что у меня не было времени толком подумать. Зато теперь его оказалось вдоволь. Выспаться я успела еще днем, и теперь мне только и оставалось, что пялиться в потолок и прокручивать перед внутренним взором события дня.

Насчет себя я кое-что поняла, конечно, и даже выводы сделала: пора учиться жить, из позиции наблюдателя переходить... не знаю, в общем, куда переходить. Просто жить начинать, не ждать, пока меня кто-нибудь в эту жизнь за уши затащит или пинком загонит.

А вот сама ситуация, сложившаяся вокруг меня, так и не прояснилась. Я так и эдак прикидывала, пытаюсь понять, чего добивались наставники. Версий было немало, но ни одна не выдерживала серьезной критики. Оставалось разве что прямо спросить. Набраться мужества и поговорить, к примеру, с той же Лисой.

Честно признаться, я до самого позднего вечера лелеяла надежду, что спрашивать не придется, что сами придут и все объяснят. Глупо, по-детски, но надеялась. Мол, ну ладно, я готова к жизни, но пусть эта жизнь сама ко мне постучится. А я, так и быть, открою. Никто не постучался. И заснула я с мыслью, что стучаться — а может, и просто заходить без стука — придется самой.

Проснулась еще до рассвета и почему-то вдруг испытала желание сорваться с места и бежать, бежать... Не знаю куда. Но оставаться в комнате совершенно не представлялось возможным.

Четверть часа спустя я выпорхнула из общежития и огляделась. Куда идти, вопроса больше не было — ноги сами вели меня. В лес.

Это было... странно. Никогда не любила лес, с детства еще, когда Бьярта меня травничеству обучала, а уж за время своих скитаний я и вовсе к нему стойкую неприязнь обрела. Не боялась больше, но по-прежнему считала чужим. Лес — это бесконечная ходьба, сумрак даже в ясный полдень, похлебка пополам с хвоей и комарами.

Здесь лес отличался от тех, к которым я привыкла: он был суше, холоднее и... звонче, наверно. Другого слова не подобрать. Как будто воздух между ветвями напряжен, натянут невидимыми струнами. И деревья не все знакомые. Но коварных корней,

подворачивающихся под ноги, ничуть не меньше, чем в любом другом лесу.

Так что же мне здесь надо?

Полчаса спустя ноги вывели меня к небольшой полянке, лысо-каменистой и вообще не слишком приветливой. Если не принимать во внимание, что именно росло на этой полянке. Яресица! Два густо заросших пятачка диаметром примерно в пять шагов, да еще и в цвету!

Живьем я это растение видела лишь однажды — Бьярта мне показала, сообщив, что это редкость невероятная, а потому место надо отметить и прийти снова в пору цветения. Правда, вскоре после этого я покинула дом чародейки, а потому сама ни разу яресицу не собирала, хотя выучила о ней всё. А травка действительно чудесная, на основе ее цветов готовится снадобье, многократно усиливающее способность организма к регенерации. Злоупотреблять им опасно, а потому в качестве омолаживающего эликсира снадобье не годится, однако пары капель при тяжелом ранении достаточно, чтобы поставить больного на ноги за считанные часы. Главное — покормить не забыть, а то все ресурсы организма уходят на заживление ран. И никакой магии, никакой алхимии не надо, яресица — сама по себе магия. Природная.

Сложность в том, что собирать ее надо во время цветения, а цветет она не дольше двух дней в году, глубокой осенью. Да еще и никогда два года подряд на одном месте не вырастает, даже если при сборе честно оставишь часть цветочков для размножения.

Поэтому некоторое время я стояла и просто смотрела на это сокровище, не в силах поверить своим глазам. Потом все же взяла себя в руки, приблизилась осторожно и извлекла из-за пояса нож. Сначала собирала соцветия в руку, потом, ругнувшись на собственную несообразительность, разложила на земле куртку.

К моему возвращению школа уже проснулась, и взгляды, сопровождавшие меня на пути в лабораторию, были полны недоумения. Впрочем, с вопросами никто не подходил, и это хорошо, потому что в этот момент я готовилась к разговору... и даже не к одному. Перебирала мысленно слова, немного нервничала и не хотела ни на что отвлекаться. Не учла только одно — сокровище, которое сама же несла в руках. О нем и только о нем способен был думать и говорить мастер Лист, когда я выложила куртку на стол.

— Свет и тень! Девочка моя! Это же... Где ты нашла?.. Никогда не видел яресицы по эту сторону гор.

Вот так, не задав ни одного вопроса, я получила от мастера подтверждение своим догадкам. Раз 'не видел по эту сторону', значит, бывал по другую. И следовательно, есть путь, которым можно покинуть долину и вернуться, не имея способностей к тенехождению. И мне придется этот путь найти, потому что он, вероятно, станет для меня единственной возможностью избежать зависимости от Главы.

Линия поведения, которую я обдумывала и накануне вечером, и сегодня по пути из леса, стала окончательно ясна, сомнений не оставалось. Да, некоторые вопросы я задам — Лисе или Главе, а может, и обоим. Но на откровенные ответы рассчитывать не стану. Достаточно того, что я дам понять: не стоит со мной так поступать, я теперь буду настороже и больше не раскроюсь. По крайней мере, постараюсь. Разумеется, все они хитрее и опытнее, но ведь и я не вчера родилась.

Мастер Лист о моем вчерашнем 'прогуле' даже не упомянул. Наверно, впечатления от моего дара заставили его забыть об этом. А может, он и не собирался высказывать мне никаких претензий.

Мы договорились, что я вернусь к нему, когда закончатся занятия (после обеда меня

ждал семинар у мастера Силы) и помогу разобраться с яресицей — лишняя пара рук мастеру не помешает. А мне не помешает флакончик готового снадобья — в поясе найдется для него свободный кармашек.

Несмотря на вчерашнее предложение мира, за завтраком я все же села отдельно. Правда, приветливо поздоровалась с ребятами. Как бы они мне не нравились, не могут все сразу изменить свое мнение по щелчку пальцев, да и доверие — материя хрупкая, требующая особых условий для рождения и роста. Я пообещала себе, что постараюсь сблизиться со сверстниками, но буду делать это постепенно, оставляя себе возможность для отступления.

К Лисе я подошла после тренировки:

— Вы ничего не хотите мне объяснить, мастер?

Наставница бросила на меня тоскливый взгляд — объясняться она явно не хотела. Или не могла. Однако и сделать вид, что она не понимает, о чем речь, тоже возможным не представлялось.

— Садись, — Лиса уселась на скамейку и махнула рукой.

Какое-то время она молчала, и мне пришлось напомнить ей:

— Ну так что?

— А знаешь, — усмехнулась наставница, — я сочувствую тебе. Понимаю твои чувства. Однако объяснять ничего не стану. Скажу только, что целей было несколько. Надеюсь, рано или поздно ты поймешь, что мы не могли поступить иначе.

Мне вчерашней такого ответа было бы недостаточно. Сегодняшняя я ничего другого и не ожидала. И о целях догадывалась. Да трудно было не догадаться: заставить чужачку раскрыться, чтобы понять, что с ней делать дальше, насколько легко ею манипулировать и вводить ее в заблуждение. Несомненно, они верили, что делают все это ради блага клана. Вероятно, именно это мне и полагалось понять. Рано или поздно. Я и понимала. Только согласиться не могла, но это уже мои проблемы. И о собственном благе мне придется позаботиться самой.

Озвучивать эти мысли я не стала. Поднялась, вздохнув, со скамейки и проговорила грустно:

— Постараюсь понять.

Уходила, пряча улыбку. Оказывается, когда примешь какое-то трудное решение, становится легко. Особенно, когда оставляешь за собой право это решение изменить, если изменится ситуация.

Легко было на семинаре, когда я начала не просто высказывать свои мысли, но и обращаться непосредственно к тому, с кем дискутирую. И другие вынуждены были отвечать мне тем же, а потом волей-неволей начинали общаться за рамками семинаров — даже те, кто был настроен решительно против меня. Как-то оно само собой получалось.

Дружба? О дружбе речи не шло. С Дроздом и еще одним парнем по прозвищу Лесовой я общалась теснее, чем с остальными. Потом к нам присоединилась еще Нитка, единственная из девушек, которая попыталась завязать со мной отношения. Остальные сторонились. Задевать, впрочем, не пытались, за исключением одного-единственного раза, когда одна из воздыхательниц Дрозда попыталась толкнуть меня при входе в столовую. Я даже не сразу сообразила, что произошло, просто по давно выработавшейся привычке ушла на мгновение в тень, чтобы разминуться с ней. Потом до меня дошло, и я с трудом удержалась от смеха, глядя на ее разгневанную физиономию. А ведь всё просто: старшие ученики все умели принимать тeneвую форму, но для них навык ухода в тень во избежание столкновений не

был жизненно необходимым, потому и от меня такого не ожидали.

Легко было развлекаться в компании, главное — помнить, что спиной ни к кому поворачиваться нельзя. Но в этом-то как раз ничего нового. А вот в том, что можно жечь вечерами костер на заднем дворе, прижимаясь друг к другу в попытках согреться, рассказывать захватывающие истории (и у меня их, оказывается, тоже немало в запасе было, просто я об этом прежде не догадывалась), петь песни и слушать чужие мечты о будущем, — было.

Легко было улыбаться, когда Глава объявил мне, что пора учиться тенехождению. И даже когда я узнала, что без его на то разрешения я смогу передвигаться тенями только внутри долины, да и то не везде, я не испытала сильного разочарования. Наверно, потому, что не услышала ничего неожиданного. Разве что звание 'хозяин теней', которое прилагалось к положению главы клана.

Как выяснилось, первые мои попытки, когда я после срыва пыталась сама научиться искусству перемещения в тенях, не могли увенчаться успехом просто потому, что территория школы для тенехождения закрыта — в ее пределах могут перемещаться только наставники. По остальной долине — пожалуйста. Нельзя попасть в чужие дома, потому что у каждого дома есть свой хозяин теней, нельзя покинуть долину из какого-то другого места, кроме тщательно охраняемого зала сообщений.

Само же тенехождение далось мне легко. Я, оказывается, уже умела это, надо было всего лишь поймать нужное ощущение и точно представлять место, куда ты хочешь попасть. Все просто.

Здравствуй, Тень!

Хочу поделиться с тобой новостью о том, что жизнь моя в очередной раз изменилась.

Все началось с того, что Иан уехал с группой первопроходцев — об этом я писала тебе в прошлый раз, как и о той заботе, которой окружили меня местные жители. А теперь я вспоминаю себя тогдашнюю — а всего-то пара месяцев прошла! — и кажусь себе восторженной дурочкой. Нет, я не разочаровалась с тех пор в людях, хотя, конечно, успела разглядеть за внешней приветливостью и сплоченностью многое из того, что видеть не хотела. Но то всё ерунда, ничего неожиданного. Дело в другом: соседи, уделив мне внимание, возвращались к своим делам — у всех есть семьи, дети, работа. И я на этом фоне остро ощущала себя бездельницей.

Прежде меня это не особенно заботило — средств на жизнь хватает, но случись что, я знаю, что работы не испугаюсь, хотя представляю, что будет поначалу очень тяжело с непривычки. А так... Скуки я никогда не знала — в моем распоряжении всегда были книжки, а потом появилась ты, за тобой — Ианнар. А здесь вдруг выяснилось, что я умею скучать. И книг тут мало таких, которые могли бы меня заинтересовать, и разговоры ведутся не те, к которым я привыкла. Мало того, я начала чувствовать себя виноватой оттого, что скучаю, в то время как другие люди постоянно при деле.

Стала думать об этом и осознала, что каждый здесь считает своим долгом подчеркнуть в разговоре свою занятость. Труд здесь считается одной из главных добродетелей, даже те, кто не нуждается в заработках, вечно хлопочут... или просто демонстрируют, как они заняты. И... то ли они меня хотят дотянуть до своего уровня добродетели, то ли удовольствие получают от своих намеков, чувствуя себя более значительными на моем фоне. Словом, не знаю, чего они добивались, но породили во мне

сомнения и неуверенность.

Я решила посоветоваться с миерс Оланой — единственной, кто не пытался делать подобные намеки.

Миерс Олана сперва отмахнулась: не бери, мол, в голову, люди есть люди, всех хотят на свой лад перекроить. А потом подумала и говорит: 'Может, ты и права, следует отнестись к этому серьезно. Я как-то не обращала внимания, а ведь многие, наверно, завидуют тебе. Ты молодая, красивая, не бедная, да еще и муж-маг, можешь позволить себе вести праздную жизнь. А еще для ревнивых жен ты угроза — ну как со скуки да по отсутствию мужнина присмотра на их благоверных глаз положишь?'

Я, было, хотела возмутиться — нужны мне их благоверные! Но смолчала. Миерс Олана показала мне то, над чем я не задумывалась, а между тем... стоило, наверно. Миерс Олане я привыкла доверять, она разумная и не злая. Вот она мне и посоветовала найти себе занятие по душе, чтобы и самой не скучать, и завистницам да ревнивицам поводов для беспокойства поубавить.

Я подумала, что это, наверно, неплохая идея. Ведь я все равно собиралась какое-нибудь ремесло освоить. Мало ли что... Во дворце еще пыталась — помнишь? — у портнихи учиться и даже не сказать, чтобы вовсе безуспешно. В общем, решила, что портновское искусство — дело для женщины подходящее, а у меня еще и фантазия, я могла бы новые наряды выдумывать.

Словом, я загорелась. Вызнала, что в городе портных трое. Двое мужчин, но таких, что к ним и не подступишься. Да я и не хотела к ним, чтобы поводов для сплетен не давать. А третья — женщина, и хозяйка моя квартирная перед ней за меня похлопотала — знакомы они. Впрочем, здесь все постоянные жители друг друга знают, если не по имени, то в лицо.

Встретила меня моя будущая наставница без явного восторга, выспросила, что я уже умею, велела показать, а потом... засадила петли обметывать. День, второй, третий.... На четвертый, когда мне поручили неудачный шов распороть, я даже обрадовалась — хоть какое-то разнообразие.

Сначала я терпела, всё надеялась, что она меня учить начнет, но мастерица не спешила — то ли не хотела растить конкурентку в моем лице, то ли выдержку мою проверяла. Ну, как выяснилось, выдержки у меня никакой. Скандалить и выяснять отношения я не собиралась, но к концу второй недели, наскучив бесконечной монотонностью труда, аккуратно отложила работу в сторону, вежливо попрощалась с хозяйкой, дав ей понять, что больше не вернусь, и закрыла за собой дверь.

К вечеру уже начала жалеть. Просто вдруг увидела себя глазами соседей: лентяйку, к работе не приспособленную, сдающуюся при первой же трудности. И неизвестно еще, как портниха ситуацию представит...

А потом разозлилась, но уже по другой причине: с чего это я вдруг должна на себя чужими глазами смотреть? Они просто люди. Такие же, как везде, мне это миерс Олана доходчиво объяснила. Да, неплохие. Трудолюбивые, этого не отнять. И в чем-то даже героические — уж таких историй я наслушалась! И эти люди по-прежнему интересны мне. Но это же не значит, что я должна становиться такой же, как они. Нет, не становиться, а думать, как они. Видеть себя их глазами, оценивать с их точки зрения.

После этого мне стало легче. Но сама проблема от этого не исчезла: я по-прежнему не видела, чем себя занять, и скучала, откровенно скучала.

Миерс Олана слушала мои рассуждения внимательно, кивала головой, вздыхала

сочувственно, а потом и говорит: 'Это все равно не для тебя. Ты девушка ученая, тебе такое дело нужно, чтобы голова была занята, а не только руки'.

И это правда: и рукоделие, и готовка, к которой квартирная хозяйка с некоторых пор начала меня подпускать, занимали мой ум только до тех пор, пока не притупилось ощущение новизны.

'Но что я могу делать?' — растерялась я. — 'Подожди чуток, — ответила миерс Олана, — я должна подумать'.

О том, что она надумала, я узнала через несколько дней, когда к обеду в доме появился гость, пожилой мужчина со строгим взглядом. Я его знала — мастер Тогар, он здесь школой заведует, — но лично знакома не была.

Хозяйка представила нас друг другу, а после принялась меня нахваливать — и такая я умница, и книжки читаю, и считаю хорошо, и речь как у благородной. Мне даже неловко стало — не потому что не правда, просто до сих пор я почитала все это само собой разумеющимся. Что такого выдающегося в любви к чтению? А потом сообразила — это ж она меня в помощницы учителю сватает! Сперва чуть-чуть обиделась, что со мной предварительно не обсудила, но по некотором размышлении согласилась, что это правильно — сама бы я ни за что не решилась на такое место проситься.

А мастер Тогар сначала слушал миерс Олану со скепсисом, сразу смекнув, чего она добивается, а потом повернулся ко мне и начал вопросы задавать: что я изучала да как долго, до какого уровня доучилась. А затем и вовсе настоящий экзамен мне устроил — и по землеописанию опрашивал, и писать заставлял, и задачки решать. Гонял часа два, наверное. Миерс Олана даже сочувствующие взгляды на меня бросать начала.

После проверки мастер посидел немного в задумчивости и заявил: 'Вот что, миерс Ауста, знаний у вас предостаточно, чтобы детишек на начальной, а то и на средней ступени обучать. Пишете вы без ошибок, однако акцент в речи слышен, а потому грамоте учить детей я вас не допущу, а вот счету — вполне, если с учениками справитесь. Решаетесь?'

И я, конечно, согласилась, хотя страшно было до дрожи в коленках — я же никогда с детьми дела не имела и не знаю, как с ними обращаться. Еще один вопрос меня беспокоил: а имею ли я право учить в школе? Ведь я не настоящая учительница. Мастер Тогар грустно усмехнулся: 'Вы думаете, настоящие сюда едут? Обычно люди с хорошим образованием могут неплохо устроиться у себя на родине, мало кто из них будет преодолевать океан в поисках лучшей доли'.

Два дня я просто сидела на уроках, которые вел сам мастер Тогар, а на третий он допустил меня к ученикам. В своем присутствии, разумеется. Я, конечно, знала заранее и к занятиям готовилась, но все равно боялась ужасно. Оказалось, все не так страшно — и дети меня слушали, и голос не дрожал даже. Мастер меня похвалил, а дальше все происходило очень быстро: я получила расписание уроков и список тем, которые надо изучать, и уже на следующий день осталась с учениками один на один. То есть одна против всех. Потому что, увы, это было совсем иначе, чем в присутствии мастера Тогара. Детишки явно решили, что теперь можно шуметь, стоять на голове и полностью меня игнорировать. Но я все же еще немножко принцесса, помнишь? Словом, мне удалось дать понять, что слушать меня — гораздо проще и безопаснее, чем не слушать. После этого дело пошло на лад. Не без сложностей, конечно, и я все еще не вполне уверена в своих силах, но я стараюсь и надеюсь, что справлюсь. А мастер Тогар говорит, что когда я разберусь в

землеописании освоенных Новых земель, он мне добавит уроков.

И знаешь, я пока опасаясь утверждать, но мне кажется, что я нашла дело, которое мне по душе...

Впервые после письма Нэл у меня проснулось чувство зависти. Или нет, не зависти, а скорее грусти из-за осознания разницы между жизнью, которую вела она, и моим подобием жизни.

Но спроси меня тогда кто-нибудь, хочу ли я примерить на себя ее судьбу, я ответила бы, что нет, не хочу. Мне не нужен был Иан в качестве мужа — по правде говоря, никого из своих знакомых я не могла представить в этой роли, как и себя замужней женщиной. Я не мечтала коротать дни и недели в тревожном ожидании, которое сквозило в строках письма. Мне не хотелось иметь соседей, которые рассматривают мою жизнь через увеличительное стекло и под которых надо подстраиваться, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания. Меня не влекла работа учительницы — я предпочитала учиться сама, нежели учить других.

Зависть вызывала, пожалуй, та решительность, с которой Нэлисса обрезала все нити, связывавшие ее с прошлым. Новая жизнь Нэл была по-настоящему новой, и бывшая принцесса искала ей свое место, не оглядываясь назад. И мне оставалось только пожелать ей, чтобы прошлое ее не догнало, ворвавшись в это новое и разрушив его.

Я же тащила свое прошлое с собой — груз недоверия, постоянное ожидание подвоха, опасение, что меня хотят использовать, ничего не давая взамен. Даже теперь, приняв решение жить, а не наблюдать за жизнью, я как будто разделилась надвое: одна часть меня вкушала радости и разочарования, свойственные возрасту, другая подсматривала в щелочку, оценивая окружающих холодным взглядом, препарируя каждое движение, каждый взгляд, каждое слово.

Иногда мне хотелось завязать глаза своей тайной половинке, чтобы не подсматривала за моей жизнью. И запретить ей делиться со мной своими мыслями, полными язвительной недоверчивости, разъедающей меня изнутри.

Иногда я просто думала, что схожу с ума, и только памятуя об уроках Бьярты, понимала, что в таком разделении нет ничего противоестественного. Мало того, это насущная необходимость, потому что, как ни крути, довериться Главе и наставникам я не могла. Тут все было однозначно.

Куда сложнее было с ребятами.

Тот же Дрозд вроде бы искренне раскаялся в своем предвзятом отношении ко мне и вел себя практически безупречно. Даже, пожалуй, излишне безупречно для парня неполных восемнадцати лет, что неизменно меня настораживало. Он не злился, ни с кем не конфликтовал, ровно держал себя со всеми, с удовольствием учился и развлекался и не выказывал склонности к дурацким шуткам.

Увидь я его сразу таким, он бы меня наверняка пленил, и теперь я смотрела бы на него влюбленными глазами. Вот как Нитка — робкое обожание в ее взоре, которым она провожала каждое движение своего кумира, невозможно было скрыть, хотя она честно пыталась.

А я помнила полный презрения взгляд Дрозда и учебный меч в его руке, нацелившийся разить врага в моем лице. И хотя с тех пор мы не раз стояли друг против друга в учебном поединке, и подобное больше не повторялось, я все равно не могла забыть.

И когда я заметила, что Дрозд оказывает мне особые знаки внимания, стараясь сесть поближе, коснуться ненароком, взять за руку, приобнять за плечи, я напряглась еще больше, не позволив себе ни на миг поверить в искренность его расположения. Я улыбалась, доброжелательно разговаривала, но прикосновений старалась избегать, когда это было возможно, и делала вид, что не замечаю поползновений парня. Не знаю, насколько убедительно.

Удивительно, но влюбленная Нитка соперницы во мне не видела. Она была младше меня на год и за все время обучения не нашла в школе подруг, а потому прилепилась ко мне сразу, как только это позволило общее отношение.

Нитка охотно делилась своими переживаниями и много рассказывала о себе. Она рано осталась сиротой, воспитывали ее дед с бабкой и старшая сестра (разница в десять лет закономерно относилась к старшим, к воспитателям). Мне показалось, Нитке не нравилось быть Тенью, хотя она никогда не говорила об этом прямо. Я, честно признаться, тоже с трудом представляла ее, к примеру, в качестве телохранительницы. Нет, дралась она не хуже других, а соображала быстро, но ей не хватало какой-то жесткости, решительности. Возможно, в критической ситуации эти качества проявились бы, но ведь не попробуешь — не узнаешь. А она пробовать явно боялась, мысль о том, что через какое-то время ей придется выйти из долины ради первой проверки своих сил, заставляла девчонку поживать.

Пожалуй, все это было действительно не для нее. Ей бы надежное плечо рядом, кого-то, кто готов будет взять за нее ответственность, заслонить собой от враждебного мира. А она — как раз из тех, кто умеет ждать мужа из дальнего похода. Так, чтобы дом всегда был чист и уютен, а горячий обед — на столе, к какому бы дню и часу ни явился защитник. Впрочем, возможно, я все это себе напридумывала.

Лесовой тоже был сиротой, из всей родни — только дед, крепкий еще старик. Вернее, старался таким казаться, когда его навещал внук. Но я, когда Лесовой на выходные зазвал меня к себе в гости, заметила, как сутулится дед и хватается за впалую грудь, когда думает, что на него никто не смотрит. И Лесовой тоже это замечал — я видела, с какой тревогой он поглядывает на деда. И это был не просто страх потерять любимого и единственного родственника, было здесь что-то еще, выходившее за рамки моего понимания, но спрашивать я не решилась.

С Лесовым у меня сложились особые отношения. Ничего такого романтического с моей стороны, да и он явно не видел во мне девушку, что не мешало нам проводить много времени вместе. Не сговариваясь, мы избегали привлекать внимание к нашей дружбе и, чтобы побыть вдвоем, уходили с территории школы. Чаще всего в лес.

Не зря парень получил свое прозвище — лес он знал и любил. Даже зимой он мог определить каждое дерево и каждый кустик.

Меня он учил двигаться по снегу, не оставляя следов. Снег — та же вода, он чувствителен к жизни в любой форме, а потому даже бесплотная Тень на снегу не останется незамеченной, если не знает особых приемов. Это оказалось сродни искусству оставаться в границах тела, отсекая запахи и любое другое сообщение с окружающей средой. В итоге получалось, что мы не шли по снегу, а словно бы скользили над ним.

Лесовой вовсе не был одиночкой. Вполне компанейский парень, не чуждый шалостям, острый на язык. Но часы, проведенные наедине со мной, он очень ценил.

— Ты все понимаешь, — пояснял он.

Я только пожимала плечами: иногда мне казалось, что я вовсе ничего не понимаю.

Впрочем, мне это не мешало и самой получать удовольствие от наших встреч. Лесовой не лез в душу, не пытался выведать у меня мое прошлое, но и о себе рассказывал далеко не все. Нам было хорошо вместе, а еще тот самый дар, что время от времени подталкивал меня под локоть, заставляя совершать те или иные действия, нашептывал мне на ухо, что этого парня стоит держаться, что мы еще пригодимся друг другу.

Еще одним важным человеком в моей жизни стал мастер Лист. Те часы, когда мои сверстники сидели на общих занятиях, я проводила у него в лаборатории. Вопросов он теперь задавал куда меньше, чем прежде, основное для себя целитель уже выяснил, так что чаще всего я просто помогала ему готовить лекарственные составы.

За работой мы в основном молчали, и для меня это было временем размышлений, упорядочивания впечатлений, а потому лабораторию я обычно покидала в умиротворенном состоянии. И несмотря на то, что с Листом мы почти не разговаривали, я начала видеть в нем человека, которому, случись что, могла бы довериться. И что самое странное, мой скептически настроенный внутренний наблюдатель не имел никаких возражений по этому поводу.

С середины зимы мастер стал привлекать меня к занятиям с младшими подростками, которые учились видеть магию. Это оказалось неожиданно интересно — пытаться выразить в словах собственные ощущения так, чтобы они стали понятными другим. И я невольно вспоминала последнее письмо принцессы и посмеивалась: вот и я стала учительницей.

Как ни странно, мне это нравилось, хотя еще совсем недавно я не могла представить себе, как это — работать с детьми.

К счастью, мне не приходилось стоять перед классом в одиночестве и вещать. Наши уроки проходили в маленьких группах, а то и вовсе индивидуально, и всегда мастер Лист был рядом со мной, наблюдая, подсказывая, направляя.

Ученики прозвали меня магичкой.

Впрочем, среди старших новое имя не прижилось, те продолжали звать меня Пришлой. Кроме Лесового, который вообще избегал меня как-нибудь называть.

— Это все ненастоящее, — пояснял парень, — не твое. А для настоящих имен время пока не пришло.

Да, наверно. Только у меня, в отличие от Лесового, настоящего имени не было, даже тайного.

Надо сказать, пока мы вполне успешно обходились без имен — я всегда знала, когда он обращается ко мне, даже если в этот момент мы не смотрели друг на друга.

Некоторые принимали нас за пару, а Дрозд, который все никак не оставлял своих попыток быть поближе ко мне — к счастью, не слишком настойчивых, — посматривал на Лесового недовольно. Не знаю, высказывал ли он другу свое неудовольствие, но со мной заговорил на эту тему всего однажды:

— Почему ты с ним?

Поди ответь сходу!

— Мне с ним просто хорошо, — других слов я не нашла.

— Он тебе нравится как парень?

— Я не думала о таких вещах.

А вот это уже было не совсем правдой — очень даже думала. Я вообще привыкла обдумывать все изменения в своей жизни. И в этот раз очень быстро пришла к выводу, что

мои чувства к Лесовому совсем другого рода, хотя определения им пока не нашла. Просто я совсем не желала обсуждать это с Дроздом.

Было заметно, что Дрозд хотел сказать что-то еще, но передумал. А Лесовой, которому я передала этот разговор, долго молчал, прежде чем озвучить свое мнение. И слова его меня совсем не удивили, ибо были созвучны моим собственным мыслям:

— Знаешь, я не хотел бы говорить о нем плохо. Просто потому, что и сам ни в чем не уверен. Но все-таки... не стоит подпускать к себе Дрозда слишком близко.

Я кивнула, соглашаясь.

Мы вообще старались не обсуждать никого из знакомых — ни учеников, ни наставников. И было еще несколько тем, которых мы избегали. Ни разу мы не коснулись такого болезненного для меня вопроса, как проявление. Стояла за этим какая-то тайна, в которую старшие не спешили меня посвящать, а задавать вопросы ровесникам я не решалась, опасаясь нарваться на запрет, на бегающие глаза, которые разрушат отношения, успевшие возникнуть между нами. Ведь невозможно потом сделать вид, что ничего не было, мы просто самим себе не поверим. И даже Лесового я об этом не спрашивала, хоть и готова была ему доверять. Просто отношениями с ним я дорожила более всего. Как не спрашивала и о тех, кто живет в долине, но Тенями не является.

Для поисков ответов на эти вопросы внутри меня жил тот самый наблюдатель, который фиксировал малейшие оговорки и пытался составить из них цельную картину. Пока не слишком успешно.

По правде говоря, более всего я была озабочена поиском выхода из долины. Если меня попытаются здесь запереть, не выпустить через тени, у меня должна быть возможность покинуть долину другим путем.

Хуже всего было то, что я слабо представляла себе, как этот путь искать. Долина была слишком велика, чтобы обследовать ее шаг за шагом.

Возможно, разумнее всего было бы проследить за мастером Листом. В течение зимы он дважды пропадал больше чем на неделю, но оба раза мне не удавалось заметить, когда и куда он уходил. Я даже не уверена была, что он покидал долину. А появление после его второго возвращения нового оборудования в лаборатории можно было объяснить как-то иначе: оно выглядело достаточно компактным, чтобы кто-то из Теней мог пронести его в долину.

А еще я подсматривала и подслушивала, нисколько не смущаясь этого занятия. Правда, здесь это было делать куда сложнее, чем во внешнем мире. Целитель, к примеру, мог засечь присутствие любого из учеников даже в теневой форме, равно как и Синий — последний даже различал нас как-то, в отличие от Лисы, которая чувствовала нас, но определить, кто именно рядом с ней, могла не всегда, даже когда сама переходила в теневое состояние. Я и сама, экспериментируя, обнаружила, что узнаю в такой форме лишь немногих, остальные для меня остаются безликими Тенями.

Куда проще было провести мастера Силу, который вообще ничего и никого не замечал, если был чем-то увлечен. Но мастер Сила меня не интересовал. Больше всего мне хотелось держать под присмотром Главу, но именно к нему я подбираться не рисковала.

Кое-что я все-таки смогла выяснить: все взрослые трудоспособные Тени принимали участие в патрулировании долины. И если часть из них следила за порядком в населенной зоне, то небольшие группы время от времени исчезали из виду, и я по некоторым признакам определила, что они несут службу где-то на окраинах. И что там охранять, если не тот самый

таинственный проход, ведущий во внешний мир? Увы, проследить за ними не было никакой возможности — к месту службы патрульные группы отправлялись явно не пешим ходом, а тенями.

Между тем, близилась весна, и я начинала нервничать: по весне должны были начаться испытательные задания. Отправят меня, как и других, за пределы долины или найдут предлог задержать?

Из нашей небольшой компании первым уходил Дрозд. Накануне он загадочно улыбался и пребывал в радостном предвкушении. Через два дня исчез Лесовой — мы даже попрощаться с ним не успели. Нитка считалась пока слишком юной для выхода во внешний мир, а мне Лиса сказала, что стоит немного подождать. И даже вполне убедительно объяснила, каких именно навыков мне пока не хватает. Я сделала вид, что поверила, и с искренним — не показным — рвением принялась за освоение недостающих навыков.

Парни вернулись одновременно — спустя полторы недели. Дрозд показался мне растерянным, даже как будто пришибленным, хотя на не слишком внимательный взгляд парень вел себя как обычно. Непонятно было, то ли ему задание не по душе пришлось, то ли со старшим в паре что-то не сложилось. В то, что его сильно разочаровал внешний мир, я не верила, так как точно знала, что парень уже бывал за пределами долины с родителями. Впрочем, уже через несколько дней к Дрозду снова вернулось душевное равновесие. О том, что с ним произошло, он так и не рассказал.

Лесового первое задание ни капли не изменило. И между нами двумя все было, как раньше.

А потом наступила моя очередь. Лиса передала мне приглашение Главы, а когда я явилась, в его апартаментах меня ожидал совсем другой человек — не слишком высокий, плечистый, с кудрявой русой головой и серьгой в ухе. Серьга при рассмотрении магическим зрением оказалась защитным амулетом.

Мужчина был представлен мне как Волк, и именно с ним мне полагалось отправиться на задание. Мне он не понравился. Настолько, что я даже подумывала сбежать от него при первой же возможности. Если таковая представится.

Надо сказать, эта мысль не впервые приходила мне в голову, все же опасения, что в один не слишком прекрасный день я окажусь запертой в долине, не покидали меня, а задание было шансом вырваться.

Пожалуй, я бы так и поступила, но накануне моего ухода Лесовой вытащил меня на прогулку. Все дорогу мы молчали, прыгая через корявые корни, пересекавшие тропу, а под конец парень взял меня за руку, заглянул пытливо в глаза и сказал:

— Я догадываюсь, что ты хочешь уйти. И я понимаю почему — здесь у тебя нет шансов, для тебя долина — клетка. Но я тебя очень прошу — вернись. Я буду ждать.

Здравствуй, Тень!

У меня радость — Иан вернулся. Да, измученный, исхудавший, но живой и будто бы окрепший по сравнению с собой прежним. Это я не о телесной крепости, а о внутренней.

Три дня он отъедался и отсыпался, мы и десятка слов друг другу не сказали. Я успела только узнать, что два месяца он пробудет дома, а он — что я теперь работаю в школе.

Но вот он немного пришел в себя, и мы наконец смогли поделиться друг с другом пережитым. Я с ужасом и восхищением слушала рассказы мужа о путешествии, об их находках и открытиях, о схватках с тварями, которые встречались им на пути.

Представь себе, мой оберег спас Иану если не жизнь, то здоровье точно: вверда — это такая чешуйчатая гадина — плюнула в него едкой слюной, и твой флакончик оказался на пути у плевка. Иан носил его на груди под одеждой. И вот, представь, яд прожег рубашку, повредил нити оплетки и самую малость оплавил стекло, но до груди не добрался. Несколько крохотных брызг — не в счет, это болезненно, но не опасно для жизни.

Оберег я, конечно, восстановлю — оплетка нужна новая. Я подумывала о том, чтобы сделать ее из проволоки, но Иан отговорил — сказал, что металл для таких дел не очень подходит. А я и сама вспомнила — читала когда-то, что для оберегов лучше всего именно нити из растительных волокон, потому что они хорошо принимают эмоциональный посыл. Потому, наверно, изготовление оберегов считается преимущественно женским занятием.

А вот известие о моей работе в школе заставило Иана нахмуриться. Он не сразу ответил, чем именно недоволен, а когда я пристала с расспросами, признался, страшно смущаясь, что он просто боится меня потерять, волнуется, что если я буду такой самостоятельной, со временем он станет не нужен мне. Он, конечно, не станет меня ограничивать и запрещать мне работать, но у него теперь прибавилось поводов для беспокойства. С другой стороны, он рад, что я так самостоятельна и не пропаду, если с ним что-нибудь случится.

В общем, сплошные противоречия. И словами тут ни в чем не убедишь, только ждать остается, пока в голове уляжется и в сердце отзовется. Но меня радует, что муж откровенно поделился со мной своими страхами и сомнениями. Прежде он на такое не решился бы, держал всё в себе. И это тоже свидетельствует о том, что он стал сильнее.

Но увы, по-прежнему остается что-то в нем самом, что его тревожит и пугает и о чем он мне пока не рассказывает. Ничего, я наберусь терпения и подожду.

Волк ожидал меня на пороге зала сообщений, кивнул на мое приветствие и жестом позвал за собой. Лишь в самый момент перенесения взял меня за руку: новичков полагается держать, чтобы не потерялись в пути. В моем случае тут имелся двойной резон: я могла потеряться и намеренно, поскольку у меня, в отличие от большинства учеников, имелись свои ориентиры во внешнем мире.

Однако пока я бежать не собиралась: мысль о том, что в долине кто-то будет ждать моего возвращения, держала меня крепко. Тем не менее, все вещи, которые я считала важными для жизни, я взяла с собой. Только запасом одежды не стала себя обременять — это дело наживное.

От точки перехода мы шли два дня, и все это время я ощущала, что старший напарник за мной присматривает. Даже ночью он, казалось, не спускал с меня глаз. Было ли это обычным явлением в связке старший-младший, или я удостоилась особой чести в связи со своей неблагонадежностью, уточнять не стала. Такое пристальное внимание было не слишком приятно и существенно снижало шансы на побег, однако терпения мне было не занимать. Хочет смотреть — пусть смотрит.

Задание состояло в незримом сопровождении некой важной персоны из столицы Устеви в одну из окраинных крепостей на юго-востоке страны. Всего три дня пути, если повезет и не будет никаких неожиданностей.

Персона оказалась невысоким полноватым человечком с гордо задранном носом и маленькими недоверчивыми глазками на округлом лице. Он велел называть себя просто господином. У Волка при этом явственно перекошило физиономию.

Мой старший при 'господине' не проявлялся, это было незыблемым правилом при большинстве заданий — лицо заказчикам показывает только посредник, исполнитель остается не узнанным. Даже если приходилось проявиться, лицо прикрывали мороком из сгустившейся тени. Я тоже овладела этим нехитрым приемом.

Пожалуй, в этот раз я была напряжена куда больше, чем при охране принцессы во время нашей единственной вылазки в город. Карета казалась клеткой, сковывающей движения, лишаящей возможности настроиться на опасности окружающего мира. Я бы предпочла ехать снаружи, верхом, но... Лошадь с невидимым всадником, следующая за каретой, привлечет ненужное внимание. Нам же полагалось внимания всячески избегать. Как я поняла — большей частью из недомолвок Волка, чем из слов, — за человеком, кем бы он ни был, велась серьезная охота. Одновременно с нами из столицы выехали два охраняемых кортежа, две обманки, и была надежда, что охота увяжется за ними. Но если нет...

В горах все еще лежал снег, в Таунале в это время царила весенняя распутица, а здесь, в Уствее, дороги успели подсохнуть, и копыта не чавкали в грязи, а отбивали звонкую дробь.

Я сидела в карете напротив надменного человечка, но не видела его — мое сознание было настроено на то, что происходило за пределами нашей клетки. Всякое проявление жизни в окрестных лесах достаивалось моего пристального внимания. Отличить крупного зверя от человека было трудно, но возможно. Впрочем, здесь таких зверей почти не водилось. Мелькнул на краю сознания отощавший за зиму волк-одиночка — и растворился в тенях. Людей не водилось тоже — дорога была пустынна на многие лиги в обе стороны.

Мы путешествовали в стороне от основных торговых трактов, чтобы избежать лишних встреч, но у окольного пути имелся один существенный недостаток — он был длиннее, и потому враги, которым не терпелось то ли убить, то ли похитить важную персону, вполне могли, убедившись, что их провели, метнуться нам наперерез — другой дороги, по которой могла бы поехать 'важная персона', не оставалось.

Это понимала я, понимал Волк, об этом догадывался маленький человечек. Догадывался и боялся, стараясь скрыть свой смертельный страх за маской заносчивости. Его выдавали чуть подрагивающие кончики пальцев да беспокойная дрема, от которой он то и дело пробуждался с выражением ужаса в глазах и вздыхал судорожно, понимая, что его всего лишь посетил очередной кошмар. И я ловила себя на том, что уже сочувствую этому человеку, даже не зная, кто он такой.

Нападение все-таки произошло — на последнем участке пути, когда до крепости оставалась всего лишь пара часов езды. Нам повезло, что нападавших было немного — видимо, отряды, охранявшие обманки, здорово потрепали их. Да и я обнаружила засаду своевременно. Хуже было то, что нападение началось с магического удара — я его засекала, но предотвратить была не в состоянии, у нас всех имелись лишь амулеты личной защиты, на наш транспорт она не распространялась.

Мне пришлось вытаскивать трясущегося человечка из горящей кареты, и, пока Волк рубился с нападавшими, я, прикрывая охраняемого, раскидала свой запас метательных ножей, стараясь проредить ряды противника. В ближний бой мне пришлось вступить лишь раз, когда один из нападавших прорвался к 'господину', наивно полагая, что того никто не защищает.

На бой с Тенями, невидимыми и потому почти неуязвимыми, противники не рассчитывали, и все закончилось быстро, очень быстро. Я еще раньше замечала, что со схватками обычно так и бывает — они всегда значительно короче, чем слова, которые

требуются для их описания. По крайней мере, сознание воспринимает это именно так.

Карету спасти не удалось, кучер погиб, но лошади уцелели, и мы добирались до крепости верхом. Наш охраняемый держался спокойно и уверенно, словно все самое страшное осталось теперь позади. Возможно, так оно и было на самом деле, и никакие опасности ему больше не угрожали. Но когда мы, получив окончательный расчет, прощались сухо и официально, 'господин' тронул меня за руку — не знаю, как он определил, где я стою, — и шепнул почти беззвучно:

— Спасибо.

И это единственное слово благодарности было мне куда важнее позвякивающих в тяжелом кошельке монет. Наверно, из меня никогда не вышло бы хорошего наемника.

— А ты ничего, — хмыкнул Волк, — я боялся, что с тобой сложнее будет.

Ну да, а я боялась, что сложнее будет с ним. А так — ничего, присмотр только, но это можно пережить...

Сразу за крепостью густые леса распадались на отдельные зеленые островки. Я знала, что там, за горизонтом, они и вовсе сойдут на нет, сменятся колючими непролазными кустарниками, а еще дальше — безбрежным травяным морем, которое к середине лета высохнет, побуреет, и будет торчать к небу упрямыми колочками и колыхаться на ветру. Кажется, это называется степью. А за ней — еще что-то, далекое, неведомое.

Хотела ли я туда? Наверно, нет: при мысли о неизведанных далях меня охватывал скорее озноб, чем предвкушение. Зато я знала теперь, что в любой момент могу исчезнуть, стоит лишь шагнуть в тень, и никакой Волк мне не успеет помешать. Но я не собиралась бежать, в этот раз я твердо была намерена вернуться.

Мы переместились в долину прямо от крепости — для этого было достаточно всего клочка тени.

Отсутствовали мы меньше недели, но мне чудилось, будто прошла вечность. Оказывается, я успела свыкнуться с этим замкнутым мирком и, хоть и не ощущала его домом, испытывала чувства, похожие на те, что должен испытывать человек, вернувшийся под родной кров.

Наверно, я просто нуждалась в этом ощущении. Каждому человеку нужен дом, куда он может вернуться после долгого путешествия. И даже если он не путешествует... В этом случае дом, пожалуй, еще нужнее.

И я пообещала себе, что когда-нибудь — когда я миную все вехи, расставленные для меня неведомой плетельщицей и смогу сама распорядиться своей судьбой — я непременно обзаведусь собственным домом. Пусть не самым большим и богатым — просто домом, в который можно возвращаться. Местом, где меня ждут.

Здесь, в долине, меня ждал по-настоящему один-единственный человек, и я спешила с ним увидеться. Дело было уже к вечеру, и мы встретились за ужином, за общим столом, а потом вдвоем ушли в темнеющий лес.

Лесовой не расспрашивал меня о задании, сказал только:

— Я рад, что ты вернулась, — и замолчал.

— Я тоже рада. Честно говоря, было искушение сбежать, исчезнуть, а потом я поняла, что мне обязательно надо назад. К тебе.

— Меня зовут Ирье, — сказал он, и я не сразу поняла, что это значит.

Высшая степень доверия — имя, которое открывают только самым близким. А я не могла ответить ему тем же.

— У меня нет имени, — призналась я, — наверно, когда-то было, но я его не помню.

Больше в тот вечер мы не сказали друг другу ни слова, а на следующий день нам не удалось встретиться наедине. Эта невозможность поговорить заставила меня нервничать и сомневаться: а ну как Ирье мне не поверил, что нет имени, обиделся на недоверие и станет избегать встреч? И я вздохнула с облегчением, когда день спустя он вновь позвал меня за собой.

Мы устроились в развилке корявого дерева, болтали ногами и слушали журчание сбегающего с горы ручья. Ирье был задумчив, но я знала, что он просто подбирает правильные слова, чтобы сказать мне что-то очень важное. И не ошиблась.

— Я хочу тебе кое-что предложить... Не знаю, сможешь ли ты покинуть долину... Я просил тебя вернуться, а теперь жалею об этом. Нет, ты не подумай, я очень рад тебе, но переживаю о том, что, возможно, лишил тебя шанса на свободу. Ты ведь понимаешь, что здесь ты навсегда останешься чужачкой? И что у тебя нет шансов на проявление?

— Как это — нет? — растерялась я.

— В обряде должен участвовать кровный родственник не дальше второго колена. А у тебя нет... Что, тебе об этом никто не сказал?!

Я нашла в себе силы только помотать головой. Это было сродни удару под дых. Я догадывалась, почти уверена была, что мне не будет легко получить то, ради чего я здесь осталась, но чтобы так, без шансов... Навсегда невидимой во внешнем мире, лишенной человеческого общения — или навсегда чужой в долине?

— Я не знал, что от тебя это скрыли, а то бы давно сказал... В общем, выбор у тебя невелик, а в долине ты все же смогла бы жить, разговаривать с кем-то, работать на клан... И я хотел бы предложить тебе защиту: если ты войдешь в одну из семей клана, люди могут относиться к тебе как угодно, но никто не посмеет поступать с тобой незаконно, даже Глава.

Войти в семью — это как? Замуж, что ли, позовет?..

— Как ты смотришь на то, чтобы стать моей сестрой?

— Сестрой? — бессмысленным эхом откликнулась я.

Это было слишком неожиданно.

— Да, — кивнул он, — именно сестрой. Помолвку и брак в нашем возрасте никто не позволит, нужно на клан отработать несколько лет, прежде чем связывать себя подобного рода узами, а защита тебе может понадобиться уже скоро.

— Я согласна!

Сама не ждала от себя этих слов, а они почему-то сказались. И осталось убеждение, что всё правильно.

— Я всё подготовил.

У него и правда оказался с собой маленький ножик с незнакомыми символами на костяной рукоятке — я таких знаков не видела ни в одной книге, ни у Бьярты, ни у Райнера. Но меня почему-то не оставляло ощущение, что я вот-вот смогу их понять, прочитать. Словно встретила с чем-то, что давно знала, но позабыла.

— Это ритуальный, — пояснил Ирье, — очень древний.

Два разреза на запястьях — и мы соединили, сплели наши руки, и зазвучали слова клятвы:

— Призывая в свидетели богов всех миров, известных и неизвестных, я нарекаю и признаю тебя, не знаящая имени, своей сестрой и клянусь быть тебе братом, защитником и советчиком.

— Призывая в свидетели богов всех миров, известных и неизвестных, я нарекаю и признаю тебя, Ирье, своим братом и клянусь быть тебе сестрой, поддержкой и утешением.

— Вот и всё, — подытожил Ирье. — Мой дом — твой дом, сестра.

— Как странно, — отозвалась я, — никогда прежде не слышала такой клятвы, а слова сами ложились на язык, словно я знаю их давным-давно.

— Это очень древняя клятва. Она сама себя говорит, достаточно искреннего желания.

— И что теперь?

— Теперь... Если останешься, будешь под моей защитой. А если решишь уйти, то помни, что здесь у тебя остался брат. Ну а если я окажусь во внешнем мире, то смогу перенестись к тебе тенями из любого места, как и ты ко мне. На такое не способны даже настоящие кровные родственники или супруги, а ритуал дарит нам эту возможность.

— Удивительно! Откуда ты все это знаешь?

— Мой род — хранители древних традиций. Мы знаем даже то, что другие уже давно забыли.

С тенехождением друг к другу мы решили пока не экспериментировать — кто знает, как далеко простирается власть хозяина теней. Может, он отслеживает любое перемещение внутри долины. Мы же хотели держать нашу связь в секрете, покуда нет необходимости ее обнародовать.

Сейчас нам хватало того, что мы стали еще ближе друг к другу. Я даже обнаружила, что начала чувствовать брата на расстоянии. Не так, как когда-то принцессу, с которой у меня даже сердце порой билось в одном ритме. Нет, я улавливала лишь сильные эмоции — гнев, раздражение, радость. Ирье признался, что чувствует то же самое.

А еще я решила рассказать ему все о себе, брат все-таки... Кому еще довериться?

Но Ирье остановил меня:

— Не стоит. Когда-нибудь потом, когда наше с тобой будущее станет более определенным. Пока же, чем меньше я о тебе знаю, тем лучше — никто не сможет узнать о тебе от меня.

А дальше события развивались стремительно, и одно открытие следовало за другим.

Я, конечно, знала, что второе проверочное задание обычно назначают довольно скоро вслед за первым, но рассчитывала, что успею отдохнуть и подумать — мне очень нужно было время на то, чтобы собраться с мыслями и понять, как быть дальше. Но такой возможности мне не предоставили.

Сначала после торопливого прощания исчез Ирье. Было грустно, особенно потому, что я тайне лелеяла надежду, что нас отправят вместе — все же выбор напарников был весьма невелик. Не повезло. Два дня спустя я узнала, что со мной в паре будет выполнять задание Дрозд.

Сперва я насторожилась — уж больно подозрительным мне казался этот парень, а потом даже обрадовалась: совместное задание — это шанс присмотреться к напарнику, когда он вырван из привычной обстановки, а если ситуация будет сложной, то он, возможно, раскроется невольно, и я пойму, что или кто стоит за его поведением. В искренние чувства парня я по-прежнему не верила.

Нас вывели из тени в охотничьей избушке, обозначили наше местонахождение на карте — это оказалась область на восточной границе Тауналя — и подробно объяснили суть задания. Мне не понравилось. Совсем не понравилось.

Во-первых, из-за Тауналя: даже зная, что в любой момент могу покинуть страну

теневым путем, я не испытывала никакого желания возвращаться сюда. Во-вторых, область была еще пару десятков лет назад самостоятельным королевством — тем самым, которое соседи хотели получить в приданное за Нэл, — и обстановка здесь все еще была нестабильной: борцы за свободу время от времени совершали покушения на государственных чиновников высокого ранга (пару раз даже успешно), саботировали разработку месторождений ценных металлов, приводили в негодность дороги, связывающие эти места с центром страны. Словом, устраивали всяческие беспорядки. И моя интуиция вопила в голос: здесь замешана политика!

В-третьих, и само задание выглядело довольно паршиво: забрать из некоего имения тщательно охраняемый артефакт. Уже сам факт, что придется заняться воровством, не вызывал у меня никакого энтузиазма. Это Совет и Глава клана могли прикрываться высокими целями и своими представлениями о справедливости, а для меня кража все равно оставалась кражей. Причем по сложности задание явно превосходило средний ученический уровень, как мне показалось.

— Что, откажетесь? — ехидно осведомился наш сопровождающий.

Дрозд, которому задание тоже было явно не по душе, зыркнул на него сердито и ответил за обоих:

— И не подумаем.

И мы остались вдвоем.

До особняка нам предлагалось добираться больше суток своим ходом. Я удивилась, что не нашлось точки переброски поближе к цели, но смолчала. И ушла в себя, оставив снаружи своего недоверчивого наблюдателя.

Дрозд шел уверенно, экономно расходуя силы, говорил только по делу и вообще вел себя как идеальный напарник. И только на вечерней стоянке, когда мы, скромно поужинав, сидели у догорающего костра, он придвинулся ко мне поближе и положил руку на плечо. Первым моим стремлением было сбросить ее, дернув плечом, но я удержалась, а парень принял это как приглашение к действию и продолжил свою атаку. Дальше скрывать свою неприязнь к происходящему стало сложнее. Да я и не пыталась, наоборот — выставила руки, попыталась остановить, удержать на расстоянии. Но парень предпочел ничего не заметить. А может, и впрямь не замечал, настолько был убежден в собственной неотразимости.

А потом все закончилось. Внезапно. Мне показалось, я ощутила короткую злую волну, которая резко накатила изнутри, ударила, оттолкнула парня, так что он отлетел на расстояние нескольких шагов, едва не усевшись в костер, — и тут же исчезла бесследно.

— У тебя что, защита какая-то? Амулет? — недовольно спросил Дрозд, отряхивая штаны.

— Угу. Против назойливых ухажеров.

И не соврала. Брачный рисунок до сих пор зудел. И волну породил именно он, я почувствовала. Не знала раньше о таких его свойствах, а теперь задумалась.

Свою связь с Владыкой Нимтиори я успешно скрывала: одежда с длинным рукавом тому способствовала, а когда я научилась делать теневые мороки, стало совсем просто — тонкий туманный браслетик вокруг запястья, который практически невозможно было заметить, если не приглядываться специально (а приглядываться не было нужды), надежно защитил мою тайну. Возможно, все это было излишними предосторожностями, я не уверена была, что на Тени вообще можно заметить рисунок, но лучше уж было перестраховаться.

Станным мне казалось, что Владыка до сих пор не разорвал помолвку. В течение года

это можно было сделать в присутствии обеих сторон, но год уже минул, 'жених' имел право избавиться от обременительной связи в любой момент, но почему-то не спешил это делать. И рисунок не только сохранялся на моем запястье, но и был, как выяснилось, весьма активен...

На ночлег мы с Дроздом устроились рядом, спина к спине, и никаких поползновений с его стороны больше не было. А утром он вел себя так, словно ничего не случилось.

К имению мы явились около полудня. Для невидимых Теней нет разницы, в темноте вторгаться в чужое жилище или при свете дня, но мы все-таки решили дожидаться ночи, в надежде, что часть беспрерывно снующих людей с наступлением темноты разойдется по спальням.

Особняк не спал до позднего часа, а когда все это движение окончательно стихло, от цели нас отделяло совсем немного: собаки, бегающие без привязи по саду, пост охраны в сторожке, из которой начинался путь в подземное хранилище, и — предположительно — магические и не только ловушки, ожидающие нас на этом пути.

Собак взял на себя Дрозд, и вскоре зубастые псы устремились в дальнюю часть сада, привлеченные дивным ароматом специально для них приготовленного зелья. Четверть часа — и они заснут до самого утра.

С охранниками тоже особых хлопот не предвиделось: еще одно зелье Дрозд распылил через замочную скважину, а мы уселись, прислонившись к стене сторожки — ждать. Охрана-то отключилась уже через несколько минут, но нам надо было еще дожидаться, пока зелье осядет, чтобы и самим не вкусить навеянного сна.

А вот дальше напарнику пришлось пропустить меня вперед — в отличие от него, я могла видеть магические ловушки. Похоже, как раз из-за них на это задание отправили именно меня. Зато Дрозд играючи справлялся с замками любой сложности. Меня этому никогда не учили.

Путь по подземелью занял около часа, и мы были уже у самой цели — мощной двери, за которой скрывался искомый артефакт, — когда все и произошло.

Ловушка была не магической, а механической, и я, ведомая своим чутьем, просто перешагнула через опасную ступеньку, не задумываясь. А Дрозд на нее наступил. Острое узкое лезвие стремительно выскочило из стены и почти тут же убралось обратно. Напарник среагировал, но недостаточно быстро. Рана, которую он получил, не казалась опасной, однако Дрозд почему-то начал заваливаться — вперед, на меня. Придавленная тяжелым телом, я согнулась, но устояла.

Что это могло быть — яд, снотворное? Одно ясно — обратно мне Дрозда ни за что не вытащить, просто сил не хватит, слишком далеко от входа.

Кряхтя и задыхаясь, я сволокла напарника со ступенек и уложила в закутке под лестницей. Я разрывалась: с одной стороны, нужно было оказать парню помощь, с другой — ловушка могла быть с сигналом, который поступает не к охранникам в сторожке, а непосредственно в дом, и тогда здесь вот-вот будут хозяева. И если я не поспешу замести следы, в лечении уже не будет никакого толка.

Прикинув, что людям все-таки требуется время, чтобы добраться сюда, я принялась потрошить свой алхимический пояс. Какой яд поразил моего напарника, я не знала, оставалось только надеяться, что он из тех, с которым способно справиться Бьяртино универсальное противоядие. Я влила несколько капель парню в рот, потом обработала рану, залив ее вытягивающей настойкой — не слишком эффективно, но все-таки лучше, чем

ничего.

После этого уже можно было заняться следами. Затерев пару капель крови, которые успели упасть на ступеньку, я посыпала их порошком — еще одним подарком незабвенной наставницы. Несколько мгновений — и здесь не останется следов ни крови, ни порошка, ни одна собака не унюхает. Остатки состава я распылила вокруг нашего укрытия под лестницей.

И еще два круга защиты, два зелья: одно поглотит звуки из укрытия, ибо я могла в любой момент уйти в тень, а то и вовсе перенестись в безопасное место, а Дрозд сменить форму был не в состоянии, и его хриплое, прерывистое дыхание могло нас выдать; второе — секретный состав, изобретенный Бьяртой, — воздвигло вокруг нас завесу невнимания. Теперь никому и в голову не придет заглянуть под лестницу или, того хуже, потыкать туда чем-нибудь в надежде обнаружить лазутчиков.

Едва успела.

Хозяева преодолели расстояние от входа до заветной двери куда быстрее, чем мы. Ничего удивительного, они-то, в отличие от нас, были прекрасно осведомлены о расположении и свойствах ловушек, а то и защиту от них имели.

— И что это было?

— Ловушка сработала, это точно. Но никаких следов.

— Которая?

Молчание. Снова шаги. Скрип ступенек и тяжелый стук. Едва уловимый слухом щелчок и свист.

И тут до меня дошло, что я упустила: с лестницы кровь убрала, а вот на лезвии она, несомненно, осталась.

И точно:

— Тут кровь!

— А толку-то? Чтобы по кровит искать, нужен Лексан, а он появится здесь не раньше, чем послезавтра.

— Зачем нам Лексан? Хигра — яд безотказный. Даже если сразу не подействовал, то далеко раненый все равно уйти не мог. Пустим собак, обыщем сад.

Однако, прежде чем уйти, хозяева все же спустились с лестницы и еще раз осмотрели площадку перед дверью, заглядывая в каждый уголок... По крайней мере, они были в этом убеждены.

Через несколько минут стихли в отдалении шаги, и снова наступила тишина, прерываемая лишь неровным дыханием моего напарника. Но теперь я была за него спокойна: с хигрой Бьяртино противоядие справится. Конечно, Дрозду понадобится не меньше двенадцати часов, прежде чем он окончательно придет в себя и сможет нормально двигаться и соображать, но это время у нас есть.

Я вздохнула и покосилась на парня. Все-таки он повел себя неосмотрительно. Это мне, чтобы хорошо работало магическое зрение, необходимо было оставаться в плотной форме, а Дрозд вполне мог спуститься Тенью, тогда бы не пострадал. И не понять: то ли клановые Тени, избалованные своей неуязвимостью, стали излишне самонадеянны и недостаточно внимания уделяют воспитанию в своих чадах осторожности, то ли Дрозд пока слишком молод и глуп. Да и я виновата, наверно — могла бы подсказать, раз уж была ведущей в паре. Но не догадалась.

Напарник пришел в сознание через несколько часов, когда я уже устала пялиться на запертую дверь хранилища. Увы, справиться с замком без Дрозда мне было не по силам, а

потому я маялась бездельем. Вот уж когда нашлось время подумать обо всем, о чем хотела. Впрочем, мысли крутились в голове без толку, я не приняла никаких решений, да и сделать прямо сейчас ничего не могла.

— Где мы? — хрипло спросил Дрозд.

— Да все там же, — отозвалась я.

Парень снова отключился. Я посмотрела его рану: растревоженная ядом, она не спешила затягиваться, и кровь продолжала сочиться сквозь повязку. Мне это не нравилось, но дать Дрозду яresiцу я пока не могла: надо было дождаться, пока организм справится с ядом, и только потом запускать регенерацию.

К полудню взгляд напарника окончательно прояснился.

— Что это было?

— Яд, — ответила и, заметив мелькнувший в глазах испуг, добавила: — Все уже в порядке, у меня было противоядие.

— Спасибо.

Сил на разговоры у Дрозда пока не было, да и рана, наверно, донимала. Яresiцу я взяла из его запасов — теперь мастер Лист снабжал этим снадобьем всех учеников и взрослых наемников, отправлявшихся на задание, — и, приподняв парню голову, пролила пару капель ему на язык.

Час спустя Дрозд уже вполне уверенно сидел и со зверским аппетитом запихивал в себя лепешку с мясом из наших дорожных запасов.

А потом занялся хитрым замком хранилища.

Дверь открылась практически беззвучно, и я шагнула вперед, всматриваясь в темноту магическим зрением в поисках охранных плетений. Но внутри, на наше счастье, никакой магии не было — кроме той, что исходила от самого артефакта.

Я его узнала. Вернее, не так: я поняла, что это такое. Родовой артефакт, очень мощный. И, судя по символам, украшавшим обрамляющие сияющий камень лепестки, коронационный. Мне это показалось странным: регалии и родовые артефакты правящих родов завоеванных стран изымали и помещали в королевскую сокровищницу Тауналя. Каким же образом этот оказался в такой глуши? Был похищен какими-то третьими лицами в неразберихе боев? Или просто зачарован так, чтобы не было возможности вывезти его за границы королевства? И если да, то скорее всего мы сейчас выполняем поручение какой-нибудь повстанческой группы, мечтающей восстановить династию. И страну, вероятно, ждет очередная волна беспорядков. Едва ли выжил кто-нибудь из наследников прямой линии, и будет сначала восстание против захватчиков, а потом, если оно увенчается успехом, что сомнительно, — борьба за корону между представителями боковых ветвей в отделившемся королевстве.

В общем, политика, как я и опасалась.

Из хранилища мы перенеслись обратно в охотничью избушку, из которой начинали свой путь. Нам предстояла еще встреча с посредником, который ждал в условленном месте.

В домике мы на ночлег не остались, нашли в себе силы пройти несколько часов, прежде чем устроить стоянку. А поздним вечером случился разговор, которого я ждала.

— Прости.

— За что?

— Все это было игрой — и мое предложение дружбы, и попытки ухаживать за тобой.

— Я почти и не сомневалась в этом. Но зачем?

— Глава велел... приручить тебя, добиться доверия, выведать планы. Чтобы ты, если задумаешь что, обратилась именно ко мне.

— И что, если бы я тебе поддалась, смог бы — с девушкой, которая тебе даже не нравится?

— Ты мне нравишься, — возразил Дрозд, — и уверен, нам было бы хорошо вдвоем.

— Богатый опыт? — хмыкнула я.

Дрозд смутился:

— Не то чтобы... но девчонкам я нравлюсь, и... ни одна не жаловалась. У нас, знаешь, проще с этим, чем во внешнем мире. И безопасно — в непроявленном состоянии невозможно зачать ребенка.

Вот это было ударом. Да, о детях думать мне было пока рановато, но все равно мечталось... не о детях даже, а о тихом счастье, которое меня когда-нибудь ждет. А уж дети были неотъемлемым признаком этой далекой мечты. Оказалось, никакого 'когда-нибудь' у меня нет. Проявиться я не смогу, а значит, даже в долине, среди других Теней, мне не стоит рассчитывать на семейное счастье. Неполноценная.

— Зачем ты мне все это сейчас рассказываешь? Неужели надеешься, что я поверю в твоё искреннее раскаяние?

— Не надеюсь, — вздохнул парень, — я понимаю, что слишком долго обманывал, и не могу рассчитывать ни на твоё доверие, ни на прощение. Но я обязан тебе жизнью, а потому просто расскажу о замыслах Главы, а ты уж, что хочешь, то и думай. Он не желает отпускать тебя.

— И это для меня не новость.

— Дело даже не в том, что ты можешь принести пользу клану. В конце концов, за несколько лет можно научить младших ребят тому, что умеешь ты, и тогда ты перестанешь быть единственной, особенной. Но за время жизни в долине ты успела слишком много узнать о клане, и Глава желает избежать распространения сведений. В обмен на ритуал проявления он мог бы потребовать у тебя клятву верности, но ритуала ведь не будет. И он понимает, что просто так ты свою верность не отдашь. И значит, можешь просто не вернуться в долину после очередного задания. Так что Глава будет тянуть, морочить тебе голову. Но он понимает и то, что ты не дура и вскоре разберешься, что к чему. И тогда, если не получится получить с тебя клятву, он просто избавится от тебя. Или убьёт, или лишит памяти и выкинет где-нибудь за пределами долины. У нас есть маг, способный на вмешательство в разум. Поэтому я советую тебе уйти. Прямо сейчас. Ты хорошо знаешь внешний мир, теней полно вокруг, шагнешь — и никто не догадается, куда именно.

— Почему именно тебе поручили за мной... присматривать? — любопытствовала я.

— Глава — мой дядя, брат матери, — криво усмехнулся парень, — и он прочит меня на своё место. Со временем.

— Не боишься поссориться с дядюшкой, если я сбегу? Получится ведь, что не справился с поручением.

— Ничего. Мне позволительно — ранен был, устал, утратил бдительность.

— Ладно... ложись уж спать, усталый-раненый.

— Так ты пойдешь?

— Не сейчас, — отрезала я.

Я действительно слишком устала за прошедшие сутки, чтобы срываться с места. В конце концов, если я захочу сбежать, Дрозд и утром не сможет мне помешать. А сейчас

ночь, тело просит покоя, и только голова... Да, от мыслей никуда не денешься...

Снова утратить память, потерять себя — это казалось мне чудовищным. Страшнее смерти. И брат не защитит, это понятно. Если речь идет о безопасности клана, Глава имеет право принять единоличное решение, не спрашивая согласия Совета. Да и подставлять Ирью не хочется — если он узнает, что мне грозит, бросится отстаивать... Нет, возвращаться нельзя. А брат... если захочет, найдет меня.

С этой мыслью я и погрузилась в сон, а утром...

Утром я проснулась от рвущей грудь боли, от неожиданной тяжести сердца внутри и невозможности сделать вдох. Я не сразу поняла, что это не моя боль. Да и не боль даже, я просто уловила чувства названного брата: горе и безысходность. И поняла, что вернуться все-таки придется, иначе я никогда не прощу себе, что бросила его в таком состоянии. Ничего, ничего... Вместе мы со всем справимся.

До места встречи, такой же точно охотничьей хижины, оказалось несколько часов хорошим шагом. Передав посреднику артефакт, мы дождались, пока он скроется из виду и прямо оттуда перенеслись в клан.

Мне не терпелось повидать брата, но сначала Глава потребовал подробного отчета, потом он распорядился, чтобы я проводила напарника к целителю, и только после этого я смогла отправиться на поиски.

Сердце само привело меня к тому самому дереву, на ветвях которого мы недавно связали себя узами крови. Ирья сидел на ветке с ничего не выражающим лицом и пустым взглядом. Правда, он попытался улыбнуться, увидев меня, но я ему не поверила.

— Что случилось, брат?

— Дед... умер.

Я забралась к нему на ветку, пристроилась рядом и крепко обняла. Он не плакал, только дышал как-то прерывисто и вздрагивал плечами, а потом поднял на меня глаза:

— Я знал, что это случится скоро. Свыкся уже с мыслью, но... Ты понимаешь, что я теперь такой же, как ты?

Я нахмурилась, пытаюсь сообразить, о чем он.

— У меня нет больше близких родственников. Я знал... Я просил Главу, чтобы мне позволили пройти все проверки и ритуал раньше, чем положено по возрасту. Он не позволил. Я тоже останусь навсегда непроявленным. Последний в роду.

У меня не было слов ему в утешение. Я просто гладила брата — по плечам, по голове, а потом не придумала ничего лучше, чем рассказать о том, что произошло со мной на задании. Обо всем, кроме реакции брачной метки — мы ведь условились, что о своем прошлом я поведаю ему не раньше, чем буду в безопасности.

Ирья слушал с напряженным вниманием, а потом снова заговорил:

— Я догадывался, что будет плохо, но чтобы настолько... Это чудовищно! И ведь ты права: в вопросах безопасности Главе клана и Совет не указ. И делать вид, что ты ничего не замечаешь и ни о чем не догадываешься, тоже долго не получится.

— Угу. Только я не понимаю, что мне теперь делать.

— Нам.

— Что?

— Не 'мне', а 'нам'. Что бы ты ни решила, я с тобой.

— Бра-а-атик... — всхлипнула я.

— Ты вернулась из-за меня, да? Оттого, что почувствовала, как мне плохо? Можешь не

отвечать, я уверен в этом. Знаешь... я надеялся, что наше родство даст мне возможность и тебя проявить. С дедом советовался, но он сомневался, что это сработает, потому я и не стал тебя обнадеживать. Но я думал и о другой возможности. Слышал рассказы об одном артефакте, который позволяет совершить ритуал проявления без участия кровных родственников. Раньше думал, что сказки, но когда встретил тебя, стал расспрашивать деда. И он уверял меня, что артефакт существует. Это браслет, который испокон веков хранят Владыки Нимтиори. Но из тех, кто осмелился отправиться за этим сокровищем, назад не вернулся ни один. Но мы... нам-то возвращаться будет все равно некуда.

— А как ты хочешь уйти?

— Заданий нам в ближайшее время никто не даст — мне еще месяц до восемнадцати лет, а с тобой другая история.

— Мне тоже вроде бы пока нет восемнадцати, но точно я не знаю.

— Речь не о том. Нам придется уходить другим путем, не тенями.

— Ты знаешь этот путь?

— Есть цепочка пещер, через которую можно покинуть долину. И я примерно представляю себе, где может быть вход, но точно, увы, не знаю — его показывают только посвященным.

— Надо искать.

— Надо искать, — согласился брат, — и готовиться. На самом деле, никакая особенная подготовка к побегу нам была не нужна. Найти бы только путь, а там — ждать подходящего момента. Ну и делать вид, что все в порядке, чтобы не выдать себя ни словом, ни жестом, ни взглядом.

Я даже принимала ухаживания Дрозда, только теперь это было игрой для нас обоих. Нет, мы ни о чем не договаривались, просто после совместного задания он считал себя обязанным оберегать меня и потому продолжал делать вид, что по-прежнему морочит мне голову. А я делала вид, что поддаюсь.

А потом Дрозд ушел на последнее проверочное задание, и его долго не было видно, хотя я знала, что он уже вернулся. Спустя пару недель он пришел в школу уже проявившимся. Красивый парень оказался. Впрочем, я несколько не сомневалась в этом и раньше. Вот только вечером, когда он присел рядом со мной у костра и привычно притянул к себе за плечи, я почувствовала неловкость и отодвинулась.

То, что казалось естественным, пока мы оба были безликими Тенями, теперь ощущалось мной неправильным, словно пройденный им ритуал стал между нами пропастью. Даже зная, что мы всего лишь притворяемся на публику, я не могла заставить себя оставаться с ним рядом. Он вроде бы понял — нахмурился, убрал руку, отстранился, но смотрел с тревогой.

А мне почему-то стало жалко его — куда жалче, чем тогда, когда он умирал от яда, а я вливала ему в рот Бьяртино снадобье и не знала, подействует ли оно. Но тогда шла борьба за жизнь, а теперь ему предстоит внутренняя борьба. Нет, я была уверена, что сейчас он не выдаст меня — по крайней мере, намеренно. Но что в итоге победит в нем — гордость и честь или привычка подчиняться авторитарному дяде?

Я понимала, как трудно ему придется. Оставалось только надеяться, что он справится и когда-нибудь во главе клана Теней встанет тот, кому не безразличны чужие жизни и судьбы, кто будет понимать, что не все и не всех можно принести в жертву благополучию клана... или собственным представлениям о нем.

Но что если парень сломается? Было страшно за него и грустно...

Однако время шло, на последнее задание меня никто, разумеется, не посылал, и было бы подозрительно, если бы я не поинтересовалась, в чем дело. Я спросила у Лисы, она отговорила тем, что подходящего задания для меня пока что нет. Возможно, она неплохо умела притворяться, но меня ей провести не удалось — заметно было, что это не та тема, которую ей хотелось бы обсуждать, и что обманывать меня ей неприятно.

Я выждала недельку и решила отметить с тем же вопросом у Главы. Мне даже неинтересно было, какую ложь он для меня заготовил, я всего лишь хотела составить у него обманчивое впечатление, что я по-прежнему верю в его обещания.

Я шла к Главе днем, совершенно открыто — у меня и в мыслях не было шпионить за ним, но на подходе к дому что-то словно толкнуло меня под локоть — ну да, не просто 'что-то', а мой неумный дар, — и я перешла в теневую форму, прежде чем перешагнуть порог.

Мне повезло, я никого не встретила по пути, хотя обычно у дома Главы дежурил кто-нибудь из Теней, да и внутри вечно толкался народ — редко какое клановое дело обходилось без личного участия Главы.

Вот и сейчас у него в кабинете сидел посетитель, и через дверь, которую кто-то небрежно оставил приоткрытой, доносились негромкие голоса.

— Да, я повел себя неосмотрительно. Сначала позволил ей остаться и даже собирался поступить, как было велено Плетельщицей — отправить пришлую Тень в Нимтиори за браслетом. А надо было выставить ее сразу, пока она не узнала о нас слишком много. Потом я уцепился за нее, когда понял, какими полезными умениями она обладает. Ну да, ты прав, я сразу ввел ее в заблуждение. Вернее, кое о чем умолчал. Надеюсь, что прилепится к нам и сама уходить не захочет. Но она явно уже о многом догадывается. И теперь я намерен исправить свою ошибку и избавиться от девчонки.

— Ошибку ты совершаешь именно сейчас. Ты понимаешь, что идешь против божественной воли?

— Какая воля?! — повысил голос Глава. — Это не наши боги, мы им не поклоняемся.

Второго собеседника я опознала не сразу, просто не ожидала, что он будет вести с Главой такой разговор.

— Мы живем в их мире. От нас не требуется возносить им молитвы, но идти наперекор — вот где настоящая неосмотрительность.

— Брось, Лист! Ты понабрался этой ерунды за горами, но ты ведь маг, ты должен понимать. Все эти их плетельщики и прочие... Это просто одна из разновидностей магии.

— Мне жаль, что ты меня не слышишь... — целитель вздохнул. — Но вспомни хотя бы о том, что ты обязан ей жизнью племянника.

— По ее вине он и пострадал. Она была ведущей в паре. Если бы предупредила — он бы не подставился.

После этих слов я отступила от двери и спешно покинула дом. Поняла, что просто не найду в себе сил зайти к Главе и спокойно говорить с ним, как ни в чем не бывало. Одно дело знать обо всем со слов Дрозда, другое — услышать, что называется, из первых уст. Избавиться от девчонки... Что бы он ни имел в виду под этим словом, уверена — мне это не понравится. И произойдет это скоро. Не спасла наша с Дроздом игра. Глава клана — человек, вообразивший, что воля богов ему не указ, — намерен разрубить один из узелков, некогда завязанных для меня Плетельщицей.

Я уже знала, что Тени — не исконные жители этого мира, мне говорил об этом Ирье, но подробностей он и сам не знал — эти знания передавались во время ритуала проявления.

Мне было известно и то, что нашим богам они не поклоняются.

Во всей долине стоял только один храм, и посвящен он был Безликой богине. Просто огромное пустое помещение восьмиугольной формы, в котором не было привычных мне скульптурных изображений Высших, лишь множество постоянно горящих на стенах светильников, пламя которых создавало причудливую игру теней. Я зашла туда однажды из любопытства, но ничего не почувствовала. Возможно, Безликой я была неинтересна...

Остаток дня я неприкаянно болталась по территории школы в ожидании Ирье — брат отпросился домой, чтобы привести в порядок дом после смерти деда. На самом деле он разбирал оставшиеся от предков-хранителей записи в надежде найти в них хоть какую-нибудь зацепку, которая могла бы пролить свет на наше с ним будущее.

До этого мы тщетно пытались разыскать выход из долины и после возвращения Ирье собирались вновь этим заняться. Но теперь время поджимало, требуя решительных действий...

Помощь пришла, откуда не ждали. После ужина мастер Лист, проходя мне навстречу по коридору как бы невзначай приблизился, оставив в моей руке скомканный клочок бумаги. Развернула я его в своей комнате и прочитала всего несколько слов: 'Через час за мной в лес. Тенью'.

Этот час я провела как на иголках — уходить куда-то за целителем, не предупредив брата, я считала неправильным, а Ирье все не было и не было. С трудом удержалась, чтобы не шагнуть к нему тенью прямо со школьного двора.

Брат появился, когда я уже совсем извелась. Я коротко пересказала ему подслушанный разговор и передала записку. Решили, что Ирье пойдет следом, но на расстоянии.

Мастер Лист вышел во двор через несколько минут. Экипирован он был как для похода за травами. Я ждала его за воротами.

Идти оказалось не слишком далеко, мы с братом знали эту полянку и давно облюбовали ее для наших встреч. Целитель сел на траву и приглашающе похлопал ладонью рядом с собой, а когда я опустилась около него, усмехнулся и окликнул негромко:

— Иди сюда, Лесовой, не прячься.

Ну да, от нашего целителя так запросто не скроешься. Не будучи сам Тенью, он умудрялся легко засечь приближение любого из нас.

Однако дальше мастер обратился именно ко мне:

— Ты слышала.

Мастер не спрашивал, он утверждал. И у меня ни на мгновение не возникло сомнений, о чем идет речь: разумеется, он имел в виду свой разговор с Главой.

Я кивнула в ответ.

— Знала раньше?

— Кое-что знала, о чем-то только догадывалась. О том, что именно сказала Плетельщица, слышала только сегодня.

— И не удивлена, — констатировал целитель. — Следовательно, ты знаешь, что тебя ведет Плетельщица.

Я снова кивнула, и мастер продолжил:

— Глава упрям, и он не отступит от своего. Возможно, выждет еще какое-то время, потому что ты все еще ему интересна, но неизвестно, когда пропадет этот интерес, а решение он уже принял. И считает его благом для клана.

— А вы не считаете? — прямо спросила я.

— Не считаю. Ослушаться служителя богов — значит, навлечь на себя гнев Высших. А вместе с собой — и на весь клан. Но даже если бы это было не так, я убежден, что нельзя прийти к благой цели грязным путем. Да, мы большей частью наемники, а путь наемника вообще не слишком чист, но есть какие-то границы, переступать которые — недопустимо. Ты примешь мою помощь, Пришлая?

— Какую?

— Я могу объяснить, как выбраться из долины. Ты видишь магию и потому легко сможешь пройти этим путем. Ты ведь хочешь уйти? Одна или...

— Мы уйдем вместе, — подтвердил его предположение Ирье.

— Хотите попасть в Нимтиори? — догадался мастер. — А что вы знаете об артефакте?

— Почти ничего, — хмуро отозвался Ирье. — Даже не знаю, как он выглядит.

— Да-а... — вздохнул целитель. — Жалко, что ты не успел получить знания хранителей. Я сделаю для вас рисунок. Не очень точный, но символы, которые должны быть на браслете, я смогу воспроизвести. Собственно, они куда важнее внешнего вида, по ним вы узнаете артефакт... С этого места десять шагов на закат — там есть дерево с дуплом. Завтра оставлю в нем карту долины, где отмечен выход, схему пещер с расположением и описанием ловушек и изображение браслета. Когда уходить, решите сами. Будет лучше, если вы не станете обсуждать это со мной.

С этими словами мастер Лист поднялся и пошел прочь.

— Как думаешь, стоит ему верить? — спросила я.

— Знаешь, если ему не верить, то тогда и вовсе никому. Мастер Лист... он... справедливый. И очень честный. Да ты и сама слышала его разговор с Главой.

— Да. Но я и раньше почему-то была уверена, что от этого человека не стоит ждать зла.

Целитель не подвел — следующим вечером мы нашли в дупле все, что он обещал, да еще и запас целебных снадобий и алхимических зелий. О них мы не договаривались, и такая забота тронула мое сердце.

Уходить мы собрались на исходе ночи, задолго до рассвета. Поеживаясь от предутреннего холода, я стояла за воротами школы, ожидая Ирье — отсюда мы должны были шагнуть почти к самой пещере, брат заранее присмотрел там подходящую точку выхода. Ирье появился, но одновременно с ним из темноты выступила еще одна фигура.

Дрозд! Неужели?! Но парень поднял руки с открытыми ладонями, словно бы показывая, что пришел с миром.

— Я хочу помочь, — торопливо проговорил он.

Мы с братом переглянулись.

— Чем ты можешь помочь?

— Отвлеку стражей у пещеры.

Стражи были единственным слабым местом нашего плана, ведь мимо такой охраны не проскользнешь запросто бесплотной тенью — засекут. Нет, они не стояли истуканами у самого входа, а наблюдали за ним с удобной полянки под навесом, но бдительности не теряли, а потому помощь Дрозда пришлась как нельзя более кстати.

К пещерам мы шагнули втроем, но Дрозд тут же отделился, скользнув куда-то за деревья, а через некоторое время, стоило нам приблизиться к посту охраны, из чащи раздались пронзительные резкие звуки, похожие на визг какого-то животного, и треск ветвей. Разумеется, охранники туда не бросились, но нам хватило и тех нескольких мгновений, когда они отвлеклись. Никто не заметил двух Теней, мелькнувших у черного зева

пещеры и исчезнувших в его глубине.

— Что это было?

— Дрозд — он любому зверю и птице запросто подражает.

В пещере пришлось вернуться в телесную форму, чтобы не пропустить ловушки. Нам предстояло идти день и ночь напролет, длительных стоянок мы себе позволить не могли, перенестись во внешний мир прямо из пещер — тоже: пещеры входили в зону влияния Хозяина теней. Главы.

Первые часы пути измотали меня настолько, что когда Ирье предложил остановиться и перекусить, я буквально рухнула на каменный пол: ловушек было столько, что, даже имея в руках схему мастера Листа, я не могла расслабиться ни на мгновение, тем более что оценить в темноте расстояние до источника опасности было очень непросто.

Наученная опытом последнего задания, я уговаривала Ирье вернуться в теневую форму, чтобы обезопасить себя хотя бы от механических ловушек, которых тоже было немало, но мой упрямый брат заявил, что не желает прятаться, когда его сестра подвергает себя опасности.

Наверно, без него я этот путь не прошла бы — постоянное напряженное ожидание, все эти ухищрения, чтобы преодолеть опасное место, не задев ни одну из бледно светящихся нитей...

Не знаю, как там ходил мастер Лист — да, у него был амулет, по которому защита распознавала его как своего, но ведь тут была не только магия... Моим же амулетом — или оберегом — был Ирье: идеально послушный, когда надо было, следуя моим указаниям, лезть, ползти или прыгать, он становился неумолимым, замечая, что мне требуется отдых. Сажал, вливал мне в рот глоток воды из фляги, кормил с рук, потому что мои собственные руки тряслись от напряжения. И гладил по голове, прижав к своему плечу, когда я однажды не выдержала и разревелась.

Это случилось, когда мы оставили за спиной особенно сложную ловушку, при активации которой пещера наполнялась ядовитым газом — и этой напасти мне нечего было бы противопоставить...

Мне казалось, мы идем по этим пещерам уже вечность, и конца им не предвидится. А потом они внезапно кончились...

Часть V. ВЫЙТИ ИЗ ТЕНИ

Мы вышли из пещеры в предрассветных сумерках. На радость — настоящую — не было сил. Еще ничего не кончилось — мы по-прежнему в опасности, пока не уберемся отсюда подальше.

Или все-таки кончилось? Осталась позади очередная прожитая жизнь. Начинается новая. При этой мысли я нервно хихикнула.

— Ты чего? — обеспокоенно обернулся на меня Ирье.

— Подумала... Новая жизнь начинается... До сих пор всякая моя жизнь начиналась с ритуала. Впрочем, нет. Последняя — с огня и перехода в долину. Хотя в этом действе тоже было нечто сродни ритуалу.

— И в этот раз был переход, — подсказал брат, — и ритуал тоже — наше братание.

— Выходит, — глянула на него с сомнением, — новая жизнь началась для меня не сегодня, а раньше.

— Да, — твердо ответил Ирье, — с тех пор как ты больше не одна.

Но расслабляться было покуда рано — следовало уходить как можно дальше и желательно не пешком, а тенями.

— Куда пойдём? У тебя есть точки выхода... поближе к Нимтиори?

Нельзя сказать, чтобы мы не пытались обговорить это раньше. Просто все разговоры о дальнейшем пути казались обсуждением чего-то нереального — то ли будет, то ли нет. Словом, мы не пришли ни к чему конкретному.

— Ты же знаешь, оба моих задания были в Илмайе, а это далековато. Но я не думаю, что нам обязательно нужно сразу в Нимтиори. Да и те точки, куда мы выходим с заданиями, думается мне, не подходят — о них знаем не только мы. У тебя ведь должны быть на примете какие-нибудь другие места...

О да, одно такое местечко у меня точно имелось — заброшенный дом на окраине одного из бесчисленных городов, которые попадались мне на пути. Дом этот обладал двумя великими достоинствами — он стоял на отшибе за высоким забором, а кроме того... Каким-то чудом в строение, в котором долгое время никто не жил, продолжала поступать по трубам вода. Я провела там целых три дня и осталась бы, пожалуй, еще, если бы не опасалась преследования.

Я зажмурилась, пытаюсь воскресить в памяти подзабытую картинку, потом протянула руку брату... Впервые я шла самостоятельно на такое расстояние, да еще и вела кого-то за собой. Но у меня всё получилось: мы очутились в углу просторного чердачного помещения. Здесь я, перепуганная, пряталась, когда мне послышались голоса с улицы. Тогда выяснилось, что звуки эти не несут никакой опасности — просто группа людей проходила мимо заброшенного строения. Но в моем сознании запечатлелся вид на чердак именно из этого угла.

Мы немного постояли, прислушиваясь, но дом молчал — он по-прежнему оставался пустым.

— Где мы? — шепотом спросил брат.

— В Таунале, — ответила я, — но не спрашивай, в каком именно городе. Все равно я не помню его названия.

Это правда. Просто город — один из десятков, слившихся в моем сознании. Единственным городом, для которого у меня было имя, остался Левкрас — там жил Райнер. Все остальные я и не пыталась запоминать.

Дом не подвел — из кранов в пыльной ванной по-прежнему текла вода, а в комнатах нашлись еще обломки мебели, чтобы натопить котел в подвале. И главное, я точно знала — никто не заметит, что дом ожил. Это я проверила еще в прошлый раз — снаружи, из-за забора, ничего не было видно.

Мы еще нашли в себе силы привести в порядок одну комнату, помыться и постирать одежду, прежде чем рухнуть на расстеленные одеяла. Засыпали в объятиях друг друга — спокойной и естественно, словно так и делали всю жизнь.

Проснувшись я оттого, что рядом никого не было и это показалось мне неправильным... Я поймала это ощущение — и удивилась ему: в прежней жизни неправильно было бы, проснувшись, обнаружить кого-нибудь рядом с собой. Я еще помнила, как неловко мне было засыпать рядом с Дроздом.

Но встревожиться я не успела — Ирье был неподалеку. Я слышала его возню в соседней комнате: проснувшись раньше меня, брат поспешил позаботиться о завтраке.

За окном царил солнечный день. Который? Наверняка уже следующий того, когда мы здесь появились, судя по тому, насколько отдохнувшей я себя чувствовала.

— У нас заканчиваются припасы, — объявил брат, зайдя меня на пороге.

— Не страшно, — откликнулась я, — позавтракаем — и выберемся на рынок.

Конечно, не страшно, когда в кошеле бренчат монеты и можно не воровать, а честно, хоть и незаметно, расплатиться за еду. А деньги у нас были — кое-что перепало за задания, в этом правила клана соблюдались неукоснительно, а кроме того, Ирье забрал накопления своего деда. Сбережений было не так чтобы очень много — старик давно уже не мог зарабатывать сам, — но все же кое-что нашлось, и это позволяло нам смотреть в ближайшее будущее с оптимизмом.

Еще Ирье прихватил из дома несколько мелочей в память о родителях и тетради, хранившие знания его предков. Не все знания, увы, а только те, что Тени решились доверить бумаге.

— Не страшно, — согласился со мной брат. — Но всё же — что мы делаем дальше? Куда идем?

— Я бы пока не стала никуда спешить. Это место кажется мне более-менее безопасным, здесь нас никто не станет искать. И нам с тобой надо многое еще обсудить и обдумать, прежде чем двигаться дальше. А еще за мной долг — рассказ о себе.

— Это необязательно. Если ты не захочешь рассказывать — я пойму.

— Я просто считаю, что это важно. Это скажется на наших планах.

— Хорошо.

Мы решили отложить важный разговор на вечер. Спокойно поели, потом выбрались в город, закупив провизии на ближайшие дни, прибрали наше временное жилище, а потом уселись в спальном углу на одеяла, прижались друг к другу, и я повела свой рассказ.

Я сама себе удивлялась — оказывается, за почти двенадцать лет, которые я себя помнила, со мной много чего произошло — такого, о чем я непременно хотела поведать брату. Кажется, всего этого я не рассказывала даже Видящему. Впрочем, старик и так знал обо мне едва ли не больше, чем я сама. Рассказ растянулся на несколько часов.

Мой брат — умница. Он слушал, не перебивая, не травил мне душу внешними проявлениями сочувствия, только под конец обнял и крепко прижал к себе. А потом выделил из моих слов главное — то, что могло повлиять на наши будущие решения.

— Ты не знаешь кто ты, откуда — есть только догадки. Зато известно, что по жизни тебя, пусть и не напрямую, ведет некая Плетельщица.

— Да.

— И то, что ты связана с Владыкой Нимтиори... Наверно, тебе не стоит соваться во дворец, чтобы не быть обнаруженной.

— Возможно, как раз наоборот. Ведь не зря Плетельщица добивалась от Главы, чтобы меня туда направили. Она знала, что мне нужен будет браслет.

— Значит, я постараюсь добыть его для себя.

— Один? Без магического зрения — в сокровищницу Владыки? — я скептически хмыкнула.

— Между прочим, под конец нашего пути через пещеры я и сам начал кое-что видеть. Просто не говорил тебе, чтобы не отвлекать.

Магическому зрению я пыталась обучить Ирье еще с зимы — со старшими мастер Лист не занимался, полагая, что подходящее для обучения время уже упущено. И после множества

бесплодных попыток я склонна была согласиться с целителем. Но теперь выяснилось, что наши усилия были потрачены не зря — в обстановке, когда от этого умения зависела жизнь, зрение все-таки прорезалось.

— Это замечательно, Ирье! Я очень рада. Но все равно не хочу отпускать тебя туда одного.

— Я пока никуда не иду, — улыбнулся брат. — Нам действительно многое надо обсудить. А еще — как следует покопаться в тетрадах, потому что там могут найтись какие-нибудь подсказки.

Тут я была с ним совершенно согласна. Слишком мало мы пока знали о Тенях и их истории в нашем мире, чтобы соваться вслепую к неизвестному артефакту.

Вообще, никуда не спешить — это было замечательно. Разумеется, мы оба понимали, что вскоре нам придется покинуть гостеприимный дом и попытаться сделать что-то ради своего будущего, иначе нам предстояло рано или поздно, когда подойдут к концу денежные запасы, прийти к тому, чего я хотела избежать, — к воровству и бродяжничеству. Если я все это испытала на себе, то для Ирье такой образ жизни был едва ли приемлем, и пусть мы об этом ни разу не говорили, брат, несомненно, помнил и тревожился.

Но время у нас в запасе еще имелось, и я пользовалась им, чтобы найти ответы на вопросы, которые там, в долине, старалась не озвучивать, чтобы своим любопытством не разбудить ничьих подозрений.

Начали мы с тетрадей. Самые старые из них, в потрескавшихся кожаных переплетах, были исписаны на языке, похожем на нимтиорийский: та же письменность, разительно отличающаяся от принятых в остальных в королевствах, схожее построение фраз и даже слова знакомые, но... увы, не все.

По правде говоря, знакомых слов было не так уж много, да и те становились узнаваемыми, если только произнести их вслух, а потому смысл прочитанного мы скорее угадывали, чем понимали. Что за 'смерть, идущая по пятам'? Что подразумевали Тени под 'исходом'? Возможно, речь шла о том времени, когда они переместились в этот мир из своего прежнего, уходя от неведомой опасности.

А потом было 'размежевание'. Если ты мы правильно поняли, пришельцы разделились на две группы, одна из которых осталась 'строить' (где и что?), вторая же предпочла свободу и независимость, а потому выбрала иной путь. И сожалели ушедшие лишь о том, что 'обруч ликообразующий' остался у 'строителей'.

— Я думаю, это о браслете, — после некоторого раздумья заявил Ирье.

— Гм... А кто тогда такие 'строители'?

— Возможно, это Тени, оставшиеся вне долины, — предположил брат, — только я не знаю, почему их так называли. У нас вообще не принято о них говорить, а если упоминают, то... с оттенком презрения. 'Внешние' — это принявшие новый мир, а потому почти растворившиеся в нем. Считается, что на сегодняшний день от них остались лишь единицы, помнящие о своем происхождении.

— В то, что растворились, я легко могу поверить, это естественный ход событий. Гораздо менее вероятным кажется, чтобы другая группа полностью избежала смешения с местными. Невозможно все время вариться в собственном соку, это путь вымирания или вырождения, необходима свежая кровь извне, чтобы народ продолжал существовать.

— Свежая кровь — это само собой, — согласился Ирье. — Так ведь в долине есть люди, происходящие из внешнего мира. В каждом поколении не менее одного-двух брачных

союзов с пришедшими извне. Чаще всего мужчины приводят в долину жен. Редко когда бывает наоборот — все же отношение к чужакам всегда настороженное, но женщинам проще: родив детей, они становятся почти своими. Откуда, ты думаешь, взялся мастер Лист?

— Он из внешнего мира? — я, признаться, была удивлена — мне казалось, целитель считает клан родным.

— Нет, из внешнего была его бабка, кажется. И магический дар передался от нее же. У Теней нет своих магов. Маги — всегда от корней этого мира. Если у ребенка проявляются способности, его не проводят через ритуалы. Вроде бы когда-то были попытки, но успехом не увенчались — Теней из маленьких магов не вышло.

— Вот как... Бьярта кое-что об этом говорила, но не особенно внятно. А ты можешь мне рассказать, через какие ритуалы проводят будущих Теней в клане?

— Первый я помню смутно, мне тогда только девять было...

Как выяснилось, ритуалы, которые надо мной проводила чародейка, были похожи на те, которым подвергали детей в клане. Только Бьярта использовала алхимические составы там, где была необходима лишь капля родственной крови да участие самого родича. Ну и другие отличия, конечно, имелись. К примеру, не послушание конкретному человеку обещали, а верность клану. И после первого ритуала имя ребенка исчезало из памяти всех, кто не был связан с ним близкими родственными узами. А я просто не знала своего настоящего имени к тому моменту.

Ну и привязки к 'носителю' не было, зато с наступлением совершеннолетия проводился ритуал проявления, самый сложный из всех. В этом ритуале Тени не только обретали способность переходить в зримый облик, но и получали знания предков — не личную память, а то, что касалось семейных традиций и истории клана. И сразу после этого ритуала Тени приносили уже настоящую клятву верности клану взамен детского обещания.

Чем дальше я обдумывала услышанное, тем больше убеждалась: жизнь детей в клане была ничуть не лучше моей. Ну да, я была лишена родительской любви... Так ведь и в долине есть сироты. А Бьярта заботилась обо мне. Она хранила внешнюю холодность, но я верила — особенно теперь, по прошествии времени, — что эта холодность была показной, чародейка просто не хотела, чтобы я к ней привязалась и потом страдала. И только привязка к принцессе, отказ от собственной судьбы отличали меня от детей клана. Но зато я теперь была свободна, а они, обретая то, чего не было у меня, связывали себя клятвой, которая накладывала множество ограничений.

— Скажи... А такие, как я... Из разговора с Главой я поняла, что ему известно о случаях, когда маги создавали Теней...

— Ну да, это как раз не из области тайных знаний, наоборот, нам в школе это в головы вдалбливали... В прежние времена случалось, что мужчины клана заводили детей на стороне, вне долины. И этих детей, бывало, похищали маги, чтобы сделать из них привязанных Теней-телохранителей. Поэтому нам всегда твердили, что детей нельзя оставлять снаружи, что если отношения серьезные, то избранницу надо привести в долину.

— А откуда магам стало известно, как можно сделать Тень?

— Кто ж теперь знает? — пожал плечами Ирье. — Кто-то выдал тайну наших ритуалов, маги додумали, доработали на свой лад... Наши говорят — это все 'внешние', забывшие верность, проговорились... Честно говоря, я не задумывался об этом.

— Но я — не из украденных детей. Иначе с чего бы я в воспитательном доме оказалась?

— Так ведь и о привязанных Тенях никто уже пару столетий не слыхал. Твой случай —

особенный.

— Что-то не радуется меня такая уникальность, — хмыкнула я.

— Я все же думаю, ты производишь из какого-то рода внешних... Строителей этих.

— Давай почитаем еще — вдруг о них есть упоминания и в других тетрадах.

Увы, больше о 'строителях' не было сказано ни слова. Уже со второй тетради речь шла исключительно о 'выбравших независимость'. Нет, там не излагалась в подробностях история клана, упоминались лишь некоторые ключевые события, да и то большей частью иносказательно. Нам не хватало знаний, чтобы из этих намеков воссоздать более-менее цельную картину. Ничего удивительного — эти записи хранители делали для себя или с расчетом на то, что их будет читать посвященный, получивший знания предков.

Понятно было только, что клан далеко не сразу обосновался в закрытой долине, да и наемничество как способ существования не было свойственно первым Теням, пришедшим в этот мир.

А еще в ранних тетрадах сквозило сожаление об утраченных возможностях — и эта утрата была связана с недоступностью 'врат грани'. Что такое эти 'врата', нигде, разумеется, не объяснялось.

Более поздние тетради велись уже на уствейском, и именно на этом языке говорили теперь в клане. И в них уже никаких сожалений не было.

— Что думаешь? — спросил Ирье.

— Ты знаешь, мне все больше и больше хочется пообщаться с Владыкой Нимтиори... — начала я и осеклась — уверенности, что я действительно готова к встрече с 'женихом' у меня не было.

— Не спеши, — остановил брат, — не стоит принимать решения с наскоку. Время еще есть.

Однако поспешить нам все-таки пришлось...

Здравствуй!

Я долго не писала и даже думала, что никогда уже не смогу написать тебе...

Случилось так, что Иан обнаружил тетрадь с моими письмами. Ох, что было! Я как раз вернулась из школы и застала его в лютом гневе. На моих глазах он бросил письма в огонь — у нас тут прохладное лето, и печь была натоплена.

В ярости муж был невнятен, и я, признаться, не сразу поняла, что именно привело его в такое состояние — в конце концов, эти письма едва ли могли угрожать нашей безопасности, тем более что я их никуда не отправляла. Да и странно было бы, будь это не так — я ведь не знаю, где тебя искать, пишу в никуда и с ощущением, временами переходящим в уверенность, что тебе откуда-то известно содержание моих посланий.

Гнев мужа схлынул так же внезапно, как и возник. Но все-таки он меня расспросил, и я не сочла нужным скрывать, что не убила тебя (надеюсь, что не убила). После моего признания он застыл в глубокой задумчивости, а потом... впечатление было такое, словно его судорога отпустила. Причем не этим припадком ярости вызванная, а застарелая, душу сжимающая.

'Знаешь, — сказал он, — я рад, что все получилось именно так. Да, я желал ее смерти и оправдывал свое желание разумными резонами, но на самом деле она просто была для меня воплощенным злом... не сама по себе, а потому что служила Стеумсу. Нет-нет, не спорь, я помню, ты говорила мне, что она на нашей стороне. Я верил... и не верил. У меня к Стеумсу

личные счета... Когда-нибудь я тебе расскажу... всё о себе. Просто я еще не готов и, признаться, в глубине души побаиваюсь, что ты отвернешься от меня и тогда... Как я буду жить тогда? А Стеумс способен задурить голову кому угодно. Случалось, человек был уверен, что работает исключительно на себя, но под влиянием Стеумса делал именно то, что выгодно ему. Тень же — ее я не мог прочесть, не видя лица. И это еще больше отталкивало меня, она была в моих глазах опасностью, мало того — опасностью неведомой и непредсказуемой. Вот и любимая моя... — при этих словах Иан горько усмехнулся. — Пошла против меня, чтобы спасти ей жизнь. Не спорь, любимая, я тебя понимаю. Она была твоей единственной подругой и тоже спасала твою жизнь. Увидев, как ты обращаешься к ней в письмах, рассказывая все о нашей жизни, даже такое, о чем и мне не говорила, я был взбешен — это показалось мне подтверждением моих подозрений о том, что ты находишься под влиянием коварной интриганки. И только теперь, когда гнев спал, я оказался способен мыслить здраво. Знаешь, у меня камень с души упал. Оказывается, я все это время в глубине души, почти неосознанно, корил себя за то, что затеял против этой девочки, за ее гибель, и теперь чувствую облегчение от мысли, что она могла выжить. Ты спасла не только ее, ты спасла меня от того, чего я боялся больше всего на свете — стать когда-нибудь таким же, как он...'

Мы говорили с ним долго, но кто такой загадочный 'он', Иан так и не признался. Обо всех своих тайнах муж обещал рассказать, когда вернется из похода. И знаешь, я благодарна этой вспышке за то, что она дала нам возможность лучше понять друг друга. С ума сойти, как же мало мы знаем о людях, с которыми живем бок о бок и связаны чувствами!

Теперь Ианнара нет, он снова отправился на битву с чудовищами, но я почему-то боюсь за него куда меньше, чем прежде — словно на меня уверенность снизошла, что с ним все будет в порядке. Но оберег я ему, конечно, обновила.

Другое дело, что даже после его отъезда я долго не решалась завести новую тетрадку для писем. Будто бы то, что теперь это не только наша с тобой общая тайна, поставило под угрозу эту связь. Но теперь меня отпустило. Буду писать. Если же ты теперь не можешь читать эти послания, что ж... всякое в жизни случается. Но я все-таки не теряю надежды.

Это послание я все-таки получила и даже успела порадоваться за принцессу, но и только...

Утром дверь дома, служившего нам таким надежным убежищем, распахнулась, и с крыльца послышались громкие голоса:

— Заноси давай! Да осторожней, дурень! Поцарапаешь — хозяйка шкуру спустит.

— А ты не ори под руку, сам виноват будешь, случись что.

— Да ладно, — уже более мирно, — ежели что, поставим так, что она и не заметит. Сколько у нас времени еще?

— К полудню заявится. И чего ее сюда понесло? Тут бы сперва армию служанок запустить — вон пылицы кругом сколько.

Ну да, мы-то в дом через дверь не заходили и не выходили, кроме первого раза, когда на рынок отправлялись, а потому и убирали только там, где сами обосновались. Но, похоже, наша спокойная жизнь здесь закончилась — дом обрел хозяев. Вернее, хозяйку, вот только нам это было совершенно без разницы.

Пока работники пыхтели и переругались внизу, мы сноровисто собрали наши мешки, уложили сверху скатки из одеял и несколько минут спустя уже стояли в безлюдном тупичке неподалеку от городского рынка и растерянно переглядывались — все же лишение убежища застало нас врасплох, и если вещи в мешки покидать было делом одной минуты, то внутренний настрой приказам не поддавался. Полюбовавшись на ошеломленную физиономию брата, я не выдержала и захихикала. Ирье с подозрением покосился на меня, а потом тоже расхохотался.

— И что теперь? — отсмеявшись, спросил он.

— На рынок, пополнить запасы провизии — и в путь. Раз уж нас из дома выжили, значит, точно пора. Выйдем из города, сядем где-нибудь в лесочке и все спокойно обсудим.

Ирье согласно кивнул.

Собственно, ничего особенного нам не требовалось — Ирье, в отличие от меня, был отменным охотником, и голодная смерть в летнем лесу нам точно не грозила. Купили только соли, хлеба и сыра на первое время — то, чем в лесу не разживешься.

Пару часов спустя мы расположились на лесной полянке, развернув на траве карту.

— Как я понимаю, мы сейчас здесь, — Ирье ткнул пальцем в неприметную точку на юге Тауналя, — а надо нам сюда, — и брат провел незримую линию к северо-востоку — к границе с Нимтиори.

— Угу, — подтвердила я, — а точно надо? Я вообще-то заметила местечко в Уствее — то, где мы с Волком отбивались от нападающих. Густая тень даже белым днем и... это не общеизвестная точка выхода.

— Но Волк там был, — возразил брат. — Лучше не рисковать. Давай своим ходом до Нимтиори?

— А граница? Я ведь не могу пересечь границу Тауналя.

— Вот уж где точно никакой беды нет! — фыркнул парень. — Я пройду, а ты потом просто переместишься ко мне — и никакая граница не помешает.

— Ирье... А ты точно знаешь, что это возможно? Мы ведь еще ни разу...

— Кто нам мешает попробовать? Я сейчас отойду подальше, а ты прыгнешь ко мне тенями.

Так и поступили. Ирье, забрав часть вещей, скрылся за деревьями, а я... поняла, что мне страшно. И не только из-за того, что может не получиться. Просто осознала, как мало мы пока знаем и насколько неготовы к рискованным поступкам. При одной мысли о том, что я вот так же буду провожать взглядом брата, отправляющегося во дворец Владыки, сердце болезненно сжималось.

Выждав оговоренные пять минут, я шагнула в тень, представив себе Ирье и потянувшись к нему. И вышла из тени, едва не сбив брата с ног.

— В другой раз надо будет встать на свету, чтобы ты не выпрыгивала прямо на меня, — рассмеялся Ирье.

Мы экспериментировали до позднего вечера, прыгая друг к другу по очереди, страшно устали, но остались довольны результатом — если, конечно, не считать того, что за день мы нисколько не приблизились к своей цели.

Но сроки нас пока что не поджимали, а я вообще начала подумывать о том, не стоит ли потянуть время, втайне лелея надежду, что Владыка все-таки созреет расторгнуть помолвку и я смогу не думать хотя бы об этом.

Идти решили, не пользуясь для скорости торговыми обозами и избегая, насколько это

возможно, поселений. Конечно, у лесной жизни были свои недостатки, главный из которых — невозможность нормально помыться и постирать одежду. Зато мы не привлекали к себе ненужного внимания и были всякий день сыты: Ирье охотился, а я, как выяснилось, неплохо наловчилась готовить, хотя далеко не все почерпнутые в доме Райнера умения можно было применить к походной кухне. Не было тут изысканных пряностей, которыми пользовалась кухарка Видящего, зато я успешно заменяла их лесными травами и корешками, вспоминая уроки Бьярты. Только теперь я осознала, что из наших с чародейкой лесных вылазок я вынесла не только познания в траволечении, но и представление о том, что из подножного разнообразия можно использовать в пищу. Бьярта не заостряла на этом внимание, просто упоминала то одну, то другую травку между делом, а сейчас все это начинало потихоньку всплывать. Странно, что не раньше, когда я скиталась по стране одна. С другой стороны, тогда мне было не до кулинарных изысков, я ощущала себя преследуемой беглянкой и большей частью топала, а не думала. Ирье искренне нахваливал мою стряпню, и сама я была собой вполне довольна. Даже жалела временами, что нельзя жить так всегда — в лесу, вдвоем...

А потом мы пришли к границе. Уже на подходе к невидимой преграде я опять начала нервничать: а вдруг не получится? а что если мы так и останемся по разные стороны?..

Умница Ирье не стал тратить время на бесплодные попытки успокоить, а просто чмокнул меня в щеку, прошептал:

— Все будет хорошо, — и сделал несколько решительных шагов, очутившись на территории Нимтиори.

Отойдя подальше, но все еще оставаясь в пределах видимости, брат крикнул:

— Смотри, какая удобная тень рядом со мной! Иди сюда!

Я зажмурилась, вдохнула судорожно, про себя беззлобно ругнувшись на этого оптимиста, и... шагнула к брату.

Как оказалось, я боялась потерять его больше, чем сама себе признавалась: помня свои попытки преодолеть границу, свой страх и непонимание, я и сейчас ждала очередного крушения надежд. И боялась я отнюдь не того, что не смогу добраться до Нимтиори и обрести зримый облик — меня до дрожи ужасала мысль, что я могу снова остаться в одиночестве.

Страх отпустил резко, и на смену ему пришли слезы облегчения. Я рыдала, а Ирье пришлось успокаивать меня, убеждая, что все самое страшное осталось позади, мы вместе и в ближайшее время никакая опасность нам не грозит. А я пыталась объяснить ему, что дело вовсе не в неведомой опасности, а просто... вот как хорошо, что у меня есть такой брат!

Отреветшись, я устыдилась и удивилась собственной слабости: надо же, как-то ведь справлялась до недавнего времени своими силами, а тут нашлось надежное плечо — и я уже гожусь только на то, что бы на этом плече лить слезы.

Мысли эти меня отрезвили. Хорошо, конечно, когда такое плечо имеется, но стоит напомнить себе, что Ирье ничуть не старше меня и ему тоже порой приходится трудно и требуется моя поддержка...

В общем, я успокоилась и приняла решение быть сильной. Ну... насколько это возможно. Все же, когда человек узнает собственные слабости, он утрачивает некоторые иллюзии, и быть сильным ему становится куда труднее, чем прежде.

На ночлег мы остановились, отойдя от границы как можно дальше — я сама на этом настояла, хоть и понимала, что иду на поводу у собственных страхов, — а потому лагерь

разбивали уже в полной темноте. Готовить ужин я не стала — перекусили сухариками и вялым мясом из своих запасов, запили водой из фляги и завалились спать.

А утром мы вновь склонились над картой. За последние дни мы успели основательно ее измусолить, краска на сгибах слегка вытерлась, но главное, граница — вот она, к западу от нас, и эта колючая линия точно не погонится за мной, желая вернуть строптивую беглянку.

— Рада? — блеснул глазами Ирье.

— А ты как думаешь! Хотя... что-то мне подсказывает, что я еще вернусь в эту страну. Надеюсь, не для того, чтобы быть схваченной и казненной.

— Конечно, вернешься, — засмеялся брат, — тебе еще свое наследство в Левкресе выкапывать. Но схватить тебя уж точно никто не сможет.

Признаться, я и сама не особо опасалась быть схваченной. Не то чтобы уверовала в собственную неуязвимость, просто возможность взглянуть на Тауналь с другой стороны границы сделала его не таким страшным в моих глазах. Да, тюрьма, но мне удалось ее покинуть, причем не в первый раз. Правда, теперь я сделала это вполне сознательно.

— Знаешь, брат, — счастливо улыбнулась я, — ты подарил мне свободу.

Мы по-прежнему не спешили. Шли в основном лесами, устраивая себе время от времени длительные стоянки, чтобы привести в порядок одежду, упражнялись на мечах, купались, благо погода стояла отменная.

А еще мы не отказали себе в удовольствии посмотреть на нимтиорийские города. Ведь ни один из нас не видел по-настоящему мира, в котором мы оба жили. Я, конечно, немало попутешествовала по Тауналю, но мне было тогда не до любования красотами архитектуры. А Ирье вообще до сих пор покидал долину лишь дважды, отправляясь на задания. Ну и что он мог видеть?

В первый город мы пришли ранним утром, прошлись по центру, запаслись провиантом и, полные впечатлений, к вечеру покинули его, привычно расположившись на ночлег в лесу.

В другом нам повезло задержаться подольше. Это был Антамей, я знала об этом городе из рассказов Бьярты и читала о нем в хрониках Орунага Соутраса — здесь проходило подписание Антамейского мирного договора после длительной войны, в результате которой на карте появились Уствейя и Тауналь. Нимтиори, кстати, в той войне не участвовала и вообще к тому времени давно и успешно существовала в качестве государства. И я, любуясь городом, подумала, что никогда ничего не слышала о возникновении этой страны. Как глубоко ни копни — Нимтиори уже была. Легенды попадались, но они были такими мутными, что даже Соутрас не рискнул приводить их в своих хрониках.

Антамей оказался светлым и уютным, от той глубокой древности остались лишь пара башен городской стены и ратуша, которую, впрочем, за прошедшие века несколько раз перестраивали, хотя местные жители уверяли (не нас, конечно), что зал, в котором подписывался договор, сохранился в первоизданном виде.

В общем, было интересно и познавательно. А еще мы нашли себе подходящее место для ночлега — в доме, который на наших глазах покинули хозяева, отправившись в длительную поездку. Внутри мы проскользнули, воспользовавшись царившей вокруг отъезда суматохой, дождались вечера и смогли, наконец, помыться теплой водой, выспаться как следует на мягких постелях и даже полистать романы, обнаруженные на книжной полке.

Хотя, конечно, расслабиться по-настоящему, как это было в нашем таунальском убежище, не получилось, а потому задерживаться сверх необходимого не стали — провели с удобствами пару ночей и решили, что с нас хватит.

Мы заглянули в еще один город, но ограничились короткой прогулкой по центру и посещением рынка. Просто в какой-то момент мы осознали, что оба тратим время, потому что не знаем, как и что нам делать дальше, да и просто боимся предстоящего рискованного дела. Мы даже разговоров об этом избегали, но однажды утром мой умный брат сказал мне:

— Знаешь, это уже становится смешным. Выиграем ли мы оттого, что бредем нога за ногу? Только и дождемся, что наступит осень, похолодает и наши ночевки под открытым небом станут куда менее приятными. Надо бы поспешить. Лучше мы потратим время на разведку и составление разумного плана.

— Ты прав, — не могла не согласиться я, — мы оба ведем себя не слишком умно.

Стоило признаться друг другу в своих страхах — и стало чуточку легче. Даже накопившаяся за время пути усталость схлынула, мы бодро шагали к цели и спустя всего неделю после этого разговора увидели на горизонте стены Ииматы — столицы Нимтиори.

Столица мне понравилась. Красивый город, очень светлый. И много молодежи на улицах, что и неудивительно — все-таки в Иимате находится крупнейший на все королевства университет. А еще — огромная общественная библиотека, музей естествознания и театр иллюзий.

Кварталов, в которых царил бы явная нищета, нам не попалось, хотя город в поисках надежного пристанища мы прочесывали несколько дней.

Подходящий домик мы все-таки нашли. Без особых удобств, но мы на них и не рассчитывали. Зато наше новое жилище пустовало уже пару месяцев и, если верить одному подслушанному разговору, владелец собирался его продавать, но не в ближайшее время, а когда вернется из Антамея, куда отправился по служебной надобности.

С этим разговором нам, конечно, очень повезло... если считать везением мой беспокойный дар, в очередной раз подтолкнувший меня в нужном направлении. Без этого мы бы еще долго бродили по улицам. Все же невидимость порой создает значительные неудобства — не заговоришь ни с кем, не спросишь. Только и остается, что на везение и чуткий слух рассчитывать.

Обосновавшись в домике, мы отправились знакомиться с нашей основной целью — дворцом Владыки. Несколько дней мы наблюдали за движением вокруг дворца — когда сменяются караулы, в какое время и через какие двери заходят посетители и служащие. Мы подслушивали, подсматривали, сопоставляли полученные сведения и вскоре пришли к выводу, что проникнуть во дворец Теням ничего не стоит.

По крайней мере, нам так казалось. Разумеется, дураками мы не были и соваться во дворец пока не спешили, но... Сколько можно ходить кругами? Узнать больше, чем мы уже узнали, все равно не получится. Так или иначе, а во дворец попасть все равно нужно: выяснить внутренний распорядок, изучить расположение помещений, найти сокровищницу... Это если нужный нам артефакт хранится именно там, а то ведь Владыка вполне мог спрятать сокровище в любом другом месте — в своем кабинете, например, или в личных покоях... Да мало ли где! Не исключено, что нам придется провести во дворце не одну неделю, прежде чем мы разберемся, что к чему.

Наконец мы признались самим себе и друг другу, что откладывать проникновение во дворец больше нет смысла. И вот тут-то наше взаимопонимание дало трещину. Ничего неожиданного, конечно, просто брат наотрез отказался брать меня с собой на разведку. А я наотрез отказалась отпустить его одного.

— Ты пойми, это может быть опасно для тебя, ведь он может почувствовать твоё присутствие! — чуть не плакал Ирье.

А я вспоминала, как он уходил от меня в лесу — всего лишь для проверки нашей способности перемещаться друг к другу, — и сердце вновь сжималось, как тогда.

— Я иду с тобой, даже не пытайся спорить. А если хочешь обмануть и уйти тайком, то прыгну к тебе, как только обнаружу твоё исчезновение. Нет уж, если рисковать, то вместе!

— Сестра! — взвыл Ирье.

Но сдаваться я не собиралась, и братишка понял это. Поворчал ещё немного, но больше не спорил.

Мы рассудили, что разумнее всего будет крутиться во дворце днём, а на ночь уходить в своё убежище, поэтому с собой решили брать только оружие, немного еды и питье, для остального же устроили подходящий тайник. Не сказать, чтобы мы так уж дорожили нажитым барахлом, но у нас были записи хранителей, и вот их-то нам терять не хотелось.

Первый день почти ничего нам не дал. Мы легко проникли во дворец, но внутри почти сразу вынуждены были разделиться. Все-таки доводы брата о том, что мне не стоит соваться туда, где есть риск встретиться с 'женихом', показались мне вполне разумными. Потому в парадную часть дворца, в которой располагались покои владыки, приемные залы и кабинеты, отправился Ирье, а я, послушав разговоры слуг и стражи, решила поискать сокровищницу.

Ещё несколько дней спустя мы уже имели общее представление о том, где и когда бывает Владыка. Ирье выяснил, что каждое утро после завтрака он принимает у себя министров и советников, а значит, в эти часы и я могу безбоязненно разгуливать почти по всему дворцу.

Правда, в этом не было никакой необходимости, потому что сокровищницу я тоже успела найти. И даже обнаружила, что проникнуть в неё с нашими способностями... не то чтобы очень легко, но вполне возможно. Это, впрочем, не значит, что так же легко будет найти сам браслет.

Но я немного сожалела, что у меня нет возможности посмотреть на Владыку. Мне было любопытно, какой он — жених, от которого отказалась принцесса. Но удовлетворять своё любопытство я не рискнула...

Страшно было обоим. Все же забраться в королевскую сокровищницу — это не то же, что круг колбасы на рынке стащить. Да, Тени выполняли подобные задания, но за ними стоял клан, и всегда была надежда, что тебя вытащат, если попадешься. По крайней мере, клановые наемники в это верили, и у них, возможно, имелись для такой веры основания. А за нашими спинами не было никого.

Собирались мы в этот раз тщательнее, чем обычно: Ирье начищал оружие, которое и без того было в идеальном состоянии, а я проверяла и перепроверяла содержимое своего алхимического пояса, хотя в этом всем не было никакой необходимости.

В самом деле, нелепо было бы представлять, что мы начнем отбиваться от охраны, если нас обнаружат. Куда проще и разумнее уйти тенью, не ввязываясь в противостояние.

Пригодиться нам могли только сонный порошок, чтобы отключить охрану, и набор чудодейственных отмычек. Но эти сборы помогали нам успокоиться и сосредоточиться.

Во дворец мы пришли значительно раньше нужного нам часа, все же ночью проникнуть туда было бы куда сложнее. Конечно, можно было просто переместиться в какой-нибудь укромный уголок, благо дворец за прошедшие дни мы успели неплохо изучить, но мы

почему-то решили не делать этого. Вот уходить из сокровищницы — да, лучше тенью. И туда же можно будет вернуться, если не найдем нужного с первого раза.

Несколько часов ожидания, надо признаться, дались нам нелегко. Время тянулось медленно, словно намеренно решило нас извести.

Мы предприняли попытку попасть в сокровищницу в предутреннюю стражу, проникнув в комнатку, где находился пост, с очередной сменой охраны.

Я оставалась в теневой форме, а брату пришлось на несколько секунд перейти в телесную, чтобы распылить сонный порошок. Рот и нос он прикрывал влажным платком, чтобы не надыхаться самому. Через пару минут охранники сползли по стенам и засопели, а мы высчитывали время, пока осядет зелье...

Открыть первую дверь не составило для Ирье никакого труда, и мы очутились в коротком коридорчике, который заканчивался еще одной дверью. И вот здесь-то замок был куда серьезнее.

Эта дверь представляла собой сплошную стальную твердь, на которой не было никакой замочной скважины, только ряд рычажков, которые требовалось переместить в нужное положение. Не все, разумеется...

— И что мы с этим будем делать? — озадачился Ирье.

Он попытался разглядеть: возможно, какие-то из рычажков блестят больше других, потому что к ним чаще прикасаются, но увы, никакой разницы не обнаружил.

— Подожди... я попробую.

Ну да, меня ведь учили видеть — и не только магию, но и всякий след, какой человек оставляет в пространстве. Человеческие энергии быстро рассеиваются, но они имеют свойство накапливаться в тех местах, которые для человека почему-либо важны. И уж конечно, рычажки, к которым время от времени прикасаются — не бездумно, как мы совершаем многие обыденные действия, но с умыслом и знанием — не могли не хранить на себе такого следа.

— Этот, этот и этот, — ткнула я пальцем.

Ирье решительно переместил рычаги в нужное положение, и невидимая прежде пластина, прикрывавшая замочную скважину, сдвинулась, а дальше было уже проще — замки слушались брата не хуже, чем его соученика Дрозда.

Дверь в сокровищницу отворилась, мы зашли внутрь и... на этом наше везение закончилось.

Да, мы увидели регалии Владык Нимтиори и множество драгоценных предметов в шкафах за прозрачными стеклами, и даже искомый артефакт, словно в насмешку, красовался на самом видном месте. Но все это, абсолютно все было защищено магией.

Я подозревала, что будет так, даже подумывала, нельзя ли приобрести такой артефакт, который позволяет управлять плетениями и изменять их не-магу. Мне приходилось слышать о таких штуках, правда, они были редки, стоили чудовищных денег и вроде бы даже изготавливались только на заказ. Подумывала... но разочарование все равно было сильно. Вот же он, обруч ликообразующий, так близко — и не прикоснешься...

Мы застыли, с тоской глядя на вожделенный артефакт, потом переглянулись и кивнули друг другу: пора уходить... Но уйти не успели.

— И кто тут у нас? — раздался голос, и из теней выступили три фигуры.

Помещение озарилось светом.

Хотела полюбоваться на Владыку? Получила. Потому что никем другим этот мужчина,

выступивший из тени быть не мог, я это сразу поняла. А то, что он тоже Тень... не скажу, что это оказалось для меня полной неожиданностью. То, что мы с братом успели узнать из тетрадей хранителей, не могло не наводить на подобные подозрения. Но до сего момента я все-таки надеялась, что ошибаюсь.

— И не пытайтесь уйти, не выйдет — здесь я Хозяин теней.

Мы и не пытались, почему-то сразу стало ясно, что не получится.

Я рассматривала Владыку. 'Жених' оказался куда моложе, чем я себе представляла. Все-таки, когда слышишь слово 'владыка', складывается образ зрелого мужчины. Этот же... не мальчишка, конечно, но ему явно не было еще тридцати. Темные вьющиеся волосы до плеч, внимательный взгляд карих глаз, сам стройный, но не тощий... Владыка был хорош собой — не яркий красавец, покоритель женских сердец, однако привлекательный.

Владыка в свою очередь с не меньшим интересом разглядывал незваных гостей и... улыбался.

— Значит, клан опять решил послать своих деток на съедение грозному владыке, — усмехнулся он.

— Нас не посылал клан. Мы пришли сами, — угрюмо отозвался Ирье.

— Вот как? — мужчина приблизился к нам на пару шагов, остановился на мгновение, нахмурился, а потом одним стремительным движением преодолел разделявшее нас расстояние и уставился прямо на меня:

— Невеста? Принцесса-Тень?! — в голосе его звучало изумление.

Я помотала головой:

— Тень принцессы.

— Похоже, нам предстоит серьезный разговор.

— Я... все расскажу.

— Сестра? — встрепнулся Ирье.

И за этим стояло: 'Ты уверена, что стоит быть откровенной?'

— Брат... — вздохнула я.

И это значило: 'У нас нет другого выхода'.

Выхода и в самом деле не было. Какой смысл врать и запираяться, если нас все равно застали на месте преступления и деться нам отсюда некуда? Хуже не будет... если все рассказать добровольно. По крайней мере, я на это надеялась.

— Идите за мной, — скомандовал Владыка и направился к выходу из сокровищницы.

Мы поплелись за ним, а за нами молча последовали другие Тени.

Бросив быстрый взгляд на спящих стражников, Владыка спросил лишь:

— Какое средство применяли?

— Легкий сон, — ответила я.

Владыка кивнул: 'легкий сон' — безопасное зелье, безвредное для здоровья и не оставляющее неприятных ощущений по пробуждении.

Мы следовали по лестницам и коридорам в парадную часть дворца. Здесь я, в отличие от брата, еще не бывала, а потому разглядывала убранство, не скрывая своего интереса.

Страх, испытанный при появлении Теней, не то чтобы совсем прошел, но слегка притупился. Понятно было, что прямо сейчас нас не потащат казнить, сначала выслушают, а там... время покажет. Не стоит паниковать раньше времени. Да и брат, я чувствовала, был почти спокоен, словно, как и я, принял для себя эту ситуацию и просто ждал развития событий.

Владыка привел нас к своему кабинету, но прежде чем впустить внутрь, нас все-таки обыскали, избавив от оружия и алхимического пояса. Я вздохнула: пояса было жалко, я с ним уже сколько лет не расставалась.

В кабинете нам любезно предложили присесть, и отказываться мы не стали. Сопровождавшие нас Тени, дождавшись кивка Владыки, удалились, неслышно прикрыв за собой дверь.

— Я с удовольствием послушаю ваш рассказ, — обратился ко мне Владыка.

Я немного растерялась: с чего начать? Вряд ли Владыку заинтересует мое дество, решила я и повела рассказ о побеге принцессы и о том, каким образом брачная метка очутилась на моей руке.

Но я ошиблась, Владыка меня прервал:

— Мне все-таки хотелось бы услышать вашу историю с самого начала. И во всех подробностях.

С самого начала — это значило, с той минуты, когда я впервые осознала себя на крыльце воспитательного дома. Женщина, назвавшаяся моей няней, привела меня туда, дернула шнурок дверного колокольчика и тут же скрылась за углом, навсегда исчезнув из моей жизни...

Владыке была интересна каждая подробность — и ритуалы, через которые я проходила, и мое самочувствие после них, и то, как меня обучали и воспитывали. Слово за словом, он вытянул из меня даже мои сны о семье.

Это был настоящий допрос. Без пыток и угроз, но сопротивляться напору Владыки было невероятно сложно. Было бы... Но я и не пыталась. Принятое решение быть предельно откровенной, полагаю, сильно облегчило мне эти часы. Но все равно у меня тряслись руки и постоянно пересыхало во рту.

Мучить меня в намерения Владыки не входило, по его распоряжению нам принесли кувшин с каким-то кисловатым напитком, и я время от времени прихлебывала из стакана, когда говорить становилось совсем уж невозможно.

Допрашивали не только меня: брату Владыка задавал вопросы по той части моего повествования, что касалась клана. Тут брату пришлось куда труднее, чем мне: если меня к клану ничто не привязывало, кроме, пожалуй, добрых чувств к мастеру Листу и крайней неприязни к Главе, то Ирье пытался изворачиваться, чтобы не сказать лишнего. Я держала брата за руку и поглаживала пальцы — другой поддержки я не могла ему оказать.

Проговорили мы до самого утра, и к рассвету я чувствовала себя выжатой досуха.

После этого нас проводили в выделенные нам покои — к счастью, общие, хоть и с двумя спальнями. Разумеется, нам еще раз напомнили, что рыпаться бесполезно, а потом заперли двери снаружи, оставив нас наедине с завтраком... или ужином?

Мы переглянулись:

— Ты как? — этот вопрос прозвучал одновременно с обеих сторон.

— Как будто неделю не спала, — призналась я.

— Угу. Я тоже.

Обсуждать что-либо и тем более строить планы побега не было ни сил, ни желания. Да и смысла тоже не было: неужели можно скрыть что-то от Хозяина теней в его собственном доме?

Мы поели, с наслаждением вымылись, а потом разошлись по спальням.

И вот странно: я чувствовала себя безмерно усталой после допроса, а сон все равно не

шел. Я прокручивала в мыслях ночной разговор, раздумывала о том, что с нами будет дальше, пыталась поставить себя на место Владыки, чтобы понять, чего от него ждать... Без толку. Не получалось.

А потом дверь спальни отворилась, и на пороге появился встрепанный, завернувшийся в одеяло Ирье.

— Не могу спать. Сестричка, можно к тебе?

Я приглашающе похлопала по кровати рядом с собой. Все-таки за последние месяцы мы привыкли спать вместе, и сейчас, после пережитых волнений, нам просто необходимо было ощущать друг друга поблизости.

Брат пристроился около меня, похлопал осоловевшими от усталости глазами, ткнулся носом в подушку и почти сразу отключился. А я еще некоторое время таращилась бездумно в потолок. Мыслей больше не было, но и заснуть сразу не получалось. Но вскоре и меня сморил сон...4

Здравствуй!

Я в тревоге и в полнейшей растерянности.

Ианнар давно в пути, вестей от него нет, да и быть не может — связь с группами первопроходцев невозможна. Так что мне сейчас не с кем поделиться тем, что меня гложет...

Я ведь полагала, что мы ловко скрылись ото всех, магический поиск через океан не дотянется, однако выяснилось, что мы по-прежнему не в безопасности.

Вчера я получила письмо. Да-да, я и сама страшно удивилась — ведь нам некому писать. На конверте значилось только имя моего мужа, без адреса, и значит, письмо не проходило через почтовые службы, а было просто подброшено под дверь миерс Оланы.

Я бы не стала его вскрывать — все-таки письмо было адресовано не мне, но до возвращения Иана еще очень долго, а этот конверт буквально жег мне руки. Ты ведь понимаешь, что это не просто любопытство. Я испугалась. Но знаешь, когда я прочла письмо — даже не письмо, а короткую записку, — мне стало еще страшнее. Лучше бы я не открывала его. Куда проще неведение, чем подобные открытия. Вот что там было:

'Ты же не думал, что можешь скрыться от меня, сын? Ты наивно позабыл, что кроме магии есть и другие способы найти людей, доступные простым смертным вроде меня.

Узнав о твоём обмане, я был в ярости. Но недолго. Я решил, что твой вариант устраивает меня даже больше. Да, я хотел убрать принцессу из расклада, но в качестве твоей жены она дает нам даже больше. Так что мои планы остаются в силе.'

Я узнала этот почерк. Ты тоже знаешь его — так пишет Стеумс. Но — 'сын'?

Мне страшно, Тень! Я не знаю, то ли бежать от мужа, то ли довериться ему, дожидаться, задать прямые вопросы. И посоветоваться не с кем. Как жаль, что ты не можешь ответить мне!

... Я все-таки останусь. Я готова рискнуть, потому что не верить Иану для меня просто смертельно, потерять его... Я даже не могу себе этого представить!

... Письмо я положила вместе с тем конвертом, который оставил мне муж перед своим первым походом. Тайны — к тайнам. Пусть он вернется и сам все мне расскажет.

Нас никто не тревожил, а потому проснулись мы значительно позже полудня, и в гостиной нас ожидал обед — горячий, а значит, принесли его незадолго до нашего

пробуждения.

Я была благодарна за то, что нам дали выспаться и отдохнуть. Напряжение последних дней, когда мы готовились к налету на сокровищницу, отпустило. Было странно осознавать, что дальше все зависит уже не от нас — все, что могли, мы уже сделали — рассказали правду. И в то же время это осознание приносило облегчение, словно с моих плеч сняли тяжкий груз ответственности. Это тоже было... неожиданно: ведь совсем недавно я стремилась к тому, чтобы самой все решать в своей жизни. Просто устала?..

— И что дальше? — спросил Ирье, отвалившись от стола.

— Посмотрим... — я улыбнулась. — Мне почему-то кажется, что дальше все будет хорошо. Или нет, не так. Не хорошо — а правильно. Как должно быть.

— Правда? — недоверчиво покосился на меня брат.

— Ну... мы сделали верный шаг. Даже не знаю, в какой момент — когда решились проникнуть в сокровищницу или когда рассказали о себе Владыке. Впрочем, это ведь взаимосвязано, наша авантюра позволила нам встретиться с Владыкой... и ответить на его вопросы.

— Ты поняла, кто он?

— Только то, о чем и раньше догадывалась. Он из строителей, что бы ни стояло за этим словом. Надеюсь, нам позволят узнать больше.

— Да... — вздохнул Ирье. — Я тоже надеюсь. Подождем...

Долго ждать не пришлось — стоило брату замолчать, как дверь отворилась и на пороге гостиной появились двое — Владыка и его маг, тот самый, что проводил ритуал помолвки для принцессы Тауналя.

Поймав мой заинтересованный взгляд, Владыка усмехнулся:

— О, я вижу, вы узнали моего придворного мага, мэтра Оллисита. Я пригласил его сюда, чтобы кое-что проверить. В принципе, ваш рассказ показался мне достаточно убедительным, тем более что он перекликается с тем, о чем я уже знал раньше, однако лишние доказательства не повредят. Мэтр?

Маг приблизился ко мне и учтиво склонил голову:

— Позвольте вашу руку.

Я с готовностью протянула ему руку, запястье которой украшал помолвочный узор. Маг, прикрыв глаза, провел рукой над рисунком и удовлетворенно улыбнулся.

— Да, несомненно, это след того самого гириаза, с которым я совершал ритуал над принцессой, — пробормотал он. — Скажите, вы сохранили гириаз?

— Да. Но с собой у меня его нет, он остался вместе с нашими вещами... в тайнике.

— Это ничего, — вмешался Владыка. — Я думаю, раз уж вы все равно здесь, то имеет смысл распорядиться, чтобы ваши вещи доставили во дворец.

Я беспомощно оглянулась на брата. Ирье кивнул:

— Пусть.

Пришлось рассказать и о том, как найти наш тайник. Вообще, похоже, у меня вовсе не осталось тайн от Владыки... Кроме одной: я ничего не говорила ему о письмах принцессы — просто потому, что ему не пришло в голову спрашивать меня о таком. И это хорошо, потому что письма — не моя тайна.

— Вы ведь хотите узнать тайну вашего рождения? — обратился ко мне Владыка.

— Очень хочу, — с готовностью откликнулась я.

— У меня есть кое-какие догадки по этому поводу, но... всего я не знаю и сам.

Полагаю, по той же причине, по которой и вы не помните своего прошлого. Вам приходилось когда-нибудь слышать о пологе забвения?

Я нахмурилась. Да, я читала в книге про магию крови об этом проклятии, которое не только лишает человека памяти, но и начисто стирает его из памяти других людей, однако... мне почему-то никогда не приходило в голову применить это знание к собственной жизни.

— Я слышала. Удивительно, почему я не подумала раньше...

— Это свойство проклятия, — вмешался в разговор маг, — и еще одно подтверждение того, что дело именно в нем.

— У него есть еще одно свойство, насколько я знаю, — с сомнением ответила я, — полог забвения не снимается.

— Это не совсем так, — улыбнулся Владыка, — есть способ снять проклятие, но он доступен только Теням.

— Его могут снять только Тени, — уточнила я, — или его можно снять только с Теней?

— Только с Тени... с помощью Тени. Но это трудно, я бы даже сказал, мучительно, потому что вернувшиеся воспоминания могут войти в противоречие с той личностью, которая сформировалась без них. Правда, ваши сны о прошлом, если они достоверны, дают надежду, что объединение личностей пройдет... менее болезненно.

Не для того ли Плетельщица провела меня именно этим путем, чтобы наложенное проклятие можно было снять?..

— Я справлюсь. Что для этого нужно?

— Всего лишь... довериться мне. И прогуляться со мной в одно интересное место.

Довериться? Всего лишь довериться... Честно говоря, мне этого очень хотелось. Не потому, что Владыка внушал доверие, просто отвергнуть сейчас его помощь значило отвергнуть и помощь Плетельщицы. Да, совсем недавно протестовала против пути, которым меня вели, потому что он был проложен кем-то другим, а не моей волей, но сейчас начала понимать, что без этого у меня просто не было бы никакого пути. Проклятый пологом забвения все равно живет чужой жизнью. А меня вели... и возможно, именно туда, где я смогу обрести себя.

— Я готова!

— Сестра! — осторожный брат попытался меня остановить, но я только бросила в его сторону умоляющий взгляд. И он понял. Понял, что для меня это настолько важно, что я готова рискнуть. И вздохнул: — Я иду с тобой, куда бы ты ни отправилась.

— Не возражаю, — согласно кивнул Владыка, — наоборот, я даже хотел предложить отправиться всем вместе. Уверен, для вас это тоже будет полезно.

— Что именно?

— Узнаете, — усмехнулся Владыка. — Я расскажу все на месте. Сейчас принесут ваши вещи, мэтр Оллисит посмотрит на гириаз, после мы оставим вас в покое. Отдыхайте. Или можете прогуляться по дворцу.

— Не бойтесь, что убежим? — усмехнулся Ирье.

— Не думаю, что у вас это получится. Я знал о вас с вашего первого появления на моей территории и позволил вам поверить в собственную удачливость только потому, что мне было любопытно, как вы себя поведете. Поверьте, никто не может попасть во дворец или покинуть его без моего ведома... Но мне почему-то кажется, что вы и не захотите. Не правда ли? — Владыка покосился на меня.

— Правда, — вздохнула я в ответ.

Вещи доставили уже через полчаса. Маг забрал у меня гириаз и тут же погрузился в его исследование, перебирая ленту пальцами, глядя в никуда расфокусированным взглядом и невнятно бормоча что-то себе под нос.

А мы с братом оказались предоставлены самим себе. Вернее, нам предложили сопровождающего для знакомства с дворцом, но мы отказались и решили погулять самостоятельно. Ирье уже неплохо здесь ориентировался, знал, что где находится, и охотно мне показывал и рассказывал. Никто не обращал на нас внимания — слуги Теней не видели, а те, кто на это способен, были осведомлены о нашем присутствии. О Владыке и предстоящем нам путешествии мы, не сговариваясь, избегали упоминать. Словом, остаток дня был посвящен отдыху.

Я полагала, что утром придется подняться рано, но нам позволили выспаться и проснуться самостоятельно, а после завтрака пригласили в кабинет Владыки.

— Готовы? — только и спросил он.

Мы дружно пожали плечами. Вот что тут скажешь?

— Во всяком случае, отказываться от возможности вернуть память не собираюсь, — ответила я.

— Тогда, — Владыка поднялся и отворил узкую дверь, ведущую из кабинета в маленькое помещение без мебели и окон, — добро пожаловать на мой путь. Я предпочитаю отправляться отсюда, если обстоятельства позволяют.

Мы коснулись Владыки, перешли в теневую форму и позволили ведущему увлечь нас за собой. Мгновением позже мы обнаружили себя на лесной поляне. Как ни странно, здесь пока не чувствовалось наступление осени, было по-летнему тепло и солнечно.

— Где мы?

— Заповедные леса, как их обычно называют.

— Те самые?..

— Да-да, те самые, которые я должен был получить в приданное за принцессой Тауналя.

— Значит, мы сейчас в Таунале, — вздохнула я, не порадовавшись очередному возвращению в эту страну.

— В княжестве Риатана, — исправил меня Владыка.

Сердце кольнуло — то ли предчувствием, то ли смутной тенью воспоминаний.

— Но почему?..

— Почему я хотел получить именно это место? Потому что оно наше.

— Что значит — наше?

— Наше. Оно принадлежало Теням с самого их появления в этом мире. Именно здесь грань между мирами наиболее тонка. Отсюда начинался наш путь, когда мы оставили за спиной прежнюю жизнь. И именно сюда должны приходить юные Тени, чтобы провести свой последний ритуал.

— Сюда? — удивился Ирье. — Значит, клановые Тени тоже здесь бывают?

— Нет, — мотнул головой Владыка, — клан давно оторвался от корней. Я даже не уверен, что в клане помнят об этом месте. А если помнят, то верно ли толкуют его значение для всех нас. Что ты знаешь о проявлении?

— Не очень много, — признался брат, — знаю, что в процессе ритуала происходит приобщение к памяти предков.

— Память, — со значением произнес Владыка. — Собственно, ради этого мы сюда и

пришли. Приобщение к памяти возможно и отдельно от проявления, просто чаще их объединяют, и Тень становится совершеннолетней во всех смыслах. Здесь, — Владыка неопределенно махнул рукой куда-то в сторону, — у вас есть возможность прикоснуться к грани и впитать в себя знания, которыми обладали ваши предки, шагнувшие через эту грань, и те их потомки, что сохранили традиции Теней. Потому что от каждой Тени тянутся ниточки сюда, к этому месту. Оно нас всех объединяет. Без той памяти, которую оно хранит, никто из нас не бывает полноценной Тенью. И я спрашиваю: вы хотите приобщиться к этой памяти?

— Да! Да! — с готовностью откликнулись мы.

Владыка рассмеялся:

— Хорошо поете!

— А что с проявлением? — решился спросить Ирье. Владыко хитро улыбнулся и извлек из кармана уже знакомый нам предмет. Солнечные лучи услужливо высветили памятные по рисунку мастера Листа символы на браслете.

— Значит...

— Значит, после приобщения к памяти предков я сам надену на вас 'обруч' и помогу проявиться. Браслет несет на себе отпечаток наших общих прародителей и позволяет не использовать для зова родственную кровь.

— Я только не поняла, как это приобщение поможет вернуть мою собственную память.

— Оно просто вернет тебе всю память, которая принадлежит тебе по праву. Грань снимает с памяти любые запреты, нет проклятий, которые контакт с гранью не способен преодолеть.

— А зачем все это нужно вам, Владыка? — подозрительно осведомился братец.

— Ну, я мог бы сказать, что не считаю себя вправе лишать Теней — любых! — того, на что они имеют право в силу своего происхождения... И это было бы правдой. Нечасто, но случалось, что к нам приходили молодые люди из клана в надежде воспользоваться артефактом — кто-то являлся с просьбой, другие, как вы, пытались украсть браслет и попались. Но мы никому не отказывали в помощи — браслет принадлежит всем Теням, мы его только храним.

— Почему же в клане говорят, что никто из посланных за браслетом не вернулся? — недоверчиво прищурился Ирье.

— Потому что никто не захотел возвращаться. Потому что они узнали больше, чем готовы были узнать, и поняли, что уже не смогут жить так, как раньше... Да, мои предки давали такую возможность всем, кто к ним обращался. Но у меня в этом деле есть и личный интерес, — лицо Владыки стало жестким. — Я хочу знать, какое отношение я сам имею ко всей этой истории и почему оказался в нее втянут. А для этого нужно снять полог забвения.

— Втянут? — вычленила я зацепившее меня слово.

— Об этом потом, — отрезал Владыка, — если все окажется так, как я предполагаю... Ну что, вы решили?

— Это можно делать двоим одновременно? — уточнила я.

— Можно, но нежелательно. Мне одному будет трудно контролировать вас обоих.

— Тогда я первый, — заявил брат.

Спорить я не стала, только спросила:

— А посмотреть мне можно будет?

— Смотреть — пожалуйста. Но я не думаю, что вы сумеете что-нибудь разглядеть.

Это... не особенно зрелищно.

— Неважно. Я просто хотела бы быть рядом с братом и видеть, что с ним происходит.

— Что ж, тогда идемте.

Пройти надо было совсем немного, шагов двести или чуть больше — до еще одной поляны, в центре которой высоким столбом клубился серебристый туман.

— Это — грань между мирами? — Ирье был поражен необычным зрелищем.

— Она самая, — усмехнулся Владыка, — отсюда можно... впрочем, вы сейчас все узнаете сами. А обычные люди могут попасть в это место? — поинтересовалась я.

— Они вообще не способны зайти в лес дальше опушки. Собственно, именно поэтому здешние леса называются заповедными или зачарованными. Хотя, конечно, никакие это не чары, просто грань таким образом хранит свои тайны, чтобы те, кто не приспособлен к хождению между мирами, не могли сюда попасть.

— Вот как... а я думала, все это крестьянские сказки...

— Не будем тянуть, — вновь заговорил Ирье. Что я должен делать?

— Всего лишь подойти к грани и погрузить ладони в туман. Я буду присматривать, чтобы вы не зашли слишком глубоко. Вы ведь не имеете цели отправиться в далекое путешествие прямо сейчас?

— Ни в коем случае, — Ирье нервно передернул плечами и шагнул к туманному столбу.

Владыка проследовал за ним, а я тихонько уселась на траву и стала наблюдать. Владыка был, конечно, прав — увлекательным это зрелище при всем желании не назвать: брат стоял с закрытыми глазами, погрузив кисти рук в туманную дымку, а наш проводник страховал его, готовый в любое мгновение подхватить и оттянуть подальше.

Длилось это не менее часа, и я даже начала сочувствовать Ирье, все же неподвижное стояние на одном месте — весьма утомительное занятие. Но лицо брата было спокойным, и сам он оставался недвижим, словно усталость сейчас не имела для его тела никакого значения.

А потом он пошатнулся, отступил на шаг назад, почти упав в объятия Владыки Нимтиори, и резко открыл глаза — смятенные, потрясенные, шальные....

— Ты в порядке? — глупо спросила я, шагнув к брату.

Ирье тряхнул головой, приходя в себя, а потом кивнул:

— Да. Кажется, да. Просто это... действительно очень много. Что теперь? — повернулся он к Владыке.

— Теперь я могу помочь вам проявиться. Или хотите сначала передохнуть?

— Нет, — выдохнул парень, — лучше сразу.

— Что ж... давайте.

Ирье протянул Владыке левую руку, и тот сомкнул артефакт у него на запястье. Сначала ничего не происходило, и я уж было решила, что опять не увижу ничего особенного, а потом... черты лица брата словно затвердели, лишаясь привычной размытости, проступая из серой тени.

И я поймала себя на мысли, что знаю это лицо — именно таким я и ожидала его увидеть. И вспомнила, что и Дрозда сразу узнала, встретив впервые после проявления. Выходит, Тени видят друг друга истинными, даже если не подозревают об этом.

А спустя несколько минут передо мной стоял мой названный брат во плоти — обычный парень, симпатичный, темноволосый и сероглазый. Мой Ирье.

И я, радостно пискнув, повисла у него на шее.

Потребовалось всего полчаса, чтобы Ирве освоился с новым умением и научился без усилий переходить в любую из трех форм, которые были ему теперь доступны.

О том, что он узнал, соприкасаясь с гранью, я расспрашивать не стала — догадалась, что эти тайны тоже из тех, которые сами себя хранят. И те знания, что предназначены именно мне, я получу сама, коснувшись грани.

— Готовы? — обратился ко мне Владыка.

Я нервно сглотнула, кивнула и приблизилась к туманному столбу. Делать действительно ничего не пришлось: стоило мне погрузить руки в серебряную дымку, как я провалилась во тьму, наполненную чужими мыслями и голосами. А еще — картинами, которые разворачивались перед чужими глазами. Иногда я помнила, что я — это я, а иногда переставала себя осознавать, погружаясь в чью-либо память и переживая события, которые происходили за многие тысячи лет до моего появления на свет.

Тени... Избранные Безликой богиней, как они еще себя называли. Обычные люди, наделенные необычным даром — пересекать грани между мирами. Дар передавался по наследству, и Тени привыкли считать себя особыми, исключительными, забывая, что дар этот должен служить познанию. Они всюду пользовались своим умением становиться невидимыми, чтобы интриговать, а иной раз и присваивать себе чужую собственность.

А потом маги изобрели амулеты, позволяющие видеть Теней, и тем пришлось умерить свою наглость, а потом и вовсе изменить свое отношение к людям. Разумеется, вовсе от использования своих способностей они не отказались — все же дар давал немалые преимущества в борьбе за власть и богатства, — но старались не злоупотреблять, чтобы не привлекать к себе внимание. Однако люди не забыли об их прежних прегрешениях и нет-нет да и поднимали ропот, а потому Тени стали таиться, скрывать свой дар.

Но магия — наука, которая не стоит на месте. И за амулетами последовали новые изобретения, позволявшие видеть тех, в ком был дар Тени, даже спящий, и тогда люди взялись за поголовное истребление избранников Безликой. Тени поняли, что в этом мире им больше не жить, и отправились к грани, чтобы найти себе новый дом.

И нашли. Но вот дальше их пути разошлись. Потому что одна часть ратовала за то, чтобы, во-первых, не удаляться слишком от места перехода, а во-вторых, поселиться среди местных жителей, и, пользуясь своими умениями, но избегая прежних ошибок, построить здесь государство и встать во главе его. Их и прозвали 'строителями'. Другие же Тени считали, что в таком случае есть опасность раствориться бесследно среди прочего населения и потерять себя. Они избрали путь изоляции, ухода в недоступные места, они желали сократить общение с окружающим миром, насколько это возможно.

Что ж, правы оказались и те, и другие. Обе группы утратили часть себя. Первые создали новое государство и дали ему свой язык. И в жилах почти всех аристократов Нимтиори течет кровь Теней... но не все об этом помнят. Сначала кровь была разбавлена смешанными браками, потом во многих семьях перестали проводить через ритуалы девочек, рассудив, что это им ни к чему — ведь отношение к женщинам в новом мире было совсем иным, чем в родном мире Теней... Словом, произошло то, чего и следовало ожидать. Осталось лишь несколько родов, которые продолжают воспитывать своих детей, да и то не всех, Тенями.

Тени же, решившие сохранить себя в изоляции, из-за удаленности от источника знаний постепенно утратили представление о предназначении своего дара, забыли, что это в первую очередь искусство ходить между мирами. И прежде встречались наемники среди Теней, но никогда это не было занятием целого народа...

Были и мои предки среди тех, кто однажды шагнул со своим народом через грань. Род хранителей, из которого происходит и Ирье. И этот род разделился после перехода — младшая ветвь ушла, старшая осталась 'строить'.

У хранителей с самого начала был особый статус, им выделили отдельные земли, ставшие вскоре самостоятельным государством, соединенным с Нимтиори многочисленными торговыми и политическими связями. Именно хранителям было доверено право проводить молодежь в Заповедные леса за знаниями предков.

Эта традиция прервалась, когда отец моего прадеда погиб прежде времени, а мать, по рождению к Теням не принадлежавшая, отказалась проводить над сыном ритуалы. Да, кое-какие знания в семье сохранились, но о воспитании Теней речи уже не шло.

... А потом мне показалось, что незримая оболочка вокруг меня истончилась и лопнула, и в меня хлынули мои собственные воспоминания...

Маленькая княжна, младший ребенок, балованный и любимый. Оказывается, у меня было два старших брата, но их лиц я не видела в своих снах. Теперь я их вспомнила. А еще бабушку, мать моей матери, хрупкую невысокую женщину с идеальной осанкой и пронзительным взглядом темно-серых глаз.

Я побаивалась этого ее взгляда, избегала встреч, когда это было возможно, а женщина словно и не замечала моего страха. Она не стремилась наладить со мной отношения, не расточала родственных ласк... просто иногда смотрела на меня — внимательно и чуточку тревожно.

А однажды она поманила меня за собой — и я пошла, несмотря на свой страх. Ибо что-то внутри придавало мне уверенность, что так будет правильно. А еще я была заинтригована подслушанным накануне разговором, который состоялся между моим отцом и этой женщиной. Бабушка в чем-то горячо убеждала его — я никогда прежде не видела ее в таком волнении, — а отец только повторял, что бегство — это бесчестье, он не может обречь страну на гибель, а семью — на изгнание, даже если поверит в то, что сейчас услышал.

— Спрячь хотя бы регалии. Сейчас, сразу — и так, чтобы найти их мог только тот, в ком есть твоя кровь.

— Смысл? — горько усмехнулся отец. — Если все сложится так, как вы говорите, в этом мире не останется никого, в ком есть моя кровь.

— Есть шанс. Крохотный. Я не уверена. Но я могу попробовать спасти хотя бы ее. Ты доверишь мне свою дочь?

— Да, — твердо ответил князь, — доверю.

Вот еще и поэтому я пошла за ней, ведь папа ей меня *доверил*.

Я вспомнила, как мы ехали в карете, потом, бросив вещи, кроме тех, что могли унести на себе, пробирались своими ногами через леса. Время от времени я принималась ныть и жаловаться на усталость, но бабушка даже не одергивала меня, просто вздыхала и тащила за собой.

А однажды она сделала очередной шаг, а я... не смогла пройти за ней. Что-то не пускало меня. Лицо бабушки исказилось мукой.

— Не успели, — выдохнула она и вернулась ко мне.

То, что было потом, слилось для меня в череду сменяющихся картинок. Мы переезжали из города в город, нигде не задерживаясь дольше, чем на неделю. Но пришел день, когда плечи этой женщины опустились.

— Видят боги, — произнесла она, — видят боги, девочка моя, я хотела этого избежать.

Но теперь не вижу другого выхода.

Последним, что я запомнила о той жизни, был мой страх — я не понимала происходящего и потому боялась. Я стояла в центре начерченной мелом на полу многоугольной фигуры, а женщина, которую я так ни разу и не назвала бабушкой, ходила вокруг и окропляла вершины фигуры собственной кровью. И напевала при этом едва слышно. А потом сгустился туман...

Когда я очутилась на крыльце воспитательного дома, страшно мне больше не было. Я просто не знала, чего нужно бояться.

В Риатане говорили на двух языках — нимтиорийском и таунальском. Моя новая личность, начинавшая жизнь с чистого листа, приняла как родной тот, на котором были произнесены первые услышанные ею слова. Не нянкой произнесены — бабушкой. Только я этого уже не знала.

Не было больше маленькой княжны Энны. И никто ее не искал, потому что весь мир начисто забыл о ее существовании...

Мне было больно. Не телесно, но душевно. Словно не влили в меня сейчас память — мою собственную и многих поколений предков, — а наоборот, вытянули что-то изнутри, оставив зияющую рану.

Кажется, я кричала. Кажется, кто-то обнимал меня, не позволяя биться, и нашептывал на ухо успокаивающие слова. Потом я заснула, а когда пришла в себя, раны больше не было, от нее осталась только тупая боль в груди.

Воссоединиться с собой, восстановить собственную цельность — и одновременно осознать, что те, с кем тебя связывали когда-то крепкие узы, давно мертвы — это действительно больно и страшно.

Проснувшись, я еще долго лежала молча, а потом сидела, уставившись в никуда. Меня никто не торопил, только оба — что Ирье, что Владыка — не сводили с меня внимательных, исполненных тревоги взглядов.

Наконец я встряхнулась. Огляделась, заново сживаясь с этим миром. Отметила, что положение солнца свидетельствует о раннем утре. Значит, мы провели день и ночь в лесу, а я этой ночи не заметила. Поймала неуверенную улыбку брата и улыбнулась в ответ.

— Вернулась? — спросил он.

— Кажется, да, — встала и обернулась к Владыке, протягивая ему руку. — Можно?

С браслетом все прошло легко. Уже потом, под смущающими взглядами мужчин я постоянно сбивалась и теряла концентрацию, а потому на освоение перехода в разные формы у меня ушло куда больше времени, чем у брата. Но я все-таки научилась.

— Возвращаемся? — спросил Владыка.

— Да, ужасно хочется посмотреть на себя в зеркало, — призналась я.

Сразу по возвращении во дворец Владыка деликатно оставил нас с братом вдвоем. Мы действительно нуждались в уединении. Но первым делом, попав в наши покои, я отправилась к зеркалу.

Это было странно — вновь видеть себя. Девушку в зеркале я не знала и разглядывала, как разглядывала бы чужого человека, которого увидела впервые. Тонкие черты лица, плотно сжатые губы, темно-серые, как предгрозовое небо, глаза. Светлые, слегка выющиеся волосы успели отрасти с тех пор, как над ними поработала с ножницами мастер Лиса — я больше не пыталась их стричь, а научилась собирать в тугую прическу, чтобы не мешали.

Я была похожа на мать... и не похожа одновременно. У княгини Эллии было мягкое

лицо, исполненное света, который изливался на окружающих, а мой внутренний свет, если и существовал, скрывался за непроницаемой преградой, не выпуская наружу ни лучика. Я была тверже мамы... или даже жестче — более подходящее слово, — и это отражалось на внешности.

Малышка из моих воспоминаний обещала вырасти настоящей красавицей, но то, что я видела сейчас, этих ожиданий не оправдывало. Девушка в зеркале выглядела неплохо, но красавицей никак не была. А еще... она напоминала бабушку, и дело тут было не только во внешнем сходстве. Этот взгляд... такой же пугающий, как и у старшей родственницы... Я ловила себя на желании отшатнуться от зеркала, встречаясь глазами с собственным отражением. Тот самый спящий дар, унаследованный с кровью, о котором говорил Видящий? Или просто отпечаток непростой жизни?

Сейчас я понимала, что зря боялась бабушку. Она любила меня, всех нас, и именно ей я обязана тем, что до сих пор жива. И когда я приду в себя, разберусь с внезапно вернувшейся памятью и свалившимися на голову знаниями, я обязательно выполню ее последнюю просьбу. Вот только дар... Не уверена, что я когда-нибудь захочу его принять.

— Как ты? — брат неслышно подошел сзади и положил руки мне на плечи.

Я вздрогнула — погрузившись в размышления, я совсем забыла о его присутствии.

— Хорошо, — я повернулась к Ирье. — Меня зовут Энна.

— Я знаю.

— Давно? — удивилась я.

— С той минуты, как ты пришла в себя и вспомнила свое имя. Мы ведь кровные родственники.

— Да, — нервно усмехнулась я, — и как выяснилось, не только по ритуалу братания.

— Ну-у, — протянул Ирье, — это такое дальнее родство, что о нем можно и не вспоминать.

— Не скажи, — возразила я. — Ты хоть понял, что остался единственным мужчиной рода Хранителей? Тебе придется брать на себя всю ту ответственность, которую несли на своих плечах наши общие предки.

— Я думал об этом, — вздохнул брат. — Я пока не готов. Столько всего — надо дождаться, пока эти знания улягутся в голове, разобраться, что к чему... Надо учиться.

— Не только тебе, — скривилась я. — Знаешь, я так стремилась к этому — вернуть память, вернуться к себе, осознать себя цельной и живой. Человеком, у которого есть собственный путь. Человеком, который может выбирать. И вот я достигла этой точки и теперь растеряна. Я не знаю, что делать и как жить дальше.

Я сказала брату не обо всем, что меня тревожило. Теперь, когда я вспомнила, кто я такая, у меня тоже появились новые обязательства. Перед бабушкой, которая меня спасла, перед моей страной, завоеванной жадными соседями. И я пока не поняла, что должна предпринять, чтобы их исполнить. Брат прав — слишком много всего.

И брату едва ли было намного проще, чем мне. С одной стороны, на меня свалилась, в дополнение ко всему, еще и собственная память — вместе с трагедией, о которой я знала, но которую не могла прежде воспринимать как свою. Пока не осознала, кто я есть. С другой — для Ирье, воспитанного в клане, знания предков оказались куда большим потрясением, чем для меня, не обремененной навязанными представлениями о Тенях и их истории. Кроме того, он принял вместе со знаниями личную ответственность. Теперь он Хранитель. Я тоже, но традиционно именно мужчины брали на себя роль проводников знаний.

Мы остались жить во дворце в качестве гостей. Мне это казалось естественным, а вот Ирье приглашение Владыки смутило. Он бы даже настоял на том, чтобы уйти и поселиться отдельно, но пока просто не представлял себе, как жить дальше. Как Хранитель, он понимал, что теперь тесно связан с Нимтиори. Как парень, только что вступивший во взрослую жизнь, был слегка растерян.

Пока Ирье жил в клане, будущее представлялось ему вполне определенным: наемничество, работа на клан, женитьба... Могли встретиться опасные задания, но в целом особых потрясений не ожидалось. А теперь перед ним лежало множество дорог, и он не знал, какую выбрать. Просто как человеку, а не Хранителю. Единственное, чего он точно не собирался делать, это возвращаться в клан. Полученным на грани знаниям было бы тесно в окруженной горами долине. Какая может быть изоляция, если перед тобой открыт весь мир, да еще и не один?

Конечно, мы еще не были готовы путешествовать между мирами, стоило сначала разобраться с полученными знаниями, прежде чем куда-то лезть. На первых порах проводником мог служить Владыка. Собственно, это и было главной задачей таких, как он, Хозяев теней, — прокладывать и показывать другим новые пути. Остальные Тени могли переходить только в уже знакомые места. Но пока мы его ни о чем не просили.

Достаточно было того, что он поселил нас в своем дворце и посвящал нам большую часть своего свободного времени.

Чаще всего мы встречались в одной из гостиных вечерами. Как-то незаметно между нами установилось неформальное общение — глупо было обращаться в изысканно-вежливой форме к тому, кто принял твоё проявление, а до того вытирал твои сопли и баюкал на руках. Да и сам ритуал с браслетом создавал между нами всеми особую степень близости и доверия. Кроме того, восемь лет никому из нас не казались существенной разницей в возрасте.

Наши имена он знал сразу, с той минуты, когда надевал нам на руки артефакт, но и сам назвал свое имя в первый же вечер, проведенный нами вместе.

Рэйм. Владыка Рэйм. Имя мне понравилось. Хотя 'владыка' — это звучало излишне пафосно, о чем я ему честно и сообщила во время того первого разговора.

Рэйм рассмеялся, но потом посерьезнел:

— Неважно, как мы называемся — королями, князьями или императорами. По сути мы, те, кто у власти, являемся именно владыками, иначе не по праву занимаем свое место.

— В таком случае, король Тауналя сидит на своем троне по ошибке. Возможно. Он питает какие-то иллюзии на этот счет, но на самом деле давно уже не правит страной самостоятельно.

— Я подозревал нечто подобное. Стеумс?

— Совершенно верно.

— С интересом послушал бы об этом.

Я нервно передернула плечами, вспомнив последнее письмо Нэлиссы.

— Не сейчас, — успокоил меня Рэйм, — время терпит. Пока.

Беседы с Владыкой были не просто интересны и познавательны для нас. Я все чаще ловила себя на том, что получаю удовольствие от этих встреч. Мне нравилось, как Рэйм смотрит на меня, как улыбается, рассказывает что-нибудь — без снисходительности наставника, а просто как друг, как равный.

Но были темы, которых мы пока не касались в наших разговорах. Я не решалась расспрашивать Владыку о том, в чем его личный интерес, о котором он упоминал в Заповедных лесах. И о судьбе его помолвки с принцессой тоже не заикалась. Мне не хотелось разрушить неудобными вопросами уют и непринужденную атмосферу, которые складывались в нашем общении.

Рэйм тоже пока помалкивал. Возможно, не жаждал делиться, а может, просто ждал, пока я сама об этом заговорю.

Я созрела до расспросов, когда сочла себя готовой выполнить данное бабушке обещание. Мне не хватало одной детали, чтобы восстановить картинку и получить полное представление о планах Плетельщицы. Одного узелка, чтобы понять весь путь, который она для меня проложила. Мне казалось, что это будет правильно — сначала узнать все самой, а потом уже обратиться к ней за разъяснениями.

Пока же я обратилась к Владыке:

— Расскажешь?..

— Что ж... Я ждал этого вопроса. Ты ведь уже знаешь, что она была Плетельщицей? — я кивнула. — Я тоже теперь это понял. Догадался, что именно она приходила во сне к моему отцу. Тогда же... я был возмущен. Отцу пришлось долго убеждать меня.

— Что она ему сказала?

— Я не воспроизведу дословно. Как уж запомнил: 'Когда тебе предложат принцессу с Запада для твоего сына — ни в коем случае не отказывайся. Только потребуй, чтобы к ней приставили Тень и привязали, когда войдет в возраст. И скажи сыну, чтобы не расторгал помолвку, если не получит ожидаемого. Пусть дождетя, тогда всё и поймет'. Для меня это было дикостью — мало того, что Владыки Нимтиори никогда не брали в жены принцесс других правящих домов, а тут еще по указанию незнакомки, явившейся во сне. Не говоря уж о том, что привязывание Тени к носителю чудовищно само по себе. Но отец не уставал напоминать: это не наши боги, но мы живем в их мире. Они никогда не требовали от нас поклонения, но раз уж позволили себе вмешаться в нашу жизнь, это неспроста и стоит прислушаться. Так что, — Владыка криво усмехнулся, — мой интерес был в том, чтобы понять, кому и зачем это было нужно.

— Понял?

— Да, — ответил он, почему-то смутившись.

Я догадывалась, что Владыка сказал мне не все, но настаивать я не решилась.

За бабушкиным наследством я собиралась отправиться одна, отклонив предложенную Владыкой помощь и отказавшись от сопровождения брата. Есть такие ситуации в жизни, с которыми надо справляться самостоятельно, без помощи даже самых близких.

— Ты понимаешь, что теперь, когда о тебе вспомнили, это может оказаться опасным? — Рэйм не скрывал своей обеспокоенности.

— Понимаю, — я вздохнула, — но это мой долг. Только мой. К тому же я могу в любой момент уйти тенью, да и не собираюсь подолгу задерживаться на одном месте, чтобы позволить себя найти.

— Я все-таки хотел бы пойти с тобой, — буркнул брат, — это проще, чем ждать и волноваться.

— Я понимаю. Прости меня, но так надо. Я даже не могу объяснить тебе почему, просто чувствую.

Из 'теневого' комнаты за кабинетом владыки я шагнула сразу в бакалейную лавку на

украине Левкраса. Здесь я когда-то проводила часы, наблюдая за людьми и слушая их разговоры.

Никем не замеченная, я выскользнула за дверь и вдохнула полной грудью прохладный воздух. Осенью я ушла отсюда, осенью и вернулась. Правда, не в дом Райнера, которого больше не было. Впрочем, я еще пойду туда, когда настанет время... Вот будет у меня свой дом, а в нем — библиотека или хотя бы книжный шкаф, в котором найдется место для наследства старого Видящего...

Стояло раннее утро, и я не планировала задерживаться в Левкраса. До моей цели был всего день пути, и я решила воспользоваться наемным экипажем, чтобы к вечеру быть на месте.

Хорошо, что этот город был знаком мне: за месяцы жизни в доме Видящего я много раз ходила по этим улицам и, разумеется, знала, кто из горожан оказывает нужные мне услуги.

С хозяином почтового двора я сторговалась быстро, и, пока он закладывал экипаж, заглянула в храм — тот самый, который однажды мыла собственными руками. Сейчас здесь было чисто, а у меня в карманах опять не нашлось ничего, что я считала бы своим и могла пожертвовать богам. Разумеется, Владыка вручил мне кошель с монетами, чтобы я ни в чем не нуждалась в пути, но... эти деньги не были моими. Подумав, я все-таки решила, что Рэйм все равно не примет назад то, что уже отдал, а потому оставила небольшое пожертвование, а потом обратилась к богам с молитвой-разговором. Я не столько просила, сколько благодарила — за то, что пройдено и понято, за свою свободу, за вновь обретенную возможность выбирать.

Долгая дорога не казалась мне скучной. Впервые я путешествовала по стране вот так — открыто, в своем настоящем виде. Если, конечно, не считать моей самой первой поездки с Бьяртой, но ее я запомнила плохо.

Вообще, память о трех годах, прожитых между потерей прошлого и моим водворением в доме чародейки, слегка притупилась, словно не я была той девочкой, что некоторую часть своей жизни провела в приюте под вымышленным именем. Впрочем, наверно, так оно и было. Моя нынешняя личность сформировалась позже, под влиянием наставницы и необычных жизненных обстоятельств. Жалела ли я об этом? Вот уж нет — куда лучше быть воспитанницей строгой чародейки, чем вовсе никем. А именно так оно и сложилось бы, останься я в воспитательном доме.

К вечеру, как я и рассчитывала, наемная карета въехала на постоянный двор в Гадре — городе средних размеров, достаточно оживленном, чтобы одной пожилой женщине было легко затеряться в нем, а ее связи с другими людьми непросто было бы отследить.

'Запомни, девочка моя, господин Лугар, стряпчий, улица Дождей...' — напутствовала меня бабушка в ночь перед ритуалом. Я почти ничего не понимала, но старательно запоминала.

... На улице Дождей было не по-осеннему солнечно, как, впрочем, и во всей Гадре этим утром.

Я чуть замешкалась на крыльце, собираясь с духом, но потом решительно взялась за дверной молоток и постучала. Дверь отворилась почти мгновенно — не принято было в конторе господина Лугара заставлять клиентов ждать.

— Чем могу служить? — нынешний хозяин конторы был молод, наверняка сын или внук, а может, племянник того Лугара, которому бабушка доверила мое наследство.

— Я пришла забрать то, что принадлежит мне.

Стряпчий с деланным изумлением поднял правую бровь.

— Солнце встанет на Западе, если воля Плетущей не будет исполнена, — произнесла я условную фразу, убедившись, что никто, кроме Лугара, не может меня слышать.

Левая бровь взметнулась вслед за правой, но стряпчий не медлил.

— Сию минуту, госпожа! — воскликнул он и скрылся за дверью, ведущей из приемной в жилую половину.

Появился он минут через пять и, почтительно поклонившись, протянул мне деревянный ларец, украшенный затейливой резьбой:

— Примите, госпожа. Все давно оплачено.

Прижимая ларец к груди, я вновь вышла на крыльцо и задумалась. Вернуться на постоянный двор? Или просто найти уединенное местечко, где я смогу без помех ознакомиться с содержимым ларца? Но уединение я могу найти и во дворце Владыки Нимтиори, и ни сам Владыка, ни брат не станут мешать мне встретиться в последний раз с бабушкой. А оставаться в Таунале на лишний час или два — какая в этом радость и какой смысл?

Свернув за угол, я спряталась в тени от солнечных лучей и перенеслась обратно во дворец. К счастью, кабинет Владыки пустовал, и я, не привлекая к себе излишнего внимания, прошла через него и быстрым шагом отправилась в наши покои.

В комнате я присела на краешек кровати и принялась вертеть в руках ларец. Я догадывалась, что открыть его под силу только мне, но не могла понять, как к нему подступиться.

Фрагмент орнамента сместился совершенно неожиданно, обнажив выемку с короткой острой иглой в центре. Дальше все было просто — я коснулась пальцем острия, выступила капелька крови, и крышка открылась, явив содержимое ларца: несколько футляров с драгоценностями, два перстня... Один — серебряный с дымчатым топазом, заключенный в прозрачную сферу, которой я не рискнула прикоснуться, второй — массивный, из золота с рубином. Он был просто втиснут между футлярами. И под всем этим, на самом дне — письмо.

'Энна, девочка моя!

Если ты читаешь это письмо, значит, прошла весь путь, который я для тебя проложила, и обрела себя.

Поверь, мне страшно и горько было обрекать тебя на такую жизнь, но иначе тебя было не спасти, это был единственный из всех возможных вариантов будущего, в котором могла быть ты. Надеюсь, теперь ты понимаешь это и сможешь даровать мне свое прощание.

Как ты, наверно, догадываешься, больше мы с тобой не увидимся — за серьезное вмешательство в судьбы близких мы платим собственным даром, а зачастую — и жизнью. И мой случай — именно такой. Я не роищу, Арнастра милостива и примет меня в своих чертогах, даруя утешение.

Но на прощание, если помнишь, я обещала тебе рассказать обо всем, что для тебя придумала. И теперь выполняю это обещание.

Первым узелком, развилкой, был Владыка Нимтиори, с него все началось, им же, надеюсь, и закончится. Вернее, его сыном, но Рэйм — разумный мальчик, и раз уж мне удалось убедить его отца, то Владыка сам найдет для сына нужные слова. А принцессу им

предложат в любом случае, так что дальнейшее зависит только от них.

Трудно мне пришлось с чародейкой. Маги — они, знаешь, к вере равнодушны, слишком могущественны, чтобы признавать над собой высшие силы. А тут еще и все существо ее станет протестовать, ибо сама она вольная птица и рабства ни в каком виде не приемлет, а потому и обречь тебя на жизнь Тени при принцессе будет для нее невыносимым преступлением. Знаю, что ее будут крепко держать за горло, но если бы я не вмешалась, она все равно бы отказалась создавать Тень, не пошла бы на поводу у шантажиста. Однако, вспомнив о сне, о велении Плетельщицы, она, надеюсь, решится пойти против совести. Прошу тебя, внучка, если тебе доведется вновь повстречаться с этой женщиной, ни в коем случае не спрашивай, чем держал ее таунальский властолюбец, не заставляй ее вновь переживать эту боль и вину.

Проще всего было договориться с провидицей. Ты ведь догадалась, наверно, что она тоже одно из звеньев. Просто Атейнара и сама видит пути, а потому ей не пришлось делать ничего, к чему не располагал ее собственный дар.

А вот дальше многое зависело от тебя — от твоей находчивости, изворотливости и желания жить. Раз ты читаешь это письмо, значит, смогла сделать то, чего я от тебя ожидала. Не знаю только, сколько времени тебе пришлось скитаться, прежде чем встретиться с Видящим и получить ответы на некоторые из своих вопросов. Я видела эту встречу, но не сроки, в которые она произошла. Старый слепец одновременно любопытен и недоверчив, непросто было пробиться в его сны, но тебе он непременно понравится... или понравился?

А самым слабым звеном в моем плане стал глава клана Теней. Он хитер, но не умен. И излишне самонадеян. Но если не он, то дар в твоей крови поможет тебе оказаться в нужном месте в нужное время.

Прости, все время путаюсь — невозможно писать о том, что только должно случиться, как об уже произошедшем. Для меня это будущее, для тебя — прошлое.

Я переживала, что какая-нибудь из моих нитей запутается и всё плетение пойдет прахом, но Арнастра дала мне надежду и обещала, что и спящий дар будет тебе помогать.

Прощай, моя дорогая, и помни, что я люблю вас — и свою упрямую дочь, которая пожелала разделить судьбу мужа, и отца твоего, как бы меня ни раздражали его неверие и принципиальность, и мальчиков... Но их больше нет, а ты жива, и если тебе дорога их память, постарайся возродить то, ради чего они сложили головы.

В ларце, кроме фамильных драгоценностей рода Плетельщиков Авэрим, которые я оставляю тебе, как моей единственной наследнице, лежат еще два перстня. Тот, что с рубином, поможет тебе найти княжеские регалии, если твой отец успел их спрятать. Просто приди с этим перстнем в княжеский дворец или на его руины, если сам он был разрушен, и перстень, как по ниточке, приведет тебя в нужное место.

Второй, с топазом — перстень Плетельщика. Если ты когда-нибудь решишь принять дар богини, просто надень его на указательный палец правой руки и зайди в любой храм, где есть изображение Арнастры. Дальше она все сделает сама.

Живи, моя радость, мое сокровище! Просто живи той жизнью, которую сама для себя выберешь.

Эйгара ан Авэрим'.

Эх, бабушка, бабушка... Как тебе это все далось? Увидеть все варианты развития, точки

развилок, просчитать единственный путь, пройти по снам незнакомых людей, чтобы сплести будущее для единственного оставшегося в живых потомка, зная, что ты этого будущего не увидишь, не встретишься больше с внучкой, ради которой отдала всю себя и которая о тебе не помнит. Но ты верила, что все сбудется по-твоему и память вернется к ней. Не ждала благодарности, но с трепетом надеялась на прощение...

Мне не за что тебя прощать, я благодарна тебе за каждый миг жизни, которую ты мне подарила.

За строгую наставницу Бьярту, которая постаралась сделать все, чтобы я не полюбила ее, не привязалась к ней и не испытывала горечи расставания, но при этом вложила в меня столько умений и знаний, что я вспоминаю о ней с неизменной признательностью.

За принцессу Нэл, взбалмошную девчонку, которая оказалась способна на большую любовь и ради этой любви отказалась от всего, что имела. Хотела бы я научиться так любить...

За Райнера, встреча с которым обогатила меня не только новыми знаниями, но и помогла сделать первые шаги на трудном пути доверия к людям.

За Ирье, без чьей поддержки и братской любви мне пришлось бы очень нелегко. Сейчас я уже не могу себе представить, что его не было бы в моей жизни.

За Рэйма, оказавшегося не суровым холодным Владыкой, которому нет дела до букашек у подножия его трона, а живым человеком.

Рэйм... О нем я пока думать опасалась. Было что-то в наших вечерних встречах непонятное для меня. За радостью общения таилась неловкость, недосказанность с обеих сторон. Меня смущали его взгляды, которые я иногда ловила на себе. Порой мне хотелось спросить прямо, о чем он молчит, но такие вопросы надо было задавать наедине, а при наших беседах неизменно присутствовал Ирье, и я, признаться, была этому рада: брат словно бы сглаживал эту неловкость, в то же время не позволяя мне запутаться в собственных мыслях и ощущениях, которых не понимала. Рядом с Ирье все казалось проще и понятнее, и думать о сложностях не хотелось...

Я протянула руку и коснулась пальцем сферы с перстнем. Теперь я знала, что это безопасно: пока я сама не захочу принять дар богини, ничего не будет. А я не захочу. Наверно, не захочу.

Наверно, это не так уж страшно, пока речь не идет о близких людях, а плетельщик прокладывает путь по воле Арнастры. Но каково это, если картины будущего касаются твоей семьи, а ты можешь помочь лишь намеками да иносказаниями либо принести себя в жертву? Я пока не готова к такому.

Я все-таки поплакала в этот день, хотя поначалу мне казалось, что не смогу. Но зияющая пустота внутри дрогнула, отозвалась чем-то живым и в конце концов пролилась слезами.

Меня никто не тревожил, даже еду молчаливая горничная принесла прямо в спальню и тут же удалилась.

А утром я проснулась очень рано в полной тишине. Брат еще спал — с недавних пор мы разошлись по разным спальням, больше не чувствуя острой потребности в близком контакте. Что-то отпустило, мы словно выросли в один миг, перестав быть жмушмиками друг к другу потерянными детишками.

Но именно этим утром я вновь остро ощутила свое одиночество и неприкаянность. С трудом подавив эгоистичное желание разбудить брата, я оделась и покинула покои в

надежде, что суета пробуждающегося дворца подействует на меня благотворно.

Я ошибалась. Это в той части, где располагались дворцовые службы, царила неусыпающая суета, а здесь было так же тихо, как и в моей комнате.

Я прошлась по коридорам, заглянула в гостиную, где мы чаще всего коротали вечера. Сидеть там одной мне не захотелось, и я решила прогуляться до библиотеки, но внезапно ощутила легкий сквознячок и бездумно пошла навстречу дуновению воздуха.

Небольшая уютная комнатка ничем не напоминала дворцовые гостиные — слишком маленькая, слишком скромно обставленная. И кажется, я в ней никогда не была.

Свежим воздухом тянуло из открытой балконной двери, и я шагнула навстречу осенней прохладе.

— Доброе утро! — окликнул меня знакомый голос.

Рэйм. Я улыбнулась — не ожидала встретить Владыку в такую рань, но обрадовалась — именно его общество было сейчас очень кстати.

— Грустишь?

— Уже нет. Вчера было очень грустно, а сегодня я ощущаю скорее неприкаянность. Нужно принять себя, свое прошлое и жить дальше, а я не знаю как. Что мне делать, Рэйм?

— Выйти из тени.

Я было подумала, что это непонятная мне шутка, но нет, лицо Владыки было совершенно серьезно.

— Что ты имеешь в виду?

— Я думаю, тебе пора заявить о себе миру. Не знаю, вспомнил ли уже кто-нибудь о тебе...

— Разве это не случилось сразу после снятия полога?

— Чтобы это произошло, нужен толчок, в каждом случае разный. Кто-то, перебирая документы, наткнется на тот, где упоминается княжеская семья, и тогда сработает цепочка ассоциаций. Кто-то зацепится за слово в разговоре. А просто так воспоминания не пробуждаются.

— Любопытно, — пробормотала, — я об этом не думала. И как я должна о себе заявить?

— Например, найти регалии и позволить им принять себя.

— А дальше? Вступать в борьбу за престол княжества? Это война. Кто поверит невесть откуда взявшейся через много лет девчонке? Кто станет сражаться за меня? Да и не хочу я войны — моей земле и без того пришлось непросто.

— Есть еще один путь, — осторожно начал Владыка, — но я не уверен, что тебе он придется по душе.

— Какой?

— Я обращаюсь с нотой к королевскому дому Тауналя: мол, вместо обещанной дочери вы прислали мне наследную княжну Риатаны. Тот факт, что это не новая магическая помолвка, а та же самая, вынуждены будут засвидетельствовать придворные маги Тауналя, присутствовавшие при ритуале, они видели гириаз. Солгать они не смогут, в таких делах этика магического сообщества очень строга. Кому бы маг ни служил, скажет правду... В компенсацию за нарушение договоренности я требую в приданное за тобой твои собственные родовые земли — княжество Риатана. Это законно, потому что ты единственная наследница. А воевать со мной никто не решится.

— А потом? — угрюмо поинтересовалась я. — Когда мы расторгнем помолвку, что

будет? Я ведь для тебя не настоящая невеста...

— Вообще-то, — медленно проговорил Рэйм, — как раз ты и есть настоящая.

— Из-за этого? — я продемонстрировала узорную вязь, оставленную гириазом на моем запястье.

— Нет, — Владыка качнул головой, — это случайность... или судьба. Потому что помолвлены мы были гораздо раньше.

— К-как?

— С детства, с твоих пяти лет. Отец хотел взять мне жену из рода Хранителей и пытался договориться, чтобы тебя позволили провести через ритуалы Теней. Соглашение о помолвке было достигнуто, а насчет ритуалов твои родители сомневались. А потом... случилось то, что случилось. Отец ругал себя, что был так сильно увлечен освоением новых земель на востоке, что упустил развитие ситуации на западе. Ему в голову не приходило, что агрессивный сосед может настолько обнаглеть, что покусится на княжество, столь тесно связанное с Нимтиори. Он спохватился слишком поздно — княжеская семья была истреблена раньше, чем закончились бои на границах. Это было предательство во дворце — Тауналь долго готовился, вербовал шпионов... Официально Нимтиори не имела права претендовать на эти земли. Если бы кто-то из княжеского рода остался жив, мы могли вступить в войну, оказывая поддержку, согласно договоренностям. Но сначала мы думали, что ты погибла со своей семьей, а потом забыли о тебе... вместе со всем остальным миром. Однако Тауналь все равно опасался нашего вмешательства, а потому предложил брачный союз. К тому моменту, когда к отцу явилась во сне Плетельщица, полог забвения уже действовал...

— Почему же ты... не сказал мне этого раньше?

— Не хотел, чтобы ты чувствовала себя связанной. И сейчас не хочу. Ты слишком долго не была свободна в своей жизни... Если потом, когда мы отнимем у Тауналя твои земли, ты захочешь нашу помолвку расторгнуть, я не стану возражать и верну тебе Риатану.

— А сам ты чего хочешь?

— Я... хотел бы, чтобы ты стала моей женой. Понимаю, что ты пока не готова к такому решению и не тороплю...

Вот так, без ухаживаний и признаний в нежных чувствах...

— Я понимаю... Этот брак выгоден Нимтиори, да и для Риатаны весьма полезен...

— Но?

— Но я хотела бы любить и быть любимой, — это признание далось мне очень нелегко, — ты прав, я слишком долго была несвободна, я запрещала себе даже думать о подобном. И потом, я рано лишилась родителей, меня не воспитывали как княжну, и я действительно не чувствую себя готовой пожертвовать личным счастьем в угоду политическим интересам. Возможно, когда-нибудь я созрею...

— Возможно... А я надеюсь, что смогу сделать тебя счастливой.

— О чем ты?..

— Ты мне нравишься, Энна. Очень нравишься. Я не стану уверять тебя, что это любовь. Я слишком мало знаю о любви, чтобы говорить о ней. Но если я тебе хоть немного приятен, не спеши отказываться. Как знать, возможно, мы действительно предназначены друг другу судьбой.

От этих слов я вздрогнула. Только освободиться — и вновь подчиниться предназначению свыше? Это страшило. Из одной несвободы — в другую. Вот только вслух

сказать этого я не могла. Мне хотелось быть честной хотя бы с собой — мысль о такой судьбе вызывала смятение, но не протест.

'Если я тебе хоть немного приятен...'

Я сама еще не могла разобраться в своих чувствах, но то, что я испытывала к Рэйму, не было просто дружеским расположением...

— Не торопись, — вздохнул Рэйм, — я не жду от тебя сейчас ответа. Разберись сначала в себе.

— Мне временами кажется, будто ты видишь меня насквозь.

— Не вижу, — улыбнулся Владыка, — но иногда чувствую. Редко, но случается, что гириаз дает такую возможность одному из пары или обоим.

— И как принято объяснять такую... избирательность? — прищурилась я.

— Не знаю, — пожал плечами Рэйм.

Мне снова стало неуютно. Связь, дающая понимание, но... односторонняя. А я бы тоже хотела чувствовать этого человека, а не гадать, чего от него ждать и на что надеяться.

— Насчет регалий... я согласна. Ты прав. Рано или поздно мне все равно придется это сделать. Так лучше уж сейчас, пока есть надежда, что обо мне еще не вспомнили те, кто может помешать.

— Тогда подумай, есть ли у тебя еще какие-нибудь дела в Таунале. Их нужно решить, прежде чем я начну переговоры с Уйгаром.

— Со Стеумсом, — поправила я.

— Неважно. Главное, когда регалии признают тебя и я отправлю ноту, тебе стоит держаться подальше от Тауналя и вообще не покидать дворец без особой необходимости. Я подозреваю, что от тебя будут пытаться избавиться.

— Да уж... перспективы. А что будет, если мы не найдем регалии?

— Тогда нам останутся только леса. Они в любом случае наши.

— Наши?

— Наши, — твердо ответил Владыка, — мое предложение в любом случае останется в силе, признают тебя официально наследницей Риатаны или нет.

— Спасибо, — откликнулась я.

— Так что насчет дел в Таунале? — Рэйм вернулся к теме разговора.

— Есть одно дело. Нужно кое-что забрать.

— Тебе придется для этого с кем-нибудь встречаться?

— Нет.

— Хорошо, — выдохнул Владыка.

Да, о наследстве Райнера я не упоминала — как-то к слову не пришлось. Как и о том, что у меня сохранилась связь с принцессой — но об этом рассказать придется, если мы затеем переговоры таунальской короной. Вот если бы беглецов до сих пор никто не обнаружил, можно было бы и промолчать, а теперь они становятся важной деталью в наших планах. Мало ли, может, кто-то задаст Нэлиссе прямой вопрос о том, как она избавилась от помолвки. И тогда будет труднее обвинить Тауналь в подмене невесты.

— О чем задумалась? — окликнул меня Рэйм.

— О разном, — уклончиво ответила я и мысленно вздохнула: как ни крути, а переходить на новый уровень доверия все равно придется, раз уж мы затеяли общую интригу.

— Когда ты собираешься разобраться со своим делом в Таунале?

— Завтра... если Ирье не будет против.

— Хочешь пойти с братом?

— Да, мне понадобится еще одна пара рук... и желательно мужских, — я усмехнулась.

— Ну а за регалиями я пойду с тобой.

— Ты с ума сошел! — возмутилась я.

— В чем дело? — прищурился Владыка.

— Ты правитель! Ты не можешь так рисковать.

— Энна, меня обучали и воспитывали точно так же, как любую другую Тень. Я умею не хуже тебя сражаться, прятаться, перемещаться в пространстве.

— Ты не видишь магию, — прибегла я к последнему аргументу.

— Только потому, что прежде я считал это невозможным. Теперь буду учиться. А пока за меня будешь смотреть ты.

— Я все-таки не считаю, что правитель государства может позволить себе участие в рискованных авантюрах. В конце концов, у тебя ведь есть на службе и другие Тени, ты просто мог бы дать кого-нибудь мне в сопровождение.

— В данном случае у меня есть неопределимое преимущество перед другими Тенями — я знаю пару точек выхода на краю Заповедных лесов. Остальные бывали только поблизости от грани, а оттуда слишком далеко идти. Между тем, осень уже в самом разгаре, в ближайшее время стоит ожидать заморозков. Не думаю, что это подходящая погода для ночевки под открытым небом.

Крыть мне было нечем: холодов я не боялась, но чем меньше времени я проведу в Риатане, тем меньше шансов попасться.

— Я могла бы, наверно, шагнуть прямо во дворец, — предположила я, — кое-что я помню...

— Не вздумай даже пытаться, — оборвал меня Рэйм, — детская память в таких вещах весьма ненадежна, а кроме того, многое во дворце могло измениться, и ты рискуешь оказаться совсем не там, где рассчитывала.

— О, вот вы где! — Ирье появился на пороге. — Вам тут не холодно?

Разговаривая, мы переместились с балкона в комнату, но дверь за собой не закрыли, и в помещении действительно было прохладно. Просто за спором мы этого не заметили.

— Ирье, сходишь со мной завтра в Левкрас?

— За кладом? — подмигнул осведомленный братец. — С удовольствием.

— Ну вот, вы, оказывается, за сокровищами отправляетесь, — скроил обиженную физиономию Рэйм, — а меня с собой не берете.

— Зато мы доставим сокровище прямо в твой дворец, о могущественный Владыка, — поддержал Ирье шутливый тон.

... В Левкрас я уже переносилась совсем недавно, но бакалейная лавка в этот раз нам не подходила — слишком тесно было в облюбованном мной уголке для нас двоих. Поэтому я набралась наглости и шагнула прямо в храм. Тот самый.

Ирье, которого я утянула за собой, недоуменно озирался:

— Где это мы, Энна?

— В храме, — пожала плечами я.

— Да я, в общем, уже догадался, — медленно проговорил брат, — просто удивлен твоему выбору... Никогда прежде не бывал в местных храмах. Тут интересно, но неуютно.

— А мне было крайне неуютно в храме Безликой в долине.

— Мне тоже там не особенно нравилось. Правда, и ходить туда не было необходимости,

у Теней ведь не принято призывать богов по поводу и без повода, и в храм мы являлись только для ритуалов.

— Я знаю, — напомнила я брату, — уже знаю.

Из храма мы вышли невидимыми — ни к чему было привлекать к себе внимание, тем более что возле дома Райнера нам в любом случае предстояло исчезнуть — не станем же мы копать в чужом саду на виду у соседей.

Сад... он был все еще на месте, хотя казался еще более запущенным, чем год назад. А вот дом зиял черными, обгорелыми провалами окон. Никто не удосужился заняться здесь ремонтом — то ли ждали, пока объявятся несуществующие наследники, то ли просто опасались сюда соваться.

Хотя... насчет опасений я, кажется, ошиблась: никакие страхи не помешали ушлым горожанам растащить все, что пережило пожар и представляло собой хоть какую-нибудь ценность. От огня пострадали далеко не все помещения, но уцелевшие предметы мебели и картины давно нашли себе новых хозяев. Даже книги из библиотеки...

Я могла только порадоваться предусмотрительности Видящего, который велел мне надежно спрятать рукописи.

Правда, тайную часть библиотеки никто не обнаружил. Заглянув внутрь, я вздохнула с облегчением: книги эти, возможно, не были столь ценны, как записи служителей богов, но все же на полках имелось немало интересного.

Мы решили не тратить время на сортировку и отбор, а просто опустошить полки и перетаскать все книги во дворец Владыки, а там уж разбираться. И все равно на это ушло несколько часов, так что выкапывать клад пришлось в полной темноте. Хорошо еще, что место я запомнила точно, а садовый инвентарь нашелся там, где ему и полагалось быть — в пристройке, бывшей когда-то домиком садовника, — так что разыскивать лопаты или одалживать их у соседей нам не пришлось.

В последний раз мы ввалились в тeneвую комнату Владыки усталые и чумазые и застали Рэйма в кабинете в компании придворного мага. Эти двое с выражением детского восторга на лицах листали принесенные нами книги.

— Вы не представляете, какие сокровища раздобыли! — воскликнул мэтр Оллисит. — К примеру, 'Целебные источники Лайверима и их хранители' — величайшая редкость. До сих пор я знал только о двух сохранившихся экземплярах этой книги, а вы принесли третий.

— Это еще не все, мэтр, — усмехнулась я. — Представляю, как вы будете потрясены, когда познакомитесь с содержимым вот этого ящика.

— А что там? — заинтересовался маг.

— То, чего вообще больше нигде нет, — хитро прищурилась я и, поковырявшись в замке, откинула крышку.

И всё — мэтр Оллисит был потерян для общества. А рукописи из коллекции старого Видящего теперь не только найдут себе пристанище — пусть и временное — в библиотеке Владыки, но и приобретут увлеченного читателя в лице придворного мага.

К походу за княжескими регалиями мы готовились куда тщательнее, чем к предыдущей вылазке: оружие, провизия, теплая удобная одежда... Вместе с мэтром Оллиситом мы проверили содержимое моего алхимического пояса, дополнив его всем, что могло бы пригодиться.

А я... молила всех богов, чтобы не пригодилось ничего. Мы собирались идти втроем, и я считала себя ответственной за тех, кто отправлялся со мной. И неважно, что они тоже

чувствовали ответственность за меня — как за сестру и... невесту, наверно, все-таки. Все равно я приходила в ужас при мысли о том, что с ними что-нибудь случится, а я не смогу помочь.

Кажется, мэтр Оллисит тоже был не слишком доволен участием Владыки в аванюре, но ничего не говорил, только посматривал с укоризной. К счастью, не на меня, а на Рэйма.

А вот маячок для портала он вручил именно мне, тайком от Владыки. На всякий случай, как объяснил придворный маг. Если маячок активировать, мэтр почувствует это и сможет выстроить портал прямо к нам.

— А обратно? — подозрительно спросила я.

— Только если будут накопители, — покачал головой мэтр.

— Ну так дайте их тоже мне. Вдруг вам придется перенестись к нам неожиданно, и у вас не окажется накопителей при себе?

— Хорошая идея, — кивнул пожилой маг.

Насколько я успела понять характер своего жениха, он не станет подвергать мага опасности и, случись что, будет пытаться справиться своими силами. А я от помощи мэтра Оллисита отказываться не собиралась. Ведь бывают ситуации, в которых без магии не справиться.

К тому дню, когда мы готовы были отправиться, действительно ощутимо похолодало, и можно было только порадоваться, что ночевать в лесу нам не придется.

Первую ночь мы коротали на постоялом дворе, где оказались единственными гостями. Не очень хорошо — уж слишком заметны добротно одетые пешие путники, куда меньше внимания мы привлекли бы, передвигаясь верхом. Вот только купить приличных лошадей в небольших деревеньках, попавшихся нам на пути, возможным не представлялось, а верхом на неказистых крестьянских лошадках мы тоже не остались бы незамеченными.

Нам повезло — никто не заинтересовался нами больше, чем в меру обычного человеческого любопытства, никто подозрительный рядом не крутился, никто не пытался помешать нам на пути к цели. И неделю спустя мы уже подъезжали к Але-Ним, столице княжества... Да-да, верхом — подходящих лошадей, пусть и не выдающихся статей, мы все-таки раздобыли.

Родной город я почти не помнила и не могла оценить, как он изменился за время существования под властью завоевателей, но мне столица показалась унылой и запущенной.

— Ты права, — заметил Рэйм, — я был здесь однажды, еще ребенком, и город выглядел куда лучше, чем теперь. Похоже, Тауналь не слишком щедр в содержании покоренных земель.

Княжеский дворец, впрочем, содержался в идеальном состоянии, что и неудивительно, поскольку теперь его занимал поставленный Тауналем наместник.

Перед путешествием я постаралась просмотреть материалы, касающиеся сегодняшнего расклада сил на территории бывшего свободного княжества. Их, к слову, было немного, поскольку Рэйм не смог создать здесь хоть сколько-нибудь приличную шпионскую сеть. Раньше, когда Риатана была дружественным соседом, в этом не было необходимости, а потом... Мар Стеумс, надо отдать ему должное, знал свое дело, и если разовые вылазки удавались, то долго действовать под носом у агентов тайной канцелярии, которые тоже не зря ели свой хлеб, возможным не представлялось. В общем, информации не хватало.

Больше всего меня интересовало положение прежней знати. Мне хотелось знать, кто нас тогда предал. Среди высших чиновников новой власти мне не встретилось ни одного

местного имени — все были пришлые. Получалось, что предатель не получил теплого местечка.

Я не знала, кто именно убил мою семью, но вряд ли он был из слуг — все они приносили клятву верности. А значит, это мог быть только кто-то из представителей высшей аристократии — лишь они беспрепятственно посещали княжеский дворец.

И где он теперь? Сидит в своем имении и носа не кажет? Или от него избавились, потому что новым властям предатели тоже не нужны?..

... Заселившись в гостиницу, мы прошли по городу, попутно наметив несколько удобных мест для теневого перехода, а потом вернулись в снятые нами комнаты. План наш был довольно простым: уйти из комнат тенями, предварительно распорядившись, чтобы нас не беспокоили, и попробовать изучить дворец поближе, а может, и проникнуть внутрь.

Во дворец удалось попасть почти сразу, и мы бродили по этажам, уклоняясь от столкновений со слугами, в надежде, что перстень проснется и подаст какой-нибудь сигнал. Тщетно.

Я тревожилась, боялась, что все окажется зря — слишком мало я знала о семейных артефактах. Можно ли их вывезти за пределы страны без воли носителя крови? Было у меня подозрение, что нельзя. Во всяком случае, в королевской сокровищнице Тауналя их точно не было: я посетила это место однажды вместе с Нэл накануне ее отправления ко двору жениха — принцессе было дозволено выбрать для себя какие-нибудь драгоценности. Между тем, регалии двух завоеванных Тауналем небольших государств хранились именно там — их я видела и запомнила.

Значит, можно было надеяться, что регалии остались в Риатане. Но тут возможны разные варианты. Либо отец успел их спрятать, а завоеватели не смогли найти, и тогда забрать их будет несложно. Либо отец их спрятал, но место было обнаружено. Проникнуть в тайник у таунальцев не было ни шанса — если уж папа послушался бабушку, то сделал все, как она велела, то есть доступ к ним был возможен только с помощью княжеской крови. Однако взять сокровище под дополнительную охрану, чтобы никто другой тоже не мог заполучить артефакты, вполне в духе завоевателей. В этом случае нам придется значительно труднее. И последний вариант — это если отец не послушался бабушку и регалии остались в дворцовой сокровищнице. Вряд ли они лежат там до сих пор — не настолько завоеватели беспечны, а значит, их могли перепрятать, раз уж не получилось вывезти из страны. И это самый худший для нас вариант, потому что перенести регалии могли настолько далеко от дворца, что я могу годами гулять по стране с перстнем и ничего не обнаружить...

... Сигнал от кольца я едва не пропустила — легкий зуд под ободком не показался мне достойным внимания, и лишь когда он усилился, я сообразила, что это как раз то, чего я ждала. Значит, артефакты никуда не делись, они по-прежнему во дворце.

Вот только светящаяся стрелочка, возникшая на одной из граней рубина, указывала не куда-нибудь, а вниз, под ноги, а мы, между прочим, как раз исследовали подвалы. Получалось, что есть еще один уровень, и нам следовало найти туда дорогу.

В первую ночь исследование подвалов ни к чему не привело. Мы вернулись в гостиницу усталые и раздраженные и проспали почти до полудня, чтобы подкрепиться и вновь отправиться на поиски. Безрезультатно. Стрелка светилась то ярче, то бледнее, и я смогла бы с точностью до нескольких шагов определить, где именно находится искомое, но входа на нижний уровень мы так и не обнаружили.

На третий день — вернее, ночь — нам повезло оказаться в нужном месте в нужное

время. Мы просто вывернули из-за угла и повстречались с парой стражников. Едва избежав столкновения, мы развернулись и последовали за ними — наверняка ведь неспроста они спустились в подвал.

Выводы оказались правильными — двое свернули в коридорчик, который мы уже обследовали и сочли тупиковым. Но оказалось, что хитрая дверь была просто хорошо замаскирована и открывалась нажатием незаметного рычажка.

Мы скользнули в дверь следом за стражниками, спустились по винтовой лестнице и увидели пост охраны у низкой арки, за которой темнел еще один коридор. Пришедшие с нами стражники сменили своих коллег, а мы решили не терять времени, все же метод был давно отработан — порция 'легкого сна' в воздух, несколько минут ожидания — и проход свободен...

Относительно свободен, конечно, потому что ловушек на этом пути, механических и магических, было множество. Теперь уж не приходилось сомневаться, что именно это место отец выбрал для тайника. Не знаю — не хочу знать! — как оно было обнаружено, но завоеватели сделали все возможное, чтобы тайник стал недоступным. Охрана у входа — мелочи по сравнению с изощренной защитой единственного коридора, ведущего к артефактам.

Страшно мне теперь не было. Перстень сиял стрелкой, Рэйм и Ирье следовали за мной в теневой форме, послушные каждому моему знаку, а мое чутье работало безупречно.

А потом мы пришли к двери, которую могла открыть только я с помощью своей крови... Вот только проем оказался полностью затянут паутиной магической защиты. Это была не отдельная ловушка, которую можно обойти, проявляя чудеса ловкости. Здесь не видно было ни единой лазейки, от любого прикосновения могла сработать сигнализация.

— Что? — едва слышный шепот из-за спины.

— Кажется, пришли, — мрачно ответила я. — Здесь магическая защита, я даже приблизиться к этой двери не могу, не то что прикоснуться.

— Что будем делать? — деловито поинтересовался Ирье.

Вот уж кто не сомневался, что выход непременно найдется. В последнее время братец вообще искрился оптимизмом. Его настрой заставил меня встряхнуться и начать соображать.

— Как — что? Звать мэтра Оллисита!

— Интересные дела творятся за моей спиной, — преувеличенно обиженно пробормотал Владыка. — Невеста с придворным магом заговоры плетут! Он все же всучил тебе свой маячок?

— Угу. А я с готовностью приняла и не жалею.

Спорить с моим решением Владыка не стал — в конце концов, никакая опасность здесь и сейчас магу не угрожала, а вот помочь нам мог только он...

— Ну, зови, — махнул рукой Рэйм.

Здесь, на крохотном пятачке перед дверью — примерно три на четыре шага — никаких ловушек не было. Рэйм с Ирье отступили к самым стенам, а я сняла цепочку с подвеской-маячком, выложила ее в центре освободившегося пространства, нажала на камушек для активации и тоже сделала шаг назад.

Маг возник перед нами ниоткуда: вот не было его, а потом мгновение затмения, словно глаза моргнули, — и он здесь. Такое я видела впервые, если не считать исчезновения Бьярты после ритуала. Но могущество наставницы было для меня непререкаемым фактом, я даже не особенно удивилась тогда. А тут не смогла сдержать восхищенного 'Ах!'.

Мэтр Оллисит довольно улыбнулся и подмигнул.

— Ну и что тут у нас? — спросил маг, безошибочно поворачиваясь к источнику наших затруднений.

— Да вот, — скромно потупил глаза Владыка, — не справляемся без вас, мэтр.

— Чудесно, — пробормотал маг, разглядывая плетения на двери. — Вот смотрите, — он обратился ко мне, — если я потяну за этот узелок, никакого сигнала не будет, а еще... еще я могу вобрать высвобождающуюся энергию в запасной накопитель — у меня как раз с собой. И этого вполне хватит на обратный перенос, потому как сил в данное плетение вбухано неоправданно много... Весьма нерационально, скажу я вам.

Приговаривая так, мэтр Оллисит принялся бойко распутывать плетение. Я замороженно наблюдала за его руками. Повторить, увы, я ничего подобного не могла, не имея способностей к магии, зато видела и понимала, что происходит. Спутники мои помалкивали и, вероятно, отчаянно скучали, а мне было интересно.

Наконец мэтр сделал последнее картинное движение, явно красуясь перед публикой в моем лице, втянул в кристалл накопителя оставшийся светящийся кончик и отступил:

— Прошу!

Едва дыша, подошла к двери и вложила руку в предназначенное для нее углубление. И вздрогнула — одновременно от неожиданности, когда моя ладонь словно прикипела к поверхности, и из-за шума, раздавшегося слишком близко, чтобы спокойно к нему отнестись.

Вероятно, мы провозились тут слишком долго, забыв о частой смене караула в ночные часы, и теперь свежие охранники подняли тревогу, обнаружив своих спящих товарищей.

Я сжалась, нетерпеливо дожидаясь реакции двери — уж очень не хотелось бросать все и бежать, когда мы уже так близко к цели.

Все произошло одновременно — дверь, выпустив из плена мою руку, начала медленно отворяться, а в другом конце коридора из-за угла показались люди. Ближе они, видимо не могли подойти из-за ловушек, но расстояние не мешало им целиться из арбалета в единственного чужака, которого они могли видеть, — мэтра Оллисита.

Дальше счет шел на мгновения — маг прикрылся щитом от физического воздействия и пологом невидимости, тут же выставив собственную иллюзию чуть в стороне, словно сам только что туда переместился, уходя из-под прицела. Я втиснула ему в руку накопитель, приказав:

— Уходите, мэтр!

— И не подумаю, — буркнул маг.

В этот момент проход открылся достаточно широко, мы все вместе нырнули внутрь, и я с усилием захлопнула массивную дверь: всё, теперь они могут хоть стрелять, хоть с тараном ломиться — бесполезно. Открыть ее снова смогу только я.

— Ну что? — спросил мэтр, как ни в чем не бывало.

Я огляделась и подивилась папиной осторожности — комната была пуста. Еще одна дверь, тоже зачарованная на княжескую кровь, вела дальше. Вот интересно, эту тайную сокровищницу отец соорудил на скорую руку по совету бабушки, или она существовала здесь и раньше, оставалось только воспользоваться? Такая мощь — ведь сюда не пробиться, даже если сравнить с землей весь дворец!

Вторая дверь откликнулась на мое прикосновение куда быстрее. А может, мне это только показалось, потому что теперь я уже могла не спешить, стражникам до нас было не

добраться.

Следующее помещение оказалось копией предыдущего, разве что вместо двери в дальнем конце комнаты, на каменной подставке в три четверти моего роста, красовалась княжеская корона Риатаны — о девяти зубцах, центральный из которых украшал крупный сапфир, окруженный россыпью рубинов. Такой же камень сиял на родовом медальоне, лежавший перед короной.

Я осторожно приблизилась.

— Сначала — медальон, — подсказал Владыка.

— А? — растерялась я. — Что, прямо здесь?

— А как же иначе ты заберешь артефакты с собой? Они покинут Риатану только вместе с признанным владельцем.

Я нервно рассмеялась — это надо же было не сообразить!

— Давай, — подбодрил меня Ирье, — не теряйся.

Поди тут не растеряйся! Оказывается, несмотря на вернувшиеся воспоминания, до сих пор я воспринимала свою принадлежность к правящей семье Риатаны... несколько отстраненно, словно это касалось не меня. Не совсем меня. Была Тень, была девушка по имени Энна и была княжна, наследница престола. Странно и... страшно!

Но я все-таки решилась — протянула руку, сняла с подставки родовой медальон. Камень замерцал голубыми всполохами.

— Надень, — шепнул Владыка, — уже можно.

Оказавшись на моей груди, медальон нагрелся, но не настолько, чтобы обжигать. Наоборот, приятное тепло расходилось от него по всему телу, расслабляя и убаюкивая. Я покачнулась, но Рэйм помог мне удержаться на ногах.

— Он тебя принял. Теперь можно корону...

Княжеская корона показалась мне слишком большой, и я усмехнулась, представив, как забавно буду выглядеть, когда она повиснет у меня на ушах.

Я не учла одну простую вещь: корона тоже была артефактом и сразу приняла нужные размеры — даже на мгновение стиснула мою голову слишком крепко, словно проверяя надежность моего черепа. Видимо, черепом и его содержимым своенравный артефакт был удовлетворен, а потому выпустил меня из своих крепких объятий, прежде чем я успела испугаться.

Камни, украшавшие регалии, вспыхнули в последний раз особенно ярко и погасли.

— Уходим! — скомандовал Владыка. — Сначала вы, мэтр.

Маг не стал спорить. Сжав в ладони накопитель, он прошептал пару слов, взмахнул рукой в жесте активации и исчез.

Мы шагнули в тень все вместе — Владыка вел — и переместились в знакомую комнату за рабочим кабинетом.

— И что теперь? — растерянно спросила я, снимая с себя княжеские регалии.

Я по-прежнему чувствовала себя странно — словно все это происходило не со мной.

— Теперь, — Владыка, почувствовав мое состояние, говорил мягко и очень медленно, давая мне возможность все услышать и осознать, — я открою тебе тайник, и ты поместишь туда артефакты. Это очень надежное укрытие. Сейчас мы настроим его на тебя, чтобы ты тоже могла им воспользоваться им в любой момент.

С этими словами Рэйм взял мою правую руку в свою и приложил к стене кабинета. Тайник открылся беззвучно и оказался совершенно пуст.

— Я освободил его специально твоих регалий, — пояснил Владыка.

— Ты был так уверен, что мы сможем их раздобыть?

— В глубине души, — усмехнулся Рэйм.

— Надо же... — пробормотала я в задумчивости. — А дальше что?

— Дальше мы с тобой идем отдыхать, а завтра на свежую голову сочиняем послание королю Тауналя. Медлить не стоит — сегодняшние события не дадут завоевателям усомниться, что нашелся наследник — или наследница — и в любой момент может предъявить права на престол.

— Но пока они не связывают меня с тобой, — озвучила я свои бессвязные мысли, — а мне кажется, нужно немного подождать. Что-то еще важное мы не учли, а я пока не могу понять, что именно.

Голова отказывалась ясно соображать, и я при всем желании не смогла бы объяснить, что именно меня тревожит.

Рэйм посмотрел на меня и сокрушенно покачал головой:

— Иди-ка ты спать, милая. Завтра обо всем подумаем.

И это 'милая', а еще волна тепла и сочувствия, которая излилась на меня со словами Владыки, окрылили меня и добавили сил — ровно столько, чтобы добраться до своей спальни и упасть в постель.

Здравствуй, Тень!

Сегодня мне почему-то очень хочется назвать тебя по имени. Будто бы я даже его знаю, только вспомнить никак не могу. Но совершенно уверена, что оно у тебя есть. И думаю, это не фокусы моего воображения, какая-то связь между нами действительно существует.

Но сейчас я хотела бы поведать тебе о других связях, знание о которых ворвалось в мою жизнь и грозит не оставить от нее камня на камне — как раз тогда, когда я начала верить, что счастье возможно.

Муж мой вернулся в этот раз куда раньше, чем я смела надеяться, и я едва ли не на пороге вручила ему записку Стеумса. Сунула в руки и стала наблюдать, постаравшись отстраниться от своих чувств к нему и сохранить хладнокровие.

Когда Иан увидел записку и узнал почерк, от лица его мгновенно отхлынули все краски, он побелел, покачнулся, с трудом удержавшись на ногах, а в глазах вспыхнула такая боль, что моя показная беспристрастность разом дала трещину. Все-таки я люблю своего мужа и очень-очень хочу ему верить.

А он... кажется, больше всего он боится, что я эту веру утрачу.

Не говоря ни слова, Ианнар извлек тот конверт, что оставлял мне на хранение, вскрыл его и вывалил передо мной на стол кучу бумаг.

Одной из них было завещание, остальные свидетельствовали о рождении и брачных союзах разных людей, которых объединяла общая фамилия — Ауста. Лэ Ауста — о приставке я прежде ничего не знала.

Пожалуй, если бы мы с тобой не изучали так усердно историю Тауналя и соседних государств, я бы не смогла разобраться, что за документы попали в мои руки. Но благодаря твоим урокам я не только поняла это, но и умудрилась расположить свидетельства в нужном порядке, чтобы проследить корни и связи.

Бумаги, которые муж вручил мне, представляли собой родословное древо одной из

боковых ветвей королевского рода Тауналя. Официально эта ветвь считается пресекающейся, но как выяснилось, это ошибочные сведения. Мало того, представители этого семейства тщательно следили за чистотой своей крови и потому браки заключали исключительно с младшими принцессами разных правящих домов, в то время как мой отец и дед женились на таунальских аристократках — из древних родов, но все-таки не королевских. Получается, Ианнар, будучи последним отпрыском той самой ветви, по крови имеет едва ли не больше прав на престол, чем мой старший братец.

А я все гадала, почему символика брачного браслета кажется мне такой знакомой! Ведь видела в гербовых книгах этот символ...

Но это еще не все. Даже ознакомившись с документами, я все еще не могла понять, какое отношение ко всему этому имеет Стеумс. Оказалось, самое непосредственное. По мере того как муж отвечал на мои вопросы, полная картина игры, затеянной этим человеком, представала у меня перед глазами.

Разумеется, никакой он не Стеумс, это выдуманное имя, а на самом деле глава Тайной канцелярии тоже носит фамилию Ауста...

Стеумса, тогда еще совсем юного, но уже лелеявшего планы захвата власти, приблизил ко двору мой прадед, и он-то точно знал, кого вводит в свой дом, но был совершенно спокоен — у него было уже двое сыновей и почти взрослый внук, прямая линия наследования никак не могла пресечься. Но на всякий случай он подстраховался, взяв со Стеумса клятву, что он никогда не раскроет в Таунале своего настоящего имени. Наивному прадеду казалось, что он таким образом обезопасит своих потомков. А Стеумса он очень ценил.

Тот вел себя скромно, при прадеде почти не высовывался, хотя тот и прислушивался порой к советам подающего надежды юноши. При следующем короле, моем дедушке, его влияние усилилось, но место за тронем вроде бы вполне соответствовало его жизненным ожиданиям, особенно когда на престол вошел отец. Грозный король позволял главе Тайной канцелярии управлять собой, даже не догадываясь, что давно не самостоятелен в своих решениях и поступках.

Однако планы Стеумса простирались куда дальше — он собирался передать корону в руки своих потомков.

Женился он тайно. Уж не знаю, как он исхитрился заморочить голову младшей принцессе Илмайи, что она согласилась на тайный брак, но бедная девушка верила, что раскрытие может стоить любимому жизни, а потому молчала. Семья ее была убеждена, что Ианнар — внебрачный ребенок, и отношение, как к нему, так и к матери, было со стороны родственников соответствующим. Иан и сам долгое время верил, что он байстрюк, а Стеумса, время от времени наведывавшегося в уединенное имение, отцом не считал.

Равно проявившийся магический дар и учеба, связанная с его освоением, стали для Ианнара отдушиной и компенсацией за снисходительное, если не презрительное отношение родичей.

Когда принцесса умерла, Иану было всего семнадцать. Как раз в это время в очередной раз объявился Стеумс. Он не стал долго ходить вокруг да около, а осчастливил сына не только сведениями о его вполне законном происхождении, предъявив брачное свидетельство, но и перспективами на престол Тауналя.

Стеумсу казалось, что он все продумал. Принцессу, то есть меня, отдать замуж в

Нимтиори с условием, что мои потомки не будут претендовать на престол Тауналя. Действительно, зачем Владыке Тауналь, когда у него своих земель без счета? С условием этим он согласился. Из наследников прямой линии оставался только мой старший брат (младшенький, разумеется, не в счет). Вот только кронпринц, как выяснилось (не знаю, откуда у Стеумса такие сведения и знает ли об этом король), из-за перенесенного в детстве заболевания не может иметь детей. А распутство, которому он предается с юных лет, подорвало его здоровье — дурные болезни старательно залечивали магичесители, но они не проходят бесследно. Иан подозревает, что Стеумс как-то поспособствовал такому образу жизни моего брата, а может, и лично подсовывал принцу в постель носительниц постыдных болезней. Но это всего лишь догадки, а факт только один — что престолу Тауналя грозит остаться без прямого наследника. Мало того, младший брат моего деда умер бездетным, и близкой родни у нас больше нет.

И вот тут-то, по мнению Стеумса, должен выйти на сцену его сын. Заметь, сам он не нарушает при этом данной моему прадеду клятвы и остается в тени, а о своем имени заявляет Ианнар. И если и найдутся другие претенденты из боковых ветвей, то у моего мужа перед ними неоспоримое преимущество — королевская кровь разных правящих домов, которая вливалась в жилы его рода из поколения в поколение.

Стеумс не учел одного — того, что у его сына может быть собственное мнение на этот счет. Того, что Иан не простил отцу своего ущербного детства и вовсе не жаждет становится игровой фигурой в его руках. Того, что парень всегда хотел заниматься магией, а не политикой.

Ианнар был готов на многое, чтобы избавиться от пристального внимания властолюбивого родителя, но высказывать свою позицию не без оснований опасался, ибо Стеумс просто не в состоянии поверить, что кто-то может не разделять его убеждений. И кто знает, что бы взбрело в его голову, если бы Иан заявил, что им не по пути?

Словом, Иан безропотно согласился на службу во дворце, а сам копил деньги и учил язык, чтобы бежать туда, куда, как ему казалось, длинные руки отца не дотянутся. А потом он встретил меня.

Конечно, маг и прежде видел принцессу — издали, гуляющей в парке в сопровождении гвардейцев-охранников, но считал ее обычной избалованной девчонкой, что, надо признать, не противоречило действительности.

А настоящее наше знакомство состоялось в тот знаменательный день, когда на меня было совершено покушение. Ты знаешь, о чем я.

У меня сейчас возникла мысль, что его мог организовать Стеумс, но нет — тогда бы он не отправил со мной своего единственного сына. Да и не было в этом никакого смысла, интриган не считал мое существование опасным для своих планов, моя судьба была давно решена.

Из-за меня Иан решил отложить свой побег, потому что я тогда была еще не готова к таким переменам. Почти год он морочил голову отцу, убеждая того, что он просто развлекает болтовней и простенькими магическими фокусами принцессу, которая грезит замужеством, мечтая убраться подальше из-под жесткой опеки. Собственно, он и не лгал при этом — я действительно хотела убраться, только не в Нимтиори.

Ты же была для Ианнара угрозой, потому что знала о наших настоящих планах и могла их выдать. Убедить мужа, что для тебя Стеумс не менее опасен, чем для нас, и что ты тоже водила его за нос, мне удалось только долгие месяцы спустя. Об этом ты тоже уже

знаешь.

Разумеется, разъяснением всех этих обстоятельств наш разговор не закончился — ведь надо было решить, как нам быть дальше. У Ианнара мысль о престоле вызывает яростный протест, и я его очень хорошо понимаю, но если правда все сказанное о моем брате, то там не стоит столь категорично отвергать эту возможность.

Я и сама никогда не стремилась править, однако мысль о том, что моя бедная страна, и без того истощенная войнами, может в скором времени погрузиться в смуту из-за борьбы за освободившийся трон, повергает меня в ужас и заставляет вспомнить о том, что я все-таки принцесса.

Мне кажется, нам надо быть готовыми принять эту ношу, потому что происхождение Ианнара и его брак со мной действительно делают его единственным возможным претендентом на престол, это право трудно оспорить, а значит, не будет ни безвластия, ни смуты. А уж со Стеумсом мы как-нибудь справимся.

Но если мы все же примем эту ношу, то сможем ли понести? Ведь нас никто не учил править.

Я чувствую себя растерянной и подавленной — уж слишком внезапно на меня все это свалилось.

Эх, Тень, знала бы ты, как мне не хватает твоих советов!..

После такого письма я и сама срочно нуждалась в совете. И последние сомнения, о чем стоит говорить, а о чем — нет, отошли на задний план.

Владыку я нашла после завтрака в его личном кабинете. Он слушал, не перебивая, пока я пересказывала ему содержание писем Нэл — не всё конечно, а только то, что могло нас так или иначе коснуться. Но даже одного лишь существования такой связи было достаточно, чтобы произвести на Владыку оглушающее впечатление. Таким ошеломленным я его еще не видела. Раскрытие масштабных замыслов Стеумса поразило его куда меньше.

— Всякий раз, когда мне начинает казаться, что я понимаю что-то в этой жизни, она поворачивается ко мне новой стороной, — пробормотал Рэйм, приходя в себя. — Это же надо — послания во сне! А ты могла бы ей ответ написать?

— Н-не думаю... Мне кажется, это был отклик Арнастры на мою просьбу — тогда, в нашу последнюю ночь на постоялом дворе. И немножко — отголосок нашей прежней связи.

— В любом случае, пока мы не свяжемся с принцессой, действовать дальше опасно. Во-первых, надо предупредить их обоих, чтобы ни при каких обстоятельствах не упоминали о том, как избавились от брачной метки. Во-вторых, выяснить, как они собираются действовать — с учетом того, что знают теперь. И пообещать им нашу поддержку — независимо от того, какое решение они примут. Хотя, признаться, я бы предпочел видеть на престоле именно их, а не нынешнего кронпринца... В-третьих, предостеречь, чтобы они сейчас ни в коем случае не возвращались в Тауналь.

— Я полагаю, они и сами пока не намерены возвращаться, но... почему?

— Там вскоре станет... довольно жарко.

— И что ты такое знаешь, о чем я не осведомлена? — подозрительно прищурилась я.

— Как только принцесса будет предупреждена, мы начнем нашу дипломатическую войну ради возвращения Риатаны законной наследнице, — Рэйм ухмыльнулся, — а еще пара месяцев — и Тауналю станет проще без лишних споров отдать княжество, чем разрываться на два фронта, а то и на все три...

— На два?

— Видишь ли, у лайверимской короны тоже есть наследник. Не прямой ветви, но все же... Ему в момент завоевания посчастливилось вместе с родителями оказаться за пределами страны и остаться в живых. Все это время его семье помогали прятаться хранители лайверимского источника, они же организовывали сопротивление, а теперь в их руках еще и родовой артефакт правителей. Полагаю, к весне они будут готовы выступить.

— Артефакт? — я не выдержала и рассмеялась. — Как, однако, причудливо переплетаются события!

— О чем ты?

— О том, что именно я этой весной выкрала родовой артефакт правителей Лайверима из-под носа у охраны. Хранители, видишь ли, догадались нанять для этого Теней.

— Да, у Арнастры потрясающее чувство юмора. Такое впечатление, что почти все нити сходятся на тебе — на той, которая будто бы была лишена собственной судьбы... А наследник, кстати, через несколько дней будет здесь, в Иимате, и у тебя появится возможность познакомиться с ним лично.

— Это было бы интересно. А каков будет третий источник беспокойства для Тауналя? И почему ты не уверен в том, появится ли он?

— Потому что с событиями в Мелере я никак не связан, просто дошли кое-какие слухи. Похоже, там тоже назревают беспорядки.

Мелера стала около тридцати лет назад первым таунальским завоеванием, которое обеспечило агрессору выход к морю и удобную исходную точку для подготовки нападения на мою родину.

— Понятно, — вздохнула я, — тогда нам надо поторопиться, чтобы не упустить удобный момент. Вот только... Как мы свяжемся с принцессой? Посылать письмо — опасно, да и долго это. Кроме того, мне неизвестен точный адрес. И гонец будет добираться через океан слишком долго, а время дорого.

— Есть возможность устроить все значительно быстрее. У одного из моих людей есть ориентир в Гердраме. Оттуда ему, конечно, придется отправиться в Новые земли морем. Город мы знаем, найти там школьную учительницу не составит труда. А обратно мой человек переместится сразу во дворец, так что ответное послание принцессы мы получим сразу. Как во сне, — Владыка улыбнулся.

— Такое возможно — переместиться через океан? — удивилась я.

— Почему нет? Если мы даже между мирами ходим? Это ведь не магический портал, который, чем больше расстояние, тем больше сил требует. Для нас расстояние значения не имеет — были бы тени. А мой человек проложит для нас путь, которым можно будет пользоваться и впредь — достаточно один раз переместиться с ним вместе и запомнить ориентиры.

— Будем осваивать Новые земли? — ухмыльнулась я.

— Да мне пока с лихвой хватает земель на востоке — там огромные неисследованные пространства и никаких конкурентов. Но лишняя точка выхода в недоступном или неожиданном месте — это всегда полезно.

— Сколько же всего я пока не знаю! — вздохнула я на это.

— Какие твои годы, — тихо рассмеялся Рэйм, — успеешь еще.

— Расскажи мне про своих людей. Эти Тени во дворце — кто они?

— Потомки тех, кто когда-то пришел из долины. Раньше довольно часто случалось, что

молодые люди оставались сиротами, прежде чем успевали пройти ритуал проявления. Практически в каждом поколении были такие — они уходили на поиски браслета и попадали к нам. Мои предки обычно предлагали им остаться в Нимтиори — дворянский титул и небольшие земельные владения в обмен на службу и клятву, что каждый наследник рода тоже должен отслужить короне определенный срок. Тенью. Вот их потомки мне сейчас и служат.

— И Ирье будет служить?

— Он младший член твоего рода и единственный хранитель-мужчина. У него будут свои задачи. Знаешь, я надеюсь, что со временем нас станет больше.

— Все может быть, — кивнула я и поднялась с кресла — мне еще предстояло писать письмо принцессе.

Какие слова найти, чтобы она поверила, что и я, и Владыка на ее стороне? Да еще и не сказать при этом ничего лишнего — такого, о чем ей покуда ни к чему знать...

Вернувшись в свои покои, я взялась за перо:

'Здравствуй, Нэл!

Ты жаловалась, что тебе не с кем посоветоваться? Да-да, не удивляйся, я действительно читала все твои послания. Не уверена, что мои советы покажутся тебе достаточно мудрыми, но кое-что я знаю и, надеюсь, окажусь полезной.

Прежде всего обращаюсь к тебе с просьбой: никому не рассказывай, каким образом избавилась от брачной метки. Лучше всего будет, если вы с мужем примете друг у друга такую клятву — тогда даже случайно или под давлением не сможете проболтаться.

Я пока не могу сказать тебе всего, но это очень важно — для меня лично. И не только для меня. Думаю, через несколько месяцев ситуация прояснится, и тогда ты обо всем узнаешь.

И да, мужу своему передай, что я не держу на него зла и в чем-то даже понимаю его — сама долгое время подозревала, что он обхаживает тебя по заданию Стеумса.

Теперь к тому, о чем писала ты.

Я давно догадывалась, что Стеумс преследует какие-то далекоидущие цели, но до сих пор не представляла масштаба его устремлений. Значит, хочет править за спиной собственного сына, а не дальнего кузена? Не думаю, что стоит ему это позволять.

Но сейчас сделать вы все равно ничего не можете. На троне сидит твой отец, наследник престола покуда жив и слухи о его тяжелой болезни не ходят. Как знать, возможно, Стеумс принял желаемое за действительное. И хотя я считаю, что правитель из твоего брата выйдет плохонький, но все же будет лучше, если передача власти произойдет законным путем и без лишних потрясений. Конечно, есть опасность, что Стеумс захочет приблизить кончину твоего брата, а возможно, и отца, но я подозреваю, что в ближайшее время ему будет не до того.

Грядут некие события, которые заставят этого интригана задержаться с реализацией своих планов и заняться решением насущных проблем, а заодно отвлекут его внимание от вас. И на время этих событий я бы посоветовала вам обоим оставаться подальше от Тауналя. Я извещу тебя, когда все будет позади, а вы, полагаю, за это время сумеете принять окончательное решение, как поступить в случае, если таунальский престол останется без наследника.

Если Стеумс все же не оставит вас в покое, то знайте, что Владыка Нимтиори готов

принять вас у себя и предоставить убежище.

Пиши мне обо всем, как и прежде. Я надеюсь, что твои послания и впредь будут доходить до меня. И не удивляйся, если на твоём пороге вновь возникнет гонец с письмом от Тени по имени Энна...'

Я не боялась назвать принцессе свое настоящее имя — и она, и ее муж слишком молоды, чтобы знать хоть что-нибудь о семье князей Риатаны, и мое имя им ни о чем не скажет.

Свернув письмо, я вложила его в простой конверт, на котором написала: 'Нэлиссе лэ Ауста от той, что была незримо рядом с ней, а потом обрела свободу'.

Гонец отправился в Лум, портовый город на восточном побережье Новых земель, уже на следующий день. Ему было поручено сказать Нэлиссе несколько слов, чтобы она сразу поняла, что он от меня, и не испугалась. За почти два года совместного существования, у нас возникло множество таких словечек и знаков...

Впервые я получила письмо от принцессы не во сне, а наяву — настоящее, на бумаге:

'Здравствуй, Энна!

Трудно выразить в нескольких строчках ту бурю эмоций, которую у меня вызвало твое послание. Но времени у меня мало, а потому писать придется только о самом главном.

Я счастлива, что не потеряла тебя. И испытываю признательность оттого, что мои проблемы тебе небезразличны.

Главное, я поняла, что ты сможешь держать меня в курсе относительно дел в Таунале, а потому постараюсь не тревожиться понапрасну. Буду просто ждать и потихоньку убеждать мужа, что в стороне, если что, остаться не получится. Ну и готовиться понемногу — на всякий случай. Где-то в глубине души я продолжаю надеяться, что все это обойдет нас стороной, и мы сможем вести тихую жизнь, о которой мечтали. Но боюсь, эти надежды тщетны.

Вопросов никаких задавать не стану — верю, что придет время, когда ты сама обо всем мне расскажешь.

*С надеждой на встречу,
твоя Нэл.*

Я улыбалась, читая это письмо. Прошло меньше двух лет с того дня, когда мы расстались, но это время изменило нас обоих. И новая принцесса не просто нравилась мне, а вызывала уважение. Прежде я воспринимала ее как младшую, ведомую, а теперь видела в ней взрослую самостоятельную женщину. Пожалуй, даже взрослее меня сегодняшней.

А на следующий день после получения письма закрутились-завертелись колеса нашей авантюры.

Но колеса крутились где-то там, в отдалении, не требуя от меня ни действий, ни пристального внимания — Владыка полностью взял это на себя, — а моя повседневная жизнь впервые за последние годы приобрела размеренный и даже скучный характер. Выходить в город Рэйм мне не советовал, занятий для меня подходящих не находилось, кроме чтения и совместных утренних тренировок, в которых мне составляли компанию попеременно то Ирье, то Владыка.

Для Ирье меры предосторожности не были столь строги, и он время от времени пропадал где-то, иной раз даже целыми днями, и я не знала, чем он занят. И не спрашивала: захочет — сам расскажет.

А однажды, слоняясь без дела по дворцу, я заглянула в одну из дальних гостиных и обнаружила там своего в очередной раз пропавшего братца... И не одного! Он сидел на диванчике рядом с девушкой и держал ее за руку, нежно поглаживая маленькие пальчики. Девушка была из наших — то есть Тенью. И не проявленной, судя по всему, а значит, совсем юной.

Осторожно, пока меня не заметили, я отступила на шаг назад, скрываясь за дверью. Вот так раз — у брата личная жизнь, а я ничего об том не знаю! С одной стороны, я радовалась за Ирье, с другой — было немного обидно, что он мне ничего не рассказал. И претензий вроде бы не предъявишь — как бы ни была я неопытна, но догадывалась, что в такие дела даже самых близких посвящают далеко не всегда.

Мешать брату я не собиралась. Кроме того, я подозревала, что личная жизнь — не единственное, что занимает его время. Мне показалось, что Ирье выполняет какие-то поручения Рэйма, и, поразмыслив, я решила, что это очень даже неплохо — мужчине необходимо осознание того, что он не прохлаждается, а приносит пользу.

Но мне тоже хотелось приносить пользу! Я безмерно устала маяться бездельем, а потому надела на Владыку с требованием придумать мне какое-нибудь занятие, пока я не рехнулась от скуки.

Владыка повздыхал, похмыкал, а потом привлек меня к государственным делам.

Сначала я просто разбирала с ним вместе текущие документы. Я не слишком хорошо ориентировалась в законодательстве Нимтиори, поэтому Рэйм попутно объяснял мне, почему принимает те или иные решения.

Было интересно, но я замечала, что со мной он тратит на это куда больше времени, чем потратил бы без меня, и мне было немного неловко — до того момента, когда я почувствовала, что эти занятия самому Владыке доставляют не меньше удовольствия, чем мне.

Мне нравилось учиться, ему — учить меня и... тоже учиться, и эти часы, проведенные вместе, ни один из нас не променял бы ни на что другое. Никакие свидания, прогулки, цветочки, подарочки и прочая романтическая дребедень не дали бы нам такой возможности узнать друг друга. И главное — я убедилась, что тоже чувствую своего жениха. Не всякое движение души, конечно, но сильные эмоции, в особенности направленные на меня, я улавливала. И мне это тоже ужасно нравилось — порой казалось, что я купаюсь в волнах тепла и приязни, исходивших от него. А изнутри толкалось ответное тепло...

Один, подарок, впрочем, все равно был. Скромный, как выразился сам Владыка. Действительно, подвеска с полупрозрачным камнем, похожим на каплю шоколада с сизым налетом, не выглядела королевским украшением. Может, потому я и приняла ее без возражений. Никакой магии на подвеске я не разглядела, но что-то особенное, связанное с Владыкой, в ней было. Однако Рэйм ничего не сказал, и я не стала расспрашивать.

Нашлось для нас и еще одно совместное занятие — тренировки с мэтром Оллиситом: Владыка пытался освоить магическое зрение. Иногда к этим тренировкам присоединялся Ирье, который уже кое-что умел. Надо сказать, особых успехов Рэйму добиться не удавалось — иной раз ему казалось, что он что-то видит, но это ощущение сразу ускользало, и даже придворный маг не мог утверждать с уверенностью, видит ли Владыка что-либо в

действительности или это работает его воображение. Все же в детстве или юности такие вещи даются куда проще...

Пришлось мне вспомнить уроки Бьярты и ее объяснения, а еще то, как мастер Лист умудрялся доносить до своих учеников, что именно они должны почувствовать.

После этого дело пошло на лад. Мэтр Оллисит тоже заинтересовался чужим опытом и с восторгом впитывал все, что я говорила.

— Кто вас учил? — с любопытством спросил он.

Я удивилась — почему-то мне казалось, что придворный маг, будучи наставником Рэйма и его доверенным лицом, знает обо мне практически все. Но как выяснилось, Владыка рассказывал ему лишь то, что считал необходимым.

— Бьярта Солнум. Она...

— О, уважаемая магесса Солнум! Талантливейшая женщина, была одной из лучших в своем выпуске Школы Магического Искусства., да и в дальнейшем оправдала надежды наставников. Но лет десять назад она неожиданно исчезла, и о ней долго ничего не слышали. Я, признаться, даже думал, что ее больше нет в живых... Но вот недавно она объявилась при Уствейском дворе — ее приглашали для консультации...

Я жадно внимала, надеясь услышать еще хоть что-нибудь о жизни своей наставницы, что могло бы пролить свет на ее прошлое и на то, что вынудило ее связаться с Таунальской короной, но мэтр вдруг умолк, посмотрел на меня, прищурившись, и больше я не дождалась от него ни слова.

'Кажется, он сообразил, что Бьярта не просто учила, но и сделала из меня Тень. Привязанную', - догадалась я, отметив мрачный вид мага. И решила поговорить с ним при случае, чтобы он не вздумал бросаться в адрес Бьярты какими-нибудь обвинениями, особенно в присутствии других магов... да и не магов тоже. Проблем для своей наставницы я не желала. И мне самой лишние слухи и разбирательства могли выйти боком.

Но мэтр был достаточно умен, чтобы не делать преждевременных выводов и тем более делиться ими с кем бы то ни было. Он выслушал меня внимательно и пообещал, что никаких разбирательств затевать не станет, да и без того не собирался. И уж всяко не стал бы никого судить, не зная всех обстоятельств дела. Я вздохнула с облегчением.

Совершенно случайно я узнала, кто та девушка, с которой встречается мой брат. Оказалось, это дочь начальника тайной службы и до совершеннолетия ей осталось почти два года, так что у обоих было достаточно времени, чтобы разобраться в своих чувствах и не наделать глупостей. Впрочем, я была уверена, что Ирье девушку не обидит, да и сама она мне понравилась, когда мы случайно столкнулись на пороге кабинета ее отца и разговорились...

Впрочем, в нашей размеренной жизни случались и выходящие из ряда вон события.

В один из дней Рэйм, таинственно улыбаясь, предложил после очередного разбора документов прогуляться с ним и кое с кем познакомиться. Заинтригованная, я не стала отказываться, и Рэйм увлек меня в тeneвую комнату, откуда мы переместились к неприметному домику на окраине столицы. Подмигнув мне заговорщицки, Владыка постучал в дверь.

Мне показалось, нас тут ждали с нетерпением — дверь открылась почти мгновенно, и молчаливый слуга провел нас по коридору в светлую гостиную.

Человек, который с застенчивой улыбкой поднялся нам навстречу, был мне знаком. Нет, я не знала его имени, да и он едва ли узнал меня, но встречаться нам уже приходилось —

именно его мы с Волком сопровождали когда-то из устейской столицы в пограничную крепость на юго-востоке страны.

— Владыка! — мой давний знакомец отвесил Рэйму почтительный поклон.

— Ваше высочество! — отозвался Рэйм и тоже склонил голову, а потом обратился ко мне: — Дорогая — это тот самый наследник престола Лайверима, о котором я тебе говорил. Принц Саввей ин Арримес... Моя невеста, наследная княжна Риатаны Энна лин Ниалтэ.

Улыбка принца из застенчивой стала понимающей и сочувствующей.

— Рад знакомству, — вновь поклонился он.

— Взаимно, — из-за одностороннего узнавания я чувствовала себя слегка неловко, но выдавать свои тайны было бы неразумно.

... В разговоре принца с Владыкой я участия не принимала, но слушала внимательно.

Как выяснилось, хранители источника, они же — организаторы сопротивления, не будучи особами королевской крови, могли беспрепятственно пересекать границы Тауналя, а потому держали своего будущего короля в курсе всех событий, связанных с подготовкой восстания. Мне оставалось только дивиться, насколько продуманный план — разумеется, не без помощи Владыки Нимтиори — они разработали. И очень кстати, что мы со своей затеей ловко отвлекли внимание Тауналя от активности в Лайвериме. Действия были согласованы, хотя, конечно, в тонкости нашей ситуации Владыка лайверимского наследника не посвящал.

Во дворец мы вернулись спустя несколько часов.

— Ну, что скажешь? — лукаво улыбаясь, осведомился Рэйм.

— Скажу вслед за тобой, что у Арнастры потрясающее чувство юмора. Я начинаю думать, что служить такой богине должно быть... интересно.

Владыка нахмурился — мои страхи перед служением он понимал и разделял. Но внимание на этом заострять не стал.

— Значит, я правильно догадался, что Саввей и был твоим первым заданием?

— Совершенно верно, — подтвердила я.

— Да-а... У меня были некоторые сомнения, но теперь... Я просто потрясен, как удивительно все складывается — и ты, и Саввей, и Нэлисса со своим тайным наследником. Чудеса!

— Угу. И все эти чудеса концентрируются вокруг меня. Это немножко... неуютно. Словно я, еще не дав своего согласия, уже приступила к служению.

— Возможно, это не совсем так. Ты не служишь напрямую, но оказалась ключевой фигурой нескольких историй сразу. Убери тебя — и все развалится. Или не развалится, но пойдет иным путем — более трудным и, вероятно, более кровавым. Потому что события уже назрели.

Я подумала и согласилась. Все-таки Владыке с его государственным мышлением проще увидеть и оценить ситуацию в целом.

... А через пару недель в Иимату прибыл придворный маг Тауналя с двумя помощниками — засвидетельствовать, что магическая помолвка риатанской княжны с Владыкой Нимтиори была совершена именно тем гириазом, который надевали на руку принцессе Нэлиссе... или той, кого за нее принимали.

Маги долго присматривались и чуть ли не принюхивались к гириазу, водили руками над моим запястьем, и то, что они видели, неопровержимо доказывало: гириаз тот самый — они ведь видели и держали его в руках непосредственно перед помолвкой, — а значит, и ритуал тот самый, при котором им довелось присутствовать. Как это получилось, никто из них

понять не мог, однако и усомниться не было никакой возможности. А как иначе? Один гириаз — одна помолвка!

— Вот видите! А я-то полагал, что княжны давно нет в живых... Но получается, она тайно воспитывалась при королевском дворе Тауналя, и его величество, пообещав мне свою дочь, решил совершить подмену. Некрасиво! — фальшиво сокрушался Владыка.

Таунальские маги скрипели зубами, но возразить им было нечего. Все трое подписали свидетельство и заверили его магически, после чего отправились восвояси.

— Ну что, — подмигнул мне Рэйм, когда мы остались наедине, — события развиваются в точности, как мы рассчитывали.

— Как у тебя получается быть таким... убедительным? Я сама почти поверила, что выросла в Таунальском дворце.

— Ну так это почти правда, — Рэйм усмехнулся. — Ты провела там около двух лет, не будучи взрослой. И действительно тайно. А если всерьез... меня этому учили с детства.

— Убедительно лгать?

— И этому тоже. Знаешь ли, дипломатия — это не только владение информацией и понимание слабостей противника, это еще и искусство с помощью той части правды, которой ты готов поделиться, придать достоверность остальным словам. Да так, что если у кого и возникнут сомнения в правдивости сказанного, то и обратного нельзя было бы доказать. В моей фразе было лишь одно лживое утверждение: что я подозреваю таунальского короля в намеренной подмене невесты. С одной стороны, это демонстрация моего личного мнения, а я имею право заблуждаться и даже упорствовать в своих заблуждениях. С другой стороны, это подозрение дает мне моральные основания давить на Тауналь.

— Эх, хотела бы я всему этому научиться...

— Ты и учишься. Каждый день, работая со мной в кабинете и — как сейчас — присутствуя при моих встречах и разговорах.

— Ты поэтому взял меня тогда к наследнику Лайверима? Не только для того, чтобы я посмотрела на Саввея и убедилась, что знакома с ним?

— Я хотел чтобы ты была в курсе ситуации в целом и могла ориентироваться в ней. Это ведь и тебя касается.

— Спасибо.

— Не благодари. Что бы ты ни выбрала — стать моей спутницей или правительницей суверенной Риатаны, — нам с тобой все равно предстоит тесно сотрудничать. Так что, — Владыка вновь усмехнулся, — это выгодно и мне.

Что бы ты ни выбрала...

Между тем, момент выбора все приближался. И я металась, не будучи в состоянии прийти в согласие сама с собой. Потому что на самом деле я уже догадывалась, чего хочет мое сердце, но разум заставлял меня сомневаться.

То ровное тепло, в лучах которого я купалась, — было ли оно тем самым чувством, о котором я втайне мечтала? Мне казалось, истинная любовь должна быть горячей, а не теплой, пожаром, а не ручным пламенем в камине гостиной, штормовой волной, а не ручейком.

Но с другой стороны — восторженной девицей, начитавшейся романов и из них черпавшей жизненную премудрость, я все-таки не была. Наличествовал и здравый смысл, который подсказывал, что будущее на вулкане не строится.

Словом, я колебалась, хотя в глубине души уже знала, какое решение приму...

Обмен дипломатическими посланиями шел по плану. Тауналь пытался торговаться, Владыка ухмылялся, читая очередное письмо, и писал ответ, в котором за витиеватыми фразами непросто было без должного опыта уловить смысл. Смысл, впрочем, сводился к одному: опростоволосились — извольте расплатиться.

Одновременно разворачивались события в Таунале. Гром грянул в начале весны. Для таунальских властей — буквально среди ясного неба: пока Рэйм морочил им головы, ситуация в завоеванном королевстве была упущена из вида. Меж тем выяснилось, что лайверимское подполье хорошо вооружено и, мало того, знает, где и как приложить свои хорошо вооруженные силы.

Тауналь дрогнул. Серый от усталости гонец (дипломатический этикет — важные послания неприлично пересылать магической почтой, а принято передавать через живые руки) доставил нам весть о скором прибытии посольства, уполномоченного подписывать любые соглашения.

Примерно в те же дни я узнала, что Нэл с Ианом получили записку от Стеумса с наказом сидеть тихо и ни в коем случае не появляться в Таунале. Они, собственно, и не собирались.

Письму принцессы я искренне обрадовалась — с тех самых пор, как у нее побывал наш посланник, от Нэл не было никаких известий, и я опасалась, что таинственная связь наша прервалась.

Но что-то в этом письме — не сами слова, но тень за ними, — вызывало у меня внутреннее беспокойство, словно неведомая опасность нависла и грозит обрушиться на наши головы.

Я тревожилась за Нэл. Разум твердил, что ей сейчас ничего не грозит — по крайней мере, со стороны Стеумса, — а сердце сжималось в тревоге.

Возможно, дело было не в Нэл, просто зарождение этой тревоги совпало по времени с получением письма. Но ниточки тянулись из прошлого, я перерывала собственную память в надежде наткнуться на источник беспокойства, но ничего, кроме письма принцессы, на ум не приходило.

Я даже думала отправить к Нэл гонца с предупреждением, чтобы была поосторожнее, но остановила себя: чего я этим добьюсь? Нэл и так достаточно разумна и осторожна, а если она, заразившись моей тревогой, начнет собственной тени бояться, ни к чему хорошему это не приведет.

Просто я не знала, не догадывалась, что в день, когда я получила последнее послание принцессы, встретились двое — две ниточки из моего прошлого связались в узелок, обнажая сокрытое ранее. Дар мой, предупреждая об опасности, вспыхнул, опалив тревогой, заставив кровь застучать в висках, и на этом счел свою миссию выполненной.

Поэтому все случилось внезапно. Я была предупреждена, но оказалась не готова. И когда резкая боль под ребрами остановила меня на пути из спальни в гостиную, я замерла на мгновение, пытаюсь обрести утраченное дыхание, а после рванула к источнику этой боли. К Ирье.

Я успела еще подумать, как странно, что мне удалось шагнуть тенями прямо из своих покоев — то ли хозяин теней открыл мне возможность перемещаться из любого места своего дворца, просто забыл предупредить об этом, то ли связь наша с братом оказалась сильнее любых запретов.

А больше я ни о чем подумать не успела, только ощутить страх и собственную

беспомощность, когда увидела брата, с залитым кровью лицом лежавшего у серой стены, а еще — Тень, надвигавшуюся на меня. Очень знакомую Тень.

Я не смогла ни выйти из бесплотной формы, ни уйти — мне просто не позволили. Я даже не знала, что такое возможно — воздействовать на бесплотную Тень, сражаться в этой форме... Меня этому не учили. Никого из нас не учили убивать друг друга, но... Волк это умел.

Он просто придвинулся — и мне стало тесно и нечем дышать. И темно.

Не было ничего вокруг — ни стонущего у стены Ирье, ни комнаты этой, которую я толком не успела разглядеть, ни даже мира за ее пределами. Только я и Волк — огромный, сильный, безжалостный, отнимающий мою жизнь прямо здесь и сейчас, в этой тесной темноте.

Я пыталась сопротивляться, не отпускать эту жизнь, которой я только-только научилась по-настоящему дорожить, но... что я могла? Темнеющий разум заполнила горькая обида. Вспышка боли — теперь уже моей собственной — и... тишина.

Я вдохнула — на пробу. И оказалось, что я снова это могу. И дышать, и ощущать под рукой шершавый пол, и даже открыть глаза.

Волк больше не нависал надо мной неумолимым хищником. Наоборот, съежился в дальнем углу, маленький, жалкий, а над ним возвышался Рэйм — грозный Владыка, Хозяин Теней. До меня только сейчас начал доходить смысл этого титула. Не просто хозяин теней, но Хозяин Теней. Наделенный особой властью над себе подобными.

Я судорожно вздохнула, безуспешно попыталась подняться на ноги, а когда мне это не удалось, просто поползла — туда, откуда в последний раз слышала стон своего брата.

Ирье лежал, не подавая признаков жизни. Я хотела найти его руку, чтобы нащупать пульс, но моя собственная рука не слушалась меня, и я припала губами к шее брата в надежде ощутить биение жизни. Но то ли кровь в моих висках стучала слишком громко, забывая, заглушая все остальные звуки и ощущения, то ли не было уже этой жизни...

Я всхлипнула.

— Все хорошо, милая, — голос из-за спины вернул угасающую надежду, — его жизнь вне опасности, мэтр Оллисит сейчас поможет ему.

Тогда я расслабилась и позволила притаившейся тьме вновь поглотить меня и утянуть на самое дно.

Никогда прежде не падала в обморок...

— Это не обморок, — пояснил знакомый, но очень далекий голос, — просто мерзавец вытянул из тебя слишком много сил. Тебе надо восстановиться.

Тьма была уже не такой густой, но все еще не выпускала меня из своих объятий. Я и не пыталась с ней спорить — не было ни сил, ни желания.

В следующий раз я очнулась уже полностью — настолько, что смогла открыть глаза и даже оторвать голову от подушки. Увиденное меня озадачило: в моей спальне, на моей кровати лежал грозный Владыка Нимтиори и спал. Полностью одетый, поверх одеяла. Лицо его — небритое, с темными тенями под глазами — свидетельствовало о крайней степени усталости. Похоже, он был со мной все это время.

Интересно, как долго я валялась тут без сознания?

— Почти двое суток, — хриплым спросонья голосом отозвался Рэйм.

Я что, вслух?.. Впрочем, неудивительно.

— Спи, — шепнула я ему.

Рэйм смежил веки. И правильно — ночь за окном.

Сама я попробовала восстановить в памяти произошедшее, но получалось не очень — мысли шевелились вяло, натыкались друг на дружку, спотыкались, и ясная картинка все никак не складывалась. В конце концов я плюнула на эти бесплодные попытки и тоже уснула.

Утром Владыки в спальне уже не было. Я осторожно села на постели, прислушалась к своим ощущениям и поняла, что чувствую себя вполне сносно, если не считать незначительной слабости. И решила, что встать я уже в состоянии.

О том, что я несколько переоценила свои возможности, догадалась на полпути через гостиную. Я не шла, я плелась, цепляясь за стены и мебель. Но до спальни брата все-таки доковыляла.

Ирье лежал — бледный, но в сознании. На его лице расцвела улыбка, стоило мне появиться на пороге. И тут же исчезла.

— Садись скорее! Ты слишком рано поднялась с постели, — всполошился он.

— Ничего-ничего, — пробормотала я, опускаясь на краешек братниной кровати.

— Как ты?

— Живая, — выдохнула. — А ты?

— Тоже живой, — криво ухмыльнулся Ирье, — как ни странно.

— Что с тобой случилось?

Ирье пожал плечами:

— Не понял толком. Помню, как вышел из дворца — открыто, в видимой форме. У меня было... дело в городе. А дальше — темнота. Очнулся уже в том подвале.

— Чего он от тебя хотел?

— Тебя. Хотел, чтобы я вывел его на тебя.

— Ирье... почему я сразу не почувствовала, что с тобой случилось плохое?

— Сначала ничего плохого не было, — пояснил брат. — Похоже, меня просто усыпили.

Я ничего не понял, не испугался... А когда пришел в себя, попытался закрыться, отгородиться, чтобы не потревожить тебя. Увидел Волка — и сразу понял, что ничего хорошего ждать не приходится. А вот потом, когда он начал... В общем, я от боли потерял контроль — тогда ты меня и почувствовала... Почему ты рванула сразу, не подумав, не сказав ни слова Владыке?!

— Дурак! Полагаешь, я могла тогда о чем-то думать?!

— Дурак, — согласился Ирье, — расслабился, слезку не заметил. Сам попался и тебя подвел.

— Не думай об этом, — попыталась я утешить брата, — никто из нас не может быть начеку каждое мгновение жизни.

— Хорошо, что Рэйм вовремя появился...

— Хотела бы я знать, как ему это удалось... И откуда вдруг взялся Волк... и вообще — слишком странно всё.

— Рэйм обещал рассказать, как только мы оба придем в себя. Надеюсь, сегодня мы обо всем услышим.

— Надеюсь... — эхом откликнулась я.

— Я готов выполнить свое обещание, — послышалось из-за двери. — Только сначала вам надо позавтракать... и, наверно, одеться.

В комнату Рэйм не зашел.

Мы с Ирье переглянулись и захихикали — видок у нас обоих был, мягко говоря, непрезентабельный: оба бледные, взлохмаченные, да еще и в ночных одеяниях, никак не предназначенных для того, чтобы принимать в них визитеров. Стоило бы не только одеться, но и вообще себя в порядок привести.

— Ты уже встаешь? — спросила.

— Ага. Вчера поднялся. Мэтр Оллисит неплохо меня подлатал.

— Тогда я к себе. Одеваться, — я снова хихикнула.

— Может, тебя проводить? — озаботился Ирье.

— Доползу, — махнула я рукой.

И впрямь доползла. Обрато даже быстрее получилось, чем туда.

Через полчаса мы уже сидели в гостиной. Над столом запах свежей сдобы смешивался с терпким ароматом кофе. Я взяла в руку чашку и поднесла ее к лицу — не столько пить, сколько нюхать. Запах из детства: Бьярта очень ценила этот напиток. Теперь он будоражил и воскрешал воспоминания. При таунальском дворе кофе популярностью не пользовался, так что он вернулся в мою жизнь только теперь.

Владыка рассказывал, что кофейное дерево в этот мир принесли Тени. Может быть. Как бы то ни было, в Нимтиори для этого растения климат неподходящий, а потому зерна, привозимые из далеких теплых краев, довольно дороги — Тень ты или не Тень, а платить за удовольствие приходится.

Владыка присоединился к нам, когда мы закончили завтракать и были готовы, несмотря на слабость, бежать и разыскивать его, снедаемые любопытством.

— Рэйм, — я облегченно вздохнула и улыбнулась, — хорошо, что ты пришел.

— Любопытство гложет? — понимающе подмигнул он.

— И это тоже, — согласилась.

А еще я просто была рада его видеть. И не находила слов, чтобы объяснить те чувства, которые испытывала — смесь признательности, умиления, какой-то робости и одновременно восторга, что все это происходит именно со мной. Но об этом, пожалуй, и не стоило говорить вслух.

— Что ж, — Владыка посерьезнел, — полагаю, мне удалось выяснить всё или почти всё. Волк получил заказ на твое убийство.

— Мое — Тени или?..

— Княжны Риатанской.

— Но ведь... клан не берет заказов на убийства! — потрясенно выдохнул Ирье.

— Клан — не берет, — согласился Владыка, — а вот некоторые Тени вполне успешно зарабатывают на стороне, не гнушаясь никакими делами. Волк как раз из них. Широко известен в определенных кругах, но то, что он Тень, тщательно скрывает.

— И заказал меня... Тауналь?

— Мар Стеумс лично.

— Что, вот прям-таки лично явился на встречу с наемным убийцей?

— Он, похоже, не решился доверить это ответственное дело посредникам. Все же наследную княжну хотел заказать, не кого-нибудь... Разумеется, явился под личиной — воспользовался амулетом.

— И?

— У Волка в этом деле есть определенная репутация. В частности, известно, что он никогда не возьмет заказ, не выяснив досконально всех обстоятельств. Так что при встрече

убийца расспросил Стеумса... А вопросы задавать он умеет. Например: откуда взялась княжна, если прежде о ней никто не слышал? Помолвка с Владыкой? А где и когда совершена? Как это — не с княжной? Ах, с принцессой! А принцесса куда делась? Сбежала? Одна?.. Шаг за шагом, он вытянул из Стеумса, что к принцессе была приставлена Тень, вспомнил Пришлую, о прошлом которой кое-что было известно, и... сделал определенные выводы. Дальше...

— Нет, подожди. Я догадываюсь, что было дальше, но мне интересно, откуда мы знаем, что это был именно Стеумс.

— Еще одно непреложное правило наемного убийцы по кличке Волк: он предпочитает знать, кто его заказчик. Поэтому после окончания встречи он проследил за Стеумсом — полюбовался на него без личины, побродил по коридорам дворца, послушал разговоры... и счел заказчика достаточно солидным, чтобы приступить к делу. А дальше он направился в Иимату, взял под наблюдение мой дворец и очень скоро ему повезло — он увидел Ирье и узнал его. Волк был в курсе, что вы покинули клан вместе, и полагал, что если на Ирье надавить, парень выведет его на тебя, облегчив задачу. Не догадывался только о вашей связи, а потому ты свалилась ему в руки неожиданно. Но надо сказать, сориентировался он мгновенно.

— Да уж, — меня передернуло при воспоминании о встрече с убийцей, — сориентировался... Я до сих пор не могу понять, что он со мной делал.

— Волк из рода палачей — были и такие среди Теней. Я, признаться, думал, что из них никого уже не осталось. Прежде они могли убивать только по приговору, но теперь, когда знания о прошлом в клане частично утеряны, в то время как передаваемые по наследству умения никуда не делись, контроль над палачами оказался утрачен... Палач может убить Тень в любой форме, даже в бесплотной, считающейся практически неуязвимой. Это дар отъятия жизни.

— Тогда почему он ничего не смог сделать с тобой?

— Потому что Владыки не подлежат суду и не могут быть приговорены... Потому что нам подвластны все Тени — достаточно приказать, показать силу, если умеешь. А я это умею. Ведь знания моего рода утрачены не были.

— Но как ты там вообще оказался?

— Я дал тебе камень, который содержит частицу моей Тени — такие получаются в результате ритуала, проведенного у Грани, — чтобы на любом расстоянии почувствовать, если с тобой происходит неладное, и иметь возможность мгновенно переместиться к тебе.

— И ничего не сказал...

— Тебя это... возмущает?

Я подумала — и покачала головой: нет, не возмущает. Амулет (или как назвать предмет, обладающий особыми свойствами, но не содержащий ни капли магии?) не ограничивает моей свободы, просто дает дополнительную страховку. И... он спас меня. Глупо было бы испытывать недовольство по этому поводу.

Заговорила я о другом:

— Ты вытянул все это у Волка, пользуясь своей властью? Как Владыки и Хозяина Теней?

Рэйм кивнул:

— У меня есть такая возможность... и такое право. Спешу тебя успокоить, это совершенно безболезненно, хотя достаточно неприятно — как любое насилие.

— А я и не беспокоюсь, — криво усмехнулась, — если бы пришлось развязывать ему язык пытками, не словом не возразила бы. Заслужил.

— Доверишь мне наказать его?

— Разве законодательство Нимтиори не высказывается достаточно однозначно, что покусившийся на члена правящего дома — любого из — подлежит смертной казни?

— Высказывается. Но для Теней существуют и иные варианты. Это, как ты понимаешь, не законы страны, но законы моего народа. Мы можем изгнать провинившегося.

— И только?!

— Изгнать из мира, — пояснил Владыка, — и запечатать проход, чтобы он не смог вернуться до истечения срока наказания.

— Это... тоже право Владыки?

— Не совсем. Но как Владыка я могу обратиться к Безликой. Это ритуал, который доступен только моему роду. Я определяю в нем лишь срок изгнания, остальное делает богиня. Она же может и срок изменить, если сочтет его несправедливым. Обычно при этом еще и перекрывается возможность переходить в теневую форму — тоже до конца наказания. Оказываешься в чужом мире, без поддержки, без привычных возможностей — и выживай, как сумеешь. Это суровое наказание. Не только и не столько за покушение на особу из правящего дома, сколько за неправомерное использование дара и нарушение законов чести — нападение на своих.

— Странно, — озвучила я свои мысли, — мне казалось, что в этом мире, где есть свои боги, Безликая не имеет власти.

— Безликая не привязана ни к одному из миров — только к своим народам...

Владыка говорил, а я начинала вспоминать. Я ведь тоже все это уже знала, просто полученная информация еще не улеглась у меня в голове. Важное — то, что сочла важным в момент получения, — я попыталась понять и принять сразу, остальное осело в глубине — до той поры, когда я решу обратиться к новым знаниям. И сейчас, под размеренную речь Владыки, представления Теней о богине всплывали у меня в голове.

Дети Безликой живут во многих мирах, и не все они Тени, дары богини разнообразны. Сама же она не принадлежит ни одному из миров, потому и безлика, ибо облик боги обретают, воплощаясь в мире, прорастая в него, позволяя себе пустить в нем корни. Безликая — вольная богиня, потому и дети ее обладают дарами свободы. Просто не все это понимают.

— Ну что, какой срок? — Рэйм вырвал меня из размышлений.

Я пожала плечами: по мне, так лучше бы вовсе не возвращался. Но так, наверно, нельзя...

— Пусть будет... пятнадцать лет, — предложила я.

— Хорошо, — кивнул Владыка, — только сначала он сыграет роль в моем маленьком спектакле...

... Еще два дня мы с братом приходили в себя после нашего приключения. Потом жизнь вернулась в прежнее русло. Только я взяла с Ирье клятвенное обещание быть предельно осторожным — я начала бояться за брата, как никогда прежде.

Теперь я уже знала, чем он занимался все это время — не столько по поручению Владыки, сколько по собственной инициативе, но с его одобрения: Ирье вел расследование событий тринадцатилетней давности в Риатане. Искал того, кто уничтожил княжескую семью.

Наверно, мне самой стоило позаботиться об этом — проявить инициативу, поговорить с

Владыкой... Но у меня просто скручивалось все внутри от невыносимой боли, стоило подумать о том, что случилось с моими близкими. Какое уж тут расследование... Я была благодарна брату, что он взял это на себя.

Владыка отправил в Риатану трех своих агентов. Ирье координировал их действия, собирал и сопоставлял полученные сведения, сам беседовал с дворцовыми слугами, которых удалось найти...

Предателя он вычислил: из бывших Теней, утративших память о своем происхождении, родня князя в седьмом и, кажется, в двенадцатом колене — дальше проследить не удалось, ну да это и неважно. Там было много чего намешано: недовольство своим положением, личная обида — за сестру, которую князь обошел своим вниманием при выборе супруги, покровительство контрабандистам, которое грозило вскрыться, потому что князь затеял расследование. А потом возник Тауналь со своим заманчивым предложением, и появилась возможность повернуть все иначе, а заодно и отомстить...

Вот только наказать за смерть родителей и братьев мне теперь некого. Виновник был найден мертвым в своем столичном особняке почти десять лет назад. Отравление. Тогда решили — самоубийство. Возможно, из-за несоответствия ожиданий действительности. А я не исключаю, что таунальская корона позаботилась о том, чтобы не осталось живых свидетелей и участников неприглядных деяний — чтобы когда-нибудь можно было переписать историю на свой лад. О князе-тиране, под властью которого стонала страна, и короле-освободителе, принесшем благоденствие на земли Риатаны.

Я сидела в зале аудиенций рядом с Владыкой, облаченная в парадные одежды, увенчанная княжеской короной и с массивным родовым медальоном на груди — чтобы входящие в зал послы сразу видели, что перед ними действительно княжна, принятая родовым артефактом.

Разумеется, среди послов был маг, способный понять и засвидетельствовать этот факт. Впрочем, такое свидетельство было бы чистой формальностью — никому и в голову не приходило усомниться, что княжна будет настоящей, все же Владыка Нимтиори слыл достаточно дальновидным политиком, чтобы не пойти на подлог, который так легко разоблачить.

Напряжение, близкое к страху, заставлявшее до боли сжимать кулаки и стискивать зубы, вызывал у меня вовсе не маг, а глава тайной канцелярии Тауналя, отправившийся с посольством. Стеумс счел эти переговоры слишком важными, чтобы доверить их кому бы то ни было. Надеялся поторговаться, потянуть время, дожидаться стабилизации обстановки в Лайвериме... Напрасно.

После традиционного обмена приветствиями, Владыка в нарушение протокола взял слово:

— Прежде чем приступить к собственно переговорам, я хотел бы разрешить одно недоразумение, чтобы ничто не препятствовало заключению соглашения.

Стеумс, который все это время не сводил с меня взгляда, повернулся к Владыке, кивнул в знак согласия и снова уставился на меня. Что он силился разглядеть? Узнать меня он не мог, но дураком глава тайной канцелярии отнюдь не был — безумцем, как мне порой казалось, но не дураком, — а потому, возможно, уже начал проводить мысленные параллели между исчезнувшей Тенью и возникшей из небытия княжной.

Однако додумать эту мысль ему не дали: по знаку Владыки одна из дверей распахнулась

и в зал в цепях ввели Волка. Собственно, в этих оковах не было никакой необходимости, убийца полностью пребывал под властью Хозяина Теней и даже помыслить не мог о сопротивлении. Просто цепи были частью спектакля.

— Перед вами, господа, наемный убийца, который покушался на княжну Риатаны. Я приказал привести его сюда, чтобы задать один вопрос, — Владыка повернулся к Волку. — Скажи, знаешь ли ты кого-нибудь из моих гостей?

— Да, — послушно ответил убийца и указал на Стеумса сперва подбородком, а потом и пальцем, с трудом подняв отягощенную цепью руку, — заказал мне убийство княжны.

Стеумс побелел, а я с трудом сохранила бесстрастное выражение лица, едва удержавшись от победной улыбки.

— Это ложь! — зашипел Стеумс. — Бездарная постановка! Спектакль! Вы ни в чем не можете меня обвинить!

Насчет спектакля — это он верно угадал. Что же касается остального...

— Убийца находится под воздействием, вынуждающим его говорить правду, — спокойно продолжил Владыка, сделав знак, чтобы Волка увели, — и у меня нет оснований сомневаться в его словах. Однако я понимаю, что эти слова не являются достаточным основанием для предъявления какого-нибудь обвинения, что я не могу призвать к ответу официального представителя другого государства. Единственное, что я могу, это отказать ему в праве вести эти переговоры и настоять, чтобы мар Стеумс покинул территорию Нимтиори в течение... семи дней, начиная с этого момента. Достаточный срок, чтобы успеть добраться до границы.

Двери вновь распахнулись и выжидательные взгляды скрестились на лице Стеумса. Надо отдать ему должное — он не позволил себе выразить несогласие с решением Владыки ни словом, ни движением, ни даже гримасой. Вышел с прямой спиной и застывшей физиономией.

— Что ж, господа, я полагаю, теперь мы можем начать переговоры.

Послы переглянулись: официально мар Стеумс не был главой делегации, а потому возразить им было нечего. Спектакль удался: посольство обезглавлено, послы потрясены и выбиты из колеи, а потому не способны на сопротивление. А еще они вернутся из Нимтиори и у себя дома наверняка не станут молчать о произошедшем.

Здесь и сейчас за столом переговоров решалась судьба моей страны, я же присутствовала при этом лишь телесно, полностью доверившись Владыке, мыслями же унеслась далеко от зала аудиенций.

Я думала о том, что прямо в эти часы решается судьба еще одной страны — королевства Лайверим. Там, далеко, маленький человек впервые взял в руки родовой артефакт и начинает опасный ритуал, который позволит ему целиком оплести нитями своей власти страну, подчинить ее всю — так, чтобы даже самый воздух в ней стал для захватчиков чужим, непригодным для дыхания.

Конечно, это не навсегда. Лишь в критической ситуации и на короткое время Высшие могут дать такую власть, но этого времени может оказаться достаточно, чтобы полностью переломить ситуацию.

Только одно условие: наследнику необходимо открыть богам разум и душу, чтобы убедить их в чистоте своих помыслов и отсутствии дурных намерений, в том, что он требует власти не ради самой власти, но ради спасения и возрождения страны. В противном случае рискнувшего провести ритуал ожидает смерть.

Но я верила в Саввея. В нем не было зла. Страх, неуверенность — да, были. Но не зло и не жажда власти.

А еще я думала о том, что во дворце Владыки Нимтиори уже приготовлены покои для будущей королевской четы Тауналя. Нет, еще не сегодня и не завтра предстоит им взойти на престол, но это и хорошо, потому что ни Нэл, ни Ианнар пока не готовы принять на свои плечи эту ношу.

Однако донесения из таунальского дворца, где с некоторых пор тоже несут службу шпионы Владыки, свидетельствуют о том, что перемены — и очень серьезные — на пороге.

Уже несколько недель, как наследный принц перестал покидать свои покои и принимать у себя кого-либо, кроме придворных лекарей. Последние избегают давать однозначные прогнозы, но опытный наблюдатель не ошибется — целители не верят, что наследник когда-нибудь поднимется с постели.

Его величество тоже сдал — ссутулился, разом утратив свой внушительно-грозный вид, замкнулся в себе, не проявлял более никакого интереса к событиям в стране. Было похоже, что участь сына тревожит его куда больше судьбы государства. Впрочем, одно с другим связано.

Я отправила Нэл весточку, как только узнала о болезни ее брата. Не знаю, какие слова нашла принцесса для своего мужа, но теперь они возвращались: сначала сюда, к нам, а потом в Тауналь, когда придет время...

Занятая своими мыслями, я едва не пропустила окончание переговоров. Но все же спохватилась, проводила послов вежливым кивком — вполне достаточно для безгласной княжны, которая ожидает, пока ее участь решают те, кто имеет власть и силу.

— У нас получилось! — объявил Рэйм, когда за послами закрылись двери.

А я нисколько и не сомневалась что получится. Таков он, Владыка Нимтиори — если уж берется за что-то, то делает безупречно.

Дальнейшие события остались в памяти рядом ярких картинок, мелькавших перед моим взором. Я вроде бы участвовала, делала все, что полагается, даже эмоции какие-то испытывала, но одновременно наблюдала за всем этим со стороны.

... Вот Нэл вернулась — Иан мрачной тенью возвышается у нее за плечом, а принцесса смотрит на меня широко распахнутыми, полными изумления глазами, узнавая и не узнавая одновременно, пытаюсь свыкнуться не только с именем и внешностью, но и статусом, о котором уже успела услышать.

Вести из Тауналя подтверждают, что вернулась принцесса не зря: наследный принц еще жив, но определенно безнадежен, король безутешен, в стране зреет недовольство знати, которая с отпадением завоеванных королевств утратила некоторые источники своих доходов. Недовольные ищут виновных и, что неудивительно — агенты Нимтиори знают свое дело, — находят. Винят Стеумса, именно его фигура просматривается как за прежней политикой с ее завоеваниями, так и за неприятными событиями недавнего времени. А значит, кто как не Стеумс там упустил, здесь не справился, а уж с покушением на княжну — и вовсе глупо подставился. Теперь, кто бы ни пришел к власти, Стеумсу не светит сохранить свою позицию за тронном. Власть ускользает из его жадных рук...

... Вот мы в тронном зале княжеского дворца в Риатане: княжну представляют ее подданным. Это еще не коронация, в которой, впрочем, нет необходимости, потому что регалии княжну приняли, но и о переходе под руку Нимтиори речи не идет, и слово 'невеста' не прозвучало.

И это меня тревожит больше всего. Пока намерения не озвучены, я свободна в своем выборе, вот только уже не уверена, что мне нужна такая свобода. Чувствую себя потерявшейся маленькой девочкой, которая ждет, что кто-то большой и сильный протянет ей руку и поведет за собой.

Смешно, но теперь, когда я твердо уверена, что нашла свою судьбу и не хочу ничего другого, эта самая судьба не делает и шага мне навстречу.

Рэйм молчит, не спрашивая меня ни о чем, а я тоже молчу, потому что мне, оказывается, страшно заговорить об этом первой: вдруг я все себе придумала? Все эти чувства, эту радость, легким мячиком прыгающую в груди при встрече двух взглядов... Все эти намеки и недосказанности, которые то ли были, то ли во сне привиделись...

Я бы, наверно, долго маялась, предаваясь сомнениям, но пришлось вспомнить, что речь идет не только о моей судьбе, но и о судьбе целой страны, и значит, надо затолкать свои страхи поглубже и быть готовой принять любой исход.

Вот поэтому я и явилась к Рэйму в кабинет, исполненная решимости избавиться наконец от неясности, существующей между нами.

Явилась — и смутилась по-детски под его ласково-насмешливым взглядом.

— Пойдем, — сказал Рэйм, протягивая мне руку и увлекая за собой комнату за кабинетом.

Вышли мы на знакомой поляне в Заповедных лесах.

— Куда мы? — спросила я.

— Тебе понравится, — улыбаясь, ответил Рэйм.

Держась за его руку, я впервые перешагнула грань миров. Место, где мы очутились, не показалось мне каким-то необыкновенным. Просто холм, заросший деревьями, а если подняться на него повыше, можно увидеть город вдалеке, похожий на наши города и в то же время другой. Только издали не понять, в чем именно.

Но мы в город не стремились.

Холм тем и хорош, что с него видна вся округа, а на него никому хода нет. Потому что — грань. Которая сама себя охраняет.

Здесь, наверху, свежо и зелено, и простор неба над головой, а рядом — тот, кого я мысленно уже называла любимым, но все не могла переступить через свои страхи и произнести это вслух.

Он сказал заветные слова первым:

— Люблю тебя, — едва слышным шепотом у моего виска. — Станешь моей женой?

— Люблю, — эхом откликнулась я — оказывается, повторить за кем-то куда легче, чем сказать самой. — Стану...

— Моя владычица...

— Что?

— Владычица моего сердца.

И — поцелуй. Наш первый поцелуй. На вершине холма — небо над головой и весь мир у ног. Один из множества миров — и все миры разом.

ЭПИЛОГ

Теперь, пятнадцать лет спустя, я удивляюсь: как это я могла сомневаться, что Рэйм — моя судьба?

Более чуткого, нежного, любящего супруга и представить себе невозможно.

Годы рука об руку — от захватывающих путешествий по разным мирам до управления огромной страной.

Да, я стала Владычицей — первой за последние несколько сотен лет. Потому что — Тень, прошедшая все ритуалы. Только в этом случае супругу Владыки коронуют, и она получает титул Владычицы, становясь равной мужу.

Считается, что я разделяю с супругом бремя власти. На самом деле он меня щадит, избавляя от участия в самом тяжелом и неприятном. Что поделаешь, власть — это не только почести, но и обязанности, которых не избежать.

Мне нравится, что мои мужчины меня берегут. Не только супруг.

И Ирье, давно и счастливо женатый на той самой девочке, с которой я его однажды застала наедине.

И мой старший сын, во всем подражающий отцу. Он уже прошел второй ритуал и вовсю овладевает искусством быть Тенью. И мечтает о том, что однажды отец возьмет его в путешествие по другим мирам.

Младший тоже бережет. На свой лад.

Недавно ему довелось подслушать не предназначенный для его ушей разговор о даре Арнастры, и сын понял, что я не хочу этот дар принимать, но чувствую себя обязанной богине.

Что делают настоящие мужчины, чтобы защитить своих женщин? Правильно, встают между ними и опасностью. Мой маленький, но, несомненно, настоящий мужчина так и поступил: стащил из моей шкатулки сферу с перстнем Плетельщиков и отправился в храм, чтобы предстать перед богиней.

Как я поняла, Арнастра отвесила ему шлепок и отправила восвояси, велев приходить, когда вырастет. Если не передумает, конечно.

Перстень вернулся в шкатулку, мальчик — домой, однако на этом дело не кончилось. Уж не знаю, о чем еще говорила с ним богиня, но на следующий день несостоявшийся слуга божий заявил, что у него теперь есть невеста. Суженая. Провидение это или фантазия, выяснить пока не удалось, но я не печалюсь: младшая дочь 'тети Нэл' только-только вылезла из пеленок и делает первые шаги, время у нас еще есть.

Нэл... Мы по-прежнему дружны, но той мистической связи, что позволяла мне получать от нее послания во сне, между нами больше нет. Личные письма от королевы Тауналя я получаю обычной магической почтой.

Равно как и послания Дрозда, который уже несколько лет возглавляет клан Теней. У него много вопросов, на которые он пока не находит ответов. Полагаю, эти поиски рано или поздно приведут его к грани, главное — не давить и не торопить. Такие решения люди принимают сами.

И мастер Лист пишет мне иногда — он все тот же, все там же. Однажды он сказал, что мы с Ирье — это надежда на то, что у Теней есть будущее. Что ж, тихие учителя и целители порой куда дальновиднее вождей.

Но ни Лист, ни Дрозд не знают, что пишут Владычице Нимтиори. Некоторые тайны должны оставаться тайнами. До поры.

А вот Бьярта как-то догадалась. Мы ни разу не встречались с ней за все эти годы, но через три месяца после свадьбы я получила короткую записку, всего несколько слов: 'Рада за тебя, девочка. Б.С.'

... Кто-то скажет: тебя растили с оружием в руках, а ты променяла путь свободного воина на золотую клетку и женскую суету.

А я отвечу: меня растили для куда более тесной клетки, меня ждала участь раба, который не волен в своем пути, а я обрела свободу и сделала собственный выбор. И если кто-то считает этот выбор ошибочным, пусть попробует убедить меня в этом. Я готова отстаивать свою нынешнюю жизнь — не только на словах, но и с оружием в руках.

Конец.

Больше книг на сайте - Knigolub.net